

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 4 (41)
2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ СП;

Ю Синода, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Леонтьева

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT

№ 4 (41)

2015

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 41
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Counsellor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S.V., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A.A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtumyan A.Y., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T.N., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu.V., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Sheremet I.A., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*

Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*

Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V.G., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A.M., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*

Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Leont'yeva A.

© Group of Authors, 2015
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Гриб В.В., ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ.....	11
Бажанов С.В., ПРИНЦИПЫ РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	16
Пашенцев Д.А., ФРАНЦУЗСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	20
Шамаров В.М., Казаков В.Н., ПРАВО ЧЕЛОВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	24
Кикнадзе В.Г., ГЕНЕЗИС ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ.....	29
Ефремова И.А., ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ И ИРАНСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	37
Кудрин С.М., Кудрин А.С., К ВОПРОСУ ОБ АНТИПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ НА ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	41
Чистова Л.Е., СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....	47
Михалёв А.В., К ВОПРОСУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	51
Абгаров С.С., СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: МЕЖДУНАРОДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА.....	54
Габрилович М.А., ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЕМЫХ (ИЗ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОГО БЮРО г. МОСКВЫ «ОШЕРОВ, ОНИСКОВЕЦ И ПАРТНЕРЫ»).....	60
Скребнева Н.А., ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	64
Шамаров П.В., К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ.....	69

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Рагулина Ю.В., ПРИНЦИПЫ АУДИТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ.....	75
--	----

Урмина И.А., ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ.....	80
Кондратьева Е.А., ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В РОССИИ	84
Мирохина А.А., КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	92
Ольховик И.В., ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА	100
Корнилович В.А., ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	106

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Харченко Л.Н., Бабаева Э.С., ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ	115
Лищина Г.Н., Глотов О.А., ЗНАЧИМОСТЬ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	121
Баширова М.А., Сеидова Р.С., ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ	126
Шкурко Н.М., Козьяков Р.В., ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВИСИМЫХ МУЖЧИН В ЗРЕЛОСТИ.....	133
Алиева Ф.Р., ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	141
Ажиев А.В., Гадаборшева З.И., СУБЪЕКТ-СРЕДОВАЯ ПАРАДИГМА ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ВУЗЕ	146
Костина Е.А., КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ	152
Захарова О.А., СИСТЕМА НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ В СЕТЕВОМ ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	157
Агарагимова В.К., Гасанова С.С.-Г., Кабардиева Ф.А., САМООБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	164
Сенкевич Л.В., ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ ПРИ ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ	168

Борисова Е.Н., ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЫКАНТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	175
Прилепских О.С., Торикова Е.Ф., Францева Е.Н., Чернова М.А., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА «ГРУППЫ РИСКА»	183
Абдулкадырова З.А., МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА	189

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Grib V., PUBLIC INTEGRITY AT THE PRESENT STAGE: ISSUES OF LEGAL DEVELOPMENT	11
Bazhanov S., PRINCIPLES OF INVESTIGATIVE ACTIVITY	16
Pashentsev D., FRENCH CONSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION	20
Shamarov V., Kazakov V., HUMAN RIGHT: PROBLEM STATEMENT	24
Kiknadze V., THE GENESIS OF LAW AND MANAGEMENT IN THE FIELD OF COUNTERACTION TO ATTEMPTS TO FALSIFY AND DISTORT HISTORY TO DETRIMENT OF RUSSIA'S INTERESTS	29
Efremova I., INSTITUTE OF RELIEF FROM PUNISHMENT UNDER THE RUSSIAN AND IRANIAN CRIMINAL LEGISLATION: COMPARATIVE ASPECT	37
Kudrin S., Kudrin A., REVISITING ANTI-LEGAL IMPACT OF SOCIAL PARTNERS ON THE LABOUR RELATIONS.....	41
Chistova L., THE NATURE AND TASKS OF VIEW OF PLACE OF OCCURRENCE BY CASES OF SMUGGLING NARCOTIC DRUGS	47
Mikhalev A., REVISITING A PRELIMINARY STUDY OF TRACE INFORMATION AT THE CRIME SCENE	51
Abgarov S., RATHER-LEGAL ANALYSIS OF FORMS OF PARLIAMENTARY CONTROL IN CURRENT CONTEXT: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE	54
Gabrilovich M., EXPERIENCE IN THE USING RESULTS OF MEDICO-LEGAL ASSESSMENT IN ORGANIZING PROTECTION OF ACCUSED PERSONS (PRACTICE OF MOSCOW LAWYER BUREAU "OSHEROV, ONISKOVETS & PARTNERS")	60
Skrebneva N., TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE MEDICAL MATTERS	64
Shamarov P., REVISITING THE ACTIVITY OF INTERNATIONAL TRIBUNAL FOR THE FORMER YUGOSLAVIA	69

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Ragulina Yu., AUDITING PRINCIPLES OF GOVERNMENT PROGRAMS	75
Urmina I., ORGANIZATIONAL-MANAGERIAL ASPECTS OF THE STATE CULTURAL POLICY REALIZATION	80

Kondrat'eva E., THE PROBLEMS OF COUNTERACTION TO LAUNDERING PROCEEDS AND FINANCING OF TERRORISM: CONDITIONS AND FACTORS OF LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS IN RUSSIA	84
Mirokhina A., CONCEPTUAL-METHODOLOGICAL ELEMENTS OF THE MONITORING SYSTEM OF SPATIAL-ECONOMIC GROWTH OF THE REGION	92
Ol'khovik I., THE PRINCIPLES OF ECONOMICAL INCENTIVES OF INNOVATION ACTIVITY AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION	100
Kornilovich V., TECHNOLOGIES OF DISTRIBUTED EXPERT ACTIVITY IN THE SYSTEM OF STATE STRATEGIC MANAGEMENT	106

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Kharchenko L., Babaeva E., PSYCHO-PEDAGOGICAL POTENTIAL OF INTEGRATED TRAINING PROGRAMS	115
Lishchina G., Glotov O., THE IMPORTANCE OF THE COMPETENCE APPROACH IN THE SYSTEM OF TRAINING MANAGER OF SOCIAL SERVICES	121
Bashirova M., Seidova R., SOCIALIZATION PROBLEMS OF THE GIFTED CHILDREN	126
Shkurko N., Koz'yakov R., INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF DEPENDENT MEN IN MATURITY.....	133
Alieva F., THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES TO THE EDUCATION ORGANIZATION OF STUDENT YOUTH IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL EDUCATION IDEAS	141
Azhiev A., Gadaborsheva Z., SUBJECT-ENVIRONMENTAL PARADIGM OF BUILDING PSYCHOLOGICAL PRACTICE IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION.....	146
Kostina E., CROSS-CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT PEDAGOGICAL HIGH EDUCATION INSTITUTIONS OF RUSSIA: NECESSITY AND REALITY	152
Zakharova O., THE SYSTEM OF INDEPENDENT ASSESSMENT OF KNOWLEDGE IN NETWORKING PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TECHNICIANS	157
Agaragimova V., Gasanova S., Kabardieva F., SELF-EDUCATION AS A MEANS OF IMPROVING PROFESSIONAL COMPETENCE OF INTENDED EDUCATORS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING.....	164
Senkevich L., CORRELATION TO DEATH WITH DEVIANT BEHAVIOR AT VARIOUS AGE STAGES	168
Borisova E., PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPONENT OF THE TEACHING MUSICIAN IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING	175

Prilepskikh O., Torikova E., Frantseva E., Chernova M.,	
TOPICAL ISSUES OF DIAGNOSIS OF THE YOUNG CHILDREN AT "RISK GROUP"	183
Abdulkadyrova Z.,	
MODEL OF THE FORMATION PROCESS OF A REFLEXIVE POSITION	
OF INTENDED EDUCATOR-PSYCHOLOGIST	189

Гриб В.В.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского общества Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, президент Российской ассоциации общественного контроля

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется процесс развития системы общественного контроля: принятие Федеральных законов, Концепций, Национальных стратегий, а также образование Общественной палаты РФ. Оценивается значимость и эффективность нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: общественный контроль, Общественная палата РФ, Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

Grib V.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Civil Society of the Moscow State Institute of International Relations (University) belongs to the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the President of the Russian Association of Public Integrity

PUBLIC INTEGRITY AT THE PRESENT STAGE: ISSUES OF LEGAL DEVELOPMENT

The article is analyzed the following process of development of public integrity system: the adoption of Federal Laws, Conceptions, National strategies, as well as establishing The Public Chamber of the Russian Federation. In the article there is evaluated the relevance and efficiency of regulatory legal acts.

Keywords: public integrity, the Public Chamber of the Russian Federation, Federal Law "On public integrity over ensuring human rights at places of forced imprisonment and on assistance to persons held at places of forced imprisonment", Federal Law "On fundamentals of public integrity in the Russian Federation"

Современный период развития общественного контроля связан со становлением молодого Российского государства и признанием прав и свобод российских граждан.

Одним из первых законов, давших толчок к возрождению общественного контроля в России, стал Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», где впервые было закреплено право граждан на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц.

Вместе с тем основным законом, заложившим функциональные основы для последующего развития общественного контроля в России, по праву является Конституция РФ 1993 г. Так, концептуальная возможность осуществления общественного контроля над государственными органами нашла свое закрепление в ст. 1–3 Конституции РФ:

– Российская Федерация – Россия есть демократическое государство с республиканской формой правления;

– человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства;

– носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. *Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.*

В ст. 13 Конституции РФ закладывается идеологическая база для реализации общественного контроля:

– в Российской Федерации признается идеологическое многообразие;

– никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной;

– в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

Кроме того, Конституция РФ закрепила ряд прав граждан, лежащих в основе общественного контроля: право граждан Российской Федерации на управление делами государства (ст. 32 Конституции РФ), право граждан на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), право граждан на объединение (ст. 30 Конституции РФ), право граждан собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 31 Конституции РФ), право граждан обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ).

Знаковой вехой становления общественного контроля в России стало принятие Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [1], который стал базовым актом для развития институтов гражданского общества в нашей стране и наделения ряда из них контрольными полномочиями. Так, интересно отметить последовательное принятие таких нормативных правовых актов, как Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2], Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3], Федеральный закон от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» [4].

Настоящим прорывом в истории становления общественного контроля представляется принятие Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [5], закрепившего широкий комплекс прав граждан и общественных организаций (объединений) в области экологической экспертизы, одной из основных форм общественного контроля. Ценность и прогрессивность данного закона обусловлены тем, что практически в условиях полного отсутствия правовых норм, закрепляющих основы общественного контроля, в данном законе нашли свое отражение специальные механизмы осуществления общественного контроля, по сути получившие полноценное правовое закрепление лишь в 2014 г. с принятием Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ».

Дальнейшее развитие общественного контроля в России проходило непросто. Так, в 1996 г. депутаты Государственной Думы РФ внесли проект Федерального закона № 96700363 «Об общественном контроле за проведением выборов и об открытости и гласности подведения итогов голосования». Данный законопро-

ект был принят в трех чтениях, однако был отклонен Советом Федерации. Принятие данного закона могло бы значительно расширить права институтов гражданского общества наблюдать за избирательными процессами, которые и по сегодняшний день находятся практически вне контроля общественности.

Важным шагом в развитии общественного контроля над судебной властью стало принятие Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [6], в соответствии с которым в состав Высшей квалификационной коллегии судей и квалификационных коллегий судей субъектов РФ вошли представители общественности.

Развитие системы общественного контроля неразрывно связано с формами непосредственной демократии, которые получили свое закрепление в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] (местный референдум, муниципальные выборы, отзыв депутата, сход граждан, правотворческая инициатива, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан и другие формы).

Значительное влияние на дальнейшее развитие общественного контроля оказало принятие Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [8], закрепившего правовой статус одного из основных субъектов общественного контроля – Общественной палаты РФ, роль и значение которой трудно переоценить.

Образование Общественной палаты РФ заложило предпосылки создания новых субъектов общественного контроля – общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. Такие предпосылки в полной мере нашли свою реализацию с принятием Постановления Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных служб и федеральных агентств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» [9]. Интересно отметить, что общественные советы за свою историю прошли путь от декоративных консультативных органов до полноценных субъектов общественного контроля.

Определенный вектор развития общественного контроля был задан принятием Концепции ад-

министративной реформы в РФ в 2006–2008 гг., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р. В частности, в соответствии с концепцией планировалась реализация следующих направлений:

- введение механизма досудебного обжалования гражданами и организациями действий и решений органов исполнительной власти и должностных лиц;
- внедрение практики антикоррупционной экспертизы законопроектов, иных нормативных правовых актов;
- внедрение стандартов государственных услуг;
- повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти.

В целях реализации данной концепции был принят ряд нормативных правовых актов, среди которых можно назвать Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации» [10], Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [11], Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [12], Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [13], Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [14].

Интересно отметить, что, несмотря на некоторые успехи в принятии специальных законов, разрозненно закрепляющих те или иные правовые аспекты общественного контроля, процесс правового закрепления основ общественного контроля все еще сталкивался с определенными трудностями. Так, в 2007 г. группа депутатов, в том числе Виктор Алкснис и Сергей Бабурин, внесла в Государственную Думу РФ проект закона № 478630-4 с наименованием, аналогичным советскому закону 1979 г. «О народном контроле». Согласно проекту предусматривалось создание государственного органа – Комитета народного контроля РФ, также аналогичного одноименному советскому органу. Однако проект был возвращен авторам для доработки, в частности для получения заключения Правительства РФ. Депутаты, к сожалению, не стали устранять указанные им недостатки, и законопроект так и не поступил на рассмотрение Государственной Думы РФ.

Также непросто складывается судьба законопроекта № 3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся

без попечения родителей», который, несмотря на то что был внесен Президентом РФ и принят 15 февраля 2012 г. Государственной Думой РФ в первом чтении, уже четыре года остается без рассмотрения. Ряд общественных инициатив, в том числе по разработке и принятию Федерального закона «Об общественной экспертизе», несмотря на широкую общественную поддержку, также до сих пор не получили законодательного закрепления.

Значительное влияние на развитие общественного контроля оказало принятие Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [15], работа над которым велась в течение практически восьми лет и который, по сути, явился одним из первых специальных законов в сфере общественного контроля. Благодаря данному закону была создана целая система общественного контроля в пенитенциарной сфере, закреплена правовая статус субъектов общественного контроля в лице общественных наблюдательных комиссий.

Цели по развитию общественного контроля были зафиксированы в Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг., утвержденных Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460, и Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 гг., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р.

Особенности реализации общественного контроля нашли свое отражение в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [16] и Указе Президента РФ от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» [17], позволившие вовлечь представителей общественности в осуществление общественного контроля за деятельностью полиции непосредственно с низового уровня.

Знаковым этапом в развитии общественного контроля за законотворческим процессом стал Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», который, по сути, закрепил новую форму общественного контроля. В дальнейшем данная инициатива нашла свое развитие с принятием Указа Президента РФ от 4 марта

2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [18].

На сегодняшний день наиболее значимым представляется принятие Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [19].

Важно отметить, что принятие данного закона обусловлено уже давно назревшей необходимостью законодательного закрепления основ общественного контроля, а также достаточно бурным развитием регионального законодательства. Так, интересно отметить региональные законы об общественных палатах субъектов РФ, которые наделялись самостоятельными полномочиями в сфере общественного контроля. Более того, принятие Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» было предопределено принятием специальных региональных законов, а именно Закона Пермского края от 21.12.2011 № 888-ПК «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае» [20] и Закона Республики Саха (Якутия) от 30.04.2014 1305-З № 167-V «Об общественном контроле в Республике Саха (Якутия)» [21].

Ценность Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» заключается в том, что он открыл большие перспективы для дальнейшего развития общественного контроля. Так, Федеральный закон заложил фундамент для построения регионального и специального законодательства об общественном контроле, приведения в соответствие с указанным законом десятков нормативных правовых актов и для развития муниципального правотворчества в этой сфере.

Вместе с тем Федеральный закон «Об основах общественного контроля в РФ», к сожалению, реально не охватил всей системы общественного контроля и не учел всего накопленного опыта.

Во-первых, указанный федеральный закон необоснованно ограничил перечень субъектов общественного контроля.

Так, законодатель не закрепил в качестве субъектов общественного контроля граждан РФ и общественные организации, которые на протяжении всей российской и мировой истории развития общественного и гражданского контроля де-факто и де-юре составляют основу контроля, осуществляемого обществом за деятельностью публичной власти. Анализ законодательства показывает, что именно активные граждане и общественные организации являются ключевыми субъектами общественного контроля вне

зависимости от их закрепления в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в РФ». Так, ч. 1 ст. 32 Конституции РФ предусматривает, что граждане РФ принимают участие в управлении делами государства непосредственно либо через органы государственной власти. Контроль является важнейшей составляющей процесса управления. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, управляя делами государства посредством реализации форм непосредственной демократии (выборы, референдум, отзыв выборных лиц, правотворческая инициатива и др.), граждане реализуют в том числе и контрольную функцию.

Кроме того, законодатель не включил в перечень субъектов общественного контроля такие важнейшие институты гражданского общества, как СМИ, адвокатуру и уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, по правам коренных малочисленных народов. Так, журналистские расследования, с учетом количества СМИ, их влияния на государственные органы и органы местного самоуправления и предоставленной им правовой защиты (журналистская тайна), на сегодняшний день являются гораздо эффективнее и популярнее общественной проверки. Адвокатский запрос сегодня только получает свое фактическое и юридическое признание, однако со временем он вполне может стать эффективной формой общественного контроля. В свою очередь уполномоченные по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, по правам коренных малочисленных народов, обладая правом инициирования отдельных форм общественного контроля, активно способствуют восстановлению нарушенных прав, совершенствованию российского законодательства о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами.

Во-вторых, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в РФ» необоснованно ограничил перечень объектов общественного контроля.

Так, из числа объектов общественного контроля исключена президентская власть. Указы Президента РФ не подлежат общественному обсуждению и общественной экспертизе, хотя федеральные законы, обладая большей юридической силой, таковые процедуры проходят.

Также, по смыслу Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ», из системы общественного контроля выпали такие объекты общественного контроля, как Следственный комитет РФ и Генеральная прокуратура РФ, что представляется не вполне оправданным и логичным, ведь в МВД РФ, ФСБ

РФ и даже МО РФ созданы и действуют общественные советы. Более того, из сферы общественного контроля исключены Центральный банк РФ и Счетная палата РФ – ключевые органы финансовой, контрольной и бюджетной сферы нашего государства, которые сами наделены контрольно-надзорными полномочиями и, соответственно, сами должны быть открыты и подотчетны обществу.

В-третьих, из действия Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ» исклю-

чены такие ключевые сферы деятельности, как судебная, правоохранительная, оборонная, банковская, избирательная.

Тем не менее на сегодняшний день можно констатировать начало процесса становления основ общественного контроля. Успех дальнейшего развития общественного контроля и совершенствования правовой базы будет зависеть как от заинтересованности органов государственной власти, так и от активности институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1930.
2. Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.
3. Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 148.
4. Собрание законодательства РФ. 20.04.1998. № 16. Ст. 1801.
5. Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. Ст. 4556.
6. Собрание законодательства РФ. 18.03.2002. № 11. Ст. 1022.
7. Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
8. Собрание законодательства РФ. 11.04.2005. № 15. Ст. 1277.
9. Собрание законодательства РФ. 08.08.2005. № 32. Ст. 3322.
10. Собрание законодательства РФ. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.
11. Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
12. Собрание законодательства РФ. 09.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
13. Собрание законодательства РФ. 16.02.2009. № 7. Ст. 776.
14. Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3609.
15. Собрание законодательства РФ. 16.06.2008. № 24. Ст. 2789.
16. Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.
17. Собрание законодательства РФ. 30.05.2011. № 22. Ст. 3154.
18. Собрание законодательства РФ. 11.03.2013. № 10. Ст. 1019.
19. Собрание законодательства РФ. 28.07.2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
20. Собрание законодательства Пермского края. 22.12.2011. № 12.
21. Якутские ведомости. 24.05.2014. № 30.

Reference list

1. Official Gazette of the Russian Federation. 22.05.1995. № 21. Art. 1930.
2. Official Gazette of the Russian Federation. 15.01.1996. № 3. Art. 145.
3. Official Gazette of the Russian Federation. 15.01.1996. № 3. Art. 148.
4. Official Gazette of the Russian Federation. 20.04.1998. № 16. Art. 1801.
5. Official Gazette of the Russian Federation. 27.11.1995. № 48. Art. 4556.
6. Official Gazette of the Russian Federation. 18.03.2002. № 11. Art. 1022.
7. Official Gazette of the Russian Federation. 06.10.2003. № 40. Art. 3822.
8. Official Gazette of the Russian Federation. 11.04.2005. № 15. Art. 1277.
9. Official Gazette of the Russian Federation. 08.08.2005. № 32. Art. 3322.
10. Official Gazette of the Russian Federation. 08.05.2006. № 19. Art. 2060.
11. Official Gazette of the Russian Federation. 29.12.2008. № 52 (Part1). Art. 6228.
12. Official Gazette of the Russian Federation. 09.12.2008. № 52 (Part1). Art. 6217.
13. Official Gazette of the Russian Federation. 16.02.2009. № 7. Art. 776.
14. Official Gazette of the Russian Federation. 20.07.2009. № 29. Art. 3609.
15. Official Gazette of the Russian Federation. 16.06.2008. № 24. Art. 2789.
16. Official Gazette of the Russian Federation. 14.02.2011. № 7. Art. 900.
17. Official Gazette of the Russian Federation. 30.05.2011. № 22. Art. 3154.
18. Official Gazette of the Russian Federation. 11.03.2013. № 10. Art. 1019.
19. Official Gazette of the Russian Federation. 28.07.2014. № 30 (Part I). Art. 4213.
20. Official Gazette of the Perm Kray. 22.12.2011. № 12.
21. Yakutskie Vedomosti. 24.05.2014. № 30.

УДК 343

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств

ПРИНЦИПЫ РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются наиболее общие руководящие правовые начала организации розыска подозреваемых – осужденных в различных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, розыск, уголовный процесс

Bazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of Department of Prosecutorial Supervision Issues and Consolidation of Legality in the Economic Sphere of Research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice, Academician of the Peter's Academy of Arts and Sciences

PRINCIPLES OF INVESTIGATIVE ACTIVITY

This article is discussed the most general managing legal principles for the organization of the search of suspected persons who have been convicted at multiple stages of criminal process.

Keywords: suspected person, accused person, convicted defendant, convicted person, search, criminal process

Под принципами в общей теории права принято понимать объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми строится система права, правовое регулирование в обществе. В некоторых научных трудах обращается внимание на взаимосвязь этих начал с содержанием и сущностью права. Первое свидетельствует о том, что представляет собою право как социальное явление, второе – чью волю оно выражает. Считается, что принципы права раскрывают характер организации и структуру правового регулирования, а также то, какие научные идеи лежат в основе последнего. Правовые принципы удачно сравниваются с идеями, фиксирующими представление о том, каким право должно быть, об идеале как цели права [1].

Тем не менее в юридической литературе рассматриваемое понятие трактуется по-разному; отдельные авторы связывают его с правосознанием, господствующим в обществе, делая акцент на предшествовании принципов процессу создания системы права (Е.А. Лукашева). Другие подчеркивают нормативность принципов, связывая их с непосредственным содержанием действующего права (С.С. Алексеев, О.В. Смирнов). По мнению Ф.Н. Фаткуллина, под правовыми принципами следует подразумевать те исходные руководящие начала (положения, идеи), которые пронизывают правовую надстройку (полно-

стью – с правосознания до ее элементов), образуемую при реализации норм действующего права [2].

Говоря о принципах правового сознания, А.Б. Наумов полагает, что они представляют собой принципы-идеалы, принципы-гипотезы законодателя, которые выводятся из нормативных правовых актов; они представляют опыт их декларирования в соответствующих правовых нормах (удачный, менее удачный, неудачный), в силу чего совпадение тех и других не является обязательным. Принципы реализации правовых норм, завершает он свою мысль, объединяют принципы правосознания, предшествующие образованию писаного права, и принципы «обновленного» правосознания, вытекавшие из первоначальных представлений о будущем праве, из фактического его содержания [3].

Преломляя изложенное в плоскость принципов розыска (разыскной деятельности), следует учитывать двуединый характер последнего, поскольку его нормативную правовую основу составляют, как минимум, УПК РФ и Федеральный закон от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]. В силу этого целесообразно осознавать, что розыскная деятельность должна строиться с учетом основополагающих и руководящих правовых идей, закрепленных в нормах соответствующего федерального законодательства; при этом смысл их декларирования заклю-

чается не только в официальном провозглашении, но и в формальном удостоверении того, что в случае необходимости может быть подвергнуто проверке и объективной оценке, прежде всего в ходе (вне-) ведомственного, в том числе судебного, контроля и прокурорского надзора.

Некоторые отраслевые принципы, например уголовного процесса, могут выступать «под личиной» конституционных (межотраслевых) и известным образом обуславливать алгоритм профессиональной деятельности его субъектов в различных стадиях, другие же проявляются избирательно. Так, состязательность наиболее типична для стадии судебного разбирательства, и механическое ее перенесение в другие стадии, в частности, предварительного расследования, представляется недопустимым. Другие принципы характерны для любой стадии уголовного процесса (законность). Особенности их проявления определяются задачами, стоящими перед осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность государственными органами и должностными лицами, которые должны осознавать, что при толковании любого принципа недопустим формалистский подход, сводящийся к излишне свободной интерпретации его юридической формулы.

В теории уголовно-процессуального права под принципами принято понимать основные правовые положения (нормы общего и руководящего значения), определяющие построение всех стадий, форм и институтов уголовного процесса и обеспечивающие выполнение стоящих перед ним задач [5]. Наиболее удачно данную точку зрения выразила профессор Л.Т. Ульянова, пришедшая к выводу, что рассматриваемая правовая категория должна отвечать ряду признаков:

а) принципами могут быть не любые, произвольные выбранные взгляды на нормы и методы судопроизводства, а лишь те, которые соответствуют социально-экономическим условиям развития общества;

б) задачи уголовного процесса могут быть реализованы в условиях организации расследования и рассмотрения уголовных дел на демократических принципах;

в) принципами процесса являются руководящие идеи, нашедшие закрепление в нормах права [6].

Профессор В.П. Божьев выделяет конституционные принципы уголовного процесса, подразумевая под ними закрепленные в Основном законе страны основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность и характер. В качестве таковых он выделяет принципы законности, публичности, независимости судей,

осуществления правосудия только судом, всеобщего равенства перед законом и судом, неприкосновенности личности и жилища, охраны чести и достоинства личности, презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, оценки доказательств по внутреннему убеждению, состязательности и равноправия сторон, гласности, непосредственности и устности судебного разбирательства, обеспечения пользования родным языком в ходе судопроизводства, свободы обжалования, участия граждан в уголовном судопроизводстве [7].

Таким образом, под принципами уголовного процесса подразумеваются закрепленные в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией, в Конституции Российской Федерации, УПК Российской Федерации, других федеральных, в том числе конституционных, законах основополагающие, руководящие правовые идеи (положения, начала), обеспечивающие достижение его назначения.

Действующий УПК РФ принципы уголовного процесса провозглашает в главе 2, которая так и называется «Принципы уголовного судопроизводства»: «Назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6), «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6.1), «Законность при производстве по уголовному делу» (ст. 7), «Осуществление правосудия только судом» (ст. 8), «Независимость судей» (ст. 8.1), «Уважение чести и достоинства личности» (ст. 9), «Неприкосновенность личности» (ст. 10), «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ст. 11), «Неприкосновенность жилища» (ст. 12), «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 13), «Презумпция невиновности» (ст. 14), «Состязательность сторон» (ст. 15), «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» (ст. 16), «Свобода оценки доказательств» (ст. 17), «Язык уголовного судопроизводства» (ст. 18) и «Право на обжалование процессуальных действий и решений» (ст. 19).

Перечисленные принципы в той или иной мере затрагивают и разыскную деятельность следователя (дознателя), отдельные вопросы которой регламентированы, главным образом, в п. 36.1 и 38 ст. 5, а также ст. 208–211 УПК РФ.

В то же время в юридической литературе наличествует мнение о необходимости различения понятий «принципы» и «условия», предполагающее потребность в выработке единого научного подхода к рассматриваемой юридической категории. Действи-

тельно, если принцип – основное, руководящее, исходное положение, на котором строится любая система, в том числе и розыскная деятельность, то условие – обстоятельство, позволяющее эффективнее решать подобающие задачи. Иначе говоря, условие – это правило (обстановка, договоренность), способствующее соблюдению декларируемых принципов. К такому выводу приходит, в частности, А.П. Кузнецов, полагающий, что принцип по отношению к условию является первичным. Даже семантическое значение слов «принцип» и «условие», считает он, разное [8].

Аналогичная ситуация обнаруживается при анализе норм Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], который среди задач оперативно-розыскной деятельности выделяет осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также без вести пропавших (ст. 2).

В ст. 3 названного федерального закона представлены конституционные принципы оперативно-розыскной деятельности, к числу которых отнесены: законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, конспирация и сочетание гласных и негласных методов и средств, которые определяют основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, в числе которых – ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания, а также без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов (п. 3 и 4 ч. 2 ст. 7).

В качестве принципов розыска (розыскной деятельности) в предыдущих своих работах автор настоящей статьи выделял: законность, точность исходной информации, планомерность, непрерывность, конспиративность и оперативность в организации и проведении. Требование непрерывности предполагает, что розыскная деятельность выступает как разновидность так называемого уголовного преследования преступника «по горячим следам». Приостановить его – значит предоставить объекту розыска возможность оторваться от преследования, «замести», запутать следы. Следственно-оперативной практике, к сожалению, известно немало случаев, когда в результате необоснованного замедления розыскной деятельности на долгие годы терялась нить, ведущая к скрывшемуся от следствия и суда подозреваемому – осужденному. До некоторой степени этому способствовало (как способствует до настоящего времени)

несовершенство действующего российского уголовно-процессуального законодательства, запрещающего (в отличие от УПК РСФСР) производство по приостановленному уголовному делу любых следственных действий, в том числе и тех, которые направлены на установление места нахождения разыскиваемого.

Конспиративность розыска означает сохранение в тайне от объекта розыска и связанных с ним лиц (родственников, «подельников») организационных основ и тактики розыскных действий, их результатов, а также факта использования негласных методов и средств. Игнорирование этого правила в состоянии спугнуть преступника, в результате чего он переместит не только место своего нахождения, но и приемы маскировки (например, перейдет на нелегальное положение).

Принцип оперативности отражает быстроту в осуществлении розыскных действий и гибкость их планирования с учетом постоянно меняющейся обстановки расследования [9].

Сказанное, однако, позволяет усомниться в целесообразности отнесения к числу принципов розыскной деятельности таких предъявляемых к ней требований, как точность исходной информации, планомерность, непрерывность и оперативность в организации и проведении, являющихся, скорее, условиями наиболее рациональной ее организации. Обусловлено это тем, что нормативное правовое их закрепление в УПК РФ и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не дает решительно ничего для того, чтобы в ходе (вне-) ведомственного, в том числе судебного контроля, или прокурорского надзора компетентные должностные лица могли отследить соответствие решений и действий руководителей и сотрудников следственных и оперативно-розыскных органов предписанным в этой части нормам права. Действительно, как можно объективно оценить соблюдение такого, например, принципа розыскной деятельности, как непрерывность и оперативность?

Поэтому принципы розыска (розыскной деятельности), проистекающие из принципов уголовного и оперативно-розыскного процессов, подлежат дальнейшему научному исследованию в аспекте обоснования потребности в их легализации в соответствующих законодательных отраслях.

Практическое претворение принципов и условий розыскной деятельности распространяется не только на случаи, когда подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) скрылся от следствия или суда, но и когда место его нахождения неизвестно по иным

причинам. По данному основанию предварительное следствие приостанавливается, если изначально, например, с момента возбуждения уголовного дела и до привлечения лица в качестве обвиняемого, следствие не располагало данными о месте нахождения последнего или же если подозреваемый (обвиняемый) изменил место проживания уже в ходе расследования. При этом, как предполагается, он не знал о том, что в отношении него было принято соответствующее процессуальное решение, и не преследовал цели уклониться от органов предварительного расследования и суда.

Разграничение вышеназванных оснований к приостановлению предварительного следствия оправдано тем, что с каждым из них сопряжены различные правовые последствия. В частности, тот факт, что подозреваемый (обвиняемый) скрылся от след-

ствия, обуславливает возможность его задержания, избрания в отношении него более строгой меры пресечения или даже привлечения к уголовной ответственности (если уклонение было связано с побегом из-под стражи).

Кроме того, приходится считаться и с тем, что в случае сокрытия подозреваемого (обвиняемого) от следствия или суда предварительное следствие приостанавливается на неограниченный срок, поскольку течение срока давности привлечения к уголовной ответственности приостанавливается и возобновляется лишь после его задержания или явки (ч. 3 ст. 78 УК РФ). При неизвестности же места нахождения разыскиваемого по причинам, не связанным с сознательным его уклонением от следствия и суда, срок давности не приостанавливается, а по его истечении уголовное дело подлежит прекращению [10].

Список литературы

1. *Васильев А.М.* О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. – 1975. – № 3.
2. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980. Т. 1.
3. *Наумов А.В.* Реализация уголовного права и деятельность следователя: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983.
4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».
5. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 1995.
6. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996.
7. Уголовный процесс. Общая часть: учебник для учащихся вузов / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 1997.
8. *Кузнецов А.П.* Принципы взаимодействия: система и конкретизированная характеристика // Следователь. – 1996. – № 3.
9. *Басков В.И.* Оперативно-розыскная деятельность. М.: БЕК, 1997.
10. *Бажанов С.В.* Розыскная деятельность следователя (по обнаружению скрывшихся от следствия подозреваемых и обвиняемых): учебное пособие. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2010.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС «Консультант Плюс».

Reference list

1. *Vasil'ev A.* On legal ideas-principles // Soviet State and Law. – 1975. – № 3.
2. *Fatkullin F.* Issues of the general theory of the socialist legal superstructure. Kazan, 1980. Vol. 1.
3. *Naumov A.* The realization of the criminal law and the activity of the investigator: Textbook. Volgograd: The HIS of Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1983.
4. Federal Law of 12.08.1995 № 144-FL (new version from on 29.06.2015) "On operational-investigative activity" // Legal Reference System "Consultant Plus".
5. Criminal process: Textbook for higher education institutions / Under the editorship of P. Lupinskaya. M.: Lawyer, 1995.
6. Criminal process: Textbook for students of law higher education institutions and faculties / Under the editorship of K. Gutsenko. M.: Zertsalo, TEIS, 1996.
7. Criminal process: General part: Textbook for students of higher education institutions / Under the editorship of V. Bozh'ev. M.: Spark, 1997.
8. *Kuznetsov A.* Principles of interaction: The system and specific characteristics // The Investigator. – 1996. – № 3.
9. *Baskov V.* Operational-investigative activity. M.: BEK, 1997.
10. *Bazhanov S.* The search activity of the investigator (For detection of hide for suspected and accused persons from the investigation): Textbook. M.: Academy of Economic Security of MIA of Russia, 2010.
11. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL (as amended on 13.07.2015) // Legal Reference System "Consultant Plus".

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

ФРАНЦУЗСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье проанализированы особенности развития французского конституционализма в современных условиях. Показано влияние процессов европейской интеграции на динамику конституционализма во Франции.

Ключевые слова: конституционализм, Франция, европейская интеграция, либерализм, конституция, права человека

Pashentsev D.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

FRENCH CONSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION

The article is analyzed features of development of French constitutionalism in contemporary conditions. There is shown the influence of European integration processes on the dynamics of constitutionalism in France.

Keywords: constitutionalism, France, European integration, liberalism, constitution, human rights

Процессы европейской интеграции оказывают сложное и многоплановое воздействие на государственное и правовое развитие всех стран, которые объединились в новую Европу. Добровольно отдавая часть своего суверенитета вновь образованным надгосударственным структурам, европейские государства оказались перед угрозой утраты национальной идентичности, перед необходимостью корректировки собственных устоявшихся ценностей и привнесения в них нового смысла.

Традиционно базовой ценностью французского государства выступает конституционализм. При его оценке будем исходить из следующих постулатов:

1) конституционализм представляет собой комплексное, многоаспектное явление, которое включает в себя и политико-правовую концепцию, наполненную соответствующим содержанием, и политико-правовую практику, связанную с воплощением идей конституционного государства;

2) идеи конституционализма имеют универсальный характер и обычно включают в себя такие составляющие, как демократия, народовластие, права и свободы человека, разделение властей, политический плюрализм;

3) несмотря на универсальный характер конституционализма, можно с полным основанием гово-

рить о присущих ему национальных различиях. Как верно отмечает Б.Р. Сергазинов, «возникновение, формирование и развитие конституционализма в разных странах существенно различаются, меняя масштабы, содержательные акценты и формы проявления. Поэтому в каждой отдельно взятой стране теория и практика конституционализма имеют определенные различия, в силу чего наряду с конституционализмом вообще можно и даже правильно говорить об американском, французском, британском, японском, индийском и прочих конституционализмах» [5; 3].

Францию, наряду с Великобританией и Соединенными Штатами Америки, можно считать родиной идей конституционализма. Появление конституционализма как идеологии связано с развитием капитализма в Европе. Профессор В.Е. Чиркин отмечает: «Доктрина конституционализма стала разрабатываться в сочинениях просветителей XVII–XVIII вв. В их работах она связывалась прежде всего с требованием принятия конституции, которая, как говорилось, регулировала бы отношения власти и личности (человека и гражданина)...» [7; 19].

Особенностью французского конституционализма с самого момента зарождения стал его практический и разрушительный характер. Идеи французского конституционализма возникли как разруши-

тельная идеология, направленная на революционное свержение абсолютной монархии. Серия революций, прокатившихся в Европе под конституционными знаменами и вызвавшая войну террора, опиралась на лозунги свободы и равенства с добавлением масонского лозунга – братства. Во Франции это ярко проявилось в таком основополагающем документе, как Декларация прав человека и гражданина 1789 г., в основу которого была положена идея свободы: свобода личности, свобода слова, свобода убеждений. Стоит заметить, что в противовес данным принципам возник французский традиционализм, который затем превратился в консерватизм [4; 55–56].

Базовые идеи французского конституционализма в значительной мере совпадали с концепцией конституционализма американского [1]. Американский вариант конституционализма был направлен на борьбу с английским колониальным господством. Опираясь на конституционные идеи, в первую очередь идею свободы и равенства, американцы начали борьбу за свержение английской администрации, победили и построили собственное государство. При этом с самого начала американский конституционализм отличался двойными стандартами: свобода и равенство не для всех, а только для белых мужчин.

Разрушительный потенциал конституционализма является производным от либерализма как его важнейшей составной части. Либерализм – это индивидуализм, а индивидуализм разрушителен по своей природе. Если мы вслед за идеологами либерализма ставим интересы части (личности) выше, чем интересы целого (коллектива в той или иной его форме, включая государство), разрушение неизбежно. Либеральный универсализм, как отмечает И.Л. Честнов, на практике оборачивается «насилованным доминированием «золотого миллиарда». Тот, кто не соглашается, например, с индивидуалистическим пониманием прав человека, объявляется антидемократом и подвергается остракизму» [6; 148].

Возникает закономерный вопрос: может ли идеология, которая возникла как разрушительная, затем стать созидательной? Представляется, что для этого она должна в значительной степени трансформироваться, по крайней мере, внутренне, формально оставаясь прежней. Косвенно о деструктивном потенциале идей конституционализма во Франции свидетельствует и бурная послереволюционная история этой страны, включавшая смену семнадцати конституций. А в пользу идеи трансформации конституционализма говорит тот факт, что он стал формой легитимации власти во Франции как в период монархии, так и при республике [2; 107].

Послевоенная история Франции (вторая половина XX в.) дает нам пример трансформации идей конституционализма от деструктивной к созидательной направленности. Столкнувшись с проблемой построения сильного самостоятельного государства в условиях новейшего времени, Франция под давлением социалистов ввела в конституционную теорию и практику социальные ценности. В преамбуле Конституции Французской республики 1946 г. вслед за провозглашением приверженности базовым принципам Декларации прав человека и гражданина 1789 г. был провозглашен также ряд социально-экономических принципов, явно не соответствовавших конституционализму в его либеральном понимании. Среди них отметим право стачек, право вступать в профсоюзы, право трудящихся через своих представителей принимать участие в определении условий работы и руководстве предприятиями, требование общественной собственности на имеющие национальное значение предприятия, гарантии материального обеспечения и охраны здоровья матерям, детям и престарелым труженикам и т.д. В конституции говорилось: «Всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает черты национальной общественной службы или фактической монополии, должно стать коллективной собственностью» [3; 119]. Простое перечисление данных положений свидетельствует о том, что они противоречат основополагающим идеям конституционализма, более того, снижают степень его деструктивности.

Все нормы, связанные национальной ролью собственности с коллективной собственностью, с социальными правами, коллективным управлением предприятиями и профсоюзами, полностью противоречат самому духу либерализма с его концепцией «государства – ночного сторожа» и, как следствие, сущности конституционализма. Противоречие между правовым и социальным государством, вызывающее спор ученых, проявляется здесь вполне наглядно. Поэтому можно сказать, что положения преамбулы Конституции Франции 1946 г. стали отступлением от принципов либерализма и конституционализма, вызванным повышением роли социал-демократии в послевоенной Европе.

Конституция 1946 г. просуществовала недолго, ей на смену пришла новая Конституция 1958 г., действующая и сегодня. Но характерно, что в ней сохранилась преамбула предшествующей конституции со всеми ее социальными положениями. Французская нация осознала, что деструктивным идеям конституционализма для успешного существования

и развития государства следует противопоставить другие, созидательные идеи, которые будут способствовать сплочению здоровых сил общества, не допустят его полной атомизации на основе либеральных принципов.

Таким образом, можно полагать, что современный французский конституционализм имеет вполне ощутимый социал-демократический оттенок. Данное противоречие, с одной стороны, могло бы стать источником развития, с другой стороны, может привести и к краху существующего государственного режима.

Надо полагать, что подобная ситуация характерна не только для Франции, но и для некоторых других государств Европы. Системные проблемы, вызванные противоречием между конституционными идеями XVIII в. и социал-демократическими концепциями XIX–XX вв., создают потребность в новой парадигме развития, будь то национальная французская либо общеевропейская.

Сегодня Франция не является полностью уверенным государством, которое может определять свою собственную политику и идеологию. Процессы европейской интеграции оказывают сильное давление на французскую политику и традиционные национальные ценности. Брюссельская бюрократия, управляющая Европейским Союзом, твердо стоит на страже либерального конституционализма и доведенных до абсурда свобод человека. Если идея свободы индивидуума вступает в противоречие с традиционными ценностями христианской цивилизации, последние без колебаний отвергаются. Более того, под натиском идеи ложно понимаемой свободы как

вседозволенности и доведенной до абсурда «толерантности» происходит стремительное разрушение тех ценностей, на которых было построено здание европейской христианской цивилизации. Возникает некоторый парадокс: новая европейская общность строится на базе разрушительной по своей направленности концепции.

Франция оказалась перед сложной дилеммой: следовать дальше в русле новых европейских ценностей и разрушать собственную государственно-правовую идентичность либо пытаться отстаивать тот курс, который будет способствовать сохранению национального самосознания французского народа. Свидетельством противоречий, возникающих по этому поводу во французском обществе, стал существенный рост поддержки со стороны населения страны правой политической партии «Национальный фронт», которую возглавляет Марин Ле Пен. На выборах в Европарламент эта партия заняла во Франции первое место, получив 20,2% голосов [8].

Сможет ли Франция совместить принципы европейской интеграции и идеи либерального конституционализма с собственными интересами и национальными ценностями, покажет время. Представляется, что выход можно найти в научной разработке и последующем практическом внедрении конституционализма с новым содержанием. Он, с одной стороны, не может формально противоречить сложившимся международным стандартам, с другой стороны – должен соответствовать давно сложившимся в европейских странах правовым традициям, нести в себе созидательный, а не разрушительный потенциал.

Список литературы

1. Бочкарев С.В. Влияние идеологии французского Просвещения на формирование конституционализма // Правовая инициатива. – 2014. – № 1.
2. Бочкарев С.В. Особенности французского конституционализма: на примере конституционно-правовых институтов третьей республики // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12.
3. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.
4. Ростиславлев Д.А. Основатели западноевропейского консерватизма о правах человека и о демократической форме правления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 1.
5. Сергазинов Б.Р. К вопросу о теоретическом осмыслении конституционализма, конституционного процесса и конституционно-процессуальных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6.
6. Честнов И.Л. Онтология конституционализма: диалого-антропологический подход // Философия права и конституционализм: материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 2010.
7. Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. – М., 2002.

Reference list

1. Bochkarev S. The features of the French constitutionalism: Through the example of constitutional and legal institutions of the Third Republic // Eurasian Law Journal. – 2012. – № 12.

2. *Bochkarev S.* The influence of French Enlightenment ideology on the constitutionalism formation // Legal initiative. – 2014. – № 1.
3. *Chestnov I.* Ontology constitutionalism: Dialogue-anthropological approach // The philosophy of law and constitutionalism: Proceedings of the fourth philosophical and legal readings in memory of academician V. Nersesyants. M.: IGP RAS, 2010.
4. *Chirkin V.* Constitution: the Russian model. M., 2002.
5. Constitution of foreign countries: the United Kingdom, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan: Textbook. 8th edition, revised and enlarged edition. – M.: Infotropik Media, 2012.
6. *Rostislavlev D.* The founders of Western European conservatism about human rights and the democratic form of government // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Juridical sciences. – 2008. – № 1.
7. *Sergazinov B.* Revisiting the theoretical understanding of constitutionalism, constitutional process and constitutional - procedural legal relations // Constitutional and municipal law. – 2013. – № 6.

УДК 340

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права

Казаков В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского областного гуманитарного института

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сегодня как никогда требуется такое видение права, для которого мерой всех вещей выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного человека и гражданина. Речь идет не просто об учете, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. А это уже совершенно другой подход, выражающий принципиально иной взгляд на право. Именно на этот аспект понимания права человека обращается внимание в настоящей статье.

Ключевые слова: право, право человека, права человека, человек, лицо, гражданин, личность

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Kazakov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Moscow Regional Institute for the Humanities

HUMAN RIGHT: PROBLEM STATEMENT

Nowadays more than ever such a vision of law is required where the measures of all things are the welfare of socio-legal life of each person and citizen. It is not just consideration, respect for the interests of the individual, and about human dimension of law. And this totally different approach which is expressed a fundamentally different view on the law. The present article takes note specifically on this aspect of understanding human right.

Keywords: law, human right, human rights, human, person, citizen, individual

Методологическим подходом, на основе которого мы будем строить исследование феномена «право человека», должно стать различие между правом человека и правами человека, которое призвано указать на важнейшую мировоззренческую, идеологическую и практическую проблему – проблему права человека как основы права вообще. В контексте заявленной в настоящей статье проблемы необходимо обратить внимание на то, что право предлагает заместителей человека, превращая его в лицо и приписывая лицу способности (быть собственником, выполнять обязательства и т.п.). Но право лица и право человека – разные по сути, как и право гражданина. Человек – общесоциальное, философское понятие, лицо – юридическое понятие, гражданин – политическое понятие, личность – социологическое понятие.

Постановка данной проблемы весьма актуальна, и она постепенно находит своих приверженцев в современной отечественной правовой науке. Так, С.С. Алексеев по этому поводу пишет: «Уже из того обстоятельства, что неотъемлемые права человека охватывают не только сами по себе важнейшие социальные ценности высокого порядка (жизнь, свободу, достоинство и т.д.), но и непосредственно явления сугубо юридического характера, следует признать необходимость признания права человека не только в качестве субъективного, но и объективного права (курсив автора) – нормативного, институционального образования» [1, с. 668–669].

Права человека – не только равные возможности индивида, потому что эти возможности коренятся не только в человеке. В человеке это реальные способности притязать (т.е. его качества). В контексте

объективного права человека они предстают как его возможности, признанные государством. В.П. Малахов отмечает: «Привычка говорить о правах человека, а не о праве человека. Право предстает как совокупность норм и требований, т.е. в собирательном смысле. Право человека – совокупность его прав, точнее – их единство. Право человека есть то, что придает единство его правам» [2, с. 125–126].

Личность неустраима из контекста правовой жизни, поэтому невозможно что-то сказать о праве, не говоря о праве человека. Самое простое, самое точное и всем понятное, что можно сказать о праве человека, оно и есть в человеке, и с этим вынуждены считаться и считаются государство, должностные лица, окружающие и т.п. Еще И. Кант писал: «Высшей среди... обязанностей является глубокое уважение права других людей» [3, с. 306]. К сожалению, именно эта обязанность не принадлежит пока нашему государству.

Что же такого есть в человеке, с чем вынуждено считаться общество, власть, другие люди? В каждом обществе и в разные периоды его существования это «что-то» может быть совершенно разным. Известны такие общества и такие его исторические периоды, в которых праву человека вообще не остается места, власть не считается ни с чем в человеке, полностью подчиняет его себе.

Но когда это право человека, даже в самом ущемленном, самом неразвитом виде, все-таки существует, тогда в обществе обнаруживаются действительные базовые, абсолютные ценности, которые начинают составлять реальные социально-духовные цели государства, государственной власти; тогда мы в состоянии говорить что-то определенное о правовом обществе, о правовом государстве.

Что же представляет собой феномен «право человека»? В этой связи сошлемся на слова известного отечественного теоретика права, профессора С.С. Алексеева: «С рассматриваемых позиций важно сразу же отметить, что категория «право человека» («право людей») принципиально новая. Она характеризует иную плоскость правовой действительности и ее понимания, нежели «права человека», трактуемое в «личностном» ракурсе, т.е. в значении прав личности (хотя последнее – исходное звено, важнейшая и определяющая ее характеристика)» [1, с. 670].

Такое право может быть понято и реализовано только при условии, если мы выйдем за пределы юридического, в данном случае, без сомнения, излишне узкого понимания права. Это означает, что на одной только юридической основе решить проблему права

человека невозможно; разве что удастся его более или менее убедительно продекларировать.

Содержание права человека составляют три группы прав: первая – права, называемые естественными, вторая – предоставленные права, третья – права добытые, приобретенные индивидуально или коллективно. Их структура и степень значительности той или иной группы прав характеризуют право человека в его индивидуальности.

Естественные права присущи человеку «по умолчанию», в силу самого факта существования человека; они функционируют как ценностные установки. Их действительность в общественном сознании связана уже с самим фактом их провозглашения, а уж тем более – с их конституционным закреплением. Осуществляются они не прямо, а посредством распространенных в конкретном обществе механизмов конкретизации. Интересно интерпретирует естественные права Р. Дворкин. Он дает им негативное определение, а именно представляет их как такое право, которое не является продуктом законодательства или договора [4].

Естественные права реализуются главным образом посредством совокупности предоставляемых прав, которые в общественном сознании ассоциируются с естественными правами, а политико-правовая идеология настойчиво эту ассоциацию поддерживает.

Те права, о которых мы привыкли говорить, относятся к группе предоставляемых прав. Права человека в настоящее время полностью находятся вне его, в руках других, а потому они – предоставленные. Лишь в отвлеченной теории они есть то, что присуще человеку и с чем общество вынуждено считаться. Природа этих прав кроется в определяемой обществом, государством мере возможностей человека жить и действовать по собственному усмотрению. Иными словами, права человека в наиболее распространенном их понимании представляют собой область дозволенной человеку самостоятельности. Их действительный источник находится вне человека. И поэтому, несмотря на то, что эти предоставляемые права могут составлять основной массив прав человека; несмотря на то, что они могут быть наиболее значимыми с позиции общества, тем не менее не они определяют качество права человека, не они составляют его корень.

Предоставленные права присущи человеку в рамках конкретного общества, конкретной социальной ситуации. Они являются «представителями» естественных прав в реальной правовой жизни людей, закрепляются политическими и юридическими средствами, в общем и целом имеют механизмы своего осуществле-

ния. Хотя, как правило, предоставленные и юридически обеспечиваемые права в действительности оказываются лишь бледной тенью тех прав, на которые ориентируется человек со здоровым правосознанием.

Предоставленные права связаны со статусом человека как гражданина или подданного. «Право как мера дозволенного, – справедливо отмечает В.П. Малахов, – есть право человека (но человека как лица, т.е. человека как некоторой условности). ... Право дозволенное есть признанное и защищенное право. Право как внутренняя мера необходимого есть право, требующее признания и защиты. Разница большая. Право как определенная государством или иной силой мера дозволенного есть право, превращенное в форму, в фикцию» [2, с. 127].

Предоставленные и естественные права распространяются на всех членов общества как некая заложенная в самой жизни данного общества формальная возможность. Они существуют и независимо от того, реализует их человек или нет, востребованы они конкретным человеком или нет. А потому может создаваться иллюзия действительности этих прав. Права человека могут существовать и в условиях бесправия, ибо бесправие есть ситуация, в которой человек располагает только предоставляемыми правами. Говоря о данной группе прав человека, С.С. Алексеев отмечает: «Только с середины XX в. общественная значимость этой категории и необходимость ее реализации стали настолько значительными, что права человека получают общее признание, а отсюда шаг за шагом и юридическое значение. Они в полномасштабном виде закрепляются в международных документах, конституциях, других внутригосударственных законах. А затем, уже ближе к нынешнему времени, и сами по себе постепенно начинают обретать и прямое юридическое действие. Последнее из указанных обстоятельств и представляет собой крупный шаг в их юридическом возвышении к тому, чтобы начался процесс преобразования матери права, его перестройка из «права власти» или «права государства» в право гражданского общества. То есть в право человека (курсив автора)» [1, с. 669].

Добытые, завоеванные права зависят исключительно от отдельных людей или конкретных групп, коллективов: они связаны с личностью человека и не существуют без наличия определенного уровня настойчивости, активности человека. Такие права не только не реализуются без усилия и воли человека, но и не появляются без его усилий и воли. Усилия и воля человека направлены на превращение конкретных притязаний человека в права, на то, чтобы обще-

ство признало эти притязания правами конкретного человека. Основа права человека – вера в собственную значимость, в верность и справедливость собственных притязаний и вера в собственные силы и способности. Как правило, рассматриваемые права добываются с усилиями, настойчивостью сверх обычной меры. Иначе их не надо было бы отвоевывать. На такие права, а тем более на то, чтобы именно они в праве человека играли определяющую роль, способны далеко не все члены общества.

Применительно к человеку его право – это его автономия, это его моральное и вообще духовное состояние. Права человека могут быть предоставленными, но право человека – нет. Это его состояние, достоинство, обнаруженное в притязаниях. Правом оно становится тогда, когда должно выступать перед другими как значение этого человека и его связанности с местом в обществе. Это значение человек сам себе должен придать, а другие должны его обнаружить. «Именно здесь, по всем данным, – пишет С.С. Алексеев, – перед нами – своего рода кульминация, итог принципиально нового из всего того, что способно качественно обогатить современное понимание прав человека. Сама постановка вопроса о праве человека как объективном праве переводит общие, нередко сугубо декларативные формулы на уровень строго юридических явлений. И значит, что особо существенно в практическом отношении, на уровень тех *юридических механизмов и правовых средств, которые способны перевести устанавливаемое законом правовое положение людей, их юридические возможности (юридически должное и возможное, т.е. субъективные юридические права) в плоскости прав человека в плоскость социальной реальности (курсив автора)*» [1, с. 670].

Право человека в собирательном смысле – совокупность его прав; только вместе они выступают как право, как состояние человека, придающее ему определенное социальное качество. Определенность прав обнаруживается на стыке притязаний человека и признания их обществом. Определенность права может быть и независимой от признанности обществом.

По своей природе право человека – это базовая форма проявления человеком своей общественной природы, своей активности, своей способности жить в обществе и с обществом; оно – форма самоидентификации человека и его самоутверждения в обществе. Источник этого права – сам человек. Право человека – это его достоинство и его собственность. Интересны в этом плане высказывания И.А. Ильина. Так, он отме-

чал: «Ведь право немыслимо и невозможно помимо субъекта права, т.е. того существа, для которого оно, чье оно, через которое оно. Но это существо, создавая право как нечто свое и для себя, должно нуждаться в праве, должно хранить в себе его мерило и критерий, должно переживать его как свой необходимый атрибут. Оно должно быть само достойно права, и в то же время оно должно создавать такое право, которое соответствовало бы его собственному достоинству» [5, с. 307]. Разделяя мысль Иммануила Канта о том, что право – самое святое, что есть у Бога на земле [6, с. 55], представляется, что источник этой святости следует искать именно в правовой личности человека.

Право человека есть принуждение (других) к его признанию. Это право может иметь различные способы (средства) утверждения: силу, авторитет, человечность среды и многое другое. «И это вполне оправдано, – подчеркивает С.С. Алексеев, – (и быть может, именно сейчас, в наши дни, как раз остро необходимо) со стороны глубинных процессов цивилизационного развития. Гражданскому обществу в условиях последовательно демократической, либеральной цивилизации требуется юридическая система, сутью, центром и смыслом которой являются не «просто регулирование», не власть, не некие идеологические химеры, а люди, человек. И не просто общие декларации, заявления, заклинания об их «правах», а реальное дело, фактическое положение вещей. В соответствии с этим *позитивное право новой эпохи, вся юридическая система страны призваны по самой своей сути, всем арсеналом своих средств и механизмов стать правом человека в объективном смысле* (курсив автора)» [1, с. 670–671].

Право человека становится возможным лишь в процессе его реализации. Отдельные компоненты права, например правовые тексты (семиотические системы, аккумулирующие правовую информацию),

субъекты, обладающие правовым сознанием и волей, их реальная деятельность в социальном времени и пространстве, сами по себе не представляют право как целостное (интегральное) явление. Только при возникновении правовой коммуникации возникает и право. Право, в понимании А.В. Полякова, – это и есть правовая коммуникация [7, с. 217].

Жизнедеятельность современного человека немыслима вне правового пространства. Более того, с каждым новым этапом развития общества усиливается проникновение права в социальную среду, а человек, приобретая новые правовые статусы, все качественнее реализует свое право – право человека. Именно право человека, по нашему мнению, является универсальным инструментом социального взаимодействия, позволяет членам социума полноценно реализовывать свои интересы во всех областях общественных отношений.

Право в современном мире предлагает личности максимум правовых ролей, быстро адаптируясь практически ко всем ее сложным социальным связям. При этом следует отметить, что именно правовые роли становятся самыми реальными социальными ролями человека, так как они не только формально определяются в международной и национальных юридических системах, но и гарантируются государством, а в некоторых случаях и международным сообществом в целом.

В заключение следует отметить, что незрелость гражданского общества затрудняет процесс самоидентификации личности в правовом пространстве, замедляет рост позитивной ответственности членов социума, способствует распространению правового нигилизма, что в конечном итоге усложняет процесс формирования у участников правоотношений мотива правомерной деятельности, необходимой для обеспечения эффективной реализации права человека.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Изд-во НОРМА, 2001.
2. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
3. Кант И. Из лекций по этике (1780–1782) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. – М., 1988. С. 306.
4. Дворкин Р. О правах всерьез. – М., 2004.
5. Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и предисловием В.А. Томсинова. – М., 2003. С. 307.
6. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М., 1998. С. 55.
7. Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. – 2011. – № 6. – С. 217.

Reference list

1. Alekseev S. The ascension to the law. Searches and solutions. M.: Publishing by NORMA, 2001.

2. *Malakhov V.* The philosophy of law. Ideas and inferences: Textbook for students of higher education institutions. M.: UNITY-DANA, 2008.
3. *Kant I.* Due to lectures on Ethics (1780–1782) // Ethical thought. Scientific-publicistic readings. M., 1988. P. 306.
4. *Dvorkin R.* Seriously on the rights. M., 2004.
5. *Il'in I.* Theory of law and state / The editorship and introduction by V. Tomsinov. M., 2003. P. 307.
6. *Alekseev S.* The most sacred thing God has on Earth. Immanuel Kant and issues of law in contemporary epoch. M., 1998. P. 55.
7. *Antonov M., Polyakov A.* Legal communication and the modern state // Jurisprudence. 2011. № 6. P. 217.

УДК 327

Кикнадзе В.Г.,

доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, начальник научно-исследовательского управления НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

ГЕНЕЗИС ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

В статье представлена эволюция зарождающейся в Российской Федерации системы противодействия попыткам фальсификации истории, прежде всего военной истории. Хронологические рамки публикации (2009–2015 гг.) связаны с активизацией данного процесса и возрастающей актуальностью проблемы. Обобщена деятельность федеральных и местных органов исполнительной и законодательной власти, отдельных министерств и ведомств в области развития органов управления данной работой и ее нормативно-правовой базой.

Ключевые слова: фальсификация, история, Великая Отечественная война, Россия, Президент РФ, комиссия, противодействие, система, управление

Kiknadze V.,

Doctor of History, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Director of Scientific Research Department of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation

THE GENESIS OF LAW AND MANAGEMENT IN THE FIELD OF COUNTERACTION TO ATTEMPTS TO FALSIFY AND DISTORT HISTORY TO DETRIMENT OF RUSSIA'S INTERESTS

The article presents the evaluation emerging of a system for countering attempts to falsify history in the Russian Federation, the military history especially. Chronological frameworks of the publication (2009–2015) are associated with the intensification of this process and with the increasing urgency of the issue. There is summarized activity of federal and local government and legislative authorities, separate ministries and departments in the field of development of managing authorities by this work and its regulatory-legal framework.

Keywords: falsification, history, Great Patriotic War, Russia, the President of the Russian Federation, Commission, counteraction, system, management

Победа Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 70-летие которой празднуется в 2015 г., в свое время вызвала огромный интерес советского народа к истории Отечества. Она создала благоприятные условия для развития творчества деятелей культуры и исторической науки, для успешного формирования исторического сознания.

Гордость за свое Отечество была характерной чертой послевоенной историографии, что успешно, с высокой эффективностью использовалось властью, армией и обществом в организации и проведении идеологической, политико-воспитательной и культурной работы. Тем самым создава-

лись благоприятные условия для обеспечения безопасности государства. И напротив, кризисное состояние российского общества, которое сложилось в результате разрушения Советского Союза внутренними неолиберальными силами совместно с внешними противниками, наложало на историческое сознание народов Российской Федерации мрачную нигилистическую тень. С одной стороны, в сознании российского общества продолжают действовать и актуальны сегодня тенденции, сложившиеся еще в советское время, а с другой – резко усилились тенденции попыток фальсификации и искажения героико-драматической истории России, негативное отношение к ее советскому периоду [2].

Такая сложная и противоречивая обстановка в полной мере отражается в современной отечественной и зарубежной историографии, фильмографии и другой медийной продукции, освещающей историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и российскую историю в целом. Причем потенциал негативного информационного воздействия в последнее время значительно возрос.

Учитывая данные обстоятельства, в Военной доктрине Российской Федерации [7] отмечено, что наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. К основным внутренним опасностям отнесена деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества.

В 2009 г., в канун 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, сражения на «историческом фронте» приняли ожесточенный, общенациональный характер. Это не могло не вызвать ответной реакции Российского государства. Указом Президента Российской Федерации № 549 от 15.05.2009 была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России [8] (далее – Комиссия). Комиссией были определены следующие задачи: обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, подготовка соответствующих докладов Президенту РФ; выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, принимаемым в целях нанесения ущерба интересам России; подготовка предложений Президенту РФ по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России; рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России; выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий.

Для решения данных задач ее наделили следующими правами: запрашивать и получать в установ-

ленном порядке необходимые материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций; создавать рабочие группы по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии, из числа представителей государственных органов, организаций, ученых и специалистов; приглашать на свои заседания представителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций.

Члены Комиссии принимали участие в ее работе на общественных началах. Заседания Комиссии проводились не реже двух раз в год. Организационно-техническое, информационное и документационное обеспечение ее деятельности осуществляло Министерство образования и науки Российской Федерации.

На итогах деятельности Комиссии остановимся позже. Зарубежные СМИ отметили, что решение о создании Комиссии было встречено критически в российских либеральных кругах, западными правительствами и учеными. Последовала и дипломатическая реакция ОБСЕ: была принята резолюция, приравнивающая преступления против человечества гитлеровского режима в Германии и сталинского режима в СССР. В этой резолюции России как участнику ОБСЕ было предложено избавиться от государственных структур, ставящих своей задачей «приукрашивать историю».

В июле–августе 2009 г., на фоне мероприятий, приуроченных к 70-летию начала Второй мировой войны 1939–1945 гг., проблема вновь получила широкий общественный резонанс. Руководству страны стало очевидным, что международные партнеры России перешли от попыток фальсификации истории к нарастающему давлению на наше государство через сфабрикованные или искаженные ими факты. Вот как в эфире программы «Воскресное время» на Первом канале характеризовал сложившуюся обстановку руководитель Комиссии С.Е. Нарышкин: «Сейчас фальсифицированная история проникает во многие кабинеты руководителей партийных групп и даже руководителей соседних государств, которые пытаются вместо налаживания нормального политического диалога с Россией, организации взаимовыгодного сотрудничества предъявить России всевозможные территориальные, политические, материальные претензии. Мы, конечно, этого допустить не можем».

Ответ России на масштабную информационную агрессию с Запада и постсоветского пространства был дан на достаточно высоком государственном уровне. Прежде всего попытками уравнивать дей-

ствия СССР и фашистской Германии был возмущен на тот момент Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев. «Парламентская ассамблея стран Европы буквально совсем недавно поставила на одну доску и сделала равно ответственными за Вторую мировую войну фашистскую Германию и Советский Союз. Но это, простите, уже просто циничная ложь», – заявил Дмитрий Медведев в интервью программе «Вести недели» (телеканал «Россия»). Он отметил, что «можно по-разному относиться к Советскому Союзу, можно очень критично относиться к политическому режиму, который был в Советском Союзе, и к лидерам этого, нашего с вами, государства в тот период. ... Но вопрос в том, кто войну начал, вопрос в том, кто убивал людей и кто спасал людей, миллионы жизней, кто, в конечном счете, спас Европу».

Накануне визита в Польшу для участия в международных мероприятиях, посвященных 70-й годовщине начала Второй мировой войны, на тот момент премьер-министр России Владимир Владимирович Путин 31 августа 2009 г. опубликовал в польской газете «Gazeta Wyborcza» статью под названием «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?». «Мы обязаны извлекать уроки из истории, если хотим иметь мирное и счастливое будущее, однако крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид», – подчеркнул Владимир Путин. По его словам, «былые трагедии – недоосмысленные либо осмысленные фальшиво и лицемерно, неизбежно ведут к появлению новых историко-политических фобий, которые сталкивают между собой государства и народы, влияют на сознание общества, искажая его в угоду недобросовестным политикам». Как отметил В.В. Путин, «историческое полотно – это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать, по желанию заказчика убрать то, что не нравится, или изменить тон, добавив светлых или темных красок. ... Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры, а в некоторых странах зашли еще дальше – героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов».

При подготовке Послания Президента России Федеральному Собранию Д.А. Медведев 10 сентября 2009 г. публикует на официальном сайте Президента России свою статью «Россия, вперед!», в которой говорит о настоящем и будущем нашей страны, стратегических задачах государства. Но важно в ней и другое – более двадцати раз Президент обращается к про-

шлому, его значению для сегодняшней России и ее развитию, в том числе к славной истории армии и флота, Великой Отечественной войны, исторической роли России, не раз разрушавшей авантюристские планы претендентов на мировое господство, остановившей Наполеона и разгромившей нацистов. «У русского народа, как у каждого великого народа, яркая, героическая, вызывающая уважение и восхищение и в то же время – противоречивая, сложная, неоднозначная история. По-разному воспринимают нас разные люди и разные страны. И многое еще предстоит сделать для защиты нашего исторического наследия от искажения и политических спекуляций. Мы должны смотреть на свое прошлое трезво. Видеть в нем и грандиозные победы, и трагические ошибки, и примеры для подражания, и проявление лучших черт национального характера. В любом случае мы будем внимательны к своей истории, будем ее уважать. Уважать, прежде всего, роль нашей страны в поддержании сбалансированного мирового порядка на протяжении многих веков. Россия всегда, на всех этапах своего становления стремилась к достижению более справедливого мироустройства», – таков взгляд Д.А. Медведева на нашу историю и историческую роль России.

В целом события последних лет (2009–2015 гг.) наглядно продемонстрировали, что военная история и военно-историческая наука не являются сугубо прикладными сферами знаний в области военной безопасности государства. Военная история нашего Отечества оказалась в эпицентре борьбы за национальную безопасность России, как во внутренней, так и во внешней сфере. А это означает, что, с одной стороны, положение страны в области военно-исторических знаний есть весомый фактор национальной безопасности государства, с другой – военно-историческое прошлое России – это один из объектов, на который проецируются ее опасности во внешней и внутренней сфере. Следовательно, Российскому государству как никогда необходима система, обеспечивающая безопасность его военно-исторического наследия. Система, включающая в себя совокупность квалифицированных и в достаточной степени обеспеченных сил, средств (научные учреждения, научные кадры и профессионально-ориентированный информационно-издательский холдинг) и управляемый комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию опасностей в информационном пространстве и внутренней сфере государства, связанных с попытками фальсификации и искажения истории, а также эффективную реализацию исторических знаний как фактора развития России.

В этой связи необходимо отметить деятельность и других элементов государственной составляющей противодействия попыткам фальсификации и искажению военной истории в ущерб интересам России.

На федеральном уровне этой важной работой занимаются:

- *Российский организационный комитет «Победа»*, который возглавляет Президент РФ. Среди рабочих органов Комитета функционирует рабочая группа по объективному, научно обоснованному освещению военной истории и предотвращению фактов ее искажения;

- *Правительство Российской Федерации*, а именно – Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (функция организационного сопровождения ее реализации возложена на Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве (Росвоенцентр), региональные межведомственные координационные советы и центры патриотического воспитания граждан которого работают в субъектах Российской Федерации);

- *Федеральное Собрание Российской Федерации*, на базе которого проводятся научные мероприятия, ведется разработка проектов соответствующих законодательных актов в области противодействия попыткам фальсификации истории;

- *Министерство иностранных дел* (полагая, что «систематические усилия по фальсификации истории, подкрепляемые мощными финансовыми ресурсами, преследуют цель дестабилизации внутреннего положения, сужения ареала влияния Российской Федерации», именно от МИДа исходила инициатива создания Комиссии);

- *Министерство культуры*, включая музеи и федеральные архивы, которые в соответствии с рекомендациями Комиссии активизировали работу по рассекречиванию документов;

- *Министерство образования и науки* (например, приказом от 24.01.2012 федеральный компонент ГОС начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования дополнен изучением проблемы достоверности и фальсификации исторических знаний, опасности фальсификации прошлого России в современных условиях);

- *Российская академия наук* (Институт российской истории, Институт всеобщей истории);

- *Министерство обороны Российской Федерации*.

В Минобороны России непосредственную работу в этой области ведут: Главное управление по

работе с личным составом ВС РФ; Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; Управление пресс-службы и информации (в первую очередь «Военно-исторический журнал», а также редакция информации в ГИС «Интернет»); Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Популяризации знаний военной истории в российском обществе и формированию общероссийской исторической культуры в целом способствует проводимая Минобороны олимпиада по военной истории. Именно совершенствование Всеармейской олимпиады по военной истории создало условия для ее перехода в 2013 г. на всероссийский уровень, а с 2015 г. – на международный.

Развитие права и управления в области противодействия попыткам фальсификации и искажения истории, тенденцию актуализации исторических знаний в российском обществе наглядно демонстрируют следующие факты:

во-первых, как проявление государственной политики:

- Указ Президента Российской Федерации № 49 от 09.01.2012 о проведении в 2012 г. в Российской Федерации Года российской истории. В это время получили признание знаковые события в истории России: рождение российской государственности (862 г., «призвание варягов»), преодоление Великой смуты (1612 г., ополчение Минина и Пожарского), Отечественная война 1812 г. и др.;

- Указ Президента России № 183 от 14.02.2012, в соответствии с которым одной из задач оргкомитета по проведению Года российской истории определялось «противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России»; создание Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества;

- Указания Президента России в Ежегодных Посланиях Федеральному Собранию. Так, в 2012 г. В.В. Путин в своем выступлении отметил, что «внимание к российской истории не должно ослабевать». По его указанию «для укрепления исторической преемственности в Вооруженных Силах» в российской армии в 2013 г. были возрождены Преображенский и Семеновский полки, на очереди – имена других прославленных, легендарных частей и соединений русской и Советской армии. В 2014 г. Президент России в своем выступлении объявил: «В следующем году мы будем отмечать 70-летие Победы в Великой Отече-

ственной войне. Наша армия сокрушила врага, освободила Европу. Но и о тяжких поражениях 1941 и 1942 годов нельзя забывать, чтобы не повторять ошибок в будущем» [5];

во-вторых, как компонент генезиса правовой системы – это совершенствование законодательства (только в 2014 г. в Российской Федерации приняты два Федеральных закона):

- 128-ФЗ от 05.05.2014 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который направлен на противодействие попыткам фальсификации военной истории, посягательствам на историческую память россиян в отношении военно-исторических событий. Федеральным законом введена уголовная ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а также за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Кроме того, данным законом установлена уголовная ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, и за осквернение символов воинской славы России, совершенное публично [6];

- 332-ФЗ от 04.11.2014 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Данным законом запрещена пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями и лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны.

Кроме того, в 2014 г. подготовлены проекты других изменений в 80-ФЗ от 19.05.1995 «Об увековечивании

Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (предполагается ответственность за дискредитацию Победы советского народа в Великой Отечественной войне), а также 68-ФЗ от 09.05.2006 «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» (предлагается дополнить почетным званием «Перевал воинской славы»).

21 ноября в Нью-Йорке на заседании Третьего комитета 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Документ был представлен Россией, его поддержали 115 из 193 стран – членов ООН. Против резолюции выступили Канада, США и Украина. 55 делегаций, в частности страны ЕС, от голосования воздержались.

Особое место в формировании единой исторической культуры российского общества, понимании всемирно-исторического значения победы над фашизмом в Великой Отечественной войне занимает разработанный Минобороны России в соответствии с Распоряжениями Президента РФ и изданный в 2015 г. фундаментальный многотомный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (в 12-ти томах). Данная работа, выполненная под председательством министра обороны Российской Федерации, Героя Российской Федерации, генерала армии С.К. Шойгу, стала победителем Национального конкурса «Книга года – 2015» [1].

Значительное внимание проблеме среди общественных организаций отводят в своей деятельности Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Русское географическое общество, Комиссия по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов Общественной палаты Российской Федерации, Национальная Ассоциация объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР) и др. Среди основных форм их работы в данной сфере – законодательные инициативы, издательская деятельность, проведение международных конференций (в том числе за рубежом), общественные слушания, поисковая работа, экспертиза литературы и учебников, выступления в СМИ.

При этом создание Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» исторически свя-

зано с аналогичной организацией – Императорским Российским военно-историческим обществом, которое существовало в Российской империи в 1907–1917 гг. Причем корни его организации и основы деятельности, как и сейчас, относятся к Военному ведомству. 24 февраля 1907 г. в Санкт-Петербурге начальник Военно-ученого архива Генерального штаба, профессор Академии Генерального штаба, генерал-лейтенант А.З. Мышлаевский провел собрание инициативной группы, а в марте пригласил военных историков и лиц, заинтересованных в изучении военного прошлого России, на организационное собрание русско-го военно-исторического общества. 7 апреля 1907 г. в приемном зале Генерального штаба прошло первое общее собрание членов-учредителей в составе 36 человек под председательством старшего по возрасту генерала от кавалерии Д.А. Скалона, главного редактора многотомного издания «Столетие Военного Министерства».

В наши дни продолжателями дел Императорского Российского военно-исторического общества являются военные историки современной России, осуществляющие свою деятельность в других организационных формах. Самостоятельными приемниками деяний прославленного общества можно назвать Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, историческое отделение Академии военных наук, «Военно-исторический журнал», военно-исторические музеи в составе Министерства обороны, а также военно-исторические структуры всех силовых ведомств. Именно от них во многом в настоящее время зависит выполнение актуальных целей и задач военно-исторической работы, патриотического воспитания граждан Российской Федерации, привлечения внимания общества к российской истории, противодействия попыткам фальсификации и искажения военной истории в ущерб интересам России.

Указом Президента России № 183 от 14.02.2012 признан утратившим силу Указ Президента России от 01.05.2009 № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Результаты работы Комиссии оцениваются по-разному. Однако положительные тенденции, зародившиеся в российском обществе и связанные с ее деятельностью, очевидны. Она привлекла внимание специалистов к проблемам новейшей истории, способствовала облегчению доступа к архивам, консолидировала прогрессивную часть общества противодействием искажению истории.

Так, еще в 2009 г. на региональном и муниципальном уровне появились аналогичные федеральным компоненты управления работой по противодействию попыткам фальсификации и искажения истории. Например, в ноябре 2009 г. в Юго-Восточном административном округе Москвы была создана окружная комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России (распоряжение Префектуры от 05.11.2009 г. № 1382); на заседании городского Оргкомитета по подготовке к празднованию 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне мэром Москвы было принято решение о создании городской комиссии по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Распоряжением полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе № А55-81рп от 28 декабря 2011 г. была сформирована Комиссия Сибирского федерального округа по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На региональном и муниципальном уровне они организовали системную и целенаправленную работу по историческому и культурному просвещению населения, патриотическому и нравственному воспитанию молодежи, изучению отечественной истории и противодействию ее преднамеренному искажению и политизации.

Вместе с тем все очевиднее становится, что Российскому государству как никогда необходима система, обеспечивающая безопасность его исторического наследия. Система, включающая в себя совокупность квалифицированных и в достаточной степени обеспеченных сил, средств и управляемый комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию опасностей в информационном пространстве и внутренней сфере государства, связанных с попытками фальсификации и искажения истории, а также эффективную реализацию исторических знаний как фактора развития России.

Придать системность и повысить эффективность данной работы в государственных масштабах могут следующие практические меры.

1) Совершенствование федерального законодательства в области противодействия попыткам фальсификации и искажения истории в ущерб интересам России. Вполне реализуемо и целесообразно предусмотреть обязательность рецензирования экспертами научной, учебно-методической и творческой продукции (на исторической основе), формирующей общероссийскую историческую культуру, мировоззрение российского общества. Причем дан-

ные заключения экспертов не должны нести в себе цензурный характер, их суть – сопроводительно-рекомендательная с размещением соответствующей информации на обложке, авантитуле продукции и т.п. Административную ответственность за выполнение данного требования при этом целесообразно возлагать как на автора, так и на производителя (издательство, типографию, киностудию, телеканал и т.п.).

2) Вовлечение бизнес-кругов и политических элит регионов в поддержку развития исторического образования, проведения исторических и педагогических исследований, направленных на формирование адекватной государственным интересам общероссийской исторической культуры. Последняя является важной составляющей инвестиционной привлекательности страны и регионов.

3) Разработка на государственном уровне комплекса мероприятий в сфере просвещения молодежи России и стран СНГ. В частности, содействие и поощрение написания и издания научной, учебной и научно-популярной литературы по важнейшим историческим событиям (творческие конкурсы, Международная олимпиада по военной истории, гранты на издание и перевод на языки СНГ), разработка интеллектуальных игр (в том числе компьютерных) на достоверной исторической основе, подготовка молодых историков стран СНГ (ежегодный практикум по противодействию попыткам фальсификации и искажению истории).

4) Координация организации подготовки и проведения научных конференций и круглых столов по исторической проблематике, повышение реализации их результатов и охвата целевых аудиторий (как на этапах подготовки, проведения, так и на этапе информирования о результатах).

5) Оценка целесообразности создания Национального координационного центра (научно-методического) отечественной истории и военно-патриотического воспитания в целях объединения сил и средств, выработки и реализации согласованной го-

сударственной политики в области защиты исторического прошлого России, проведения научных экспертиз и консультирования, эффективного использования университетского потенциала исторического знания и исторического образования.

6) Увеличение объема государственного финансирования СМИ патриотической направленности, целевой аудиторией которых является молодежь; обеспечение средствами госбюджета подписки на подобные издания всех образовательных учреждений страны.

7) Использование средств Минобрнауки и Минкультуры, других заинтересованных ведомств в издании разработанных в Минобороны военно-исторических трудов. Это позволит и снизить стоимость экземпляра за счет увеличения тиража, и значительно расширить целевую аудиторию, что, в конечном счете, даст более эффективное расходование бюджетных средств и позволит рассчитывать на высокий результат в образовании молодежи.

В заключение можно отметить, что, начиная с 2009–2010 гг., в Российской Федерации происходит активизация начавшегося в середине 1990-х гг. процесса зарождения системы противодействия попыткам фальсификации и искажения истории в ущерб интересам России, формирования ее единой исторической культуры. К настоящему времени на федеральном, региональном и муниципальном уровне функционируют компоненты (органы управления) формируемой системы; создана основа нормативно-правовой базы защиты исторического наследия России; апробированы различные формы как профилактической (просветительской) работы, так и мер по оперативному реагированию на попытки фальсификации и искажения истории. В целом российская власть и общество адекватно оценивают опасности для государства, исходящие от деятельности фальсификаторов истории и ее искажения, в том числе как результата недостаточно зрелой общероссийской исторической культуры.

Список литературы

1. Двенадцать томов славы и мужества // Военно-промышленный курьер. – 2015. – № 37 (603). – С. 10.
2. Кикнадзе В.Г. Военная история и безопасность России // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 5.
3. Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.scrf.gov.ru
4. Российская газета. 2009. 29 мая.
5. Российская газета. 2014. 7 мая.
6. Российская газета. 2014. 5 декабря.
7. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.
8. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2009 № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Reference list

1. Twelve volumes of glory and bravery // Military Industrial Courier. – 2015. – № 37 (603). – P. 10.
2. *Kiknadze V.* Military history and the security of Russia // Military Historical Journal. – 2010. – № 5.
3. The official website of the Security Council of the Russian Federation [Electronic resource] // Access mode: www.scrf.gov.ru
4. Rossiyskaya Gazeta. 2009. May of 29th.
5. Rossiyskaya Gazeta. 2014. May of 7th.
6. Rossiyskaya Gazeta. 2014. December of 5th.
7. Military Doctrine of the Russian Federation was approved by the President of the Russian Federation in December of 25th, 2014. № PR-2976.
8. The Decree of President of the Russian Federation from 15.05.2009. № 549 "On Presidential Commission of the Russian Federation to Counter Attempts to Falsify History to the Detriment of Russia's Interests".

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ И ИРАНСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике института освобождения от наказания по действующему уголовному законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Иран. В ней рассматриваются проблемы соприкосновения различных видов освобождения от уголовного наказания.

Ключевые слова: институт освобождения от наказания, условно-досрочное освобождение от наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, освобождение от наказания в связи с болезнью, отсрочка отбывания наказания

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law
of the Saratov State Academy of Law

INSTITUTE OF RELIEF FROM PUNISHMENT UNDER THE RUSSIAN AND IRANIAN CRIMINAL LEGISLATION: COMPARATIVE ASPECT

This article is devoted to criminal-legal characteristic of the institute of relief from punishment under the current criminal legislation of the Russian Federation and the legislation of the Republic of Iran. It reviews the issues of contact different types of relief from criminal punishment.

Keywords: institute of relief from punishment, conditional early relief from punishment, substitution of unserved part of punishment by the lighter type of punishment, relief from punishment due to change of conditions, relief from punishment due to disease, delay of enduring the punishment

Институт освобождения от наказания регламентируется главой 12 УК РФ «Освобождение от наказания», которая включает в себя следующие виды освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ).

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания регламентируется ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». Эта норма закрепляет, что лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, при-

нудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Согласно действующему законодательству условно-досрочное освобождение от наказания возможно после фактического отбытия осужденным: не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести; не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление; не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ; не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно

за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления террористического характера; не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Фактически отбывший осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев. Лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. Отмена условно-досрочного освобождения возможна, если в течение оставшейся неотбытой части наказания осужденный совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, либо злостно уклонился от исполнения обязанностей, возложенных на него судом, либо уклонился от назначенных судом принудительных мер медицинского характера. Если он совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения оставлен на усмотрение суда. В случаях совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления ему назначается наказание по правилам ст. 70 УК РФ «Назначение наказания по совокупности приговоров».

Следующий вид – замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания») возможна при отбытии осужденным определенного срока наказания, установленного в уголовном законе. Однако полного освобождения осужденного от отбывания наказания в данном случае не происходит, а ему заменяется неотбытая часть более мягким видом уголовного наказания. Закон закрепляет, что этот вид освобождения применяется к лицу, отбывающему содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы. Осужденный может быть полностью или частично освобожден от отбывания дополнительного вида наказания.

Статья 80-1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки» закрепляет, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Следовательно, лицо впервые должно совершить преступление, и преступление может быть только небольшой или средней тяжести. Основанием освобож-

дения выступает изменение обстановки, влекущее утрату общественной опасности лица или совершенного им преступления.

Следующий вид – освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с болезнью») применяется к лицам, у которых после совершения преступления возникло психическое расстройство, лишающее возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, а также появление иной тяжелой болезни, возникшей после совершения преступления, которая препятствует отбыванию наказания. В отношении военнослужащих основанием освобождения выступает заболевание, делающее их негодными к военной службе. В случае выздоровления лица могут привлекаться уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности.

Отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания») применяется в отношении беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, мужчин, имеющих малолетних детей, при условии, что мужчина – единственный родитель. Условиями отмены отсрочки выступают обстоятельства, когда осужденный отказался от ребенка или продолжает уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения уголовно-исполнительной инспекции. В таком случае лицо отправляется отбывать наказание в место, назначенное по приговору суда. Кроме того, если лицо в период отсрочки совершает новое преступление, то суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ «Назначение наказания по совокупности приговоров».

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией») предполагает предоставление отсрочки осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но не более, чем на пять лет. После прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медико-социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или его части. Отмена отсрочки возмож-

на в случае отказа от прохождения курса лечения от наркомании, медико-социальной реабилитации. Если осужденный совершает преступление, не связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ), то суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает наказание по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 69 УК РФ «Назначение наказания по совокупности преступлений», и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, признанный больным наркоманией, совершил новое преступление, то суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ «Назначение наказания по совокупности приговоров».

Основаниями освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности (ст. 83 УК РФ «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда») выступает неприведение в исполнение приговора суда, что происходит по обстоятельствам, которые не зависят от воли и желания виновного, например по вине судебно-следственных органов. Течение сроков давности приостанавливается, если осужденный уклоняется от отбывания наказания. Следовательно, действующее уголовное законодательство закрепляет семь видов освобождения от уголовного наказания.

В Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [1] закрепляется два вида освобождения от наказания – это отсрочка исполнения наказания (раздел 3) и условное освобождение заключенных (раздел 4). При вынесении приговора о назначении наказания, относящегося к судебным взысканиям или сдерживающим мерам, суд во всех случаях вправе принять решение об отсрочке исполнения наказания полностью или частично на срок от двух до пяти лет при соблюдении следующих условий: если в отношении осужденного лица ранее не выносился окончательный приговор суда о назначении нормированного наказания; отсечение или повреждение органа тела; тюремное заключение на срок более одного года за совершение умышленного преступления; денежный штраф на сумму более двух миллионов риалов; любое наказание, назначенное лицу, которое

имело судимость за ранее совершенное умышленное преступление. При вынесении приговора о назначении наказания, не относящегося к судебным взысканиям и сдерживающим мерам, отсрочка исполнения наказания не допускается, за исключением случаев, предусмотренных исламским религиозным законом и государственными нормативными актами (ст. 25 Закона). Решение об отсрочке исполнения наказания принимается одновременно с приговором суда. В решении об отсрочке отражаются возлагаемые на лицо обязанности, которые необходимо соблюдать. При уклонении от исполнения возложенных обязанностей суд может увеличить время отсрочки, при повторном уклонении отменяет отсрочку и применяет наказание, которое было отсрочено. При совершении в период отсрочки преступления, за которое перечислены наказания в вышеуказанной статье, отсрочка подлежит отмене. Отсрочка отменяется также при совершении нескольких умышленных преступлений.

К обязанностям, налагаемым на осужденного, относятся: обращение в лечебное учреждение для лечения определенного заболевания или зависимости (от наркотических средств); следование запрету заниматься определенной деятельностью; поступление на учебу в культурно-просветительское учреждение; воздержание от публичного совершения недозволенных религией действий, неисполнение обязательных религиозных предписаний и вступление в контакт с лицами, общение с которыми суд считает вредным для осужденного лица; воздержание от посещения определенных мест; явка в установленные сроки для удостоверения личности к частному или административному лицу, назначенному прокурором (ст. 29 Закона).

Существуют категории преступлений, при совершении которых отсрочка не предоставляется: ввоз в страну, изготовление или сбыт наркотических средств, а также любого рода пособничество в совершении указанных действий; растрата, присвоение, получение или дача взятки, мошенничество, изготовление или использование поддельных документов, а также кража, не подлежащая нормированному наказанию; любого рода пособничество в совершении преступления, подлежащего нормированному наказанию (ст. 30 Закона).

В ст. 37 Закона закреплено: осужденное лицо, заболевшее психическим расстройством в период отбывания наказания в виде тюремного заключения, по ходатайству уполномоченного врача после подтверждения факта заболевания направляется в соответствующее лечебное учреждение. В этом случае время пребывания в лечебном учреждении засчитывается в срок от-

бывания наказания. При отсутствии возможности поместить данное лицо в лечебное учреждение подходящее место для его содержания определяется прокурором.

Следующий вид освобождения – условное освобождение заключенных. Лицо, которое за совершение преступления впервые было приговорено к отбыванию наказания в виде тюремного заключения, по постановлению суда, выносившего окончательный приговор, может быть условно освобождено после фактического отбытия двух третей срока наказания, назначенного за преступление, подлежащее наказанию в виде тюремного заключения на срок более трех лет, или половины срока наказания, назначенного за преступление, подлежащее наказанию в виде тюремного заключения на срок менее трех лет. Постановление об условном освобождении может быть принято только при наличии следующих условий: если в период отбывания наказания осужденное лицо постоянно демонстрировало примерное поведение; если общественное положение и личность осужденного лица позволяют считать, что после освобождения им не будет совершено другое преступление; если осужденное лицо в меру своих возможностей возместило ущерб, определенный приговором суда или соглашением с лицом, подавшим частный иск, либо подтвердило свое обязательство возместить этот ущерб, либо заплатило денежный штраф, являвшийся дополнительным наказанием к тюремному заключению, либо подтвердило свое обязательство заплатить денежный штраф в порядке, согласованном с прокурором (ст. 38 Закона). Сведения о положительном посткриминальном поведении осужденного должны быть подтверждены начальником тюрьмы. Срок условного освобождения ограничен от одного до пяти лет. Постановление суда об условном освобождении принимается по предложению комитета по делам мест заключения и подтверждается решением прокурора или органом надзора за местами заключения. Кроме того, на осужденного в постановлении об условном освобождении отражаются обязанности, при уклонении от соблюде-

ния которых отменяется условное освобождение и к лицу применяется наказание.

Следовательно, на основании изложенного можно констатировать, что уголовное законодательство РФ предусматривает больше видов освобождения от наказания, что явно свидетельствует о гуманных началах уголовного права. В Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран предусмотрено лишь два вида освобождения. Наряду с ними в разделе об отсрочке отбывания наказания предусмотрено освобождение от наказания в связи с возникновением психического расстройства. Оно имеет сходство с освобождением от наказания в связи с болезнью, предусмотренным в ч. 1 ст. 81 УК РФ, которое выступает одним из оснований освобождения от наказания в связи с болезнью, однако можно предположить, что по Закону об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран он являет собой разновидность отсрочки отбывания наказания, а не самостоятельный вид освобождения. Отсрочка отбывания наказания не конкретизируется, как это имеет место в УК РФ, однако имеется перечень деяний, за совершение которых отсрочка не предоставляется, такой подход имеет место и в российском уголовном законе. Положительным является тот факт, что при применении отсрочки в Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран судом на лицо возлагаются определенные обязанности, подлежащие исполнению, это положение следовало бы имплементировать и в наше уголовное законодательство, в ст. 82 и 82.1 УК РФ, что явно способствовало бы формированию у лиц, которым предоставлена отсрочка, положительной тенденции в части правопослушного поведения. Сродни условно-досрочному освобождению от наказания (ст. 79 УК РФ) условное освобождение (раздел 4 Закона), которое предполагает освобождение лица с учетом примерного поведения при отбывании наказания и отбытого срока, закрепленного в законе.

Список литературы

1. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Научное редактирование А.И. Ахани. Предисловие заместителя Председателя Государственной Думы РФ Ю.Н. Волкова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.

Reference list

1. The law on Islamic criminal punishments of the Islamic Republic of Iran / Scientific editing by A. Akhani. Foreword by Yu. Volkov, the Deputy Chairman of the State Duma of the Russian Federation. SBR.: Publishing by R. Aslanov's "Yuridicheskiiy Centr Press", 2008.

УДК 347

Кудрин С.М.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права (филиал в Пермском крае)

Кудрин А.С.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Философия и право» Пермского национального исследовательского политехнического университета

К ВОПРОСУ ОБ АНТИПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ НА ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье рассматриваются основные проявления антиправового воздействия социальных партнеров на трудовые отношения в процессе правотворчества и правоприменения. Предлагается ряд способов предотвращения такого воздействия путем внесения соответствующих изменений в действующее трудовое законодательство. Утверждается, что решением данной проблемы могла бы стать имплементация положений судебной практики о запрете злоупотребления правом социальными партнерами, в частности в ст. 24 ТК РФ, как принцип «недопустимости злоупотребления правом социальными партнерами». Делается вывод о том, что гарантией недопущения антиправового воздействия служит контроль (надзор) государства в лице полномочных органов.

Ключевые слова: антиправовое воздействие, трудовые отношения, социальные партнеры, правонарушение, злоупотребление правом

Kudrin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Civil and Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law (Branch in Perm kray)

Kudrin A.,

PhD in Law, Associate Professor of "Philosophy and Law" Chair of the Perm National Research Polytechnic University

REVISITING ANTI-LEGAL IMPACT OF SOCIAL PARTNERS ON THE LABOUR RELATIONS

The article is considered main manifestations of anti-legal impact of social partners on labour relations in the process of lawmaking and law enforcement. It is offered a number of ways to prevent such exposure by making appropriate changes in current labour legislation. It is alleged that the solution could be the implementation of the provisions of the court practice on the prohibition of the abuse of the social partners' right, in particular, Article 24th of the Labour Code of the Russian Federation, as the principle of the "inadmissibility of abuse of the right by social partners". It is concluded that the guarantee of anti-legal impact is served as control (supervision) of the state represented by relevant authorities.

Keywords: anti-legal impact, labour relations, social partners, offence, abuse of right

На современном этапе общественного развития различные проявления антиправового воздействия на общественные отношения, входящие в предмет трудового права, встречаются и со стороны социальных партнеров. Такое воздействие может проявляться в процессе правотворчества и выражаться, во-первых, в принятии коллективных договоров и соглашений, содержащих положения, противоречащие общепризнанным принципам и нормам международного права, трудовому законодательству и иным нормативным правовым актам, содержащим

нормы трудового права, ухудшающие условия труда работников, снижающие уровень их правовых гарантий в сфере труда. Следовательно, необходимо противодействовать проявлениям антиправового воздействия социальных партнеров на общественные отношения, входящие в предмет трудового права, тем самым защищать трудовые права работников.

Как отмечала Т.А. Нестерова, «защита выступает как реакция на угрозу существования права, освобождение его от любой правовой аномалии. Ее цель поэтому состоит в том, чтобы доказать его наличие, отраз-

ить чужое притязание, обезопасить от посягательства, преодолеть препятствия в его реализации» [4].

Оценивая роль государственных органов, Т.А. Нестерова далее полагала, что «ведущая роль в защите на современном этапе в условиях недостаточной зрелости институтов гражданского общества в России принадлежит государственным органам, поскольку именно их деятельность является наиболее результативной в достижении целей защиты» [4, с. 20].

Таковыми государственными органами, в частности, являются прокуратура и государственная инспекция труда (далее – ГИТ), деятельность которых носит правоприменительный характер.

Так, например, прокуратурой Первомайского района Оренбургской области в ходе проверки соответствия коллективного договора ООО «Сергиевское» (далее – коллективный договор) федеральному законодательству установлено, что отдельные положения коллективного договора противоречат нормам действующего федерального законодательства. В частности, согласно п. 3. 2. коллективного договора минимальный размер оплаты труда определен в размере 4611 рублей. Вместе с тем ст. 133 Трудового кодекса РФ установлено, что минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (на момент проведения проверки минимальный размер оплаты труда составлял 5554 рубля – прим. автора).

По результатам проверки прокуратурой района на коллективный договор ООО «Сергиевское» прине-сен протест, который рассмотрен и удовлетворен [8].

Подобные случаи нередко встречаются и в практике Государственной инспекции труда. Например, в ходе проверки ГОУ «Детский дом г. Лесозаводска» в содержании коллективного договора выявлено нарушение ч. 6 ст. 136 ТК РФ: установлен срок выплаты заработной платы – один раз в месяц, в то время как законодатель предусматривает выплату заработной платы не реже, чем раз в полмесяца [6].

В обоих приведенных случаях правотворчество социальных партнеров сопровождалось нарушением трудового законодательства, так как социальные партнеры включали в коллективные договоры положения, противоречащие трудовому законодательству. В процессе реализации положений коллективных договоров могли быть нарушены права конкретных работников. При этом важно отметить, что оспаривались положения коллективных договоров, не прошедших государственную регистрацию.

Наличие фактов принятия актов социального партнерства, ухудшающих правовое положение работников, подтверждается статистическими данными ГИТ по Пермскому краю. За 2013 г. проверено 185 коллективных договоров и соглашений, выявлено 74 случая нарушения трудового законодательства [5].

ГИТ по Пермскому краю при проведении контрольно-надзорных мероприятий уже в 2014 г. выявлены многочисленные нарушения законодательства при заключении коллективных договоров. Так, в ООО «Нива» в нарушение требований ст. 40 и 41, ч. 6 ст. 136 ТК РФ в коллективном договоре (п. 5. 1. 2. коллективного договора) установлен один день выплаты заработной платы, таким образом, в организации заработная плата выплачивается реже, чем каждые полмесяца.

Проблемы с регулированием оплаты труда иллюстрирует и другой пример. В ОАО «Верещагинский ПРМЗ «Ремпутьмаш» выявлено нарушение требований ст. 40, 41, ч. 6 ст. 136 ТК РФ: в коллективном договоре организации (п. 4. 13. коллективного договора) предусмотрен следующий график выплаты заработной платы: аванс – 15 числа расчетного месяца; окончательный расчет – 30 числа месяца, следующего за расчетным, т.е. реже, чем каждые полмесяца. Вызывает удивление позиция представительных органов работников, согласовавших и одобрявших незаконные положения коллективных договоров и поставивших под ними свою подпись.

Таким образом, реализуя свое право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений, социальные партнеры могут нарушить трудовое законодательство, включив в содержание правовых актов положения, которые будут противоречить Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, трудовому законодательству и иным нормативным правовым актам, содержащим нормы трудового права, ухудшающие условия труда работников, снижающие уровень их правовых гарантий в сфере труда.

Во-вторых, антиправовое воздействие социальных партнеров на общественные отношения, входящие в предмет трудового права, в процессе правотворчества может выражаться в нарушении процедуры принятия правового акта. Проиллюстрируем это суждение примером из судебной практики. Первичная профсоюзная организация (далее по тексту – ППО), входящая в Нижегородскую областную организацию Росхимпрофсоюза, обратилась в суд с иском о признании коллективного договора недействитель-

ным, мотивируя это следующим: на организационном собрании работников было принято решение о создании ППО и об инициировании переговоров с работодателем по поводу заключения коллективного договора. Однако вскоре в ППО поступила информация о том, что в организации уже существует коллективный договор, который якобы утвержден общим собранием коллектива. При этом выяснилось, что работники о наличии коллективного договора ничего не знали, а сам коллективный договор от их имени неправомерно заключен председателем профсоюза предпринимателей, т.е. неуполномоченным лицом.

Судебная коллегия по гражданским делам Нижегородского областного суда отметила, что заявленные требования направлены на оспаривание правового акта по мотиву его несоответствия требованиям закона, регламентирующего процедуру его заключения. При новом рассмотрении данного дела в Дзержинском городском суде Нижегородской области иск ППО был удовлетворен, коллективный договор признан недействительным на том основании, что при его заключении было нарушено трудовое законодательство, защищающее право работников на участие в управлении организацией [7]. По поводу приведенного примера хотелось бы добавить, что социальный партнер – профсоюз – сумел противостоять антиправовому воздействию другого социального партнера – работодателя, пользуясь принадлежащим ему правом обращения за защитой в судебные органы. В то же время судебной практике известны случаи, когда работник, не являясь субъектом социальной власти, не может в одиночку противостоять антиправовому воздействию социальных партнеров по коллективному договору.

Показателен следующий пример. П. обратил в суд с иском к ОАО «Онежский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат» (далее – ОАО «Онежский ЛДК») о признании незаконным дополнительно-го соглашения от 29 августа 2008 г. к коллективному договору ОАО «Онежский ЛДК» от 22 мая 2002 г. (далее – Коллективный договор). Свои требования истец мотивировал тем, что был уволен с предприятия в связи с сокращением штатов. В соответствии с пунктами 6. 1–6. 4 коллективного договора он имел право на единовременное вознаграждение в размере трех средних месячных заработков и вознаграждение по итогам работы за год. Однако данная выплата ему не произведена, поскольку ее приостановили оспариваемым соглашением, принятым, по мнению истца, с нарушением норм ТК РФ. Между тем коллективный договор предусматривал внесение изменений и допол-

нений к нему по соглашению его сторон лишь в случае повышения гарантий и прав работников. Кроме того, данное соглашение не зарегистрировано в установленном порядке. П. просил суд признать недействительным данное дополнительное соглашение.

Удовлетворяя жалобу работника, надзорная инстанция исходила из того, что в трудовом законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие работнику оспорить в суде коллективный договор в порядке, установленном для разрешения индивидуальных трудовых споров.

Вместе с тем положения коллективного договора не могут быть признаны недействительными по иску отдельного работника, поскольку он *не является стороной этого коллективного договора* – (курсив наш) [9].

В своем определении Верховный Суд РФ по сути дела подтвердил тот факт, что работник не является субъектом социальной власти, а лишь испытывает на себе властное воздействие иных субъектов – государства, работодателей и социальных партнеров.

Противостоять такому воздействию при обоюдном согласии сторон социального партнерства самостоятельно работник в суде не может. Дополнительное соглашение к коллективному договору не прошло уведомительную регистрацию, в ходе которой, возможно, обнаружались бы «пороки» его содержания и процедуры заключения.

Отказавшись в свое время в угоду экономическим интересам работодателей от обязательности заключения коллективных договоров, предусмотрев лишь уведомительную регистрацию коллективных договоров и соглашений, законодатель не учел того, что значение этих актов будет понижаться, во многом они станут формальностью, «пиаром», а работодатели будут пользоваться иными регуляторами общественных отношений, входящих в предмет трудового права. Так, Л.Ю. Бугров говорил о наличии двух противоположных тенденций в российском праве вообще и в трудовом праве в частности. Он писал о попытках решения сложных экономических задач исключительно юридическими средствами и, наоборот, о принижении роли права вплоть до юридического нигилизма [1].

До сих пор в законодательстве не предусмотрена процедура по устранению недочетов актов социального партнерства. Та же ст. 50 ТК РФ, установив положение о том, что при осуществлении регистрации коллективного договора, соглашения соответствующий орган по труду выявляет условия, ухудшающие положение работников по сравнению

с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, и сообщает об этом представителям сторон, подписавшим коллективный договор, соглашение, а также в соответствующую государственную инспекцию труда, в то же время не закрепляет порядка устранения недочетов актов социального партнерства. Каковы последствия подобных решений для социальных партнеров? В какой срок они устранят выявленные нарушения? И устранят ли их вообще? А сколько за это время работодатель может, например, сэкономить денежных средств, предоставляя работникам меньшее количество дней оплачиваемого отпуска, чем положено по закону. Например, в 2014 г. ГИТ по Пермскому краю при проведении проверки ФКП «Пермский пороховой завод» установила, что в нарушение требований ст. 41 и 40, ч. 2 ст. 117 ТК РФ и Постановления Правительства Российской Федерации от 20.11.2008 № 870 «Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени, ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, повышенной оплаты труда работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда» в коллективном договоре организации (п. 5. 1. 3. коллективного договора) предусмотрено предоставление «работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда согласно «Перечню работ, профессий и должностей, работа в которых дает право на дополнительный оплачиваемый отпуск» в размере 3, 7 и 9 календарных дней» вместо не менее 7 календарных дней, положенных по законодательству, при установлении по результатам аттестации рабочих мест по условиям труда 3 класса любой степени вредности».

Между тем в непростых экономических условиях те же представители работников могут уклоняться от проведения коллективных переговоров по изменению условий коллективного договора в целях сохранения имеющихся гарантий. С точки зрения закона это деяние ненаказуемое (т.е. правомерное), но в то же время оно своими последствиями может нанести вред работодателю. Некоторые границы антиправового воздействия в социально-партнерских отношениях определил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 января 2002 г. № 3-П. Предметом рассмотрения судебного органа являлось дело о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 170 и ч. 2 ст. 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и п. 3 ст. 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».

Конституционный Суд РФ, установив неконсти-

туционность указанных статей, определил основные признаки злоупотребления правом:

- во-первых, это необоснованные преимущества одного субъекта права перед другими управомоченными лицами, что нарушает права и свободы этих лиц;
- во-вторых, при злоупотреблении правами нарушаются (или могут быть нарушены) права и свободы других лиц, что противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, провозглашенному в ст. 19 (ч. 1) Конституции РФ.

Данное постановление заслуживает внимания и потому, что норма ст. 235 КЗоТ РФ, признанная неконституционной, весьма схожа с нормой, содержащейся в ст. 374 ТК РФ, в силу которой увольнение по инициативе работодателя руководителей выборных профсоюзных организаций, не освобожденных от основной работы, допускается, помимо соблюдения общего порядка увольнения, только с предварительного согласия соответствующего выборного профсоюзного органа. Конституционный Суд РФ, проверяя эту норму на соответствие Конституции РФ, пришел к выводу о том, что действующая норма рассматривается как особая мера социальной защиты, как гарантия осуществления руководителями профсоюзов при осуществлении ими профсоюзной деятельности, направленной на исключение препятствий такой деятельности. Суд отметил далее, что данная норма не препятствует обращению работодателя в суд с защитой своего права на свободу экономической деятельности при отказе вышестоящего профсоюзного органа дать предварительное мотивированное согласие на увольнение такого работника [10].

Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 421-О важно и потому, что суду общей юрисдикции при рассмотрении трудового спора необходимо было каждый раз устанавливать злоупотребление правом со стороны профсоюза, если он возражает против увольнения его функционера.

Тем не менее, невзирая на обилие норм трудового и административного законодательства, устанавливающих ответственность работодателя в социально-партнерских отношениях, нельзя исключать возможность злоупотребления правом с его стороны. В этой связи показателен пример злоупотребления правом, приведенный Л.Ю. Бугровым, применительно к деятельности комиссии по трудовым спорам. Комиссия по трудовым спорам в учреждении составляет шесть человек. Заявитель обратился в эту комиссию за разрешением трудового спора. Но одного представителя работников, который, по мнению администра-

ции, проголосовал бы в пользу заявителя, отправили в командировку. Трех представителям работодателя был отдан устный приказ голосовать строго в определенном направлении. Исход дела был предрешен в пользу работодателя [2].

Таким образом, если даже в действиях социального партнера усматривается злоупотребление своим правом, то он тем не менее находится под защитой трудового и административного законодательства, если нет – к нему можно применить меры юридической ответственности. Решением проблемы преодоления антиправового воздействия социальных партнеров в общественных отношениях, входящих в предмет трудового права, могла бы стать имплементация положений судебной практики о запрете злоупотребления правом социальными

партнерами, в частности в трудовое законодательство. Полагаем, что данный запрет нуждается в нормативном закреплении в ст. 24 ТК РФ как принцип «недопустимости злоупотребления правом социальными партнерами». Этот тезис обосновывается, в частности, тем, что в настоящее время весьма проблематично привлечь к юридической ответственности представительный орган работников, хотя и злоупотребляющий своим правом, и тем самым решить проблему юридических гарантий прав работодателя [3]. В то же время необходимо исключить возможность злоупотребления правом и со стороны работодателя. Гарантией его недопущения служит контроль (надзор) государства в лице полномочных органов.

Список литературы

1. Бугров Л.Ю. Отражение мобильности труда в трудовом праве России // Вестник ПГУ. Серия: Юридические науки. 1999. Вып. 2. С. 133–134.
2. Бугров Л.Ю. Спорные вопросы реализации российскими судами Трудового кодекса Российской Федерации // Проблемы защиты трудовых прав граждан: материалы научно-практической конференции / Под ред. А.С. Леонова. – М., 2004.
3. Каплун Е.В. Осуществление работодателем субъективных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2005.
4. Нестерова Т.А. Защита трудовых прав в России: юридическая сущность и приоритетная роль государственных органов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
5. Отчет о работе Государственной инспекции труда в Пермском крае за 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://git59.rostrud.ru/results/41487.shtml> (дата обращения: 07.09.2015).
6. Официальный сайт Государственной инспекции труда в Приморском крае [Электронный ресурс] // URL: <http://git25.rostrud.ru/2858.shtml/xPages/entry.9220.html> (дата обращения: 05.09.2015).
7. Официальный сайт Нижегородского областного совета профсоюзов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nizhprof.ru/admin/content/kollektivnyy-dogovor> (дата обращения: 07.09.2015).
8. Официальный сайт прокуратуры Первомайского района Оренбургской области [Электронный ресурс] // URL: <http://pervomai.orenprok.ru/news-link/news/2014/03/17/pervomai14mart17/> (дата обращения: 05.06.2014).
9. Дело № 1-В10-1/2010 // Текущий архив Верховного Суда Российской Федерации.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 421-О «По запросу Первомайского районного суда города Пензы о проверке конституционности части первой статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 27 января.

Reference list

1. Bugrov L. Disputed issues of implementation of Russian courts of the Labour Code of the Russian Federation // Issues of citizens' labour rights protection: Proceedings of scientific-practical conference / Under the editorship of A. Leonov. M., 2004.
2. Bugrov L. As a reflection of the mobility of labour in the labour law of Russia // Bulletin of PSU. Series: Juridical sciences. 1999. Vol. 2. P. 133–134.
3. Case №. 1-V10-1/2010 // The current archive of the Supreme Court of the Russian Federation.
4. Kaplun E. Implementation of the employer's subjective rights: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Perm, 2005.
5. Nesterova T. Protection of labour rights in Russia: Legal essence and a priority role of state authorities: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. Yekaterinburg, 2005.
6. Official website of Nizhny Novgorod Regional Council of Trade Unions. [Electronic resource]. URL: <http://www.nizhprof.ru/admin/content/kollektivnyy-dogovor> (date of access: 07.09.2015).
7. Report on the work of State Labour Inspection in the Perm kray in 2013 [Electronic resource]. URL: <http://git59.rostrud.ru/results/41487.shtml> (date of access: 07.09.2015).
8. The Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2003 №. 421-O "Upon the request of Pervomayskiy district court of Penza about the verification of constitutionality of part one of 374Article of the Labour Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 27.01.2004. № 12.

9. The official website of Prosecutor's Office of the Pervomaiskiy district of Orenburg region. [Electronic resource]. URL: <http://pervomai.orenprok.ru/news-link/news/2014/03/17/pervomai14mart17/> (date of access: 05.06. 2014).
10. The official website of the State Labour Inspection in the Primor'ye region. [Electronic resource]. URL: <http://git25.rostrud.ru/2858.shtml/xPages/entry.9220.html> (date of access: 05.09. 2015).

УДК 343

Чистова Л.Е.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, касающиеся сущности задач осмотра места происшествия по делам о контрабанде наркотических средств. Делается акцент на то, что в результате данного следственного действия могут быть получены сведения о некоторых обстоятельствах совершения конкретного преступления, на основе которых определяется дальнейшее направление его расследования. В статье отмечается также, что успешное расследование преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, зависит от правильного понимания задач осмотра места происшествия, так как это способствует полному, объективному и всестороннему производству данного следственного действия, в результате чего на основе информации, полученной при изучении обстановки и механизма происшедшего события, обнаружения и исследования материальных следов, возможно как установление причинных связей действий преступника с наступившими последствиями, так и выявление самих преступников и иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Подробно рассмотрены отличия процедуры осмотра места происшествия от процедуры допроса. Обращено внимание на то, что их смешение приводит к комбинированному следственному действию осмотра-допроса, которое в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует, а следовательно, и его результаты не имеют доказательственного значения. Рассматриваются также различия в фиксации осмотра места происшествия и допроса.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, сущность осмотра места происшествия, задачи осмотра места происшествия, контрабанда наркотических средств

Chistova L.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminalistics of the Moscow University of Ministry of Internal Affairs
named after V. Kikotya

THE NATURE AND TASKS OF VIEW OF PLACE OF OCCURRENCE BY CASES OF SMUGGLING NARCOTIC DRUGS

The article examines controversial issues relating to the nature tasks of view of place of occurrence by cases of smuggling narcotic drugs. It is emphasized that as a result of this investigation activity the information can be obtained about some circumstances of commitment of a specific crime on the basis of which the further direction of its investigation can be determined. The article also notes that the successful investigation of crimes have been related to smuggling narcotic drugs can depend on a proper understanding of the tasks of view of place of occurrence because it promotes full, comprehensive, objective and extensive procedure of this investigation activity; it is possible to determine causal connections of the offender actions with become effects and find out these offenders and other circumstances which are relevant to the case on the basis of information obtained in the examination of condition and mechanism of happened event, the detection and examination of material traces. It is considered in depth the differences of the procedure of view of place of occurrence from questioning procedure. Attention is drawn to the fact that their confusion leads to a combined investigation activity of view-questioning which does not exist in the criminal procedure legislation and, thus, its results have not an evidential significance. Also the differences in fixation of view of place of occurrence and questioning are considered in the article.

Keywords: view of place of occurrence, nature of view of place of occurrence, tasks of view of place of occurrence, smuggling narcotic drugs

О важности осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел в криминалистической литературе упоминалось неоднократно [1, 2, 3, 4]. Не является исключением и расследование уголовных дел, связанных с контрабандой наркотиков. В процессе проведения осмотра места происшествия по делам данной категории удастся получить ценную информацию как о непосредственном факте контрабанды наркотиков, так и о других обстоятельствах, связанных с этим событием, что может являться основой для расследования преступления в целом.

Следует отметить, что в криминалистической литературе задачи осмотра места происшествия, в том числе и по контрабанде наркотических средств, разными авторами понимаются по-разному. Например, А.Н. Лебедев к таким задачам относит «выявление лиц, причастных к совершенному преступлению, свидетелей; установление связи контрабанды наркотиков с совершением других преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1, 322 УК РФ и других, и наоборот» [5; с. 346].

На наш взгляд, такие задачи выходят за рамки данного следственного действия.

Согласно ст. 176 КПК РФ осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела.

Почти все авторы, посвятившие свои работы осмотру места происшествия, единодушно отмечают, что его сущность состоит в непосредственном изучении и фиксации следователем обстановки места происшествия, находящихся на нем следов и иных объектов в целях получения фактических данных, имеющих значение для расследования преступления [6, 7, 8, 9].

При этом следователь выявляет, какие изменения в результате преступного события в этой обстановке наступили, в чем они выразились, для того чтобы выяснить, что же произошло на этом месте. А для этого он принимает меры, прежде всего, к отысканию следов преступника с целью установления количества лиц, совершавших преступление, их индивидуальных особенностей; предметов, использовавшихся при этом в качестве орудия преступления; непосредственных действий по сокрытию преступления и т.д. Иными словами, воспроизводя по существующей обстановке картину происшествия, следователь стремится получить определенную информацию, которую он будет использовать при обнаружении преступников. Именно эта информация и будет служить фактическим основанием для выдвижения версий, в том числе и о лицах, причастных к его совершению.

Таким образом, выявление лиц, причастных к совершенному преступлению, в том числе и по контрабанде наркотических средств, – это не задача осмотра места происшествия, а деятельность следователя по раскрытию и расследованию конкретного преступления. Но делать он это будет по результатам осмотра места преступления. Даже если при осмотре места происшествия, например, в автомобиле, принадлежащем конкретному гражданину, обнаружили героин или в багаже на упаковке с наркотиком выявили отпечатки пальцев, это еще не значит, что преступник найден. По результатам осмотра места происшествия следует назначить дактилоскопическую экспертизу, и, если ее выводы будут свидетельствовать о том, что это отпечатки пальцев хозяина багажа, тогда после производства иных следственных действий, подтверждающих участие конкретного лица или лиц в контрабанде героина, можно говорить о выявлении лиц, причастных к совершенному преступлению. Но это, следует подчеркнуть, происходит не в ходе осмотра места происшествия, а по его результатам. Насколько качественно сотрудник следственных органов проведет осмотр места происшествия, насколько полную и объективную информацию сможет почерпнуть из изучения обстановки места происшествия, настолько и результативны будут его действия по выявлению лиц, причастных к преступлению.

И совсем не является задачей осмотра места происшествия выявление свидетелей конкретного происшествия. Это делается в результате производства либо оперативно-разыскных мероприятий, по поручению следователя, либо параллельно осмотру места происшествия, либо уже после его производства в результате допроса конкретных лиц.

То же самое можно сказать и об установлении связи контрабанды наркотиков с другими преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств. Такая связь обязательно должна быть установлена, поскольку контрабанда этих средств, веществ и растений является одной из форм введения их в незаконный оборот. Но она устанавливается также в процессе расследования преступления путем обысков, допросов, иных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, но никак не осмотром места происшествия.

Таким образом, задачами осмотра места происшествия, в том числе и по контрабанде наркотиков, являются:

– изучение механизма и выяснения обстановки происшедшего события;

- обнаружение и исследование его материальных следов;
- установление времени и других обстоятельств совершенного преступления;
- установление причинных связей действий преступника с наступившими последствиями;
- фиксация обстановки места происшествия, находящихся на нем следов и иных объектов в целях получения фактических данных, имеющих значение для расследования преступления.

Вызывает также сомнение высказывание А.Н. Лебедева о том, что «осмотр места происшествия, как правило, включает все остальные виды осмотра: участка местности, жилища или иного помещения, предметов, документов и т.д.» [5].

Это зависит от того, где конкретно произошло преступление. Если осмотр места происшествия производится на пунктах досмотра транспорта, то жилое помещение здесь ни при чем. Эти два места никак нельзя одновременно осмотреть в принципе. Если осматривается багаж в таможенном помещении, никак нельзя осматривать документы, его сопровождающие, так как они находятся в другом месте. Или же осматривать почтовое отправление в учреждениях связи и какой-либо участок местности, находящийся совсем в другом месте.

Все названные виды следственного осмотра являются самостоятельными. Но в особых случаях некоторые из них могут совпадать. Например, при производстве осмотра места происшествия на пропускном пункте, при расширении его границ может затрагиваться прилегающая территория. В данном случае это будет единое место происшествия. Осмотр же таможенной документации будет осуществляться в рамках осмотра документов как самостоятельного следственного действия.

Следует отметить, что мы не согласны с позицией А.В. Присекина и В.В. Яровенко, считающих, что если в процессе производства осмотра места происшествия в присутствии виновных лиц они дают пояснения по поводу изымаемых наркотических средств и иных предметов, то их показания следует заносить в протокол осмотра места происшествия: «... если лицо дает пояснения по поводу обнаруженных предметов и веществ, необходимо отметить это в протоколе, а после окончания следственного действия провести допрос с целью более подробно зафиксировать эти показания по всем указанным поводам» [2; с. 80–81].

В данном случае происходит смешение нескольких следственных действий, а именно осмотра места происшествия и допроса. Но это самостоятельные следственные действия, и они никак не могут быть объединены, поскольку у них разные цели и сущность.

Цель осмотра места происшествия – обнаружение следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эта цель достигается особыми, присущими только этому следственному действию средствами, методами и приемами.

Цель же допроса – «в получении и фиксации показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для дела» [6; с. 370]. И эта цель также достигается присущими именно допросу средствами, методами и приемами. Помимо того, у этих следственных действий разная сущность.

Как мы уже отмечали, сущность осмотра места происшествия состоит в непосредственном выявлении, изучении и фиксации обстановки, где было совершено происшествие, находящихся на нем следов и иных объектов для выяснения обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Сущность допроса заключается в получении от допрашиваемого информации о расследуемом событии или связанных с ним обстоятельствах и лицах.

Таким образом, смешение этих следственных действий привело бы к созданию нового следственного действия – осмотр-допрос. Но в Уголовно-процессуальном кодексе такие следственные действия не значатся, и, следовательно, проводить их ни в коем случае нельзя.

При осмотре места происшествия, действительно, могут задаваться вопросы присутствующим при его производстве лицам. Делается это для того, чтобы действия следователя были целенаправленными, и, кроме того, такие пояснения помогают ему восстановить полную картину данной обстановки до совершения преступления; определиться, на какие объекты обратить внимание, где могут находиться следы преступника и т.д. Но в протоколе осмотра места происшествия фиксируется только его ход, т.е. обстановка, сложившаяся на момент совершения преступления, и непосредственные действия по обнаружению следов и иных предметов, имеющих значение для дела. Все же показания, данные следователю присутствующими лицами при осмотре, фиксируются после его окончания в протоколе допроса с учетом использованных при этом тактических приемов.

Таким образом, только произведенный в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, а также полно и объективно осмотр места происшествия может служить источником доказательств при расследовании любого вида преступления, в том числе и по контрабанде наркотических средств.

Список литературы

1. Криминалистика. Полный курс: учебник / под общей ред. А.Г. Филиппова. Бакалавр. – М.: Юрайт, 2013. С. 325–343.
2. *Присекин А.В., Яровенко В.В.* Криминалистическое исследование тайников как способа сокрытия незаконного оборота наркотических средств. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 77–82.
3. *Чистова Л.Е.* Расследование преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 161–169.
4. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. М.: Закон и право, 2008. С. 381–385.
5. *Лебедев А.Н.* Криминалистические аспекты осмотра места происшествия при расследовании контрабанды наркотиков // *Антинаркотическая безопасность.* – 2014. – № 2 (3). – С. 92–93.
6. *Филиппов А.Г.* Криминалистика. Полный курс: учебник / под общей редакцией А.Г. Филиппова. Бакалавр. – М.: Юрайт, 2013.
7. *Чегодаева С.С.* Тактика следственного осмотра // *Криминалистика: учебник, 2-е изд. / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова.* – М., 2008. С. 381–382.
8. *Роганов С.А.* Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса. – СПб., 2005. С. 332.
9. *Белкин Р.С.* Криминалистика: краткая энциклопедия. – М., 1993. С. 51.

Reference list

1. Criminalistics. Full course: Textbook / Under the general editorship of A. Filippov. Bachelor. M.: Yurait, 2013. P. 325–343.
2. *Prisekin A., Yarovenko V.* Criminalistic investigation of caches as a means of concealing illicit traffic in narcotic drugs. M.: Yurlitinform, 2013. P. 77– 82.
3. *Chistova L.* The investigation of crimes in sphere of illicit traffic of potent or toxic substances. M.: Yurlitinform, 2014. P. 161–169.
4. Criminalistics: Textbook / Under the editorship of A. Volynskiy and V. Lavrov. M.: Law and Right, 2008. P. 381–385.
5. *Lebedev A.* Criminalistic aspects of view of place of occurrence while investigating of smuggling drugs // *Counter-drug security.* 2014. № 2 (3). P. 92–93.
6. *Filippov A.* Criminalistics. Full course: Textbook / Under the general editorship of A. Filippov. Bachelor. M.: Yurait, 2013.
7. *Chegodaeva S.* Tactics of investigative view // *Criminalistics: Textbook, 2nd edition / Under the editorship of A. Volynskiy and V. Lavrov.* M., 2008. P. 381–382.
8. *Roganov S.* The investigation of crimes in sphere of unconventional drug business. SBR., 2005. P. 332.
9. *Belkin R.* Criminalistics: Brief encyclopedia. M., 1993. P. 51.

УДК 343.9

Михалёв А.В.,

старший преподаватель Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Автор статьи рассматривает вопросы предварительного анализа следов на месте происшествия, определяет цели этой работы, рассматривает информацию, которую могут содержать следы. Затрагиваются вопросы ситуационного анализа места происшествия. Определяется круг субъектов предварительного исследования. Высказываются предложения по поводу дальнейшего развития в криминалистике комплексного анализа следовой информации и необходимости разработать единый алгоритм сбора и переработки следовой информации как комплекса следов, оставшихся на месте преступления.

Ключевые слова: предварительное исследование, ситуационный анализ, место происшествия, комплексный анализ следовой информации

Mikhalev A.,

Senior Lecturer of Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

REVISITING A PRELIMINARY STUDY OF TRACE INFORMATION AT THE CRIME SCENE

The article author considers the issues of the preliminary analysis of traces at the place of occurrence and one determines the objectives of this work and considers the information which may contain traces. There are addressed the issues of situational analysis of the place of occurrence. In the article the range of subjects of preliminary study is defined. The article author makes suggestions regarding further development of comprehensive analysis of the trace information in forensics, about the need to develop a uniform algorithm of information gathering and processing of trace information as a set of traces, which were remained at the crime scene.

Keywords: preliminary study, situational analysis, place of occurrence, comprehensive analysis of trace information

Следы являются неотъемлемой частью нашей жизни. Они сопровождают любые изменения, которые происходят в материальной среде. Следы отображают картину преступления, способ совершения преступления и непосредственно самого преступника как личность. Поэтому изучение следов преступления является предметом исследования ученых в криминалистике.

Как правило, поиск и изучение следов начинается при проведении неотложного следственного действия – осмотра места происшествия. В соответствии с п. 17 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции вправе проводить предварительное исследование следов на месте происшествия.

Предварительное исследование – это внепроцессуальное применение специальных знаний для определения относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, об обстоятельствах происшествия, об

особенностях орудий взлома, о природе и сущности объектов, обнаруживаемых в ходе следственного действия и имеющих значение для расследования [1].

Информация, которую могут дать следы, может содержать сведения о личности предполагаемого преступника, сведения о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих преступника [2], а также сведения о личности потерпевшего (например, при обнаружении неопознанного трупа).

Целью предварительного исследования, проводимого в процессе осмотра места происшествия, является получение информации ориентирующего характера. Полученная информация позволяет организовать розыск преступников по горячим следам и принять другие меры по раскрытию преступления и выявлению правонарушителя.

Для предварительного исследования следов характерно использование экспресс-средств и мето-

дов, которые дают быстрый результат и не допускают изменения, повреждения или уничтожения объектов исследования.

Еще во второй половине XIX в. некоторые следы человека были изучены и систематизированы для целей розыска. Например, в работе Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», изданной в 1892 г., отдельная глава была посвящена изучению следов ног человека.

Советские ученые-криминалисты проводили исследования, позволяющие решать диагностические задачи: определять типы и виды папиллярных узоров, локализацию отобразившегося в следе участка узора, сроки оставления потожирового вещества следа (ПЖВ) на различных объектах-следоносителях, последовательность применения средств и методов выявления папиллярных линий на различных поверхностях и т.д. Учеными разработаны формы справок, в которых отражались результаты осмотра места происшествия и в которых целесообразно указывать дефекты строения анатомических признаков руки, размерные характеристики: длина ладони, пальцев, их ширина, наличие посторонних предметов (кольца, повязки, перчатки и т.д.) [3].

Предварительное исследование является ситуационным анализом места происшествия – методикой криминалистического исследования места происшествия, которая основана на последовательном изучении отдельных видов следов, их сопоставлении друг с другом, с обстановкой до, во время и после совершения преступления, что позволяет формулировать выводы о последовательности действий участников события и их признаках [4].

К субъектам предварительного исследования относят не только сотрудников судебно-экспертных учреждений и подразделений правоохранительных органов, но и следователей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных и других лиц, которые обучены приемам предварительного исследования. Все вышеуказанные лица имеют право на составление розыскных ориентировок, обладают специальными познаниями, применение которых непосредственно на месте происшествия может существенно облегчить дальнейшую работу по раскрытию преступлений.

На практике же чаще всего все вышеописанные сотрудники правоохранительных органов действуют разрозненно, если и включаются в анализ ситуации, то эпизодически. Поэтому задача правоохранительных органов – проводить предварительное исследование так, чтобы оно действительно являлось ситуационным анализом, а не превратилось в формальность или работу одного только эксперта-криминалиста.

Рассмотрим несколько методик криминалистического исследования.

Например, при исследовании папиллярных линий в рамках криминалистической дерматоглифики можно решить ряд диагностических задач, касающихся вопросов установления некоторых генетических особенностей человека – роста, пола, возраста, наследственных заболеваний у разыскиваемого лица, установление характеристик личности при расследовании убийств с расчленением трупа и т.д. [5]. При этом следует отметить, что нигде не определено, какие именно специалисты будут проводить эти исследования и какая методика будет использоваться [3].

По мнению В.Н. Звягина, на первый план должна быть поставлена проблема комплексного подхода к анализу всей информации: всесторонняя оценка дерматоглифических признаков совместно с признаками внешности, результатами рентгенологического исследования, генетическими маркерами крови и слюны, молекулярно-генетическим анализом ДНК. Такой подход к анализу всей информации характерен и для проведения данного криминалистического исследования папиллярных узоров [3].

Недостаточно используются возможности АДИС «Папилон». Вопросы выявления по папиллярным узорам какой-либо информации о человеке, их оставившем, ранее не ставились. Вместе с тем АДИС «Папилон» позволяет оперативно отождествлять личность, а идентификации в режиме «след – след» позволяют объединить уголовные дела, что является важным обстоятельством при расследовании преступлений.

И.М. Никитин сделал аналогичные выводы, он предложил алгоритм решения диагностической задачи по установлению принадлежности следов рук одному человеку и методические рекомендации по определению принадлежности отпечатков нескольких пальцев рук одному человеку [6].

Экспресс-информацию по папиллярным узорам можно получать в случаях анализа дактилокарт, находящихся в различных базах данных, и непосредственно на месте происшествия по обнаруженному следу папиллярных линий. В ходе экспресс-исследования возможно: выявить анатомические дефекты строения руки, отсутствие фаланг, их искривленную форму, утолщения суставов в районе межфаланговых флексорных линий; установить повреждения руки или пальца, наличие перевязочной повязки или пластыря на месте вероятного повреждения; определить размер как отдельных фаланг пальцев рук, так и кисти руки в целом.

На основании полученных измерений можно по соответствующим таблицам определить примерный

рост человека, по расстоянию между папиллярными линиями – примерный возраст и половую принадлежность человека, их оставившего и т.д. В ходе исследований было установлено, что при различном росте людей встречается одинаковый размер длины стопы и наоборот. Например, росту 160 см может соответствовать длина стопы от 21 до 26,5 см, росту 164 см – от 21,5 до 27 см, а росту в 180 см – от 24 до 29 см [7]. Иные ученые сделали вывод о том, что следует учитывать и другие данные, состоящие из 11 основных и 4 произвольных способов определения роста человека [8].

Учитывая, что антропологические характеристики человека меняются, методики по установлению некоторых характеристик человека – его рост, длина стопы, соотношение длины пальцев с длиной ладони и ее шириной – должны быть пересмотрены и приведены к соответствующим размерным данным. Необходимо разработать единый алгоритм сбора и переработки следовой информации как комплекса следов, оставшихся на месте преступления.

В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с тем, что

лица, ответственные за сбор материальных следов преступления, полагаются на криминалистические рекомендации по собиранию и исследованию отдельных следов преступления и опыт своей работы. Это не исключает субъективных или объективных ошибок. Субъективные ошибки возникают по причине комплексного подхода к осуществлению поисково-познавательной деятельности. Учитывая, что следы очень многообразны, имеют различные формы их проявления, необходимо сформировать универсальные криминалистические рекомендации, охватывающие в своем содержании эффективные методы и способы познания материально-следовой картины преступления.

Таким образом, проведение предварительного комплексного изучения материальных следов на месте происшествия с одновременным грамотным анализом следственной ситуации позволяет значительно повысить эффективность информационного обеспечения оперативно-разыскных мероприятий и способствует быстрому раскрытию преступлений.

Список литературы

1. Мороз А.В. Исследование материальных следов преступления // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 202.
2. Митричев В.С., Хрусталева В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. – СПб., 2003. – С. 94.
3. Соколова О.А. Основные направления использования папиллярскопической информации в раскрытии и расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. – 2013. – №1–2. – С. 102–103.
4. Хрусталева В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. СПб., 2003.
5. Истунин-Федотков Д.В. Криминалистический словарь-справочник. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. – С. 99.
6. Никитин И.М. Методологические аспекты установления принадлежности следов пальцев рук одному человеку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_8229.html
7. Тараскаев С.А. Криминалистическое исследование следов босых ног человека: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. С. 20–21.
8. Чулахов В.Н. Способы определения роста преступника по следам ног: материалы 4-ой международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 30–31 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. С. 324–329.

Reference list

1. Moroz A. The study of material traces of crime // Theory and practice of social development. 2011. № 1. P. 202.
2. Mitrichev V., Khrustaleva V. Fundamentals of forensic processing materials, substances and products from them. SBR., 2003. P. 94.
3. Sokolova O. The main uses of papillary-scope information in the detection and investigation of crimes // News-bulletin of Tula State University. Series: Economic and legal science. 2013. № 1–2. P. 102–103.
4. Khrustaleva V., Trubitsin R. Part of the specialist criminalist in the investigation. SBR., 2003.
5. Istyunin-Fedotkov D. Forensic dictionary-reference. M.: "Yurлитinform" Publishing house, 2010. P. 99.
6. Nikitin I. Methodological aspects of determining the ownership of the fingerprints of one person [Electronic resource]. Access mode: http://www.juristlib.ru/book_8229.html
7. Taraskaev S. Forensic processing traces of human bare feet: Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2011. P. 20–21.
8. Chulakhov V. Methods for determining offender's growth by the footprints: Proceedings of 4th International scientific-practical conference "Theory and practice of forensic expertise in contemporary conditions" (Moscow, 30th–31st of January, 2013). M.: Prospekt, 2013. P. 324–329.

Абгаров С.С.,

соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: МЕЖДУНАРОДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

В статье рассматривается современный зарубежный правовой опыт парламентского контроля с позиций необходимости дальнейшей разработки ключевых положений действующего законодательства Российской Федерации по данному направлению. Автором предлагаются приоритетные направления практического использования и применения проанализированного опыта в современных российских условиях, а также делается вывод о том, что институт парламентского контроля позиционируется как одно из важнейших условий развития российского парламентаризма.

Ключевые слова: парламентский контроль, Государственная Дума, Совет Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, парламентское расследование, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, интерpellация

Abgarov S.,

Degree-seeking student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

RATHER-LEGAL ANALYSIS OF FORMS OF PARLIAMENTARY CONTROL IN CURRENT CONTEXT: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

The article is examined contemporary international legal experience of parliamentary control from the position of the need to further develop the key provisions of the current legislation of the Russian Federation on this area. The author proposes priority directions of practical use and application of analyzed experience in contemporary Russian conditions, as well as it is concluded that the institution of parliamentary control is positioned as one of the most essential conditions of the Russian parliamentarism development.

Keywords: parliamentary control, State Duma, Federation Council, Federal Assembly of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, parliamentary investigation, Commissioner for human rights in the Russian Federation, interpellation

Эффективное воздействие органа представительной власти на формирование национальной политической доктрины – важнейший и неотъемлемый атрибут современного правового государства. В зарубежных государствах уже давно признали важность института парламентского контроля. Контроль над деятельностью правительства составляет компетенцию практически всех парламентов независимо от форм правления, последнее влияет лишь на объем данного полномочия [4]. Контрольная функция может быть непосредственно закреплена законодательно либо являться одной из процедур самого парламента. В этой связи предельно актуализирован правовой анализ зарубежного опыта, характеризующийся изучением форм парламентского контроля в различных странах, определением достоинств и недостатков, а также непосредственно оценкой его дальнейших пер-

спектив с точки зрения положительной практики и динамики правоприменения в Российской Федерации.

07.05.2013 был принят Федеральный закон № 77-ФЗ «О парламентском контроле» [9] (далее – Федеральный закон о парламентском контроле либо Закон), в котором были закреплены и систематизированы формы парламентского контроля. Целью принятия данного Федерального закона является повышение роли участия российского парламента в государственной и общественной жизни Российской Федерации. В законе дано четкое определение и расширение контрольных функций представительных органов государственной власти на различных уровнях. По нашему мнению, также следует учитывать вступивший в силу Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федера-

ции» [10], на основании положений которого был введен более демократичный порядок формирования Совета Федерации.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона о парламентском контроле сам контроль может осуществляться в такой форме, как заслушивание Государственной Думой ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе ответов на вопросы, поставленные Государственной Думой. В Российской Федерации в течение длительного времени Правительство было обязано отчитываться перед Государственной Думой только об исполнении федерального бюджета (пункт «а», ч. 1, ст. 114 Конституции Российской Федерации). Это приводило к значительному ограничению, вплоть до полного нивелирования законодательной власти в рамках их взаимодействия, а также к снижению политической ответственности палат Федерального Собрания как органа представительной власти по результатам проводимой государственной политики [5]. В соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» [11] институт ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, был введен в Российской Федерации. На практике данная норма была впервые реализована 6 апреля 2009 г. Таким образом, был сделан значительный шаг вперед на пути к усилению контрольных полномочий российского парламента. Что касается зарубежного опыта, то следует отметить, что конституционная обязанность правительства отчитываться перед парламентом о результатах своей деятельности закреплена, например, в: § 39 Конституции Венгерской Республики; ст. 106 Конституции Румынии; ст. 111 Конституции Республики Хорватия [3].

Одной из следующих форм парламентского контроля является направление палатами Федерального Собрания Российской Федерации парламентских запросов (интерпелляция [12]), а также направление членами Совета Федерации, депутатами Государственной Думы запросов членов Совета Федерации, запросов депутатов Государственной Думы. Интерпелляция может рассматриваться в нескольких аспектах. В первую очередь как обращение к правительству относительно мотивов его деятельности, его дальнейших действий по вопросам, относящимся к определенным аспектам правительственной поли-

тики. Данная форма контроля широко используется в парламентской деятельности большого количества государств, таких, например, как Италия, Финляндия, Япония, Бельгия [7]. Также применяется «большой запрос» – так называемое обращение по актуальной проблеме, требующей после получения (или неполучения в конкретный срок) ответа, обсуждения в палате парламента, которое также может завершиться принятием резолюции порицания. Что касается интерпелляции, которая вносится в палату всегда в письменном виде (а затем передается адресату), вопросы во многих представительных органах могут быть поставлены как письменно (и в дальнейшем переданы адресату), так и устно в четко отведенные сроки («частных вопросов») [8].

Институт парламентского запроса получил конституционное закрепление в Венгерской Республике (§ 27 Конституции), Республике Македония (ч. 3, ст. 72 Конституции), Румынии (ч. 1, ст. 111 Конституции), Республике Хорватия (ст. 86 Конституции), Эстонской Республике (ст. 74 Конституции). Как правило, данный институт получает свое закрепление в законодательных актах, определяющих статус высших законодательных (представительных) органов государственной власти (в п. 11 ст. 9 Статута Сейма Литовской Республики от 17.02.1994 № I-3991) или регламентах законодательных органов (в ст. 47 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) [13].

Что касается депутатского запроса, то эта форма парламентского контроля над деятельностью органов исполнительной власти на практике является одной из самых распространенных. Следует отметить, что непосредственно контрольными полномочиями наделен не конкретный депутат, а парламентский корпус или одна из его палат (в двухпалатном парламенте); депутат или группа депутатов лишь иницируют акт контроля. Российские парламентарии на практике, наоборот, достаточно часто обращаются к рассматриваемой форме парламентского контроля.

В большинстве европейских государств конституционно-правовое закрепление финансового контроля является одним из приоритетных направлений развития экономической и социальной стабильности. В Австрийской республике, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Португалии, Румынии, Франции, Федеративной республике Германии в рамках повышения эффективности контрольных полномочий парламента за исполнением бюджета и расходованием государственных средств создаются специальные, как правило, коллегиальные органы

типа Счетной палаты [14]. В республике Польша орган, занимающийся данными функциями, называется Верховной контрольной палатой, в республике Словения – Счетным судом, в Финляндии – Ревизионным ведомством. Счетные палаты в Австрии и Венгрии в соответствии с Основными законами отнесены к парламентским органам, осуществляющим контрольные функции за исполнением бюджета. Счетные палаты в Болгарии, Испании, Польше, Федеративной республике Германии имеют статус независимого высшего органа финансового контроля. Счетные палаты в Греции, Италии, Португалии, Франции наделены некоторыми полномочиями судебных органов. Отличительной характеристикой вышеуказанных органов контроля над исполнением бюджета является их непосредственная подотчетность парламенту. Основные законы и принятые на их основе нормативные правовые акты наделяют органы парламентского контроля большим объемом полномочий в финансовой сфере [1].

В Российской Федерации парламентский контроль в сфере бюджетных правоотношений осуществляется прежде всего Счетной палатой Российской Федерации. Осуществление палатами Федерального Собрания Российской Федерации взаимодействия со Счетной палатой Российской Федерации предусматривается Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [15]. Важное отличие Счетной палаты от иных органов, наделенных контрольными полномочиями, состоит в том, что она осуществляет внешний контроль, т.е. контролирует исполнительную власть от имени и в интересах российского общества. Принимая во внимание значимость выборных органов власти в демократическом государстве, можно сделать вывод, что Счетная палата выступает в качестве одного из ключевых элементов согласования интересов общества с деятельностью органов государственной власти.

Несмотря на данную положительную динамику по рассматриваемому направлению, некоторые положения действующего законодательства требуют уточнения:

- во-первых, существует три основные формы финансового контроля: предварительный, текущий и последующий [16]. Предварительный контроль, как правило, осуществляется при составлении проектов бюджетных документов и при открытии кредитов для перечисления бюджетных средств; текущий контроль – в процессе исполнения бюджета, последующий контроль проводится по результатам исполнения расходных и доходных статей бюджета с целью установления законности и эффективности произве-

денных финансовых операций. В п. 2 ст. 5 Федерального закона о парламентском контроле закреплено проведение палатами Федерального Собрания Российской Федерации, комитетами палат Федерального Собрания Российской Федерации, Счетной палатой Российской Федерации мероприятий по осуществлению предварительного парламентского контроля, текущего парламентского контроля и последующего парламентского контроля в сфере бюджетных правоотношений. Также на основании п. 2 ст. 4 комментируемого Федерального закона к вопросам ведения Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам непосредственно относятся денежно-кредитная политика, кредитное регулирование и денежная эмиссия. Таким образом, на наш взгляд, при открытии кредитов для перечисления бюджетных средств должен осуществляться не только предварительный, но и текущий и последующий контроль;

- во-вторых, по нашему мнению, объектом парламентского контроля должна быть не только финансовая деятельность должностных лиц и органов государственной власти Российской Федерации, но и деятельность политических партий, которым государство выделяет на осуществление текущей и предвыборной работы финансовые средства.

На основании п. 1 и 2 ст. 33 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [17] государственная поддержка политических партий путем их государственного финансирования осуществляется по итогам участия политических партий в выборах в целях компенсации финансовых затрат политических партий за счет средств федерального бюджета в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом о политических партиях; средства федерального бюджета, выделяемые для государственного финансирования политических партий, предусматриваются в нем отдельной строкой в соответствии с бюджетной классификацией Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 34 комментируемого Федерального закона политическая партия представляет исключительно только в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, а также региональное отделение, иное зарегистрированное структурное подразделение политической партии – в избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, на территории которого они зарегистрированы, сведения о поступлении и расходовании средств политической партии. Что касается проверки соблюдения требований к учету и расходованию средств политических партий, то на основании п. 1 ст. 35 проверка сводного финансового отчета по-

литической партии относится также к исключительной компетенции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

На наш взгляд, по рассматриваемым направлениям следует использовать положительную динамику и практику зарубежных государств. Например, во Франции бюро Национального Собрания или Сената ежегодно рассматривает отчеты политических партий, в которых указываются суммы и источники поступлений, а также расходы в соответствии с их характером. Нарушение партиями установленного порядка отчетности влечет за собой утрату права на получение финансовых средств от государства.

В Итальянской республике полномочиями парламентского контроля над финансированием политических партий наделен председатель Палаты депутатов при участии председателя Сената, а также двух официальных ревизоров. Политические партии обязаны публиковать ежегодный отчет об исполнении своего бюджета. Нормативный правовой акт закрепляет структуру бюджета политической партии, на основании которой более детально вносятся статьи доходов и расходов. Отдельно в обязательном порядке в отчете указываются взносы добровольного характера на сумму большую, чем это закреплено нормативным правовым актом, с конкретной персонализацией как физических, так и юридических лиц, внесших эти денежные средства. Председатель нижней палаты Итальянской республики готовит доклад о результатах контрольной деятельности на совместном заседании палат. Если имеются факты нарушений финансовой дисциплины, то парламент имеет право приостановить государственное финансирование деятельности политических партий до устранения допущенных нарушений [6].

Следующая форма парламентского контроля – это осуществление Государственной Думой взаимодействия с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Следует отметить, что в Федеральном законе о парламентском контроле не уделено достаточного внимания процедуре антикоррупционного расследования. В целях обеспечения единообразного применения и исключения возможности злоупотреблений и возникновения коррупционных норм законодателем предлагается расширить парламентский контроль только за нормотворческой деятельностью Правительства РФ. Например, парламентский антикоррупционный контроль в рамках шведского современного парламента может осуществлять Комитет по делам юстиции, Конституционный комитет, а также непосредственно сам омбудсмен.

В Российской Федерации главная отличительная особенность статуса Уполномоченного по правам человека в том, что правозащитный парламентский контроль, им осуществляемый, можно назвать также «контролем реагирования», поскольку направления его контрольной деятельности инициируются поступившими жалобами. Другая важная особенность состоит в том, что он является единственным лицом, которое законодательно наделено правом извне инициировать парламентские слушания и создание парламентской комиссии по расследованию фактов нарушения прав и свобод граждан в Государственной Думе и участвовать в них. Также, в отличие от Счетной палаты, Уполномоченный по правам человека по итогам своих правозащитных мероприятий может обратиться в суд. Эти полномочия еще раз подчеркивают его статус как особого субъекта парламентского контроля над исполнительной властью [2].

Таким образом, по мнению автора, в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами компетенция Уполномоченного по правам человека подлежит расширению правовыми положениями в отношении деятельности антикоррупционной направленности.

Важная роль в борьбе с коррупцией принадлежит также различным комитетам и комиссиям по служебной этике. Например, в парламенте Ирландии учреждены постоянные комитеты по служебной этике. Независимая (неправительственная) комиссия по контролю над соблюдением должностными лицами норм служебной этики проводит собственные расследования деятельности парламентариев, должностных лиц органов государственной власти и государственных служащих с последующим представлением отчетов в Министерство финансов и непосредственно в сам парламент [7].

Что касается современной российской практики, то в соответствии со ст. 31 Регламента палаты для подготовки к рассмотрению палатой вопросов, связанных с нарушением правил депутатской этики, Государственная Дума на срок полномочий Государственной Думы данного созыва образует Комиссию Государственной Думы по вопросам депутатской этики. В состав данной Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики не могут быть избраны Председатель Государственной Думы и его заместители. Заседания Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики проводятся по мере необходимости.

На основании вышеизложенного автором предлагается создание независимого комитета, действующего на постоянной основе с правом проводить собственные расследования персональных дел парламентариев и сенаторов в рамках своей компетенции с обязательным включением в ее состав Уполномоченного по правам человека.

Проведенный анализ зарубежного правового опыта показал, что разработка и принятие ново-

го Федерального закона о парламентском контроле значительно повысило статус Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации не только в системе государственных органов, но и в общественной и политической жизни страны, а институт парламентского контроля рассматривается как непосредственно одно из приоритетных условий эффективного развития современного парламентаризма.

Список литературы

1. Матвеев П.А. Конституционное право зарубежных стран. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. С. 89.
2. Миронов О.О. Парламентский контроль – функция Федерального собрания России // Право и образование. 2010. № 10. С. 102–111.
3. Овсепян А.Г. Понятие и признаки парламентского контроля (теоретическая характеристика) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 24–29.
4. Пашенцев Д.А. Демократия и разделение властей в действующей Конституции России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 15. С. 111.
5. Прохоров К.В. О необходимости усиления подконтрольности Правительства Федеральному Собранию // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 52–54.
6. Синцов Г.В. Институт Уполномоченного по правам человека в механизме противодействия коррупции // Юридический мир. 2012. № 3. С. 30–33.
7. Страшун Б.А. Избранные конституции зарубежных стран. М.: Юрайт, 2015. С. 101–102.
8. Шаклеин Н.И. Проблемы становления парламентского контроля в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 7. С. 39.
9. Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (редакция от 04 ноября 2014 г.) «О парламентском контроле» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2304.
10. Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ (редакция от 02 мая 2015 г.) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6952.
11. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 2.
12. Интерпелляция (от лат. *Interpellatio* – прерывание речи, жалоба перед судом, иск, требование) – в ряде зарубежных государств (главным образом с парламентской формой правления) обращенное к правительству или отдельному министру требование группы депутатов дать объяснение по поводу проводимой им внутренней или внешней политики, или по какому-либо конкретному вопросу. Интерпелляция отличается как от устных, так и от обычных письменных запросов прежде всего процедурой внесения и правовыми последствиями. Ответ правительства (министра) на интерпелляцию не только сопровождается дополнительными вопросами, но и может повлечь за собой общие дебаты о доверии ему // В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М., 2003.
13. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД (редакция от 16 июня 2015 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
14. См.: Основной Закон Федеративной Республики Германии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие / сост. В.В. Малахов. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 153.
15. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (редакция от 04 ноября 2014 г.) «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
16. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (редакция от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
17. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (редакция от 23 мая 2015 г.) «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

Reference list

1. Matveev P. Constitutional law of the other countries. M.: LAP. Lambert Academy Publishing, 2014.
2. Mironov O. Parliamentary control – function of the Federal Assembly of Russia // Law and education. 2010. № 10.
3. Ovsepyan A. The conception and features of parliamentary control (Theoretical response) // Constitutional and municipal law. Series: Law. 2011. № 3.

4. *Pashentsev D.* Democracy and separation of powers in the Constitution of Russia // Bulletin of Tver' State University. Series: Law. 2009. № 15.
5. *Prokhorov K.* The need to increase controllability of the Cabinet to the Federal Assembly // Constitutional and municipal law. 2010. № 6.
6. *Shaklein N.* Issues of establishing parliamentary control in the Russian Federation // State power and local self-government. 2011. № 7.
7. *Sintsov G.* The institution of the Commissioner for human rights within the mechanism of fighting corruption // Yuridicheskiy mir. 2012. № 3.
8. *Strashun B.* Selected constitutions of the other countries. M.: Yurayt, 2015.
9. Federal Law of 07.05.2013 № 77-FL (new version dated November of 4th, 2014) "On parliamentary control" // Code of Laws of the Russian Federation. 2013. № 19. Art. 2304.
10. Federal Law of 03.12.2012 № 229-FL (new version dated May of 02nd, 2015) "About an order of formation of Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2012. № 50 (Part 4). Art. 6952.
11. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 7-FCL "On Supervisory powers of the State Duma concerning the Government of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2009. № 1. Art. 2.
12. Interpellation (Latin word *Interpellatio* – it means the interruption of speech, complaint before court, the claim, requirement) – in some other countries (which mainly have a parliamentary form of government), for the Government or individual Minister it is the addressed requirement of deputies group to provide an explanation about its domestic and external policy, or on any specific question. First of all, Interpellation is differed by its submitting procedure and legal consequences as from oral so conventional written requests. The response of the Government (Minister) to Interpellation is not only accompanied by further questions but it may entail general debates on confidence to it // V. Krutskikh, A. Sukhareva. Big Law Dictionary. M.: Infra-M, 2003.
13. The Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 22.01.1998. № 2134-II SD (new version dated June 16th, 2015) "On regulation of State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 1998. № 7. Art. 801.
14. Refer to the Basic Law of the Federal Republic of Germany // Constitutions of other states: The United Kingdom, France, Germany, Italy, the United States of America and Japan: Textbook / Author V. Maklakov. M.: Infotropik Media, 2012. P. 153.
15. Federal Law of 05.04.2013. № 41-FL (new version dated November of 04th, 2014) "On the Account Chamber of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1649.
16. The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FL (as amended on July 13th, 2015) // Code of Laws of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823.
17. The Federal Law of 11.07.2001 № 95-FL (new version dated May of 23rd, 2015) "On political parties" // Code of Laws of the Russian Federation. 2001. № 29. Art. 2950.

Габрилович М.А.,

адвокат адвокатского бюро г. Москвы «Ошеров, Онисковец и Партнеры»

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЕМЫХ (ИЗ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОГО БЮРО Г. МОСКВЫ «ОШЕРОВ, ОНИСКОВЕЦ И ПАРТНЕРЫ»)

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты использования результатов судебно-медицинской экспертизы в организации защиты обвиняемых. На конкретном примере защиты обвиняемых автором показано, что использование так называемой «состязательности экспертов», согласно которой право назначения судебных экспертиз дается не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты, в конечном итоге позволяет вынести справедливый приговор.

Ключевые слова: адвокатура, уголовный процесс, судебно-медицинская экспертиза, виновность, доказательства виновности, расследование преступления, защита обвиняемого, установление виновности

Gabrilovich M.,

Advocate of Moscow Lawyer Bureau "Osherov, Oniskovets & Partners"

EXPERIENCE IN THE USING RESULTS OF MEDICO-LEGAL ASSESSMENT IN ORGANIZING PROTECTION OF ACCUSED PERSONS (PRACTICE OF MOSCOW LAWYER BUREAU "OSHEROV, ONISKOVETS & PARTNERS")

In article there are considered the theoretical and practical aspects of using results of medico-legal assessment in organizing protection of accused persons. By specific example of the accused persons' protection the author has been shown that using so-called "competitiveness of experts" according to which the right to appoint legal expertise are not only given to the court and part of charge but to side protected; it allows ultimately to render just sentence.

Keywords: advocacy, criminal process, medico-legal assessment, guilt, proof of guilt, criminal investigation, protection of accused person, determination of guilt

При судебном разбирательстве суд должен не только установить событие преступления, но и доказать также виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы преступления (п. 2 ст. 73 УПК РФ).

Вместе с тем, как показывает практика, многие следователи ограничиваются выдвижением одной наиболее вероятной, по их мнению, версии, не собирают достаточных доказательств, обосновывающих решение о приостановлении, прекращении или направлении дела в суд. Кроме того, в ходе следствия слабо используются современные технологии, научно-технические средства и возможности проведения различных судебных экспертиз, не назначается ряд явно необходимых по обстоятельствам дела экспертиз, в том числе судебно-

медицинских, сужен круг поставленных перед экспертами вопросов, нередко привлекаются ненадлежащие специалисты, не проводятся необходимые следственные действия и т.д.

В этой связи собранная доказательная база не всегда в полной мере учитывает все обстоятельства совершенного преступления. Этому обязан противостоять адвокат подзащитного.

В целях организации правильной линии защиты адвокат должен установить с достаточной полнотой факты, характеризующие субъективную сторону преступления. Первоначальному уяснению подлежит установление события преступления и доказательств, свидетельствующих о виновности подзащитного. При этом адвокату прежде всего необходимо установить формы вины обвиняемого (умысел или

неосторожность). С этой целью можно использовать широкие возможности судебной экспертизы [5].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) содержит главу 27 «Производство судебной экспертизы». На досудебных стадиях производство судебной экспертизы возможно по решению следователя или суда. Однако в ч. 2 ст. 159 УПК РФ закреплена обязанность следователя рассмотреть ходатайство подозреваемого, обвиняемого, защиты о производстве судебной экспертизы в случае, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела.

В ст. 196 УПК РФ регламентируются случаи, когда назначение судебной экспертизы на досудебной стадии обязательно, если необходимо установить:

- 1) причины смерти;
- 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

3.1) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

3.2) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение [4].

Законодательством РФ предусматривается проведение комиссионной и комплексной экспертизы. В соответствии со ст. 283 УПК РФ суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе назначает повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов.

В соответствии с ч. 1 ст. 200 УПК РФ комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем

двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется следователем либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы. В ст. 201 УПК РФ регламентируется производство комплексной судебной экспертизы, в которой участвуют эксперты разных специальностей.

Судебно-медицинская экспертиза занимает одно из ведущих мест среди всех назначаемых по уголовным делам экспертиз. Однако в силу возможной экспертной ошибки либо неправильной оценки заключения эксперта органами уголовного преследования при повторной экспертизе можно прийти к противоположным выводам, что в значительной степени может изменить ход дела [2]. Проиллюстрируем это на конкретном примере.

Я, как адвокат, практикующий более 18 лет, имею опыт использования результатов судебно-медицинской экспертизы в организации защиты обвиняемых, процессе этого удалось добиться справедливого приговора для подзащитного. Изложу суть дела.

Согласно обвинительному заключению следствие инкриминировало Б. и К. совершение преступления против личности, а именно преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц по предварительному сговору, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Частью 4 ст. 111 УК РФ предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы.

Фабула дела такова: в новогоднюю ночь компания молодых людей отмечала праздник. Неожиданно к ним зашел сосед М., после чего праздник продолжился уже совместно с М. Через какое-то время хозяева попросили М. уйти, так как он был сильно пьян. М. отказался покидать квартиру, возник конфликт, в результате которого завязалась драка. В процессе драки М. получил множественные телесные повреждения, от которых, по мнению следствия, позже скончался. В ходе предварительного следствия была проведена судебно-медицинская экспертиза. В выводах эксперта говорилось, что смерть М. наступила от отека и дислокации головного мозга, развившихся в результате закрытой непроникающей черепно-мозговой травмы. На основании этого заключения Б. и К. было предъявлено обвинение в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего М.

При знакомстве с материалами дела я обратила внимание, что у потерпевшего М. концентрация алкоголя в крови составила 3,8 промилле, а в моче – 5,2 промилле (что свидетельствует о том, что

какое-то время назад и в крови концентрация алкоголя составляла 5,2 промилле). Согласно «Методическим указаниям о судебно-медицинской диагностике смертельных отравлений этиловым алкоголем и допускаемых при этом ошибках» рекомендована схема определения выраженности алкогольной интоксикации, в соответствии с которой концентрация алкоголя в крови, равная 3–5 промилле, считается тяжелым отравлением, алкогольной комой, а 5–6 промилле – смертельным отравлением алкоголем.

У меня сразу возник вопрос: верно ли установлена причина смерти потерпевшего. За помощью я обратилась к судебно-медицинскому эксперту из другого экспертного учреждения. Изучив заключение эксперта, специалист выразил мнение, что по результатам проведенного в ходе предварительного следствия исследования не исключен смешанный (травматический и нетравматический) генез изменения оболочек головного мозга. То есть эксперт, проводивший судебно-медицинскую экспертизу, не исключил сосудистую патологию и патологию оболочек головного мозга пострадавшего, а также не оценил роль алкогольной интоксикации в момент травмы. Кроме того, им не была дана оценка механизма травмы головы. При этом не были даны ответы и на следующие вопросы:

- все ли внутричерепные изменения возникли от ударов травмирующим предметом?
- не могли ли внутричерепные изменения (или хотя бы часть из них) возникнуть при падении (падениях) пострадавшего и ударах головой о травмирующие предметы?

Если обобщить итог консультации у специалиста, то напрашивается вывод о том, что следствием доподлинно не была установлена причинно-следственная связь между действиями обвиняемых и смертью потерпевшего.

В ходе судебного заседания мной было заявлено ходатайство о вызове и допросе эксперта, проводившего по делу судебно-медицинскую экспертизу.

Допрошенная в судебном заседании эксперт не смогла ответить на ряд поставленных защитником вопросов, в том числе не смогла пояснить, почему она сделала вывод о том, что кровоизлияние в затылочную область головы связано с падением с приданным ускорением (т.е. от удара), а также она не смогла обосновать свою позицию в том, что субдуральные и субарахноидальные кровоизлияния, приведшие к смерти М., появились у потерпевшего именно после драки с обвиняемыми, а не ранее.

После допроса эксперта образовались некоторые противоречия между протокольной частью экс-

пертного заключения и выводами эксперта. В связи с тем, что экспертом не были даны однозначные ответы на ряд вопросов, судом по моему ходатайству была назначена комиссионная судебно-медицинская экспертиза (т.е. исследование проводили уже четыре профессионала, стаж работы двоих из них составлял более 40 лет). Таким образом, на практике была осуществлена так называемая «состязательность экспертов», которая, по мнению Е.Р. Россинской [3], является «единственной возможностью проверки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения». При этом сама состязательность экспертов, по мнению автора, должна быть достигнута предоставлением права назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты.

Возвращаясь к нашему случаю, отмечу, что на основании исследования представленных материалов дела, в том числе первоначального заключения эксперта, составленного с использованием судебно-химического и гистологического исследований, в соответствии с поставленными вопросами, комиссия судебно-медицинских экспертов пришла к следующему выводу: учитывая характер черепно-мозговой травмы (повреждение мягких тканей, оболочек вещества головного мозга при отсутствии переломов костей мозгового и лицевого черепа), имевшуюся у потерпевшего тяжелую алкогольную интоксикацию, вызывающую саму по себе отек головного мозга, а также свойственные лицам, злоупотребляющим алкоголем, к каковым относился потерпевший, атрофические изменения в головном мозгу, на фоне которых его повреждения могут возникнуть от небольших по силе травматических воздействий, отсутствуют основания для установления прямой причинно-следственной связи между характером причиненных повреждений и его смертью.

Подтверждением того, что потерпевший при жизни злоупотреблял алкоголем, являются выявленные при исследовании его трупа изменения в сердце (кардиомиопатия), в печени (жировой гепатоз), в поджелудочной железе (фиброз), характерные для хронической экзогенной (алкогольной) интоксикации.

Кроме того, характер черепно-мозговой травмы у потерпевшего не исключал возможности в процессе и после ее причинения совершения им активных действий, в том числе возможности передвигаться. Кровоизлияние в мягких тканях затылочной области, с учетом его локализации, могло образоваться при ударе головой, вызванным посторонним воздействием, а также в условиях падения из положения стоя, в том числе самопроизвольном, с учетом состо-

яния алкогольного опьянения, при котором отмечается нарушение координации движений.

На основании комиссионной экспертизы в судебном заседании государственный обвинитель просил квалифицировать действия подсудимых по ч. 3 ст. 111 УК РФ (наказание по этой части составляет до 12 лет лишения свободы). По приговору суда Б. был осужден к лишению свободы на срок 3 года (так как было установлено, что он ударов потерпевшему по голове не наносил), а К. – на срок 5 лет.

Тем самым практика показала, что чем больше будет выраженных обоснованных точек зрения сведущих лиц по вопросам, требующим использования специальных знаний, тем больше вероятность того, что суд, оценив их, для принятия решения по делу примет за основу то доказательство, которое наиболее полно соответствует критериям, предъявляемым к допустимым доказательствам. При этом состоятельность экспертов в уголовном судопроизводстве должна быть основана на компетентном, профессиональном подходе, и, безусловно, ангажированность экспертов должна быть исключена.

Резюмируя вышеизложенное, отмечу, что такой опыт свидетельствует о том, что, как правило, работа нескольких профессионалов-экспертов в связке, особенно по преступлениям против личности, приводит к вынесению справедливого приговора. Представленный выше пример – далеко не единственный в моей практике, и выводы, сделанные в данной статье – результаты отнюдь не единичного случая, а повседневной деятельности адвокатов, ко-

торые используют все официальные возможности для помощи своим клиентам в вынесении справедливых приговоров.

Как отмечают Зинин А.М., Горянов Ю.И. [1], с чьим мнением я солидарна, сама идея равнодоступности судебной экспертизы для всех участников процесса, заинтересованных в ее результатах, безусловно, позитивна (при условии, которое особо отмечают авторы, что досудебное производство не превратится в череду проводимых заинтересованными участниками процесса экспертиз, затягивающих сроки предварительного расследования). В этой связи необходимо поддерживать инициативу участников стороны защиты по отношению к судебной экспертизе на стадии предварительного расследования через институт заявления соответствующих ходатайств и права обращаться с жалобой на необоснованные действия (бездействия) органов уголовного преследования в надзирающие за соблюдением законности органы. При этом в целях исключения необоснованного отказа в удовлетворении заявленных ходатайств необходимо включить в УПК РФ правило, в силу которого следователь не вправе отказать стороне защиты в назначении экспертизы, проведении повторной или дополнительной экспертизы по ходатайству подозреваемого (обвиняемого), его защитника, за исключением случаев, когда вопросы, представленные на ее разрешение, не относятся к уголовному делу или не входят в компетенцию эксперта; в последнем случае следует оформлять процессуальное решение в соответствующем документе.

Список литературы

1. Зинин А.М., Горянов Ю.И. Использование института судебной экспертизы в условиях реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. – 2005. – Т. LXIV. – № 3. – С. 497–513.
2. Стеценко В.Ю. Использование специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005.
4. Фролычева Е.А. Сравнительный анализ порядка назначения судебной экспертизы в уголовном процессе России и Финляндии // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 3.
5. Шахкелдов Ф.Г. Исследование защитником виновности и субъективной стороны преступления в суде первой инстанции // Право и практика. – 2012. – № 2.

Reference list

1. Zinin A., Goryanov Yu. The using the legal expertise institute in the conditions of realization of the competitiveness principle in criminal procedure // Lex Russica. 2005. Vol. LXIV. № 3. P. 497–513.
2. Stetsenko V. The using special medical knowledge in criminal procedure: Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2004.
3. Rossinskaya E. Legal expertise in civil, arbitration, administrative and criminal process. M., 2005.
4. Frolycheva E. Comparative analysis of the manner of appointment of legal expertise in the criminal process of Russia and Finland // Bulletin of Udmurtiya University. 2011. Number 3.
5. Shakhkledov F. The advocate examination of guilt and the subjective aspect of the crime in the first instance court // Law and Practice. 2012. № 2.

УДК 34.03:61

Скребнева Н.А.,

аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Настоящая публикация посвящена вопросу юридической ответственности в медицинских отношениях, а именно видам такой ответственности, что является целесообразным в силу специфики данной правовой категории. В настоящее время этот вопрос в юридической науке представлен недостаточно, что вызывает необходимость более детального его изучения. В данной работе автором представлены основания для классификации юридической ответственности; авторское понятие юридической ответственности в медицинских отношениях, определены ее отличительные признаки, с учетом которых установлены основания для разграничения видов юридической ответственности в медицинских отношениях.

Ключевые слова: юридическая ответственность, медицинские отношения, юридическая ответственность в медицинских отношениях, виды юридической ответственности, жизнь человека, здоровье человека, охрана здоровья, правонарушения в сфере охраны здоровья

Skrebneva N.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Lecturer of Chair of Legal Medicine and Medical Law of the Moscow State Medical-Dental University named after A. Evdokimov

TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE MEDICAL MATTERS

This paper focuses on the issue of legal responsibility in the medical matters, especially to such types of responsibility that is appropriate because of this legal category. At this time, this issue is under-represented in legal science and which is necessitated a more detailed investigation. In this work the author has represented the grounds for classification of legal responsibility, the author's conception of legal responsibility in the medical matters; its distinguishing marks are indentified, subject to which the grounds for differentiation of types of legal responsibility in the medical matters are established.

Keywords: legal responsibility, medical matters, legal responsibility in medical matters, types of legal responsibility, human life, human health, health protection, offences in sphere of health protection

Самый распространенный подход к разграничению видов юридической ответственности основан на их разделении по отраслям права, в соответствии с которым общепризнанными являются: конституционная, уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная, материальная и процессуальная ответственность. Вместе с тем данный подход представляется нам не совсем корректным, так как дисциплинарная и материальная отрасли права не представлены в системе права.

Исходя из данного подхода, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский считают, что любая самостоятельная отрасль права должна обладать собственным институтом юридической ответственности, и выделяют ряд дополнительных признаков к самостоятельности того или иного вида юридической ответственности:

сти: кодифицированный нормативный правовой акт, предусматривающий юридическую ответственность; особенности процессуального осуществления; наличие самостоятельного правонарушения (объекта правонарушения); вид установленных государством неблагоприятных последствий совершенного деяния. Таким образом, авторы выделяют следующие виды юридической ответственности: конституционную, гражданско-правовую, трудовую, административную, финансовую, уголовную, уголовно-исполнительную, гражданско-процессуальную и уголовно-процессуальную ответственность [7].

По нашему мнению, с одной стороны, такая точка зрения является логичной, так как если брать в основу именно отраслевой признак для разграничения видов юридической ответственности, то ему должны

соответствовать конкретные существующие отрасли права, однако, как нами было отмечено ранее, такое соответствие отсутствует. С другой стороны, данный признак нельзя считать достаточно универсальным по ряду причин. Так, дисциплинарную ответственность нельзя приписывать только трудовой отрасли права в силу того, что она распространяется и на депутатов, и на членов палат Федерального Собрания, и на судей, имеющих особый статус, который не подпадает под действие норм трудового права, несмотря на отсутствие дисциплинарной и материальной отраслей права, такие виды ответственности, бесспорно, существуют. Кроме того, необходимо отметить, что как одна отрасль права может включать в себя несколько видов ответственности (например, трудовое право предусматривает дисциплинарную и материальную ответственность), так и один вид ответственности может регулироваться несколькими отраслями права (дисциплинарная ответственность регулируется как трудовым, так и административным правом).

Недостаточно логичным нам представляется выделение Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским финансовой юридической ответственности, так как она не соответствует выделенным ими признакам самостоятельного вида юридической ответственности, а именно наличие кодифицированного нормативного правового акта, предусматривающего юридическую ответственность; с этой точки зрения более целесообразно выделить налоговую и бюджетную юридическую ответственность, так как в действующем законодательстве существуют Налоговый и Бюджетный кодексы РФ, предусматривающие ответственность в регулируемой ими сфере. Также вызывает некоторые сомнения выделение уголовно-исполнительного вида юридической ответственности, поскольку, несмотря на наличие Уголовно-исполнительного кодекса РФ, это не предполагает создание отдельного вида юридической ответственности, а является правовым регулированием реализации уголовной ответственности.

Обобщая все вышесказанное, мы считаем более целесообразным рассматривать виды юридической ответственности не по отраслевому признаку, а исходя из характера (объема) отраслевого регулирования, т.е. необходимо выделять виды ответственности не по тому, к какой отрасли права они непосредственно относятся, а по тому, каким образом осуществляется их регулирование: отраслевым или смешанным (межотраслевым) образом. Следовательно, с нашей точки зрения, необходимо выделить следующие виды юридической ответственности: отраслевые, регулируемые конкретной отраслью права (конститу-

ционная, гражданская, административная, уголовная, материальная, гражданско-процессуальная, уголовно-процессуальная), и смешанные виды ответственности, регулируемые различными отраслями права (дисциплинарная, международная).

Близким к предыдущему подходу является разграничение видов юридической ответственности в соответствии с видами правонарушений, предложенное Е.В. Лазаревой, согласно которому имеют место следующие виды юридической ответственности: уголовно-правовая; гражданско-правовая; административная; дисциплинарная; материальная [3].

В предложенной классификации не нашли отражения такие виды ответственности, как конституционная и международная, экологическая, хотя такие виды правонарушений существуют. Так, Ф.С. Скифский под конституционным правонарушением понимает выразившееся в нарушении норм (нормы) конституционного права, прямо закрепленное в законе, виновное, общественно вредное (общественно опасное – для преступлений) деяние деликтоспособного субъекта, влекущее за собой меры восстановления правопорядка, ретроспективную юридическую ответственность и применение негативных юридических санкций как чисто конституционной, так и межотраслевой направленности, имеющее причинную связь с наступившим последствием [6, с. 10]. На наличие международных правонарушений указывает М.А. Морозова и различает международные преступления и простые (ординарные) правонарушения [5, с. 414]. Вместе с тем в юридической науке не нашли своего отражения материальные правонарушения.

В.А. Кислухин выделяет публично-правовую и частноправовую юридическую ответственность, делая акцент на правовом пространстве, в рамках которого применяется тот или иной вид юридической ответственности. Так, под частноправовой ответственностью автор понимает ответственность субъекта частноправовых отношений за совершенное им нарушение норм отраслей частного права, реализующуюся посредством принудительного воздействия со стороны государства на основе закона и (или) в силу договора [2, с. 8].

Представленное мнение мы считаем целесообразным именно с точки зрения правового пространства его возникновения, так как бесспорным является публично-правовой характер частноправовой ответственности в связи с тем, что огромное количество гражданских споров рассматривается с участием публично-правовых органов (судов).

Н.В. Витрук по аналогичному принципу в публичном праве дифференцирует юридическую от-

ветственность на конституционную, дисциплинарную, административную, уголовную, процессуальную, определяя их сферой действия, степень общественной опасности публично-правового нарушения и наступившими в результате этого специфическими правовыми последствиями, а в частном праве – на гражданскую ответственность, которая может иметь внутривидовую дифференциацию (семейно-правовая, материальная, таксовая и др.) [1, с. 100].

Также автором было высказано мнение о необходимости выделить в системе государственного права деликтно-наказательное право в качестве самостоятельной отрасли российского права, устанавливающего, во-первых, дисциплинарные проступки и дисциплинарную ответственность за их совершение, во-вторых, административные правонарушения и административную ответственность, в-третьих, уголовные преступления и уголовные наказания [1, с. 119].

Данное мнение представляется нам не совсем целесообразным, так как юридическая ответственность – это сложное явление, которое регулируется различными отраслями права и не может находиться в компетенции только одной из его отраслей. Кроме того, ранее нами был упомянут публичный характер гражданской ответственности, в силу чего она не может рассматриваться однозначно отдельно от дисциплинарной, административной и уголовной юридической ответственности.

Определенный интерес представляет мнение О.Э. Лейста, который по функциональному назначению выделяет правовосстановительный и карательный виды ответственности [4, с. 602]. Данная классификация, с нашей точки зрения, не совсем корректна, так как юридическая ответственность является цельным явлением, и всем ее видам присущи единые функции и цели, тем более что автор не упомянул о такой важнейшей функции юридической ответственности, как превентивная функция. Более корректной с этой точки зрения является позиция Л.А. Морозовой, которая выделяет исходя из содержания санкций штрафную и правовосстановительную ответственность [5, с. 423].

А.Ф. Черданцев и С.Н. Кожевников по субъективному критерию выделяют три вида юридической ответственности: субъективная (точнее, субъективно-объективная), объективная и абсолютная. «Первый вид связан с виновным действием. Объективная ответственность наступает без вины, но при наличии причинной связи между действием и вредоносным результатом. Абсолютная – не только без вины, но и при отсутствии необходимой причинной связи между

деятельностью субъекта и вредом, за который он несет ответственность» [8]. Если с первыми двумя видами юридической ответственности можно согласиться в силу их наличия, то последний вид, предусматривающий отсутствие причинной связи, представляется не совсем правильным, так как причинная связь является обязательной характеристикой объективной стороны состава правонарушения, являющегося основанием для привлечения к юридической ответственности.

В зависимости от субъектного состава можно выделить юридическую ответственность физических и юридических лиц. В силу многообразия разновидностей данных субъектов права по данному признаку виды юридической ответственности могут быть более детализированы: юридическая ответственность акционерных обществ, производственных кооперативов, государственных организаций и государства в целом, должностных лиц, иностранных граждан, лиц без гражданства и т.д.

Практическая значимость данной классификации убедительным образом выражена Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, которые считают, что она позволяет уяснить, какую ответственность может нести то или иное лицо, а это необходимо для правильной квалификации деяния и применения юридической ответственности; кроме того, она исключает ненужное дублирование ответственности, а потому необходима для правоприменительной и законодательной деятельности [7, с. 657].

С учетом всего вышеизложенного следует перейти к непосредственному рассмотрению видов юридической ответственности в медицинских отношениях.

Юридическая ответственность в медицинских отношениях, с нашей точки зрения, представляет собой комплекс мер государственного принуждения, предусмотренный законодательством, применяемых в отношении субъектов охраны здоровья и субъектов оказания медицинской помощи в связи с ненадлежащим исполнением ими своих профессиональных и служебных обязанностей, которые сопровождаются претерпеванием ими негативных последствий личного и имущественного характера. К ее отличительным чертам мы относим: 1) наличие специальных субъектов юридической ответственности (медицинские организации, медицинские работники, государственные органы в области охраны здоровья); 2) последствия причинения вреда специальным объектам правовой охраны (жизни, здоровью, врачебной тайне); 3) основанием привлечения к юридической ответственности выступает состав правонарушения, выражающийся в неисполнении, ненадлежащем исполнении

обязанностей по охране здоровья и оказанию медицинской помощи; 4) комплексный характер, так как регулируется различными отраслями права (гражданское, административное, уголовное, трудовое).

По характеру (объему) регулирования целесообразно выделить две разновидности юридической ответственности в медицинских отношениях: отраслевую, регулирование которой осуществляется одной отраслью права (гражданская, административная, уголовная, материальная), и смешанную, регулируемую несколькими отраслями права (дисциплинарная).

Данная классификация наглядно отражает разнородность и комплексность не только юридической ответственности в медицинских отношениях в целом, но и отдельных ее видов.

Крайне важным в сфере медицинских отношений представляется разграничение видов юридической ответственности по субъективному критерию, т.е. по форме вины, так как это имеет преимущественное значение в квалификации правонарушений. К ним относятся: ответственность за неосторожные правонарушения (причинение смерти, тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей), ответственность за умышленные правонарушения (неоказание помощи больному), ответственность за невиновные правонарушения (причинение вреда при оказании медицинских услуг).

По субъектному составу, с нашей точки зрения, необходимо выделить ответственность субъектов охраны здоровья граждан (органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных органов здравоохранения, должностных лиц, лечебно-профилактических учреждений, фармацевтических работников, представителей народной медицины) и ответственность субъектов непосредственного оказания медицинской помощи (медицинских работников, младшего медицинского персонала по уходу за больными).

Также, исходя из этого признака, можно выделить должностную и профессиональную юридическую ответственность в медицинских отношениях. Так, субъектами должностной ответственности являются главный врач (начальник) медицинской организации; директор больницы (дома) сестринского ухода, хосписа; заместитель руководителя (начальника) медицинской организации; заведующий (начальник) структурным подразделением (отдела, отделения, лаборатории, кабинета, отряда и т.д.) медицинской организации – врач-специалист и др. К субъектам про-

фессиональной ответственности относятся врачи, специалисты с высшим немедицинским образованием, средние медицинские работники, младший медицинский персонал по уходу за больными.

Эта классификация отражает все многообразие субъектов, несущих ответственность в медицинских отношениях, а также тот факт, что ответственность может возникнуть не только при непосредственном оказании медицинской помощи, но и в процессе охраны здоровья в целом.

С точки зрения сферы и характера деятельности юридическая ответственность в медицинских отношениях может быть: 1) специального характера – ответственность, непосредственно связанная с медицинской деятельностью (незаконное занятие медицинской и фармацевтической деятельностью, причинение вреда при оказании медицинских услуг, нарушение врачебной тайны и др.); 2) общего характера – ответственность, которая распространяется как на медицинскую, так и на иные виды деятельности (получение взятки, халатность, злоупотребление должностными полномочиями и т.д.).

По критерию правового пространства, в котором возникает юридическая ответственность в медицинских отношениях, следует выделить юридическую ответственность в публично-правовых и частноправовых медицинских отношениях. К публично-правовой относится ответственность в уголовном, административном, трудовом отраслях права (при ненадлежащем оказании медицинской помощи в государственных лечебных учреждениях, непредоставлении информации уполномоченными государственными органами и др.), а к частноправовой относится юридическая ответственность в гражданском праве (при ненадлежащем оказании медицинских услуг в частных медицинских организациях).

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: 1) в силу особенностей юридической ответственности в медицинских отношениях она требует самостоятельного разграничения ее видов; 2) при выделении видов юридической ответственности в медицинских отношениях необходимо отразить все их отличительные признаки; 3) с целью достижения поставленной задачи считаем целесообразным разграничивать виды юридической ответственности в медицинских отношениях по следующим основаниям: по характеру (объему регулирования), по субъективному критерию, по субъектному составу, по сфере и характеру деятельности, по критерию правового пространства.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. – 259 с.
2. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: автореферат дис... канд. юрид. наук. М., 2002. – 26 с.
3. Лазарева Е.В. Правовое регулирование медицинской деятельности в РФ (отдельные аспекты теории и практики): дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. – 238 с.
4. Лейст О.Э. Виды юридической ответственности // Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. Т. 2. М., 1998. – 640 с.
5. Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2011. – 510 с.
6. Скифский Ф.С. Конституционные правонарушения: автореферат дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. – 16 с.
7. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. – 950 с.
8. Черданцев А.Ф., Козhevnikov С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 39–48.

Reference list

1. Vitruk N. The general theory of legal responsibility. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Norma, 2009. – 259 p.
2. Kisluhin V. Types of legal responsibility. Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2002. – 26 p.
3. Lazareva E. Legal regulation of medical activity in the Russian Federation (Some aspects of theory and practice). Thesis of PhD in Law. Saratov, 2006. – 238 p.
4. Lejst O. Types of legal responsibility // General theory of state and law. Academic Course: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1998. – 640 p.
5. Morozova L. Theory of state and law. M.: Eksmo, 2011. – 510 p.
6. Skifskiy F. Constitutional offences. Synopsis of a thesis of PhD in Law. Tyumen', 1998. – 16 p.
7. Khachaturov R., Lipinskiy D. General theory of legal responsibility. SBR.: Publishing by "Yuridicheskiy Tsentr «Press», 2007. – 950 p.
8. Cherdantsev A., Kozhevnikov S. On the conception and content of the legal responsibility // Jurisprudence. 1976. № 5. P. 39–48.

Шамаров П.В.,

докторант Национального института имени Екатерины Великой

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

В статье рассматривается деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии, раскрывается содержание доктрины совместных преступных действий, а также приводятся данные по завершенным и текущим делам.

Ключевые слова: Международный трибунал по бывшей Югославии, совместные преступные действия, международное гуманитарное и процессуальное право, судебное преследование

Shamarov P.,

Doctoral student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

REVISITING THE ACTIVITY OF INTERNATIONAL TRIBUNAL FOR THE FORMER YUGOSLAVIA

The article is considered the activity of the International Tribunal for the former Yugoslavia and there is discovered the content of the doctrine of joint criminal actions, as well as the data are provided for closed and current cases.

Keywords: International Tribunal for former Yugoslavia, joint criminal actions, international humanitarian law and procedural law, legal prosecution

Широкомасштабная гражданская война в начале 1990-х гг. на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия (итогом которой стал распад данного государственного образования [1]) обусловила создание Советом Безопасности (СБ) ООН в октябре 1992 г. экспертной комиссии по расследованию сведений о нарушениях прав человека, положений Женевской конвенции (от 12 августа 1949 г.) и других норм международного права на этой территории [4].

В ходе своей работы международные эксперты изучили более 65 тыс. различных документов и материалов, а также организовали и приняли участие в 32 исследовательских миссиях на местах. Результатом их деятельности стал вывод о необходимости создания специального международного судебного органа для расследования и наказания лиц, виновных в военных преступлениях [3].

Изучив представленные документы, Совет Безопасности ООН постановил (резолюции СБ ООН № 808 от 22.02.1993 [8] и № 827 от 25.05.1993 [9]): «... учредить Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии», под

судебное преследование которого (МТБЮ или Трибунал) попали лица, совершившие указанные преступления в период с 1 января 1991 г. и до восстановления мира.

Следует отметить, что согласно Уставу ООН [6] Совет Безопасности не имел права учреждать международный суд по уголовным делам, вследствие чего МТБЮ был образован как вспомогательный орган со ссылкой на ст. 29 Устава ООН. Эта особенность отличает Международный трибунал от классического международного суда, создаваемого на основании международного договора [4].

Целями данного судебного органа (полное наименование которого – Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г.; место нахождения – г. Гаага, Нидерланды) являлись [5]:

- привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в нарушении международного гуманитарного права;
- установление справедливости по отношению к потерпевшим;
- предотвращение новых преступлений;

– способствование восстановлению мира путем содействия примирению на территории бывшей Югославии.

Судебное преследование предусмотрено также за применение отравляющих веществ, бессмысленное разрушение населенных пунктов, исторических, культурных и религиозных памятников.

Важно отметить, что деятельность МТБЮ строго регламентирована географическими и временными рамками. Так, согласно Уставу Трибунала [7], его территориальная юрисдикция распространяется исключительно на территорию бывшей Югославии (кроме Словении), а срок деятельности ограничен временем завершения последнего процесса, которое автоматически будет означать и упразднение самого суда. При этом Трибунал наделен судебными полномочиями только в отношении отдельных лиц, а не организаций и правительств. Максимальное наказание, которое он вправе вынести, – пожизненное заключение.

Анализ деятельности МТБЮ свидетельствует о том, что он занимается главным образом судебным преследованием бывших высших руководителей, крупных политических и военных деятелей. Дела на обвиняемых лиц более низкого должностного уровня передаются на рассмотрение национальных судов. Осужденные отбывают срок лишения свободы на территории одного из государств, подписавших соответствующее соглашение с ООН.

Организационно Трибунал состоит из трех судебных и одной апелляционной камер, а также канцелярии обвинителя и секретариата. В его штате в настоящее время насчитывается 27 судей (15 постоянных и 12 резервных (дополнительных)) [6].

В своей деятельности судьи Трибунала руководствуются доктриной совместных преступных действий (англ. – Joint Criminal Enterprise), в соответствии с которой каждый член преступной группы несет индивидуальную ответственность за преступления, совершенные всей группой в рамках общего плана или преследовавшихся целей [16].

Впервые на данную доктрину ссылалась Апелляционная палата МТБЮ в 1999 г. в деле *Prosecutor v. Tadi* [18]. Свое решение она обосновала ссылкой на одну из основных целей международного уголовного права – наказание высокопоставленных лиц, совершивших международные преступления, предусмотренные Римским статутом [19]. Впоследствии, в результате анализа деятельности специализированных международных уголовных трибуналов, в рамках данной доктрины были выделены три категории совместных преступных действий [20]:

– базовая – все участники действуют в соответствии с общей целью и разделяют общий преступный замысел;

– узкая – использование организованной системы жестокого обращения (например, концлагерей);

– расширенная – один из преступников совершает деяние, которое хотя и не имеет прямого отношения к общей преступной цели, но тем не менее приводит к естественным и предсказуемым последствиям, способствующим достижению общей цели.

При этом судом не принимаются во внимание апеллирование, что правонарушение совершено вследствие «исполнения служебных обязанностей» или «подчинения приказам». Показательно, что судебный процесс организуется только в присутствии обвиняемого [16].

Необходимо отметить приоритетность юрисдикции Трибунала по отношению к полномочиям национальных судов. Так, на любом этапе своего судебного разбирательства МТБЮ может потребовать передать в Гаагу материалы производства по соответствующему делу национального суда.

Заметим, что первый приговор Трибунал вынес 29 ноября 1996 г., когда к десяти годам тюремного заключения был приговорен боснийский хорват Д. Эдемович, признанный виновным в преступлениях против человечности, нарушениях законов и обычаев войны [15].

Несмотря на то что резолюцией СБ ООН № 1503 (от 28 августа 2003 г.) МТБЮ предписывалось к 2008 г. рассмотреть все дела в первой инстанции, а к 2010 г. – полностью завершить свою работу [10], мандат судей по делам первой инстанции (по ходатайству руководителей Трибунала) неоднократно продлевался СБ ООН [11, 12, 13]. Так, в соответствии с резолюцией СБ ООН № 2193 от 18 декабря 2014 г. деятельность МТБЮ в очередной раз продлена до 31 декабря 2015 г. либо до завершения всех дел, если это произойдет ранее [13].

Полагаем, что руководство Трибунала (при поддержке ряда западных стран) под любым предлогом старается пролонгировать работу МТБЮ с целью недопущения передачи ряда дел в суды национальной юрисдикции. В частности, это проявляется в отношении судебных процессов по делу бывшего президента Республики Сербская Краина Г. Хаджича (обвиняется в военных преступлениях в Хорватии) и лидера боснийских сербов Р. Младича (обвиняется в геноциде и преступлениях против человечности, совершенных предположительно в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 гг.).

Вместе с тем МТБЮ стал первым после Нюрнбергского трибунала (20.11.1945–01.10.1946 [14]) и Международного военного трибунала для Дальнего Востока (19.01.1946–12.11.1948) международным органом по рассмотрению дел в отношении военных преступлений, а также преступлений против человечности и осуществления геноцида. По мнению западноевропейских представителей, характерной чертой МТБЮ является то, что в Нюрнберге и Токио «победители судили побежденных», а судебный орган в Гааге якобы является международной структурой, которая рассматривает дела о преступлениях беспристрастно и независимо от того, на чьей стороне в ходе конфликта выступали те или иные обвиняемые [3].

Со своей стороны полагаем, что вся деятельность МТБЮ убедительно свидетельствует, что и в этом случае «нет пощады побежденным» и работа Трибунала отличается необъективностью и предвзятостью. Так, с момента своего образования МТБЮ предъявил обвинения за серьезные нарушения гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1991 по 2001 гг., 161 человеку, из числа которых более 60% – сербские представители (из 19 умерших во время следствия 16 человек – также сербы) [3, 15]. Под стражу было заключено большинство высших военно-политических руководителей Сербии, а главным обвиняемым на судебном процессе стал последний президент Союзной Республики Югославии Слободан Милошевич.

В целом в ходе работы Международного трибунала проведено 142 судебных процесса, в том числе 92 – против сербов, 33 – против хорватов (в ходе которых все высшие хорватские офицеры были полностью оправданы), 8 – против косовских албанцев, 7 – против боснийских мусульман и 2 – против македонцев. При этом из числа 27 осужденных бывших глав государств, спикеров парламентов, премьеров и вице-премьеров, министров и командующих войсками 19 человек являются этническими сербами (70%), которые в общей сложности были осуждены на 904 года тюремного заключения. Представители всех других национальностей были осуждены на 241 год содержания в тюрьме (хорваты – 171 год, мусульмане – 39 лет, косовские албанцы – 19 лет, македонцы – 12 лет) [3, 4].

В настоящее время судопроизводство продолжается в отношении 19 человек, среди которых лидеры боснийских сербов Р. Караджич (обвиняется в военных преступлениях и геноциде мусульман в Сребренице) и Р. Младич, а также лидер сербской общины Хорватии Г. Хаджич.

Вышеприведенное позволяет утверждать, что деятельность МТБЮ по своему содержанию является предвзятым, тенденциозным, политически мотивированным и явно антисербским судилищем. Такое мнение разделяется многими российскими и иностранными специалистами. Они справедливо подвергают сомнению правомерность создания МТБЮ, наглядно демонстрирующего на протяжении всей своей деятельности неприкрытое попираание базовых норм международного права и уголовного правосудия, диктат и шантаж по отношению к представителям Сербии при одновременном попустительстве экстремистам и террористам с антисербской стороны [2, 3, 4].

Критику деятельности МТБЮ вызывает и то обстоятельство, что Трибунал учрежден не международным договором, а резолюцией Совета Безопасности ООН. Поэтому, по мнению ряда экспертов, СБ ООН не в праве преследовать частных лиц и, соответственно, учреждать для этого судебные органы. В частности, начало временной юрисдикции МТБЮ, как известно, было определено с 1 января 1991 г., т.е. почти за семь месяцев до того, как первые республики СФРЮ – Словения и Хорватия – объявили о своей независимости, и за 11 месяцев до того, как они были признаны в качестве суверенных государств. Следовательно, применение норм международного гуманитарного права в условиях отсутствия международного конфликта не имеет достаточных оснований [2].

С другой стороны, предназначение, цели, деятельность, да и само существование МТБЮ даже для большинства «просвещенной» Европы остается тайной за семью замками. Лишь специализирующиеся на международном праве отдельные юристы знакомы с принципами работы Международного трибунала, используемыми им методами и средствами, а также практическими результатами его деятельности.

В свою очередь критики Трибунала обращают внимание на неоднократные нарушения им международного права в ходе судебных разбирательств, в частности по делам С. Милошевича, В. Шешеля, М. Краишника, М. Милутиновича и других сербских представителей. Так, МТБЮ неоднократно прибегал к практике незаконных обвинительных актов, привлечения ложных свидетелей и неоказания обвиняемым своевременной медицинской помощи (к примеру, экс-президенту Югославии Слободану Милошевичу требуемое медицинское лечение так и не было предоставлено, несмотря на многократные обращения в МТБЮ врачей и адвокатов с соответствующей просьбой). При этом отмечались многочисленные факты несанкционированного вторжения в частные владения

ния и обысков жилищ, насильственного изъятия документов, произведенного без соблюдения необходимых формальностей, применения принципа коллективной ответственности, предъявления обвинения в секретном порядке, умышленного затягивания судебных процессов и необеспечение сохранности жизни последственных [3].

С другой стороны, стремление к беспристрастному расследованию, основанному, в том числе, на полной идентификации мест массовых захоронений, составлении точных списков погибших, использовании исторического контекста в трактовке тех или иных событий, встречало в ряде случаев нежелание сотрудников Трибунала принимать эти данные в расчет. Поведение членов комиссии убедительно свидетельствовало о том, что они находились под серьезным давлением со стороны ряда западных стран, их служебные полномочия постоянно ограничивались, а представленные в МТБЮ доклады становились предметом манипуляций и искажений [3].

Показательным примером предвзятого и в определенной степени даже цинично-преступного характера деятельности МТБЮ стал судебный процесс в отношении последнего президента Союзной Республики Югославии С. Милошевича, нравственное, политическое и правовое значение которого для современного международного права трудно переоценить.

Так, указанный судебный процесс с самого начала характеризовался жестким противостоянием между Трибуналом и обвиняемым, неоднократными попытками навязать сербскому экс-президенту «независимых» адвокатов, отказом свидетелей со стороны защиты давать оправдательные показания вследствие грубого давления на них со стороны МТБЮ и умышленным замалчиванием фактов, оглашение которых способствовало бы укреплению позиций защиты обвиняемого.

Вместе с тем грамотные, последовательные и убедительные контраргументы С. Милошевича (даже в условиях явной антисербской риторики, царившей в зале суда) не позволяли Трибуналу вынести обвинительный приговор.

Указанные обстоятельства серьезно подорвали позиции обвинения и привели к тому, что авторитет «независимого международного правосудия» был поставлен под сомнение. Разрешение судебного

разбирательства стало возможным лишь вследствие «необъяснимой случайности», которая и произошла 11 марта 2006 г. в камере тюремного изолятора, где было обнаружено тело С. Милошевича.

Кончина С. Милошевича (вина которого так и не была доказана) при таких неясных и подозрительных обстоятельствах способствовала выдвижению критиками МТБЮ предположения о том, что Трибунал в этой тупиковой для себя ситуации нашел самое оптимальное решение – преднамеренное убийство бывшего югославского лидера, замаскированное под заурядную небрежность рядовых исполнителей-наблюдателей [3].

Аналогичной была позиция Трибунала и в ходе расследования «преступлений» известного политического деятеля – лидера Сербской радикальной партии В. Шешеля (вице-президент Республики Сербия в 1998–2000 гг., доктор юридических наук, профессор [17]), в отношении которого МТБЮ допустил ряд вопиющих нарушений процессуального права. В частности, суд не принял в расчет факт его добровольной сдачи в Гааге в феврале 2003 г., а «международное правосудие» без достаточных на то правовых оснований (даже с учетом того, что в 2009–2012 гг. МТБЮ трижды пытался вынести обвинительные приговоры по второстепенным делам [17]) обрекло сербского профессора на более чем **одиннадцатилетнее содержание в камере предварительного заключения**. Из этого следует, что были сознательно нарушены такие основополагающие нормы процессуального права, как «превышение сроков задержания» и «нанесение необратимого ущерба здоровью человека».

В итоге МТБЮ был вынужден (видимо, из расчета того, что тяжело больной обвиняемый в скором времени умрет) освободить условно В. Шешеля и разрешить ему вернуться в Белград на лечение.

Таким образом, деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии позволяет утверждать, что правовое основание дальнейшего функционирования международного суда в Гааге сомнительно. Необходимо точное определение даты завершения мандата Трибунала. При этом персональная ответственность ряда сотрудников суда, виновных в нарушении норм международного гуманитарного и процессуального права, должна стать предметом детального разбирательства со стороны ряда международных организаций.

Список литературы

1. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). – М., 2001. – 720 с.
2. Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 46–49.
3. Моторов И. О работе Международного трибунала по бывшей Югославии // Зарубежное военное обозрение. – 2015 – № 2. – С. 41–44.
4. Новиков С.С. Деятельность миротворческих миссий ООН, ОБСЕ и Российской Федерации в разрешении конфликтов на территории бывшей Югославии: автореферат дис... д-ра ист. наук. Владимир, 2011. – Режим доступа: <http://geum.ru/aref/a56-3-ref.htm>.
5. Международный трибунал по бывшей Югославии – официальный интернет-сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/>.
6. Устав ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>.
7. Устав МТБЮ. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.
8. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 808 от 22 февраля 1993 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.
9. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 827 от 25 мая 1993 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.
10. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 1503 от 28 августа 2003 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2003.shtml>.
11. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 1966 от 22 декабря 2010 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2010.shtml>.
12. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 2130 от 18 декабря 2013 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2013.shtml>.
13. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 2193 от 18 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014.shtml>.
14. Нюрнбергский процесс. Официальный интернет-сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/>.
15. Международный трибунал по бывшей Югославии. Официальный интернет-сайт РИА Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/>.
16. Доктрина совместных преступных действий. – Режим доступа: <http://gruzdoff.ru/wiki/>.
17. Шешель Воислав. Лидер Сербской радикальной партии. – Режим доступа: <http://lenta.ru/lib/14173965/>
18. Tadic Appeal Judgement, IT-94-1-A, 15 July 1999 (далее – Tadic AJ), § 185–234. URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.
19. Jens David Ohlin "A Meta-Theory of International Criminal Procedure" - 14 UCLA J. INT'L L. & FOREIGN AFF. 77 (2009), p. 85.
20. Vasiljevic Appeal Judgement, IT-98-32-A, 25 February 2004, § 97–99. URL: <http://www.icty.org/x/cases/vasiljevic/acjug/en/val-aj040225e.pdf>.

Reference list

1. Gus'kova E. The history of the Yugoslavia crisis (1990–2000). M., 2001. –720 p.
2. Mezyaev A. The International Tribunal for the former Yugoslavia: Some legal aspects // Russian Law Journal. 2007. № 2. P. 46–49.
3. Motorov I. On the work of the International Tribunal for the former Yugoslavia // International Military Review. 2015. № 2. P. 41–44.
4. Novikov S. Peacekeeping missions of the UN, the OSCE and the Russian Federation in the resolution of conflicts on the territory of the former Yugoslavia: Synopsis of a thesis of Doctor of History. Vladimir, 2011. Access mode: <http://geum.ru/aref/a56-3-ref.htm>.
5. The International Tribunal for the former Yugoslavia – The official website of the United Nations. Access mode: <http://www.un.org/ru/law/icty/>.
6. The United Nations Charter. Access mode: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>.
7. The Statute of the International Tribunal for the former Yugoslavia. Access mode: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.
8. UN document. The UN Security Council Resolution № 808 of 22nd of February, 1993, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.
9. UN document. The UN Security Council Resolution № 827 of 25th of May, 1993, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.
10. UN document. The UN Security Council Resolution № 1503 of 28th of August, 2003, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2003.shtml>.

11. UN document. The UN Security Council Resolution № 1966 of 22nd of December, 2010, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2010.shtml>.
12. UN document. The UN Security Council Resolution № 2130 of 18th of December, 2013, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2013.shtml>.
13. UN document. The UN Security Council Resolution № 2193 of 18th of December, 2014, Access mode: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2014.shtml>.
14. The Nuremberg process. The official website of the Russian Federation Prosecutor General. Access mode: <http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/>.
15. The International Tribunal for the former Yugoslavia. The RIA Novosti official website. Access mode: <http://ria.ru/spravka/>.
16. The doctrine of joint criminal actions. Access mode: <http://gruzdoff.ru/wiki/>.
17. *Vojislav Šešelj*. The leader of the Serbian radical party. Access mode: <http://lenta.ru/lib/14173965/>
18. Tadic Appeal Judgement, IT-94-1-A, 15th of July, 1999, (beyond – Tadic AJ), § 185–234. URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.
19. *Jens David Ohlin* "A Meta-Theory of International Criminal Procedure" – 14 UCLA J. INT'L L. & FOREIGN AFF. 77 (2009), P. 85.
20. Vasiljevic Appeal Judgement, IT-98-32-A, 25th of February, 2004, § 97–99. URL: <http://www.icty.org/x/cases/vasiljevic/acjug/en/val-aj040225e.pdf>.

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники РФ, заместитель руководителя научно-экспертного центра Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

ПРИНЦИПЫ АУДИТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

В настоящее время формируется общемировая тенденция перехода на программный формат представления финансового плана государства, что позволяет достаточно точно оценить результативность и эффективность расходов. При этом возникает необходимость финансового аудита эффективности бюджетных расходов.

Ключевые слова: аудит, государственные программы, финансовый контроль, экономическое развитие Российской Федерации

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Deputy Head of the Scientific-Expert Centre of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation

AUDITING PRINCIPLES OF GOVERNMENT PROGRAMS

At this time, a global trend of transition to the program format of the submission of the state financial plan is being formed and it allows one to accurately evaluate the efficiency and effectiveness of expenditures. Thus there is a necessity on the financial audit of efficiency of budget expenditures.

Keywords: audit, Government Programs, fiscal control, economic growth of the Russian Federation

Для аудита государственные программы являются сложным объектом, поскольку:

- в госпрограммы могут входить федеральные целевые программы (ФЦП) [1], подпрограммы, ведомственные целевые программы [2], отдельные мероприятия;
- к содержанию госпрограмм предъявляется большое число требований, включая методические;
- госпрограммы предполагают многоэтапную и многоуровневую процедуру согласования и обсуждения;
- порядок с учетом полномочий всех участников разработки и реализации госпрограмм, финансового обеспечения, текущего управления реализацией, внешнего и внутреннего контроля включает большое число взаимоувязанных процессов [3];
- оценивание и анализ производится в нескольких сферах: сферы реализации госпрограмм (оценка и анализ характеристик итогов реализации государственной политики в сфере госпрограмм, выявление потенциала развития сферы на основе прогноза, анализ существующих ограничений и сопоставление с состоянием аналогичной сферы у ведущих стран, анализ социальных, финансово-экономических и прочих рисков), сфера социально-экономического развития

Российской Федерации, на которую влияет эффективность выполнения госпрограммы, и сферы оценивания [6]. При этом должны быть увязаны цели, задачи и показатели, а также этапы и сроки реализации госпрограмм.

В этой связи принципы аудита госпрограмм должны учитывать сложность и многопараметричность объектов контроля, корректность целеполагания в ходе аудита программ и комплексность оценки элементов программ.

В качестве важнейших принципов аудита госпрограмм выделяются общие принципы и частные (рис. 1).

Общий принцип целеполагания заключается в том, что поставленная цель (или система целей) аудита госпрограмм должна быть определена с позиций системного подхода логически правильно и корректно. Правильность и корректность целеполагания определяется *степенью адекватности* поставленной цели – планируемому (ожидаемому в будущем) результату (целевому эффекту). При этом адекватность поставленной цели планируемому в будущем конечному результату определяется на этапе планирования посредством установления между ними отношения *тождества*.

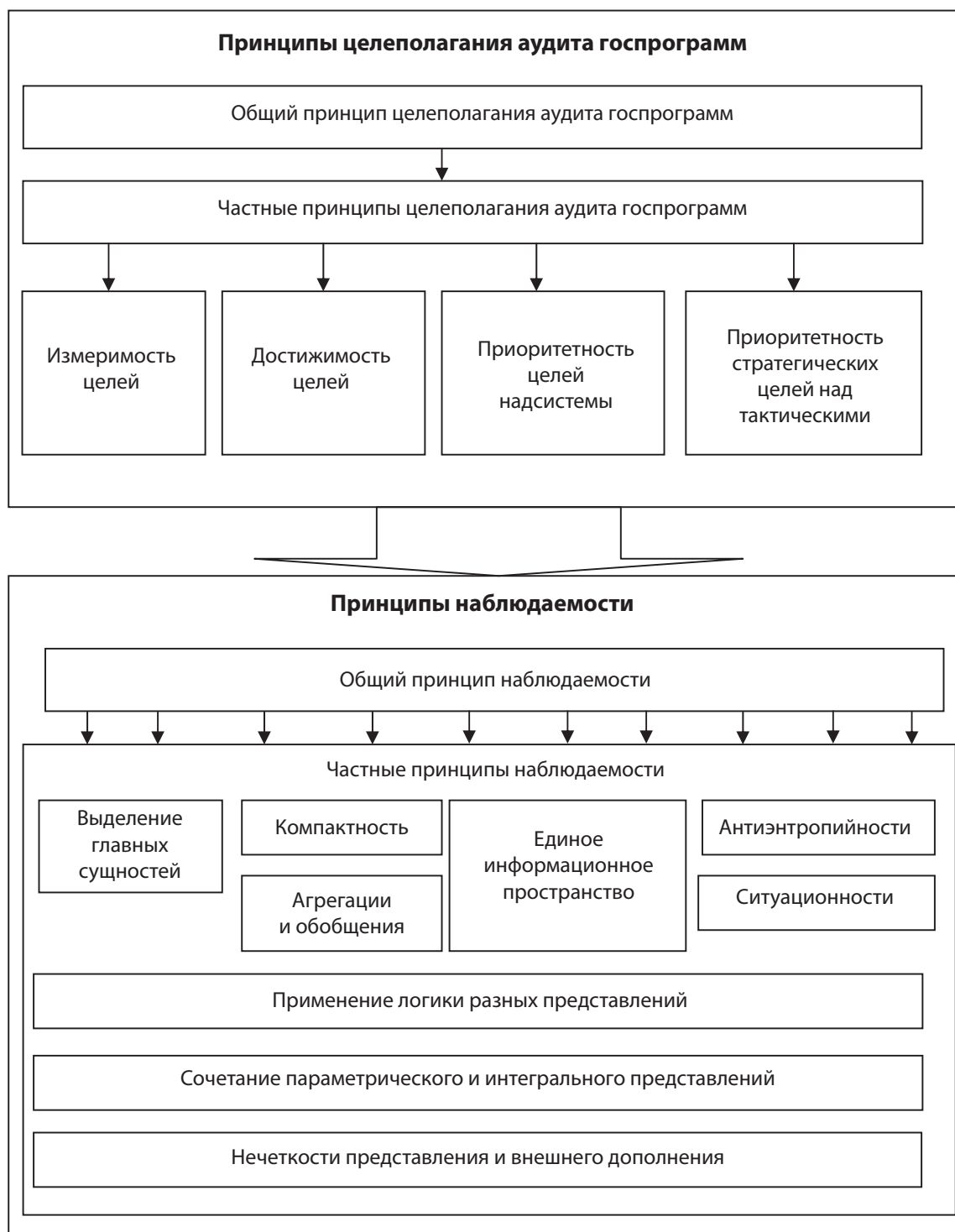

Рис. 1. Логика формирования и обоснования принципов аудита госпрограмм

Под отношением тождества понимается любое отношение рефлексивности, в том числе отношения равенства, эквивалентности, нестрогого порядка, нестрогого предпорядка и толерантности [4].

Корректность поставленной цели достигается выполнением совокупности частных принципов целеполагания, к которым можно отнести следующие принципы: измеримости цели, достижимости цели, приоритетности стратегических целей над тактиче-

скими, приоритетности целей надсистемы.

Принцип измеримости цели заключается в том, что поставленная цель должна быть измерима, т.е. предполагается наличие критериев и показателей, которые позволили бы определить, достигнута ли поставленная цель и в какой степени.

Если цель неизмерима, то невозможно или очень сложно оценить результаты проделанной работы и объективно контролировать процесс достижения цели.

Принцип достижимости цели заключается в том, что поставленная цель должна быть достижима (реализуема), т.е. предполагается наличие критериев и показателей, которые позволили бы определить, реализуема ли поставленная цель в заданные сроки с заданными ресурсами.

Принцип приоритетности стратегических целей над тактическими целями. Реализация тактических или локальных целей должна обеспечивать достижение более долгосрочной стратегической цели. В противном случае нарушается вся логика целеполагания, в основе которого лежит иерархический принцип формирования системы целей.

Принцип приоритетности надсистемных целей заключается в обеспечении приоритета внешних или надсистемных целей (целевых эффектов) по отношению к внутренним (системным) целям (эффектам).

В основе реализации принципов наблюдаемости лежит решение вопросов адекватного (или тождественного) наблюдения, в том числе контроля, идентификации, распознавания, диагностики и комплексного анализа многопараметрических объектов или процессов реальной действительности.

Общий принцип наблюдаемости представляет собой целенаправленный процесс адекватного отображения объектов или процессов реальной действительности в образы.

Реализация общего принципа наблюдаемости достигается выполнением совокупности частных принципов наблюдаемости, к которым можно отнести следующие принципы: выделения главных сущностей, компактности, единого информационного пространства, агрегации и обобщения, применения логики разных представлений, сочетания параметрического (индикативного) и интегрального представления, нечеткого представления и внешнего дополнения.

Принцип выделения главных сущностей заключается в необходимости выделения и анализа главных (принципиальных, наиболее существенных) информационно-логических сущностей исследуемого многопараметрического объекта или процесса, каковыми являются государственные программы, подпрограммы и мероприятия.

Реализация данного принципа предполагает фильтрацию и отсеивание избыточной (с точки зрения принятия решений), детализированной и, следовательно, лишней информации, воспринимаемой человеком, с учетом его возможностей запоминания, как «информационный шум», который мешает воспринимать главное.

Принцип компактности – наиболее емкая по содержанию и минимальная по объему описания и представления информация о состоянии многопараметрического объекта или процесса.

Описание и представление информации для анализа должно содержать минимально необходимый объем данных о наиболее существенных свойствах и состоянии рассматриваемого объекта или процесса. Этот минимальный объем данных должен быть достаточным для информационно-аналитической поддержки принятия решений по оценке и идентификации состояния объекта или процесса.

Принцип единого информационного пространства заключается в едином информационно-логическом представлении разнородных и множественных (по количеству, по детальности описания) данных на одном информационном поле, воспринимаемом аналитиком или лицом, ответственным за решения.

Реализация принципа позволяет человеку (аналитику, ЛПР) представлять сложные, многопараметрические объекты или процессы в виде некоторой модели единого информационного пространства, нормированные элементы и связи которого подчинены принципу единства и упорядоченного описания и представления. Такое представление единого информационного пространства позволяет человеку системно оценивать рассматриваемые сложные ситуации и принимать адекватные решения.

Принцип агрегации и обобщения заключается в определении уровня агрегации и обобщения, соответствующего уровню принятия решения. Чем выше уровень принятия решений в рассматриваемой предметной области, тем больше степень агрегации и обобщения информации, и наоборот, чем ниже уровень принятия решений, тем больше требуется детализации и получения конкретных данных.

Принцип применения логики разных представлений заключается с точки зрения системного подхода в необходимости рассмотрения многопараметрического объекта или процесса с разных сторон, т.е. с применением логики разных представлений. Например, системность проявления в многопараметрическом объекте или процессе различных отклонений требует для ее идентификации применения логики разных представлений, в том числе универсальных логик:

- причинно-следственных связей;
- пространственно-временных связей;
- классификационных (видо-родовых) связей;
- комбинированных связей.

Принцип ситуационности. При анализе сложных ситуаций не существует наилучшей или опти-

мальной оценки ситуации. Реальная обстановка в аномальных (критических, чрезвычайных) условиях характеризуется множеством неопределенных и нечетких факторов, многомерностью описания и представления, нечеткостью анализируемых ситуаций. Поэтому информационно-аналитическая поддержка принятия решений может считаться лучшей для эксперта, аналитика или лица, принимающего решения только в отношении поставленных конкретных целей на данный момент.

Реализация принципа характеризуется переходом от анализа текущих ситуаций, множество которых в общем случае для многопараметрического объекта или процесса бесконечно, к анализу классов ситуаций K_t , множество которых конечно, т.е. справедливо $|St| \gg |K_t|$.

Принцип сочетания параметрического (индикативного) и интегрального представления определяет необходимость сочетания параметрического и интегрального представления для оперативной оценки и анализа аномальных текущих значений параметров (индикаторов, показателей, сигналов) многопараметрического объекта или процесса. Многомерность, динамичность, нечеткость, неопределенность и неполнота описания и представления состояний сложного многопараметрического объекта или процесса не позволяет проводить детальный количественный анализ в полном объеме в условиях жестких временных ограничений. Для таких сложных ситуаций представляется единственным выходом проводить анализ по индикативным (ключевым, реперным) точкам состояния объекта или процесса, фокусируя, таким образом, внимание на аномальных значениях параметров с последующим анализом стратегии и тенденций поведения (функционирования, развития, деградации) многопараметрического объекта или процесса.

Принцип антиэнтропийности. Проведение комплексного анализа состояния объектов или процессов всегда направлено на уменьшение неопределенности в знаниях о возникновении и развитии критических (аномальных) ситуаций, а также в знаниях по учету возможных последствий развития и завершения для наблюдаемого объекта (процесса) и окружающей природной среды.

Принцип нечеткого представления и внешнего дополнения.

Проведение комплексного анализа сложных, нечетких ситуаций должно быть максимально ориентировано на использование нечетких, расплывчатых понятий (утверждений, инструкций, правил,

моделей классификаций), которые несут в себе значительную информацию об объекте или процессе. Применение четких формализованных описаний и представлений в этих условиях резко ограничивает возможности анализа, хотя не всегда дает положительные результаты.

Проведение анализа сложных ситуаций формальными методами возможно лишь приближенно, поэтому необходим содержательный комплексный анализ таких ситуаций с помощью дополнительных (внешних), неформально подготавливаемых экспертами-аналитиками решений с оценкой возможных рисков и последствий.

Таким образом, представленные выше принципы систематизации анализа многопараметрических объектов или процессов имеют обобщенный концептуальный характер. Поэтому при рассмотрении конкретной предметной области (программы, подпрограммы, мероприятия, события) и использовании тех или иных методов анализа их состояния эти принципы должны уточняться и корректироваться. При этом представляется целесообразным для каждой конкретной предметной области, с учетом ее специфики, выделение как основных (базовых), так и дополнительных (второстепенных) принципов.

Кроме вышеперечисленных принципов, можно выделить следующие универсальные принципы.

Принцип независимости. Аудит госпрограмм осуществляется высшими органами финансового контроля в рамках действующего мандата и с учетом сохранения их независимости.

Принцип объективности и беспристрастности. Контрольная деятельность аудиторов должна осуществляться при соблюдении принципов объективности и беспристрастности, не ставя под угрозу принцип независимости.

Профессионализм. Аудиторы высшего органа финансового контроля должны иметь профессиональные знания и опыт в политических и методологических вопросах, касающихся государственных программ Российской Федерации. Важной задачей является непрерывное повышение уровня знаний и подготовленности аудиторов в их деятельности.

Открытость и публичность. Высшие органы финансового контроля должны содействовать открытости и прозрачности деятельности, связанной с аудитом госпрограмм, они должны оценивать степень ответственности проводимой правительством политики в отношении доступности сведений по госпрограммам общим принципам обнародования статистической информации.

Принцип активности аудита госпрограмм, который предполагает установление, классификацию и персонализацию причин отклонений от целей и показателей госпрограмм, своевременную выработку предложений и проверку результативности принятых мер.

Принцип системности аудита госпрограмм предполагает оценивание целесообразности, эффективности исполнения, ресурсоемкости, ресурсообеспеченности, реализуемости, экономичности, продуктивности, результативности и последствий госпрограмм.

Принцип стандартизации аудита госпрограмм, в том числе унификации интерфейсов, протоколов и форматов данных, интеграции распределенных информационных ресурсов.

В силу существенных различий между странами в практике программного бюджетирования международные стандарты аудита госпрограмм, в том числе в рамках Международной организации высших органов финансового контроля [5], не разработаны.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.06.1995 № 594 «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд. Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация».
2. Постановление Правительства РФ от 19.04.2005 № 239 «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ».
3. Приказ Минэкономразвития России от 19.11.2013 № 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».
4. *Омельченко В.В.* Основы цветокодирования. Часть 1. Методологические аспекты цветокодирования информации. – М.: НИИ СП, 2013. С. 103.
5. INTOSAI – The International Organisation of Supreme Audit Institutions – Международная организация высших органов финансового контроля.
6. *Шкодинский С.В.* Оценка Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2015. – № 1. – С. 44–53.

Reference list

1. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 26.06.1995 № 594 "On the implementation of the Federal Law "About deliveries of goods for Federal state needs. The procedure for the development and implementation of Federal target programs and interstate target programs in which implementation the Russian Federation is a party".
2. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.04.2005 № 239 "On approval of the Regulations on the development, approval and realization of ministerial target programs".
3. The Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 19.11.2013 № 690 "On approval of directives for the development and implementation of Government Programs of the Russian Federation".
4. *Omel'chenko V.* The fundamentals of chromacoding. Part 1. Methodological aspects of information chromocoding. M.: Research Institute of Account Chamber, 2013. P. 103.
5. INTOSAI – The International Organization of Supreme Audit Institutions – Mezhdunarodnaya Organizatsiya Visshikh Organov Finansovogo Kontrolya.
6. *Shkodinskiy S.* Evaluation of the Government Program "Industrial growth and increase of its competitiveness" // Public Audit. Law. Economy. 2015. № 1. P. 44–53.

Урмина И.А.,

доктор культурологии, заведующая кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Московского института государственного управления и права

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье предлагается анализ современных тенденций развития сферы культуры, рассмотрены возможные направления реализации государственной культурной политики в условиях вовлеченности страны в глобальные трансформационные процессы, предложены актуальные направления современной государственной политики в сфере культуры.

Ключевые слова: культура, глобализация, культурная политика, реформирование, управление в сфере культуры, институциональные структуры

Urmina I.,

Doctor of Cultural Studies, Head of Chair of the Humanities and Natural Science Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

ORGANIZATIONAL-MANAGERIAL ASPECTS OF THE STATE CULTURAL POLICY REALIZATION

The article suggests modern development trends' analysis of the culture sphere, it considers the possible directions of the state cultural policy realization in the context of country engagement in global transformation processes; the contributor proposes topical areas of modern state policy in the sphere of culture.

Keywords: Culture, globalization, cultural policy, reforming, governance culture, institutional frameworks

Культурный форум регионов России, который прошел 25 сентября 2015 г. в формате видео-моста на площадках Общественной палаты РФ и Якутии, собрал представителей 68 субъектов РФ для обсуждения проблем реализации государственной культурной политики России. Государственную культурную политику трактуют по-разному в зависимости от выделяемых в ней приоритетных задач и направлений. Одна из наиболее распространенных трактовок может быть проиллюстрирована следующим ее определением: «Государственная культурная политика – это совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры. Основными стратегическими целями культурной политики государства являются: развитие культурного потенциала и сохранение культурного наследия страны, обеспечение единства культурного пространства и доступности культурных ценностей, развитие творчества» [1, с. 66]. В.М. Розин, обобщая различные интерпретации термина «куль-

турная политика», выделяет следующие наиболее устойчивые его трактовки: 1) культурная политика как «приемы управления развитием сферы культуры» [3, с. 44]; 2) культурная политика – социальная политика средствами культуры; 3) культурная политика как один из разделов социальной политики, а именно «воспроизводство и развитие членов общества, приобщение их к культурному потенциалу, к освоению, передаче и развитию этого потенциала от поколения к поколению через организацию социального взаимодействия». Все данные определения и трактовки так или иначе отражают основные существенные характеристики нормативных требований к современной государственной культурной политике.

С целью анализа возможных управленческих решений выделим ряд тенденций, наметившихся в развитии отрасли культуры. Первая тенденция – вытеснение отраслевого принципа территориально-отраслевым, который заключается в возможности развития активности населения (например, культурно-досуговой) непосредственно в регионах или на территориях. В этом случае содержание культурных

процессов заключается в совершенствовании образа и качества жизни населения средствами культурной деятельности, что является предпосылкой для расширения влияния этой деятельности на самые различные стороны жизни этого населения. Наиболее явно территориально-отраслевой принцип реализации культурной политики проявляется в разработке и реализации различных региональных программ культурно-досуговой деятельности, в том числе партисипативных, включающих местные общественные, творческие и гражданские структуры в их разработку и реализацию. Наиболее эффективными оказываются программы, развивающие местные культурно-досуговые инициативы по принципу встречного федерального финансирования основных «точек роста», а не всей досуговой инфраструктуры в регионе.

Следующая тенденция культурной политики, ориентированная на решение социальных задач, заключается в росте, например, культурно-досуговой активности самых различных групп населения, появление коллективов, студий, групп любителей, знатоков, экспертов и т.д. Вместо «вертикальной» административно-командной структуры управления внедряется «горизонтальная» или «сегментная». В целом управленческая деятельность ориентируется теперь не только на оптимизацию уже сложившихся сфер и объектов культурно-досуговой деятельности, но и на развитие «естественных» процессов в сфере досуга: удовлетворение актуальных досуговых запросов различных групп населения, стимулирование общественных инициатив, развитие коммерческого сектора в сфере досуга как средства вовлечения населения в творческую культурную деятельность и т.д.

Рассмотрим теперь возможные направления реализации государственной культурной политики в условиях очевидной вовлеченности страны в глобальные трансформационные процессы. При этом будем учитывать, что современная государственная политика в сфере культуры представляет собой общественно-государственный вид деятельности, в которой участвуют различные субъекты культуры: ученые, общественные деятели, работники культуры и искусства, предприниматели и т.д. В этом аспекте рассмотрим состояние такой институциональной структуры, как институты массового приобщения к культуре (общее и специальное образование, средства массовой информации, учреждения культуры). Сегодня происходит переход от заучивания культурных стереотипов к практическому освоению технологий в отношениях с окружением; от априорно оценочного к рациональному использованию культурной инфор-

мации; от монистического к плюралистическому образу социокультурного окружения. Проблемы в этой сфере обусловлены инерционностью институциональных структур в меняющихся условиях, недостатком новых подходов к трансляции социально значимой культурной информации.

Следует подчеркнуть, что актуальная государственная политика в сфере культуры должна опираться на преодоление ключевых для общества и культуры расхождений между желаемым состоянием этой сферы и реальным положением дел.

Во-первых, расхождение между накоплением обусловленных трансформационными процессами изменений в ключевых областях социокультурной жизни, с одной стороны, и несистематизированностью и массовой неосвоенностью – с другой. Культурная проблема заключается в слабости социокультурных стимулов, побуждающих людей к освоению, упорядочению локальной культурной среды. Возможности культурной политики: через имеющиеся и новые институциональные средства организовать такое освоение; разрабатывать и внедрять соответствующие социокультурные технологии.

Во-вторых, расхождение между трансформационными запросами различных социокультурных групп и медленным накоплением производственных и образовательных предпосылок трансформаций. Культурная проблема заключается в массовой распространенности ценностного стереотипа требовать общественные блага без затраты усилий на их создание, поддержание, трансформацию. Возможности культурной политики: разрабатывать социокультурные технологии социального участия членов общества в повышении качества жизни своими силами; способствовать обучению людей эффективной работе и достижению жизненного комфорта собственными усилиями.

В-третьих, расхождение между содержанием социально значимой культурной информации, передаваемой институциональными средствами (общее образование, средства массовой информации, учреждения культуры), и реально необходимой для социокультурной адаптации в сложных и динамических условиях. Проблема заключается в неадекватности массовых и специализированных представлений о российском обществе и культуре, об их современном состоянии, о возможностях выхода из существующего кризисного состояния. Возможности культурной политики: укреплять рационалистические тенденции в культуре, поддерживать развитие фундаментальной и прикладной областей социальных наук с обяза-

тельной ориентацией на мировой уровень; усиливать аналитическое начало по сравнению с априорно оценочным в средствах массовой информации; отдавать приоритет проблемной и прагматической направленности в системах общего и специализированного образования.

В-четвертых, расхождение между приращением нового социокультурного опыта и его интегрированностью в культуру. Культурная проблема состоит в недостатке соответствующих институциональных средств, критериев оценки реального многообразия и разнонаправленности социокультурных процессов. Возможности культурной политики: квалификация и массово приемлемая интерпретация социокультурной неоднородности общества через средства просвещения; оказание консультативной (личностной, информационной, адаптационной, правовой и т.п.) помощи гражданам через создание сети соответствующих служб.

Рассмотрим также следующие актуальные направления современной культурной политики.

1. Социально значимые проблемы социокультурной жизни.

1.1. Слабая массовая освоенность культуры, т.е. расхождение между состоянием социокультурного окружения людей и степенью его освоенности, о чем свидетельствуют технические и экологические катастрофы, массовое распространение деструктивного поведения, невостребованность имеющейся социально значимой информации.

1.2. Устаревшие институты культурной политики, т.е. несоответствие существующих направлений функционирования институтов социально необходимым, о чем свидетельствует низкий массовый уровень культурной и профессиональной компетентности, слабая социализованность членов общества в период трансформационных изменений.

1.3. Пассивность членов общества и государства в осмыслении и решении реальных социокультурных проблем с помощью имеющихся и заново создаваемых институциональных структур, т.е. несоответствие уровней институциональной организации социокультурных процессов социально необходимым, о чем свидетельствуют низкое качество профессиональной деятельности в культурно значимых институтах (образование, просвещение, массовая информация, рекреация); низкий уровень конструктивной социальной активности (социального участия); ценностные ориентации на мифологизированные образы прошлого.

Наличие этих проблем обуславливает воспроизведение в обществе социальной напряженности

(массовой тревоги и беспокойства), угрозы социальных беспорядков, роста преступности. Их решение предполагает обязательное государственное вмешательство в форме рациональной социокультурной политики в период трансформационных изменений [2, с. 28–41].

2. Институциональные проблемы.

2.1. Устаревшие модели культурной политики, ориентированные только на консервацию учреждений культуры и объектов прошлого, а не на решение с их помощью текущих и перспективных культурных проблем, т.е. объектная, а не социальная ориентация культурной политики.

2.2. Слабая профессиональная подготовка управленческих, преподавательских, научных кадров в сфере культуры; отсутствие современных профессиональных кадров и программ их подготовки для организации социокультурной активности и культурного просвещения населения.

2.3. Нежелание подавляющего большинства работников отрасли культуры модернизировать институты, связанные с регулированием социокультурных процессов.

Такое положение дел свидетельствует о том, что существующие в отрасли культуры институциональные структуры не выполняют предписанных им функций в решении социально значимых проблем. Выход из сложившейся ситуации заключается в рациональной и последовательной трансформации функциональных единиц и подготовке специалистов, способных на уровне отрасли решать такие проблемы. Организационно-управленческие задачи в отрасли должны быть связаны, в первую очередь, с преодолением следующих помех в реализации государственной культурной политики:

- низкий профессиональный уровень руководящих работников отрасли при высоком уровне подготовки, но узкой профессиональной специализации работников тех областей отрасли, которые в массовом количестве оказываются мало востребованными (библиотеки, театры, филармонии, музеи и т.п.), мешают поиску социально полезных и привлекательных актуальных функций этих учреждений;
- слабая заинтересованность работников отрасли в трансформации ее функций, в ее социальной полезности на фоне привычной манипуляции с получаемыми бюджетными средствами;
- низкий массовый уровень культурной компетентности и нежелание населения заниматься формированием актуальной культурной среды локального сообщества.

Таким образом, рациональную культурную политику в период глобальных трансформационных изменений следует разрабатывать и реализовывать в

соответствии с социальной необходимостью и правовыми методами, а не произвольным и случайным образом.

Список литературы

1. Духовное развитие и реформирование общества: учебно-методическое пособие. – М.: Издательство РАГС, 2003. – 176 с.
2. Орлова Э.А., Урмина И.А. Концепция проблемно-ориентированной модернизационной государственной политики // Активизация социокультурного участия людей пожилого возраста в решении проблем российского общества. – М.: ЗАО «Инфест», 2005. – 110 с.
3. Теоретические основания культурной политики / отв. ред. Э.А. Орлова– М.: РИК, 1993. – 214 с.

Reference list

1. Intellectual development and the reforming of society: Study guide. M.: Publishing by RACS, 2003.
2. Orlova E., Urmina I. The conception of task-oriented modernization of the state policy // Mainstreaming of social-cultural participation of elderly people in solving problems of the Russian society. M.: CJSC "Infest", 2005.
3. Theoretical grounds of cultural policy / Executive editor E. Orlova. M.: RICR, 1993.

Кондратьева Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Счетной палаты Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В РОССИИ

В статье рассмотрены вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, условия и факторы легализации преступных доходов в России. Автором раскрыты сферы легализации преступных доходов, деятельность Росфинмониторинга, предложены пути повышения эффективности процессов противодействия.

Ключевые слова: противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; условия и факторы легализации, отток капитала, сомнительные операции, наиболее привлекательные сферы отмывания доходов

Kondrat'eva E.,

PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation

THE PROBLEMS OF COUNTERACTION TO LAUNDERING PROCEEDS AND FINANCING OF TERRORISM: CONDITIONS AND FACTORS OF LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS IN RUSSIA

The article describes the issues of counteraction to legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism, conditions and factors of legalization of criminal proceeds in Russia. The article author has been revealed the areas of legalization of criminal proceeds and described the activity of Rosfinmonitoring; as well as the ways of increasing the processes efficiency of the counteraction have been suggested.

Keywords: counteraction of legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism, conditions and factors of legalization, capital outflow, questionable transactions, the most attractive areas for laundering of proceeds

В условиях глобализации деятельность по легализации (отмыванию) преступных доходов приобрела транснациональный характер. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) – это совокупность мер правового и организационного характера, а также деятельность органов государственной власти, организаций и физических лиц по предупреждению легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма, по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма [1].

Выделяют основные признаки легализации преступных доходов:

- совершение предшествующего преступления, в результате которого приобретаются материальные блага, которыми сразу распорядиться невозможно;
- действия с преступными доходами, когда их цель – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению такими доходами;
- сокрытие следов происхождения преступных доходов;
- сокрытие лиц, извлекающих незаконные доходы и иницирующих процесс отмывания;
- создание видимости законности получения доходов;
- уклонение от уплаты налогов;
- создание оперативного доступа к денежным средствам, полученным из нелегальных источников;

– обеспечение условий для безопасного инвестирования преступных доходов в легальный бизнес и др.

Отмывание денег является составляющей лобой преступной деятельности, стержневым элементом криминального экономического цикла – процесса последовательной смены отдельных стадий, необходимых для осуществления и постоянного обновления криминальной экономической деятельности. Такими стадиями являются: генерирование преступного дохода, легализация или отмывание криминальных фондов, потребление, криминальное инвестирование преступных доходов или инфильтрация их в легальный бизнес [2]. Модель криминальной экономической деятельности универсальна.

Организованная преступность расширяет свое влияние, устанавливает контроль над легальным сектором экономики. По оценкам специалистов НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, соотношение зарегистрированной и латентной преступности в сфере ПОД/ФТ кардинально не меняется: в 2002–2009 гг. коэффициент латентности колебался от 2 до 10 [3], и вероятность его резкого снижения в будущем мала.

Точные данные об объеме легализуемых доходов, полученных преступным путем, отсутствуют. По мнению экспертов, отмывание доходов – бизнес, занимающий по своим масштабам третье место в мире [4]. При этом общий ущерб, наносимый российской экономике и обществу указанными незаконными действиями, сложно поддается оценке по причине их присутствия во многих экономических преступлениях. В частности, только за последние десять лет из Российской Федерации было вывезено за рубеж более 250 млрд долл. США. По оценкам МВФ и Всемирного банка, совокупный объем ежегодно отмываемых в мире капиталов находится на уровне 3–5% мирового ВВП, т.е. приближается к 2–3 трлн долл. [5].

Самая стабильная статья оттока капитала – так называемые «сомнительные операции», которые с 2003 по 2014 г. росли и достигли более 325 млрд долл. США [6]. В их число входят сделки, имеющие признаки фиктивности, а также связанные с торговлей товарами и услугами, с покупкой/продажей ценных бумаг, предоставлением кредитов и переводами средств на собственные счета за рубежом, целью которых является трансграничное перемещение денежных средств.

Масштабный объем нелегальных операций объясняется, с одной стороны, недостаточно качественным и прозрачным регулированием движения капитала в мире, с другой – внутренними факторами в странах – экспортерах капитала. Открытие границ

имеет смысл лишь при должном управлении и борьбе с коррупцией, так считают эксперты. Крайне тесной является и связь нелегального оттока с размером теневого сектора экономики (увеличение последнего на 1% ведет к росту первого на 7%) [7].

Использование офшорных зон в целях минимизации налогов и включение их в преступные схемы подтверждает устойчивая тенденция поступления в Россию капиталов в виде иностранных инвестиций из низконалоговых юрисдикций. Так, в 2011–2013 гг. от 26,9% до 60,4% всех инвестиций в экономику Российской Федерации пришло из Республики Кипр, Люксембурга, а также Британских и Виргинских островов [8]. Эти средства были отделены от преступного источника происхождения, легализованы и в дальнейшем введены обратно в легальную экономику России, что нанесло существенный ущерб интересам и безопасности государства.

При получении значительных сумм криминальных доходов, превышающих личные потребности, преступник или преступная группировка сталкиваются с необходимостью снижения экономических и юридических рисков обладания подобными активами, сохранения их от конфискации, инфляции и т.п. Учитывая, что преступные доходы не изъяты из гражданского оборота и обладают рыночной стоимостью, возможности для их сохранения и преумножения представляет законный экономический оборот [9].

Деятельность по реализации схем легализации осуществляется во многих сферах экономики, но ключевой является кредитно-финансовая (в частности, банковская), которая служит главным каналом движения денежных средств, полученных преступным путем [10]. К числу сфер, где распространено «отмывание», также можно отнести потребительский рынок, топливно-энергетический комплекс, дорожное строительство, ЖКХ, лесопромышленный комплекс, ОПК [11].

О масштабах угроз национальной безопасности можно также судить по количеству отозванных у кредитных организаций лицензий на осуществление банковских операций. Так, в Российской Федерации только за 8 лет, с 1 января 2006 г. по 31 декабря 2013 г., лицензий лишились 138 банков, прямо или косвенно участвовавших в отмывании преступных доходов. Вместе с тем благодаря повышению требований к минимальному размеру собственного капитала банков до 90 млн руб. с 2010 г. и до 180 млн руб. с 2012 г. количество мелких кредитных организаций, как правило, используемых в преступных схемах, значительно сократилось. В 2013 г. по результатам проведенных Банком России проверок кредитных организаций на

предмет отмыывания доходов было отозвано 18 лицензий на осуществление банковских операций, в 2014 г. – еще 74 кредитные организации [12], за 8 месяцев 2015 г. – 57 [13].

Основные факторы, влияющие на легализацию (отмыывание) преступных доходов, следует разделить на правовые, экономические и политические.

К правовым факторам следует отнести неэффективность правового регулирования в этой сфере, отсутствие устойчивой судебной практики. Среди экономических факторов выделяется нестабильность экономики. К политическим факторам следует отнести уровень коррупционности в исполнительных, правоохранительных и судебных органах власти, а также в банковской системе, присутствие в законодательных органах лиц, напрямую заинтересованных в понижении качества государственного ПОД/ФТ. Как следствие, создается возможность лоббирования принятия нормативных правовых актов в интересах организованных преступных групп, занимающихся отмыыванием денег.

Специфика кредитной деятельности позволяет легко замаскировать преступные доходы, придав им видимость законного происхождения. Для отмыывания преступных доходов используются практически все виды банковских операций. По оценкам экспертов, до 70% банковских операций в нашей стране являются фиктивными, в финансовую сферу инвестировано 300–400 млрд руб. преступных доходов [14].

Эксперты отмечают, что на российском рынке действуют организации, профессионально занимающиеся размещением преступных доходов. Используется недобросовестная эмиссия ценных бумаг, которые выпускаются для скупки мошенниками через подставных лиц, а также сделки с ценными бумагами на основе наличных расчетов. В результате номинальным владельцем ценных бумаг может быть одно лицо, фактическим – другое, получившее преступные доходы. Нестабильность экономической ситуации способствует спекуляциям ценными бумагами, использованию инсайдерской информации.

Актуальной для Российской Федерации остается проблема хищения *бюджетных средств*, масштабы ее проявления отражены в отчете Контрольного управления Президента РФ, по данным которого ежегодное хищение в структуре госзакупок составляет 1 трлн рублей [15]. Масштабные коррупционные схемы, реализуемые на территории Российской Федерации, напрямую связаны с процессом отмыывания доходов с участием банковского сектора.

Одним из примеров может служить уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего министра

финансов одного из субъектов Российской Федерации, обвиненного в хищении 300 млн руб. бюджетных средств в целях приобретения коммерческого банка для беспрепятственного вывода нелегально полученных денежных средств в офшорные юрисдикции [16]. Имеют место случаи участия государственных должностных лиц в преступных группировках, что создает большие возможности хищения бюджетных денежных средств [17].

Очевидна актуальность проблемы противодействия незаконным финансовым операциям, связанным с хищением и нецелевым использованием бюджетных средств. Данный аспект ставит ряд задач перед системой противодействия легализации незаконных доходов, в том числе и в свете мониторинга и прогнозирования возникающих в этой связи рисков [18].

Средства, расходуемые в рамках *государственных закупок и заказа*, выделяемые на целевые программы развития, – одна из наиболее уязвимых сфер экономической деятельности с точки зрения ПОД/ФТ. Главные риски и угрозы в госсекторе связаны с утратой контроля над государственными активами и бюджетными средствами. В частности, основной риск *оборонно-промышленного комплекса* – неэффективное использование или хищение денежных средств участниками процесса исполнения государственного оборонного заказа.

Значительным остается уровень легализации преступных доходов на *потребительском рынке* [19]. Для «отмыывания» используются оптовая, розничная торговля, рынок услуг. Легализаторы пользуются тем, что товарооборот в сфере торговли оформляется сертификатами, складскими, транспортными документами, расчеты производятся наличными. Доля нелегальных товаров в розничной торговле достигает до 50–60%, прибыль от их реализации составляет порядка 400–500%. Получаемая от реализации нелегальных товаров огромная денежная масса неподконтрольна государственным органам. Распространено приобретение и перепродажа предметов роскоши, раритетов, предметов искусства на аукционах, в антикварных магазинах.

В *топливно-энергетическом комплексе* распространена легализация похищенных нефтепродуктов, которые сдаются для переработки под видом добытых полезных ископаемых.

В 2014 г. наблюдалось увеличение объемов по незаконным *операциям с драгоценными металлами и камнями*. Использовались схемы, связанные с неуплатой налогов (НДС). Общий оборот операций с драгоценными металлами составил порядка 60 млрд руб.,

из которых более 50% были оценены специалистами как сомнительные. Объем операций ювелирного сектора по сравнению с 2013 г. вырос более чем на 35%, при этом количество сделок, связанных с обналичиванием, выросло практически в 3 раза [20].

Развитие *земельного рынка* дает основания полагать, что у легализаторов будет возможность использовать земельные спекуляции для узаконивания криминальных средств.

В *сфере внешнеэкономической деятельности* количество зарегистрированных преступлений не соответствует распространенности «отмывания» в рассматриваемой сфере. Преступные сообщества используют такие факторы, как упрощение движения капитала и порядка пересечения границы, создание свободных экономических и офшорных зон, несовершенство пограничного и таможенного контроля. Более 300 организованных групп и преступных сообществ СНГ имеют международные связи, т.е. соучастников, подразделения или обособленные группы на территории других государств. В схемах по «отмыванию» преступных доходов практически всегда присутствуют иностранные контрагенты. По данным Интерпола, 30% вывезенного из стран СНГ капитала имеет криминальное происхождение.

Легализации преступных доходов во многом способствуют *офшорные фирмы и банки*. На Каймановых островах, например, зарегистрировано 18 тыс. таких фирм. Годовой оборот этих компаний составляет примерно 10 млрд долл., их сопровождением занято более 500 банков. Деньги, поступившие на счета офшоров, легко перебросить в любой уголок планеты. Анализ более 500 миллиардных госконтрактов позволил Росфинмониторингу установить, что примерно треть исполнителей этих контрактов связаны с офшорами, в 2014 г. были выявлены лица, имеющие учредительские связи с иностранными компаниями на общую сумму свыше 275 млрд руб. [21].

В связи с процессами ликвидации офшоров в Западной Европе российские предприниматели активно переходят в азиатские или восточноевропейские офшоры. По разным оценкам, в офшорах действует от 80 до 100 тыс. российских структур [22]. Большинство из них временные, регистрируемые на одну-две сделки, для серьезных проектов создаются цепочки фирм. Более сложной схемой финансирования через офшоры является партнерство с солидной компанией западного государства, которая является агентом офшора или владеет контрольным пакетом акций офшорной фирмы.

«Отмыванию» преступных доходов содействуют незаконные мигранты. Рабочие-мигранты в год пе-

реводили из России в страны СНГ, по оценкам, около 12 млрд долл. [23]. По мнению экспертов, через официальные системы проходит только десятая часть средств, направляемых в страны СНГ, остальной объем денежных средств переправляется нелегально.

По Федеральному закону № 115-ФЗ противодействие имеет комплексный характер и включает достаточно обширный превентивный, институциональный инструментарий.

В редакции Федерального закона № 115-ФЗ до 2013 г. были исключены из числа предшествующих легализации преступных доходов преступлений – налоговые, некоторые таможенные и валютные преступления, тем самым фактически были расширены возможности преступников в данных сферах и, с другой стороны, ограничены возможности правоохранительных органов в борьбе с ними. В 2013 г. с принятием Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [24] данное исключение было устранено.

Система противодействия легализации преступно полученных доходов и выявления связанных с ней преступлений в России требует большей эффективности. Федеральный закон № 115-ФЗ, другие законодательные акты, регулирующие отдельные вопросы борьбы с отмыванием денег, не реализуются должным образом. «Отмывание» относится к самым неочевидным преступным посягательствам: сомнительная финансовая операция считается только подозрительной и требует проверки на предмет преступного происхождения. Нужно отслеживать подозрительные операции, оценивать способы их совершения и документы, которые при этом используются.

Трудности с выявлением данной категории преступлений характерны для дел об экономических, коррупционных и других корыстных деяниях, связанных с извлечением преступных доходов. Посягательства, приносящие преступные доходы, именуются основными или предшествующими легализации преступными. При расследовании этих преступлений (хищения, корыстные злоупотребления, извлечение преступных доходов и т.п.) зачастую не выдвигаются версии о легализации преступно полученных доходов.

Организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, не всегда добросовестно исполняют требования закона о противодействии легализации преступных доходов. Для ряда организаций характерны существенные недостатки внутреннего контроля, в их деятельности

отсутствует идентификация клиентов и выгодоприобретателей, не разработаны правила внутреннего контроля, нарушаются сроки предоставления или вообще не направляются в Росфинмониторинг сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, о подозрительных сделках.

В ходе проверок деятельности финансовых организаций органы государственного контроля не всегда обращают внимание на установление признаков легализации преступных доходов. При выявлении таких признаков материалы не передаются в Росфинмониторинг для рассмотрения по существу, не всегда производится обмен информацией о выявленных правонарушениях, нарушаются межведомственные соглашения о предоставлении необходимых для контрольной деятельности сведений. Слабо поставлена работа по профилактике легализации преступных доходов; органы государственного контроля не всегда принимают меры к отзыву лицензии у организаций, систематически нарушающих законодательство о противодействии легализации преступных доходов.

В процессе выявления легализации преступных доходов требуется четкое взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов, обмен информацией между ними. Росфинмониторинг располагает большим объемом информации о подозрительных операциях физических и юридических лиц. Однако правоохранительные органы нерегулярно обращаются за ней, не используют дополнительные возможности выявления легализации преступных доходов; направляемые по инициативе Росфинмониторинга в правоохранительные органы материалы редко заканчиваются возбуждением уголовного дела.

В деятельности правоохранительных органов, проводящих расследование легализации преступных доходов, имеются существенные недостатки. Зачастую преступления данного вида учитываются правоохранительными органами необоснованно [25]. Следователями не всегда принимаются меры к отслеживанию перемещения криминальных средств. В результате суды прекращают уголовные дела и уголовное преследование в части легализации преступных доходов.

Фактором легализации преступных доходов в России являются сложные экономические условия, в которых значительная часть предпринимателей «уходит в тень», уклоняясь от государственного контроля. В кризисные периоды возрастает спрос на «теневые» капиталы, чем пользуются структуры, легализующие преступные доходы. Так, в период экономического кризиса резко вырос объем оборота наличных средств, активизировалась нелегальная деятель-

ность организаций, осуществляющих операции с наличностью [26].

Легализации преступных доходов способствует коррупция, которая превращается в способ экономического регулирования. Большое влияние на экономику оказывают неформальные кланы, имеющие своих представителей среди государственных служащих различного уровня. Деятельность таких кланов способствует получению значительных противоправных доходов. Положительная инициатива государства в сфере экономики, соприкасаясь с криминальной действительностью, искажается и превращается в орудие получения незаконной прибыли. Причиняется ущерб законным предпринимателям, вынужденным конкурировать с криминальным бизнесом на заведомо невыгодных для себя условиях. Не развита этика бизнеса, криминальные предприниматели не вытесняются деловым сообществом, а, напротив, пользуются преимуществами недобросовестной конкуренции.

Благодаря коррупционным связям преступные сообщества внедряются в работу легальных организаций, их представители проникают в органы власти, финансовую систему, способствуя легализации полученных преступных доходов.

Противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма в России еще недостаточно эффективно. Легализация – преступление, возникшее в России в 1990-е гг. и тогда же введенное в уголовное законодательство. Нарботанной правоприменительной практики еще недостаточно. Постоянные изменения (уточнения, дополнения) в законодательстве о противодействии легализации преступных доходов, его пробелы и противоречия не способствуют стабильности правоприменительной практики.

Острота и сложность проблем ПОД/ФТ в России возрастает в современной неоднозначной кризисной финансово-экономической ситуации.

Эффективность ПОД/ФТ и его нормативного обеспечения необходимо решать комплексно:

- следует объединить функции выявления и расследования дел о легализации незаконных доходов в рамках одного органа;
- требуется особое внимание к категории российских граждан, которым запрещается иметь имущество и доходы за рубежом (к данной категории относятся государственные служащие и должностные лица, их родственники, топ-менеджеры государственных компаний, нотариусы и т.д.), а также гражданство другого государства;
- необходимо добиваться исполнения двусторонних соглашений с другими государствами об

обязательной выдаче российских граждан, которые подозреваются в преступлениях, связанных с легализацией денежных средств, а также соглашений об обязательном предоставлении информации о собственности тех российских граждан, которым по российскому законодательству запрещено иметь имущество и источники дохода за границами России;

- следует ввести меры нейтрализации «отмывания» капиталов, полученных незаконным путем;

- обеспечить открытость информации о деятельности компаний, в частности, путем совершенствования

в нормативных документах понятия бенефициара в соответствии с рекомендациями ФАТФ, ввести требования о раскрытии бенефициаров, в том числе конечных собственников, контрагентов, юридических лиц, владеющих акциями в организациях-нерезидентах;

- повысить эффективность информационного взаимодействия между Росфинмониторингом, Генеральной прокуратурой, Следственным комитетом, ФСБ, МВД, ФНС, ФАС, а также Банком России в сфере противодействия проведению незаконных операций с валютными ценностями.

[1] См.: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901794413>.

[2] Генерирование криминального дохода – извлечение дохода в результате преступной (общественно опасной) экономической деятельности, совершение преступлений в сфере экономики. Легализация криминальных денежных средств – финансовые операции, направленные на придание преступным средствам видимости полученных законным путем. Криминальные инвестиции – использование легализованных преступно полученных средств для возобновления или расширения криминального предприятия. Инфильтрация в легальный бизнес – прямые и портфельные инвестиции криминального происхождения в организации легального бизнеса (См.: Бекряшев А.К., Белозеров И.П. Теневая экономика и экономическая преступность. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash>).

[3] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – 2011. – С. 267–272.

[4] Ревенков П.В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках / П.В. Ревенков, А.Б. Дудка, А.Н. Воронин, М.В. Каратаев. – М.: КНОРУС: ЦИПСИР, 2012. С. 9.

[5] Данные МВФ – Режим доступа: <http://www.businessforecast.bv/partners/ratings/470/>

[6] Данные платежного баланса России за 2003–2014 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs&ch=Par_1597

[7] Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/2366746>

[8] Данные Росстата России и ЦБ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/41inv27; [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs&ch=PAR_30241#CheckedItem.

[9] Введение преступных доходов в легальный экономический оборот связано с риском привлечь внимание органов государственного контроля и правоохранительных органов, что требует маскировки происхождения криминальных средств. Для этих целей совершаются фиктивные или запутанные сделки, преступные доходы инвестируются в предпринимательскую деятельность, где они преобразуются в результате цепочки хозяйственных операций.

[10] Крупин Е.В. Система внутреннего контроля в банках как инструмент противодействия отмыванию «грязных» денег // Банковские услуги. – 2001. – № 12. – С. 23–33.

[11] Так, в 2014 г. Федеральной службой по финансовому мониторингу РФ (ФСФМ РФ) одновременно с арестом членов организованной преступной группы на территории Российской Федерации во взаимодействии с подразделением финансовой разведки одного из европейских государств были заблокированы счета подконтрольных преступной группе компаний-нерезидентов и личный счет организатора преступного сообщества в зарубежном банке. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества), ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность) и ст. 174.1 УК РФ. Задержаны 7 участников преступного сообщества (Отчет ФСФМ за 2014 г. – Режим доступа: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>).

[12] <http://kudavlozيتدengi.adne.info/otozvanne-licenzii-u-bankov/2/>

[13] Экономический ущерб, связанный с отзывом лицензий только у банков ОАО «КБ «Мастер-Банк», ОАО «АБ «Пушкино», ОАО АКБ «Инвестбанк» и ЗАО АБ «БПФ», участвовавших в проведении сомнительных операций, составил более 91,7 млрд руб. (Официальный сайт Банка России).

[14] Отмыли 2 триллиона. Центробанк оценил объем фиктивных банковских операций в России в 1,5–2 трлн рублей в год. Режим доступа: <http://www.sostav.ru/news/2007/02/21/47/>; Ведев А., Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Хромов М. Актуальные проблемы развития банковской системы в Российской Федерации // Экономическая политика. – 2014. – № 2. – С. 7–25.

[15] Ревенков П.В., Дудка А.Б., Воронин А.Н, Каратаев М.В. и др. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках. – М.: КНОРУС, ЦИПСИР, 2012.

[16] Министр финансов Хабаровского края подозревается в хищении 300 млн руб. – Режим доступа: www.rb.ru/news/economics/2009/09/28/161611.html

[17] Так, в Дагестане выявлена схема легализации доходов, полученных преступным путем, организованная председателем собрания депутатов Кумторкалинского района, совершившем хищение денежных средств в особо крупном размере на общую сумму 162 млн руб. Бюджетные средства были выделены на реализацию адресной программы «Переселение граждан из аварийных жилых помещений Кумторкалинского района Республики Дагестан», что позволило через использование

фиктивных договоров присваивать нелегальные деньги. На заключительном этапе через банк, принадлежащий одному из депутатов, денежные средства обналичивались. (см.: Дагиев А. В Дагестане директор фирмы ответит за хищение 162 млн рублей // Российская газета. 2014. 24 июня. – Режим доступа: www.rg.ru/2014/06/24/reg-skfo/hishenie-anons.html).

[18] См.: *Агапова Т.Н., Курочкин А.В.* Приоритетные направления работы Росфинмониторинга на пути борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2015. – Выпуск 32. – С. 46–52.

[19] В 2007 г. по ст. 174 УК РФ в данной отрасли экономики зарегистрировано 62 преступления (в 2006 г. – 143), по ст. 174.1 УК РФ – 1928 преступлений (в 2006 г. – 1406). В 2008 г. выявлено, соответственно, 57 и 1724 преступления.

[20] Отчет ФСФМ за 2014 г. – Режим доступа: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>.

[21] Отчет ФСФМ за 2014 г. – Режим доступа: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>.

[22] *Левицкий Л.* Офшоризация всей страны перевела российскую экономику под чужую юрисдикцию // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 11. – С. 45–47.

[23] *Велетминский И., Зыкова Т.* Как заработать на России // Российская газета. 2005. 22 апреля. № 86. С. 4.

[24] Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3207.

[25] Приобретение предметов первой необходимости квалифицируется как легализация без цели придания правомерности обладания преступными доходами, нередко доводы обвинения в легализации преступных доходов носят предположительный характер, отсутствуют доказательства преступного происхождения имущества обвиняемого.

[26] Так, фиктивные ломбарды предоставляют услуги по обналичиванию денежных средств, операции с ценными бумагами и производными инструментами перемещаются с организованных торговых площадок на внебиржевые, растет вывод финансовых средств из России на счета офшорных и зарубежных компаний.

Список литературы

1. *Агапова Т.Н., Курочкин А.В.* Приоритетные направления работы Росфинмониторинга на пути борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2015. – Выпуск 32 (август).
2. *Бекряшев А.К., Белозеров И.П.* Теневая экономика и экономическая преступность. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash>.
3. *Ведев А., Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Хромов М.* Актуальные проблемы развития банковской системы в Российской Федерации // Экономическая политика. – 2014. – № 2.
4. *Крупин Е.В.* Система внутреннего контроля в банках как инструмент противодействия отмыванию «грязных» денег // Банковские услуги. – 2001. – № 12.
5. Отчет ФСФМ за 2014 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>.
6. *Ревенков П.В.* Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках / П.В. Ревенков, А.Б. Дудка, А.Н. Воронин, М.В. Каратаев. – М.: КНОРУС: ЦИПСИР, 2012.
7. Российская газета. 2014. 24 июня. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.rg.ru/2014/06/24/reg-skfo/hishenie-anons.html.
8. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
9. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901794413>.
10. Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3207.
11. *Левицкий Л.* Офшоризация всей страны перевела российскую экономику под чужую юрисдикцию // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 11.
12. *Велетминский И., Зыкова Т.* Как заработать на России // Российская газета. 2005. 22 апреля. № 86.
13. <http://www.sostav.ru/news/2007/02/21/47/>.
14. <http://www.businessforecast.bv/partners/ratings/470/>
15. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d01/41inv27
16. <http://www.kommersant.ru/doc/2366746>
17. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d01/41inv27.htm
18. <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2008/03/05/120429>.

Reference list

1. *Agapova T., Kurochkin A.* Priority directions of Rosfinmonitoring action in the way of fighting against the laundering of proceeds of crime // National interests, priorities and security. 2015. Number 32 (August).
2. *Bekryashev A., Belozеров I.* Hidden economy and economic crime. [Electronic resource] – Access mode: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash>.
3. *Vedev A., Drobyshevskiy S., Sinel'nikov-Murylev S., Khromov M.* Topical issues of banking system development in the Russian Federation // Economic policy. 2014. № 2.

4. *Krupin E.* The system of internal banks as a counteraction tool for laundering "dirty money" // Banking services. 2001. № 12.
5. FFMS Report 2014 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>
6. *Revenkov P.* Financial monitoring: Management of risks of money laundering in banks / P. Revenkov, A. Dudka, A. Voronin, M. Karataev. M.: KNORUS: TSIPSiP, 2012.
7. Rossiyskaya Gazeta. 2014. 24th of June. [Electronic resource] – Access mode: www.rg.ru/2014/06/24/reg-skfo/hishenie-anons.html.
8. Theoretical foundations of study and analysis of latent crime: Monograph / Under the editorship of S. Inshakov. M.: UNITY-DANA: Law and Legislation, 2011.
9. Federal Law of 07.08.2001 № 115-FL "On counteraction to the legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism" (as amended). Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/901794413>.
10. Federal law of 28.06.2013 No. 134-FL "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on counteraction against illegal financial transactions" // Code of Laws of the Russian Federation. 2013. № 26. Art. 3207.
11. *Levitskiy L.* Offshoring across the country has transformed the Russian economy under foreign jurisdiction // Russian Federation Today. 2004. № 11.
12. *Veletminskiy I., Zykova T.* How to make money on Russia // Rossiyskaya Gazeta. 2005. 22nd of April. № 86.
13. <http://www.sostav.ru/news/2007/02/21/47/>.
14. <http://www.businessforecast.bv/partners/ratings/470/>
15. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d01/41inv27
16. <http://www.kommersant.ru/doc/2366746>
17. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d01/41inv27.htm
18. <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2008/03/05/120429>

Мирохина А.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов ЧОУ ВО «Ставропольский университет»

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Статья посвящена актуальной в теоретико-методологическом и прикладном аспектах проблеме формирования системы мониторинга пространственно-экономических трансформаций как комплиментарного комплексно-аналитического инструмента регионального менеджмента. Автором с позиций синтеза современных подходов к совершенствованию методов, моделей и механизмов управления региональным экономическим пространством обоснованы теоретико-методологические элементы нового направления в аналитической сфере регионального менеджмента – мониторинг пространственно-экономических трансформаций, что позволяет в поисково-эвристическом плане определить направления дальнейшего научного поиска решения вопросов повышения качества и обоснованности управленческих решений органов регионального управления применительно к экономическому пространству территорий, их социально-экономической составляющей.

Ключевые слова: экономика, регион, пространственно-экономические трансформации, мониторинг

Mirokhina A.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Economics and Finances of the Stavropol' University

CONCEPTUAL-METHODOLOGICAL ELEMENTS OF THE MONITORING SYSTEM OF SPATIAL-ECONOMIC GROWTH OF THE REGION

The article is considered with the topical issue of formation of monitoring system of spatial-economic transformations as a complimentary comprehensive-analytical implement for regional management in theoretic-methodological and applied aspects. From the standpoints of a synthesis of modern approaches to the improvement methods, models and mechanisms of regional economic space management the article author has grounded theoretical-methodological elements of the new direction in the analytical sphere of regional management – it is a monitoring of the spatial-economic transformations; in a search-heuristic scheme that allows to determine some directions for future scientific search of settlement of issues of quality improvement and validity of management decisions of regional governments in relation to economic space of the territories, their socio-economic component.

Keywords: economy, region, spatial-economic transformations, monitoring

Эффективность управления территориальными образованиями определяется наличием оптимальных форм, методов и инструментов выработки релевантной информации для принятия тех или иных решений в системе регионального менеджмента.

В теории региональной экономики и на практике применения механизмов управления пространственно-экономическими трансформациями так и не сложился унифицированный механизм проведения таких аналитических действий, которые позволяли бы идентифицировать не только классические параметры территориального развития (темпы промышленного роста, численность населения, прибыль-

ность предприятий, величина и структура ВРП), но и специфические пространственные аспекты развития региона (фрагментация и степень плотности экономического пространства, уровень развития периферии и периферии, наличие явных и потенциальных «осей» развития, формирование коридоров экспансии, эффективность межтерриториального взаимодействия и т.д.).

Существующие методические подходы позволяют относительно эффективно идентифицировать неравномерность параметров экономического и социального развития территорий, причем в рамках показателей, подвергающихся статистическому монито-

рингу, но при этом они не являются инструментом выработки информации и принятия решений в рамках пространственного развития региона [1, с. 465–670]. Также значительным недостатком существующих подходов к проведению мониторинга тех или иных аспектов развития региона является его слабая адаптивность к интересам конкретных категорий пользователей. Вышесказанное свидетельствует о необходимости разработки концептуальной модели мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона.

Очевидно, что главной целью мониторинговых и диагностических процедур в системе регионального менеджмента является разработка и последующая реализация региональных комплексно-целевых программ развития, которые призваны демпфировать негативные эффекты пространственно-экономической этиологии [2, с. 901] и структурные дисбалансы социального свойства с целью выравнивания темпов экономического роста в различных территориальных образованиях. Существенной проблемой программно-целевого подхода в отечественной практике является невозможность применения организационно-экономических регуляторов на территориальные образования, состав которых отличается от административно-территориального устройства государства. В то же время мониторинговые процедуры позволяют идентифицировать зоны предпринимательской активности и потенциальные «точки» экономического роста межмуниципального или межрегионального типа. Такая форма взаимодействия между регионами повышает уровень сбалансированности единого экономического пространства страны, а также снижает действие отрицательных факторов асимметричного развития [3, с. 286–289]. Но при этом существующий теоретический базис и методический потенциал пространственной экономики нуждается в совершенствовании и доработке, а в отдельных аспектах – в разработке принципиально новых моделей, подходов и методик.

Таким образом, целью данной статьи будет обоснование концептуальной модели мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона (МПЭТР), способной нивелировать существующие недостатки в применяемых в настоящее время подходах к мониторингу социально-экономического развития региона.

Первым рассматриваемым элементом концептуальной модели МПЭТР будут являться выполняемые данной системой функции. Остановимся на ключевых функциях.

1. *Диагностическая.* Данная функция является одной из наиболее важных, поскольку она обеспечивает идентификацию «всплесков», сильных и слабых мест, неоднородностей и аномальных явлений в изучаемых процессах. Данная функция тесно связана с оценочной и поисковой и, в сущности, характеризует способность системы осуществлять поиск сигналов, свидетельствующих о необходимости принятия того или иного решения.

2. *Административно-управленческая.* Данная функция означает необходимость оказания конкретных управленческих воздействий на процессы пространственно-экономического развития региона по результатам мониторинга. При этом для принятия качественного решения необходимо учитывать весь спектр релевантной, непротиворечивой, адресной информации.

3. *Компаративная.* Означает необходимость применения ретроспективных оценок по результатам сравнительного анализа в едином временном и пространственном разрезе. Для этого необходима разработка аналитических баз данных и «эталонных» индикаторов в разрезе различных отраслей и сфер экономической деятельности, а также территориальных образований.

4. *Аналитико-исследовательская* функция предполагает разработку специальных аналитических показателей и индикаторов их оценки для проведения соответствующего исследования конкретных параметров функционирования региональной социально-экономической системы (РСЭС). Система проведения регулярных обследований наиболее информативных параметров пространственно-экономического развития региона в этом контексте рассматривается как инструмент улучшения организационно-экономических процессов функционирования территорий.

5. *Информационно-просветительская функция* обеспечивает распространение релевантной информации всем заинтересованным категориям пользователей в соответствии с их информационными запросами.

6. *Функция сопоставления регуляторов и регулянтов регионального развития.* Данная функция означает необходимость мониторинга не только конкретных параметров функционирования РСЭС, но и эффективности реализуемых организационно-экономических регуляторов в системе регионального и муниципального менеджмента.

По нашему мнению, объектами мониторинга пространственно-экономических преобразований выступают:

- регион как пространственно-экономическая система;
- экономическое пространство региона;
- пространственно-экономические формирования и конструкции;
- пространственно-экономические явления и процессы, а также детерминанты, закономерности и экстерналии, оказывающие влияние на них;
- механизмы и инструменты пространственно-экономической политики, их результативность и эффективность.

В качестве предмета МПЭТР нами выделяются явления и процессы пространственно-экономического развития, не всегда соответствующие явлениям и процессам социально-экономического развития региона. В этом качестве мониторинг сфокусирован на физическом базисе и средовых характеристиках экономического пространства [4, с. 124], т.е. месте размещения материальных (ресурсных) факторов производства, вне зависимости от того, каким административным районам они принадлежат.

Таким образом, мониторинг пространственно-экономических преобразований имеет существенные отличия от «классического» мониторинга, применяемого в системе регионального менеджмента, который может быть ориентирован на изучение социально-экономических ситуаций и результатов их развития; мониторинг уровня и качества жизни населения; оценку состояния окружающей среды; мониторинг вклада территориальных образований в экономические отношения разных уровней.

Субъектами и в то же время пользователями информации, вырабатываемой в системе мониторинга пространственно-экономических трансформаций в регионе, выступают следующие группы.

1. Органы местного самоуправления. В сферу их мониторинговой компетенции и интереса входит информация относительно тенденций функционирования муниципальных районов, муниципальных образований и их экономического пространства, межселенных территорий, объектов инфраструктуры пространственного развития.

2. Система регионального менеджмента. Зонной компетенции и мониторингового интереса для данной категории пользователей является экономическое пространство региона в единстве емкостных и средовых элементов и зарождающиеся в нем процессы образования каркасов, сетей, субрегиональных зон, протокластерных формирований и других элементов пространственной архитектуры региональной экономики.

3. Научно-исследовательские центры заинтересованы в получении информации относительно явлений и процессов за рамками стандартного статистического наблюдения с целью формирования новых законов и детерминант пространственного управления региональной экономикой.

4. Население является неотъемлемым участником всех процессов, происходящих в региональной экономике, и в этом контексте заинтересовано в получении информации относительно средовых характеристик проживания.

5. Инвесторы заинтересованы в получении информации относительно эффективности процессов воспроизводства в конкретном хронотопе (место и время) экономического пространства.

Далее перейдем к следующей структурной составляющей концептуальной модели мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона – принципам.

1. Принцип комплексности. Данный принцип предполагает изучение отдельных параметров пространственно-экономического развития региона в комплексе с оперативными и стратегическими задачами развития региона и страны в целом. Из данного принципа вытекает требование полноты и охвата, которое означает необходимость диагностики такого диапазона экономических явлений и свойств, которого будет достаточно для принятия эффективного управленческого решения.

2. Принцип эффективности мониторинговых процедур означает применение таких инструментов, которые в наиболее полной и оперативной форме позволят выработать необходимую информацию, в то же время затраты на извлечение данной информации не должны превышать эффекта от ее использования.

3. Принцип прогностичности предполагает обоснование направлений по дальнейшему пространственно-экономическому развитию региона. Из данного принципа вытекает требование экстраполируемости, заключающееся в оценке не только ретроспективных фактов экономической жизни региона, но и прогнозных тенденций развития экономического пространства региона.

4. Принцип ориентации на конкретные группы пользователей. Характеризуя данный принцип, отметим, что информационные запросы основных стейкхолдеров в многообразных процессах функционирования экономики региона являются неоднородными, а зачастую и противоположными. Задачей МПЭТР в этой связи является нивелирование информационных конфликтов между пользователями и заполнение

«информационного вакуума» о состоянии региональной экономики. Таким образом, получаемая посредством мониторинга пространственно-экономических изменений в региональной среде информация должна соответствовать требованию многоаспектности.

5. Принцип адаптивности. Современные подходы к применению программно-целевого управления в региональной экономике не предусматривают адаптацию программных мероприятий к фактическому состоянию экономики территории. Это приводит к тому, что один и тот же комплекс организационно-экономических регуляторов приводит к разным, а иногда и противоположным результатам, а целевые программы теряют свою актуальность, эффективность и целевую аудиторию. В этой связи формируемая система МПЭТР должна вырабатывать информацию, необходимую для корректировки программ регионального развития в зависимости от специфики территории и особенностей трансформационных процессов в пространственно-экономической, социальной и политической сфере данного территориального образования.

6. Принцип одновременного охвата пространственно-экономических трансформаций и действий регулятора. Формируемая концепция МПЭТР позиционируется нами не только как инструмент системы регионального менеджмента, позволяющий получить информацию о пространственных параметрах развития региона, но и как инструмент оценки эффективности работы властных структур по нивелированию негативных эффектов от воздействия трансформационных процессов в региональной экономике. В этом качестве МПЭТР предполагает разработку дополнительного инструментария, выходящего за рамки традиционного мониторинга социально-экономического развития, что в конечном итоге определяет подвижность и вариативность методологической платформы формируемой системы.

Многоаспектность задач, стоящих перед системой регионального менеджмента, связанных в первую очередь с обеспечением экономического роста в регионе, а также снижением количества депрессивных территорий, детерминирует необходимость организации эффективной системы мониторинга пространственно-экономических трансформаций, стратегическими целевыми установками которого будут являться:

1. Мониторинг пространственных дрейфов. Мониторинг пространственного развития региона, имеющего центр и периферию экономического развития, должен быть ориентирован на изучение «сило-

вого поля», образуемого в результате их взаимодействия и информационного обмена между центральными и периферийными структурами. Интенсивность воспроизводственных отношений между центром и периферией будет определяться трансформационными процессами внутри ядра за счет генерирования, диффузии и внедрения новшеств. При этом под центром, как правило, понимают место, в котором происходит генерирование нововведений технологического, социального и экономического характера, в то время как «периферия» выступает средой их дальнейшего распространения, интенсивность и результативность которого определяется характером отношений с центром [5, с. 37–41].

2. Мониторинг расширения/сужения экономического пространства. Согласно современным трендам экономической географии и пространственной экономики усиление агломерационных эффектов, достигаемое за счет увеличения плотности населения, а также снижение экономического расстояния и нивелирование институциональных барьеров ускоряют экономический рост. В этом контексте идентификация тенденций расширения или сужения экономического пространства способствует принятию эффективных управленческих решений в рамках пространственной политики региона [6, с. 122].

Близость экономических факторов определяет успешность инноваций, поскольку их взаимодействие является неременным условием предпринимательской активности, и чем они ближе друг к другу, тем активнее сотрудничество. Плотность экономического пространства является ключевым индикатором в системе мониторинга пространственных трансформаций. При этом близость экономических субъектов должна рассматриваться не только с географической точки зрения, имеющей ограничивающее свойство, но и с организационной. В этой связи решающую роль играют институциональные преобразования, способствующие повышению мобильности населения, товаров, технологий и информации, нивелирующие ограничивающее влияние фактора времени и пространства [7, с. 167].

Работая в одном технологическом поле, предпринимательские структуры способны извлекать пользу из знаний друг друга, несмотря на значительное расстояние между ними. Мониторинг пространственного развития региона должен быть ориентирован на диагностику не только экономической близости субъектов, но и «институциональной, социальной, когнитивной (дистанция в компетенциях) и организационной» [1, с. 364–372]. Это, в свою оче-

редь, детерминирует проблематику количественной оценки параметра «близость».

Важной проблемой является также оценка эффективности межрегионального взаимодействия и, в частности, информационного обмена между экономическими субъектами. Мониторинг данных процессов необходим в силу того, что «устойчивые и сильные связи между регионами образуют субнациональные технологические районы» [8, с. 81; 9, с. 214; 10, с. 16–19], являющиеся «локомотивами роста» национальных экономик. Таким образом, технологии распространения знаний являются важным объектом МПЭТР.

3. Мониторинг формирования, смыслового содержания, порядка реализации и результативности программ и проектов социально-экономического и пространственного развития. Данная целевая установка МПЭТР фокусирует внимание на оценке эффектов от процессов урбанизации, локализации и пространственной кластеризации, так или иначе регулируемых властными институтами. В этой связи мониторинг должен предоставлять информацию о конкретных параметрах состояния данных процессов, наряду с оценкой действий органов власти по разработке, выполнению и эффективности программных мероприятий.

4. Мониторинг качества жизни, обусловленного пространственными характеристиками территории. Повышение уровня и качества жизни населения является главным приоритетом деятельности властных институтов региона. Формируемая система МПЭТР в этом контексте должна способствовать установлению закономерностей между пространственной локализацией населения и уровнем его благосостояния с целью последующего управления данными процессами и нивелирования уровня социально-экономической разреженности регионального пространства.

5. Рейтингование, выявление глубины неравномерности экономического ландшафта. Ранжирование территорий по уровню социально-экономического и пространственного развития позволяет судить об уровне асимметрии региона, что является релевантной информацией для реализации программно-целевого подхода в региональном менеджменте [11, с. 74–83]. Данное обстоятельство вызывает необходимость разработки соответствующих методических подходов по кластеризации и типологии территориальных образований.

6. Мониторинг процессов появления «полюсов роста», зон предпринимательской активности и опережающего развития. Зоны опережающего развития

локализируются, как правило, в открытых с информационной точки зрения кластерах. В них нивелирован риск технологической блокировки, возникающей в условиях внутренней замкнутости и ограниченности знаний и технологий местными источниками. В данном контексте крупные городские агломерации, функционирующие в условиях активного информационного обмена, образующего собой устойчивые информационные сети, способствуют развитию «полюсов роста» [12, с. 27–33]. Регион в данной связи может рассматриваться как узел обмена и передачи передовых технологий, знаний и идей. Таким образом, зоны опережающего развития могут ассоциироваться с регионами с сильной экспортной базой за счет интенсивного обмена знаниями и технологиями с другими территориями.

На основании сформулированных целевых установок мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона нами были систематизированы гипотетические проблемы его использования в системе регионального менеджмента, сопоставленные с приоритетами пространственно-экономического развития региона (таблица 1).

Вышеописанная концептуально-методическая проблематика объясняет необходимость выработки целого комплекса методических подходов по совершенствованию системы мониторинга пространственно-экономических трансформаций в регионе. Помимо нивелирования вышеописанных концептуально-методических проблем, выделим также ключевые направления интеграции МПЭТР с системой регионального управления.

1. Выявление преимуществ пространственного расположения региона. Данный аспект крайне важен в контексте размещения производительных сил и реализации градостроительной политики в регионе. Система мониторинга должна способствовать идентификации территорий, наиболее благоприятных для реализации кластерных технологий, размещения объектов инфраструктуры и т.д.

2. Выявление типа региона по уровню пространственной организации. Типология территорий позволяет реализовывать адаптивно-селективные принципы в системе регионального менеджмента, которые, в свою очередь, способствуют снижению асимметрии в развитии экономических субъектов в условиях ограниченности ресурсов.

3. Разработка новых направлений и корректировка существующих векторов пространственной политики. Эффективная система мониторинга должна способствовать выработке новых явлений,

Таблица 1.

Проблемно-методическое поле системы мониторинга пространственно-экономических трансформаций

Приоритеты пространственно-экономического развития региона	Концептуально-методическая проблематика
1. Построение пространственной политики в контексте модели «центр – периферия»	Сложность идентификации периферийных и полупериферийных территорий, необходимость разработки соответствующих методических подходов
2. Перманентная диагностика плотности экономического пространства	Отсутствие унифицированной системы показателей для оценки плотности экономического пространства, отсутствие их обоснованных нормативных значений
3. Необходимость оценки экономической, институциональной, социальной, когнитивной и организационной близости субъектов в регионе	Невозможность количественной оценки параметра «близость», дискуссионный характер определения сущностного значения данной экономической категории, невозможность ее адекватного использования в модели
4. Необходимость идентификации зон опережающего развития	Понятийно-категориальная проблематика, наряду с дефицитным характером эмпирических исследований в области идентификации «полюсов роста» в отечественной экономике
5. Выявление асимметрии в развитии региона	Отсутствие унифицированных для всех регионов методик по проведению типологизации территорий с учетом их пространственно-экономической специфики
6. Оценка технологий распространения знаний и эффективности межрегионального взаимодействия	Распространение знаний стимулирует экономический рост, но количественное измерение данных процессов в ходе мониторинга не имеет целостной методической основы и сводится к применению экспертных методов, имеющих явные недостатки
7. Оценка синергетического эффекта от процессов урбанизации, локализации и пространственной кластеризации	Экономическая деятельность, сконцентрированная в городах и промышленных регионах, создает эффект экономии, однако оценка этого эффекта затруднена в силу его многоаспектного характера. Необоснованными в теоретическом и эмпирическом аспектах остаются вопросы специфики взаимодействия компаний внутри кластеров, а также идентификация наиболее важных характеристик местной среды для создания кластера и эффективной деятельности фирм
8. Идентификация территорий с благоприятными условиями для реализации кластерных технологий	Кластеризация экономики как классический вариант пространственного управления и стимулирования экономического роста вызывает сложности при разработке программных мероприятий на региональном уровне, поскольку для разных типов кластеров необходимо вырабатывать индивидуальную политику. Отсутствие унифицированных подходов к запуску подобных форм пространственных трансформаций существенно повышает трудоемкость организационно-управленческой и аналитической работы, а также риск успешной реализации проекта

оппортунистических процессов, закономерностей и детерминант пространственного развития с целью их дальнейшего устранения в рамках перечня применяемых организационно-экономических регуляторов в системе регионального и муниципального менеджмента.

4. Формирование информационной базы под обоснование и реализацию проектов пространственно-экономического развития.

Проведенное исследование позволило сформировать авторское видение концептуальной модели мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона (рисунок 1).

Проектируемая на теоретико-методологическом уровне познания система мониторинга про-

странственно-экономических трансформаций в дальнейшем может стать самостоятельным подвидом управленческой деятельности в контуре регионального целеполагания. Для этого нужно соответствующее развитие нормативно-правовой базы, определение соответствующего имплементационного периода, пилотных территорий апробации [13, с. 65]. Данная система, не отрицая достоинств существующих подходов к выработке релевантной информации о трансформации регионального экономического пространства, может быть интегрирована в существующий инструментальный блок в качестве диагностического инструмента, позволяющего отследить параметры изменения глубинных процессов в экономической и социальной сферах.

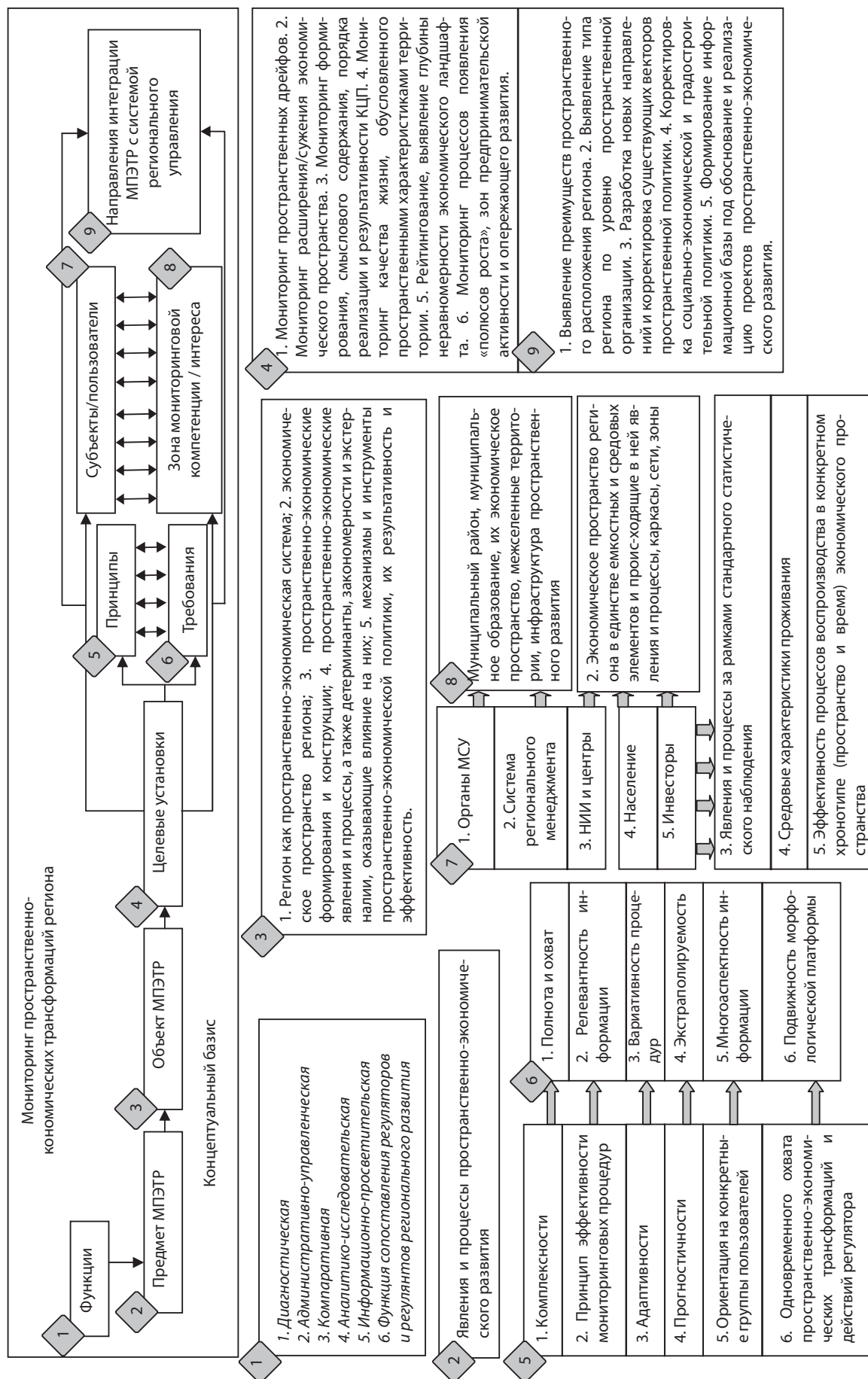

Рис. 1. Концептуальная модель мониторинга пространственно-экономических трансформаций региона

Список литературы

1. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / отв. ред. А.Н. Пилиасов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 760 с.
2. *Storper M.* Regional Technology Coalitions: An essential dimension of national technology policy. *Research Policy*. P. 895–911.
3. Генезис пространственной теории в региональной экономике / Ушакова Н.Б. // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 12–3 (53–3). – С. 285–289.
4. Пространственные подходы в экономике и региональные исследования расселения / Мищенко В.В., Пуричи В.В. // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. Т. 1. – № 2 (86). – С. 123–127.
5. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. – М., 1991.
6. *Кругман П.* Пространство: последний рубеж. // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 121–126.
7. *О'Салливан А.* Экономика города: пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 706 с.
8. *De Bruyne K.* The Location of Economic Activity: First versus Second Nature Core-Periphery Theories // *Tijdschrift vor Economie en Management*. – 2006. – Vol. LI. № 1. P. 75–104.
9. *Mori T., Turrini A.* Skills, Agglomeration, and Segmentation // *European Economic Review*. – 2005. Vol. 49. – P. 201–225.
10. *Scott, A.J. & Storper, M.* «Regional development reconsidered» in *Regional development and contemporary industrial response. Extending flexible specialisation*, 1 st edn, H. Ernste & V. Meier, eds., Belhaven Press, London. P. 2–24.
11. *Хазгет П.* Пространственный анализ в экономической географии: пер. с англ. / под ред. В.М. Гохмана и Ю.В. Медведкова. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.
12. *Lucas G.* «On the mechanics of economic development», *Journal of Monetary Economics* 22. P. 3–42.
13. Региональная экономика: факторы развития: монография. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 266 с.

Reference list

1. Synergy space: Regional innovation systems, clusters and the flows of knowledge / Executive editor A. Pilyasov. Smolensk: Oykumena, 2012. – 760 p.
2. *Storper M.* Regional Technology Coalitions: An Essential Dimension of National Technology Policy. *Research Policy*. P. 895–911.
3. The genesis of the spatial theory in the regional economy / Ushakov N. // *Economy and Entrepreneurship*. 2014. № 12–3 (53–3). P. 285–289.
4. Spatial approaches in economy and regional studies of settlement / Mishchenko V., Purichi V. // *Bulletin of Altai State University*. 2015. Vol. 1. № 2 (86). P. 123–127.
5. *Gritsay O., Ioffe G., Treyvish A.* The center and the periphery in regional growth. M., 1991.
6. *Krugman P.* Space: The final frontier. // *Spatial Economics*. 2005. № 3. P. 121–126.
7. *O'Sullivan A.* Urban Economics: Translation from English. M.: INFRA-M, 2002. – 706 p.
8. *De Bruyne K.* The Location of Economic Activity: First Versus Second Nature Core-Periphery Theories // *Tijdschrift vor Economie en Management*. 2006. Vol. LI. № 1. P. 75–104.
9. *Mori T., Turrini A.* Skills, Agglomeration and Segmentation // *European Economic Review*. 2005. Vol. 49. P. 201–225.
10. *Scott, A.J. & Storper, M.* «Regional Development Reconsidered» in *Regional Development and Contemporary Industrial Response. Extending Flexible Specialization*, 1st edn, H. Ernste & V. Meier, eds., Belhaven Press, London, P. 2–24.
11. *Hagget P.* Spatial Analysis in Economic Geography. Translation from English. / Under the editorship of V. Gokhman and Yu. Medvedkov. M.: Progress, 1968. – 392 p.
12. *Lucas G.* «On the Mechanics of Economic Development», *Journal of Monetary Economics* 22, P. 3–42.
13. Regional economy: Development factors: Monograph. SBR.: Publishing house of Saint Petersburg State University of Management and Economics, 2014. – 266 p.

УДК 37.014.542.24

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории» Белорусского национального технического университета

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА

Статья посвящена принципам экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вуза. Определено понятие, представлены функции и особенности экономического стимулирования персонала. Дано определение и разработана система методов экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вузов. Сделан вывод о том, что в данный момент наиболее эффективными системами экономического стимулирования считаются те из них, которые используют вознаграждение в форме стимулирующей премии в соответствии с достигнутыми результатами.
Ключевые слова: экономическое стимулирование, инновационная деятельность, высшие учебные заведения

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian National Technical University

THE PRINCIPLES OF ECONOMICAL INCENTIVES OF INNOVATION ACTIVITY AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The article is devoted to the principles of economical incentives of innovation activity as a factor of competitiveness of higher education institution. There is defined the conception and presented the functions and features of economical enabling of the staff. The article is defined the conception and developed system of methods of economical incentives of innovation activity as a factor of competitiveness of higher education institutions. It is concluded that the most effective systems of economical incentives are currently considered to be those that use remuneration in the form of enabling award accordance with the achieved results.

Keywords: economical incentives, innovation activity, higher education institutions

Как известно, в теории общего менеджмента стимулирование персонала выступает в качестве одной из наиболее важных функций управления наряду с анализом, планированием, организацией, контролем и т.д. Если же вести речь об инновационном управлении, которое непосредственно связано с генерацией и реализацией новшеств, то роль стимулирования персонала возрастает еще больше. Это следует из того, что именно люди, кадры, персонал любой организации являются ее главным, а если быть еще более точным, то единственным активным, творческим элементом. В связи с этим целенаправленное воздействие и управление творческой, креативной, инновационной активностью персонала – это важнейшая задача управления инновационной деятельностью.

В самом общем смысле под стимулированием персонала понимается функция менеджмента, связанная с побуждением управляемого к желаемому для

управляющего виду активности (в нашем случае речь идет об инновационной активности). Соответственно, стимул – это любой объект, процесс или явление, способные вызвать у подчиненного требуемый вид активности. В настоящее время детально разработана классификация используемых стимулов и соответствующих им видов стимулирования (рис. 1), которые делятся на две большие группы – материальное и нематериальное стимулирование [1; 2; 3; 4; 5].

При этом в среде специалистов до сих пор нет однозначного мнения по поводу того, какая из этих двух групп является более значимой и важной. Данная проблема, в частности, отражена в наличии целого комплекса современных теорий мотивации (стимулирования), многие из которых во главу угла ставят преимущественно нематериальные факторы – осознание причастности к общему делу, желание и условия самореализации, стремление к успеху и ува-

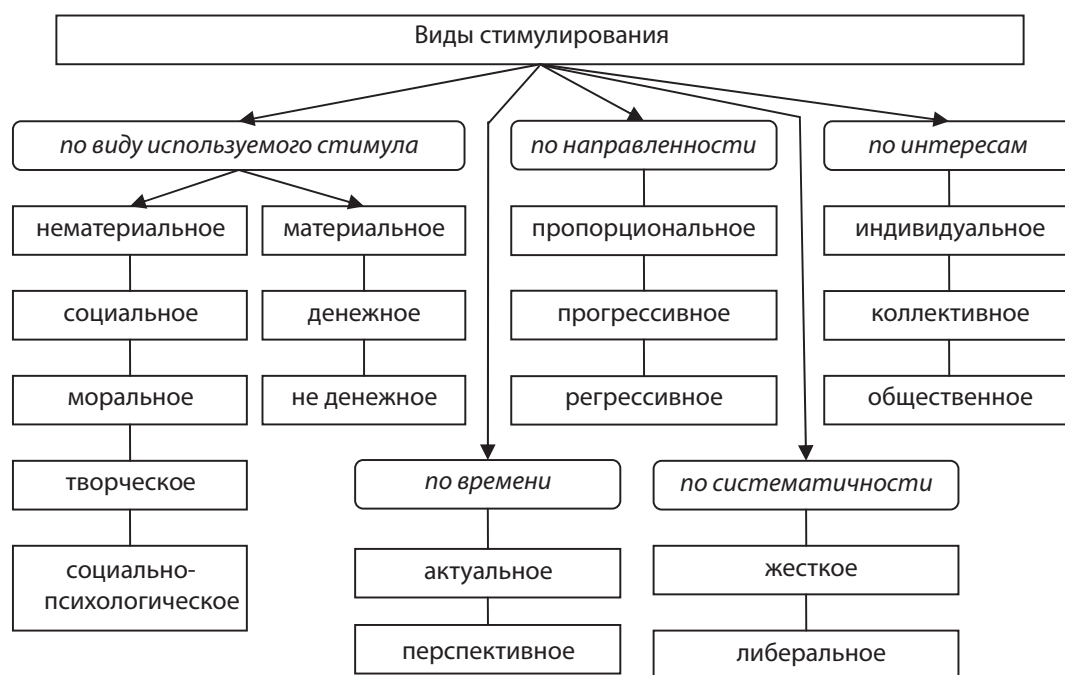

Рис. 1. Виды стимулирования

жению среди коллег и т.п. Таковы, например, теория «здоровой организации» К. Аджириса, концепция «управления с участием» Р. Лайкерта, модель управления Х.Д. МакКлелланда, теория постановки целей Э. Лока, концепция партисипативного управления и др.

Однако с точки зрения наиболее популярной в настоящее время теории иерархии потребностей А. Маслоу нематериальные стимулы быстро теряют свою актуальность, если не в полной мере удовлетворены потребности низших уровней – в еде, жилье, одежде и т.д. К сожалению, приходится признать, что в посткоммунистических странах (в силу известных негативных исторических процессов, связанных с тотальным дефицитом и ограничениями) до сих пор наиболее актуальны именно те потребности, которые могут быть удовлетворены материальными факторами. Данный аспект проблемы выражается, например, в том, что при практически мировом уровне цен заработная плата специалистов во всех странах бывшего СССР существенно (в разы) ниже, чем в развитых державах, сегодня уверенно осуществляющих переход к инновационной экономике. Следовательно, для России, Украины, Беларуси и других постсоветских стран, согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу, наиболее актуально именно материальное (экономическое) стимулирование. В сложившихся условиях при разработке механизмов экономического стимулирования, на наш взгляд, целесообразно опереться, прежде всего, на теорию справедливости Дж. Адамса, которая утверждает, что каждый работник субъективно соотносит раз-

мер полученного вознаграждения с затраченными им усилиями, а также склонен сопоставлять их с вознаграждением и усилиями других работников, выполняющих аналогичную работу. Если работник видит, что его дополнительные усилия непосредственно отражаются на величине полученного вознаграждения, то он склонен трудиться еще более результативно. Разумеется, данная модель стимулирования работоспособна только в том случае, если менеджер имеет четкие критерии и методы оценки результативности труда подчиненных, что *выдвигает проблему ее диагностики в разряд наиболее важных и значимых при разработке системы экономического стимулирования.*

Следует пояснить, что по мере роста удовлетворения потребностей низших иерархических уровней в будущем существенно возрастет значимость нематериального стимулирования. В связи с этим при разработке механизма экономического стимулирования персонала можно использовать комплексную процессуальную теорию мотивации Л. Портера и Е. Лоулера, которая, во-первых, органично включает в себя базовые элементы теории справедливости Дж. Адамса (затраченные усилия – размер вознаграждения), а во-вторых, учитывает и такие факторы, как степень удовлетворения достигнутыми результатами, изменение авторитета, престижа управляемого и т.п. Иными словами, данная теория мотивации наряду с размером вознаграждения предполагает учитывать и психологические основы мотивации, что имеет большое значение для стимулирования инновационной деятельности, которую реализуют преимущественно

активные, творческие, ищущие личности.

Исследование экономического стимулирования персонала в экономической литературе проводится в следующей логической последовательности: потребности, интересы, мотивы, стимулы, стимулирование, экономическое стимулирование, система экономического стимулирования. Как известно, исходной точкой поведения человека являются его потребности – витальные (жизненные), социальные и духовные [2, с. 34]. Интересы, как и потребности, направлены на конкретные объекты, способные удовлетворить эти самые потребности (еда, автомобиль, жилье и т.п.). При этом интересы, как правило, имеют самое непосредственное отношение к экономической деятельности человека. Более того, в процессе труда люди руководствуются, прежде всего, экономическими интересами, причем *универсальным способом их удовлетворения является денежное вознаграждение* [2, с. 35–36; 3]. По мнению большинства исследователей, мотив действия – это своего рода единство потребности, сознания, эмоций и интеллекта. Мотивы, как внутренние импульсы, побуждающие индивида к реализации конкретного действия (например, стремление всегда быть первым, любовь к Родине и т.д.), играют существенную роль в побуждении и регуляции его деятельности [2, с. 38]. В связи с этим мотивация – это, пожалуй, более широкое и объемное по сравнению со стимулированием понятие, предполагающее не столько внешнее, сколько внутреннее побуждение к деятельности, характеризующее управляемого как личность в целом.

Как это было показано выше, в исследовании мотивов и теорий мотивации значительные успехи достигнуты западной научной мыслью. При этом все ныне используемые теории мотивации принято делить на две основные группы: процессуальные и содержательные. Целью процессуальных теорий является установление вероятности наступления ожидаемого результата при мотивирующей роли потребностей и различной возможной степени их удовлетворения. Цель содержательных – выявление потребностей работников и определение того, как и в каких пропорциях применять внутреннее и внешнее вознаграждение. Если говорить о денежном вознаграждении как универсальном факторе удовлетворения потребностей и экономических интересов, то следует обратить внимание на различное отношение сторонников процессуальных и содержательных теорий к вознаграждению в виде денег. Первые, считая более эффективными нематериальные стимулы, убеждены, что денежные вознаграждения являются малозначи-

мыми факторами труда, в то время как вторые полагают, что материальные стимулы ведут к усилению мотивации, так как именно деньги удовлетворяют целый ряд потребностей. При этом отмечается, что оплата труда, премия является экономическим стимулирующим фактором только в том случае, если она непосредственно зависит от результатов труда [2, с. 44].

Таким образом, следует четко различать стимулы и мотивы, ибо к стимулам относятся только внешние факторы побуждения – внешние побудители, мотиваторы (стимулы) экономического поведения, в том числе и прежде всего денежное вознаграждение [2, с. 48–50; 3]. Поскольку управление экономической (инновационной) активностью персонала эффективно осуществляется на основе варьирования величины внешнего побудителя, главным образом, размера денежного вознаграждения как функции от результатов труда, то правомерно вести речь именно об экономическом стимулировании, а не об экономической мотивации.

Что касается собственно экономического стимулирования, то в предельно широком смысле под ним следует понимать управленческую деятельность на уровне государства или предприятия, направленную на обеспечение требуемой активности того или иного вида с использованием широкого набора экономических стимулов, к которым следует причислить бюджетные ассигнования, налоговые льготы, доступ к льготным кредитам, всевозможные бонусы и премии и т.п. Однако если вести речь об экономическом стимулировании персонала, то под ним предполагается понимать совокупность прямых и косвенных мер (форм, методов, средств) экономического воздействия, призванных побуждать целые коллективы и отдельных трудящихся к труду, непрерывному развитию производства на новой технической базе и повышению эффективности производства [2, с. 51–52]. По мнению С.А. Шапиро, экономическое стимулирование труда (персонала) – это, прежде всего, внешнее побуждение, элемент трудовой ситуации, влияющий на поведение человека в сфере труда, материальная, главным образом, денежная оболочка мотивации персонала. Вместе с тем экономическое стимулирование несет в себе и определенную нематериальную нагрузку, позволяющую работнику ощутить себя лучшим среди других (это выражается в размере полученного вознаграждения), а также реализовать себя в качестве личности и специалиста одновременно [5, с. 134].

Однако, учитывая изложенные выше аргументы в пользу приоритетности материальных стимулов и актуальности использования в качестве типично экономического стимула именно денежного вознаграждения,

граждения, можно считать, что *экономическое стимулирование персонала – это система мероприятий организационного характера в области заработной платы, включая стимулирующее премиальное поощрение* [2, с. 48–52]. Таким образом, под экономическим стимулом следует понимать дополнительную оплату (премию) за дополнительные затраты работником трудовых усилий и достижение им более весомых результатов, непосредственно определяющих размер этой самой стимулирующей выплаты.

Экономическое стимулирование персонала выполняет ряд важных функций, среди которых [5, с. 134]:

- непосредственно экономическая функция выражается в том, что стимулирование труда содействует повышению эффективности производства, которое выражается в повышении производительности труда и качества продукции;

- нравственная функция определяется тем, что стимулы к труду формируют активную жизненную позицию, высоконравственный общественный климат в обществе;

- социальная функция обеспечивается формированием социальной структуры общества через различный уровень доходов, который в значительной степени зависит от воздействия стимулов на различных людей.

Экономическое стимулирование персонала как экономическая категория имеет следующие особенности [3]:

- 1) носит объективно-субъективный характер. Его объективность связана с объективностью материальной заинтересованности как формы проявления потребностей и интересов. Его субъективность состоит в том, что формы и методы экономического стимулирования являются результатом осознанной деятельности и ожиданий людей;

- 2) имеет системный характер, так как предполагает систему форм и методов воздействия на отдельных работников, а значит, предполагает *наличие целостной системы экономического стимулирования персонала*.

Разумеется, экономическое стимулирование персонала может и должно быть использовано для достижения требуемого уровня инновационной активности. И в этом смысле оно является одной из наиболее важных функций управления инновационной деятельностью как вполне самостоятельной отрасли науки об управлении, о чем уже шла речь выше. Поскольку в настоящее время от состояния и характера инновационного процесса в высшем образовании во

многом зависят условия перехода к инновационным факторам развития страны в целом, то целесообразно вести речь об *экономическом стимулировании инновационной деятельности в вузах* не только как о функции управления инновационной деятельностью в высшем образовании, но и серьезной проблеме, требующей научного осмысления и практического решения.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: *экономическое стимулирование инновационной деятельности как фактор конкурентоспособности вузов – это важнейшая функция управления инновационной деятельностью в высшем образовании, подразумевающая комплекс мероприятий по побуждению работников вузов – руководителей и специалистов – к инновационной активности, предполагающий использование в качестве побудителя (стимула) материальное (денежное) вознаграждение*. При этом размер стимулирующего вознаграждения (премии) должен всецело определяться достигнутым результатом – уровнем инновационной активности, демонстрируемым каждым работником, а значит, должен базироваться на результатах ее оценки, диагностики. Общей целью экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вуза является повышение эффективности работы как системы высшего образования в целом, вузов и их структурных подразделений, так и конкретных вузовских работников – руководителей и специалистов [3].

Как это было показано выше, результативность экономического стимулирования во многом зависит от наличия принципа системности в его характере. В связи с этим речь должна идти о том, чтобы экономическое стимулирование инновационной деятельности в высшем образовании осуществлялось не эпизодически, от случая к случаю, а регулярно, перманентно, на научной основе. Поэтому одной из целей диссертационного исследования является разработка системы, целостного механизма экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах, что и даст возможность реализовать указанный принцип системности на научной основе.

Как и любая другая система, характеризующаяся наличием входящих в нее структурных элементов и связей между ними (структуры), *система методов экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вузов – это совокупность взаимосвязанных элементов, включающих в себя стимулируемые показатели вузовской инновационной деятельности и критерии их оценки, формы и методы стиму-*

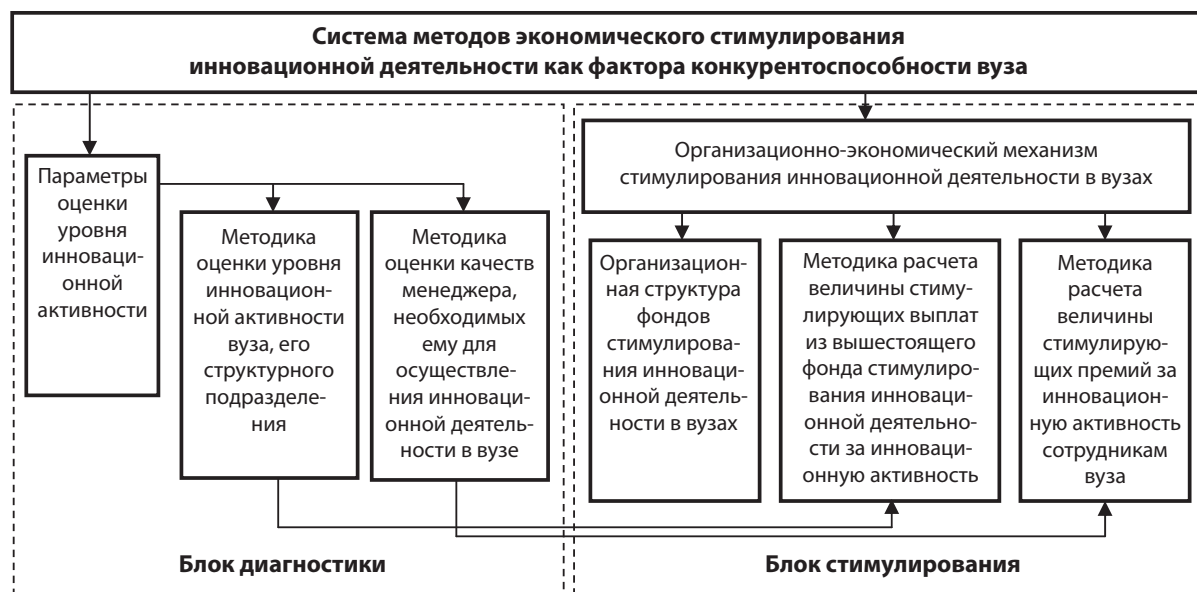

Рис. 2. Система методов экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вуза

лирования инновационной деятельности в вузах, а также организационные (структурные) элементы, позволяющие реализовать его (стимулирование) на практике, с учетом взаимосвязей между ними [2, 3]. По мнению большинства специалистов, система стимулирования может быть эффективной, если ее организация отвечает целому ряду требований. К их числу относятся: комплексность; дифференцированность (зависимость от результатов); объективность; гибкость; простота; прозрачность [1, с. 141–159; 4, с. 71–74; 5, с. 136]. Для их выполнения система стимулирования должна базироваться на таких принципах, как доступность; осязаемость; постепенность; минимизация разрыва между результатом труда и его оплатой; сочетание моральных и материальных стимулов; сочетание позитивных и негативных стимулов; равная оплата за равный труд; учет сложности, условий и интенсивности труда; поощрение высокопроизводительного и высококачественного труда; предоставление самостоятельности высшим учебным заведениям в вопросах оплаты труда и методов стимулирования; прямая зависимость величины стимулирующего вознаграждения (премии) от диагностированных результатов труда [4, с. 73; 5, с. 136–137]. В современных условиях в полной мере реализовать указанные принципы сложно. Но чем больше их будет реализовано при обязательном выполнении условия зависимости вознаграждения (премии) от достигнутых результатов труда, тем система экономического стимулирования окажется более эффективной и способной к выполнению своих главных функций [4, с. 74].

В настоящее время выделяют такие виды систем экономического стимулирования, как окладная система, система с непосредственной привязкой премии к достигнутому результату и система с привязкой премии к плановому результату [6, с. 181–186]. Однако не все указанные системы экономического поощрения (прежде всего это относится к наиболее распространенной в высшей школе окладной системе) могут оказать серьезное мотивационное воздействие на сотрудников высших учебных заведений. Повышение стимулирующей роли премирования в системе высшего образования за осуществление инновационной деятельности возможно лишь на пути избавления его (премирования) от таких недостатков, как уравнильность распределения премии, когда она превращается в простую надбавку к заработной плате, множественность действующих положений премирования и его несистемность, а главное – отсутствие прямой связи размера премий с затратами и результатами труда. Только в этом случае премирование из стимула не превращается в свою полную противоположность – в антистимул, в средство получения само собой разумеющегося дополнительного дохода [2, с. 87–88].

Для практической реализации экономического стимулирования инновационного процесса необходимы создание и внедрение системы методов экономического стимулирования инновационной деятельности как фактора конкурентоспособности вузов в виде совокупности изображенных на рисунке 2 взаимосвязанных элементов. Назначение и взаимодействие элементов этой системы следующее. Значимые параметры, критерии оценки уровня инно-

вационной активности необходимы для разработки и практического использования методик диагностики, позволяющих оценить уровень инновационной активности вузов и их структурных элементов (факультетов, кафедр), а также вузовских работников. Результаты этих оценок непосредственно используются при расчете величины стимулирующих выплат вузам и их структурным подразделениям, а также стимулирующих премий сотрудникам вузов с использованием соответствующих методик. Распределение стимулирующих выплат и премий осуществляется через совокупность фондов экономического стимулирования инновационной деятельности всех уровней (вузов, их структурных подразделений) в соответствии с организационной структурой механизма экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах (об этом идет речь ниже).

Таким образом, в данный момент наиболее эффективными системами экономического стимулирования считаются те из них, которые используют вознаграждение в форме стимулирующей премии в соответствии с достигнутыми результатами. Премия, как и заработная плата, является формой распределения по труду. И хотя ее функционирование определяется теми же экономическими законами, премия имеет одну весьма важную особенность – она производна не только от заработной платы, но и от достигнутых результатов [2, с. 79]. Таким образом, именно премия за достигнутые результаты в осуществлении инновационной деятельности в системе высшего образования, на наш взгляд, может и должна стать важным экономическим стимулом, фактором поощрения работников за их активное участие в инновационном процессе.

Список литературы

1. Авакян Г.С., Бобрицкий Н.Г., Родцевич Н.Г. Мотивация труда: его стимулирование и оплата, пути совершенствования: учебно-метод. пособие. Минск: БГЭУ, 2002. – 141 с.
2. Бутеня В.Е. Стимулы экономического развития. Минск: ООО «Минсанта», 1999. – 160 с.
3. Мирошниченко А.Б. Научные концепции стимулирования роста эффективности производства // Научно-техническая библиотека Донецкого национального технического университета, 2009 // Режим доступа: http://library.donntu.edu.ua/fem/vip103-3/103-3_16.pdf (дата обращения: 10.01.2009).
4. Титович А.А., Коржов В.С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. – 149 с.
5. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. – 224 с.
6. Надеждина В. Эффективная мотивация персонала. Как добиться максимум результата при минимуме затрат. Минск: Харсерст, 2007. – 256 с.

Reference list

1. Avakyan G., Bobritskiy N., Rodtskevich N. Labour motivation: Its incentives and remuneration, ways to improve: Textbook. Minsk: BSEU, 2002. – 141 p.
2. Butenya V. The economical development incentives. Minsk: "Minsanta" LLC, 1999. – 160 p.
3. Miroshnichenko A. The scientific conceptions of priming of rise in the efficiency of production // Scientific-technical library of Donetsk National Technical University, 2009// Access mode: http://library.donntu.edu.ua/fem/vip103-3/103-3_16.pdf (date of access 10.01.2009).
4. Titovich A., Korzhov V. Motivation and enabling of labour activity of the staff. Gomel'. GSU named after F. Skorina, 2003. – 149 p.
5. Shapiro S. Motivation and enabling of the staff. M.: GrossMedia, 2005. – 224 p.
6. Nadezhdina V. Effective motivation of the staff. How to achieve maximum result with minimum of expenses. Minsk: Kharsers, 2007. – 256 p.

Корнилович В.А.,

кандидат социологических наук, докторант Института социологии РАН

ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье дан сравнительный анализ потенциальных возможностей краудсорсинга и ситуационных центров (СЦ) по формированию запроса органов власти на внешнюю информацию и знания о социальной реальности, их особенностей в организации распределенной экспертной деятельности по решению задач развития общества. Констатируется, что краудсорсинг и система СЦ аккумулируют трудовые, экономические, информационные, материально-технические ресурсы, формируя специфический для каждой технологии механизм взаимодействия специалистов различного профиля, доминирующий порядок и содержание основных процедур решения управленческих задач. Краудсорсинг обладает мощными организационными возможностями для поддержания респонсивности властно-управленческой вертикали, но оказывается непригодным для получения объективной информации и знания о социальной реальности, необходимых для разработки мер контролируемого вмешательства в естественные процессы жизнедеятельности общества.

Ситуационные центры как автоматизированные информационные системы поддержки управленческих решений непосредственно предназначены для обеспечения коллективных действий группы лиц по решению управленческих проблем в масштабе времени, присущем коллегиям в органах государственной власти и местного самоуправления, и максимально приспособлены к функциям получения объективной информации и аккумуляции знания о социальной реальности.

Превалирование краудсорсинговых проектов в современной практике управления определяется автором как аномальный факт. Делается вывод о том, что вызван он существующим разрывом в инструментах знания: а) между мировоззренческим, теоретическим представлением о социальной реальности и методами получения информации и знания о ней; б) между используемой технологией организации экспертной деятельности и обоснованием роли и места научного, экспертного сообщества в системе стратегического управления.

Ключевые слова: научное управление развитием общества, стратегическое управление, информационно-аналитические, коммуникационные технологии, краудсорсинг, ситуационный центр, распределенная экспертная деятельность, проблемы управления, социология управления

Kornilovich V.,

PhD in Sociology, Doctoral student of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

TECHNOLOGIES OF DISTRIBUTED EXPERT ACTIVITY IN THE SYSTEM OF STATE STRATEGIC MANAGEMENT

The article provides a comparative analysis of potential opportunities of the Crowdsourcing and Situation Centers (SC) for the formation of the request of public authorities on external information and knowledge about social reality, their features in organization of distributed expert activity under the solving of challenges of society development.

Indeed, the Crowdsourcing and the SC system are accumulated labour, economical, information, material-technical resources; they are forming specific mechanism of interaction of different profile specialists for each technology and the dominant order and the maintenance of the basic procedures for solving management challenges.

The Crowdsourcing has strong organizational capacities to maintain responsively power-managerial vertical, but it fails to obtain objective information and knowledge about social reality which are necessary to develop measures of controlled intervention in the natural vital processes of society.

As automated information system of support of management solving the Situation Centers are directly designed to provide the collective actions of a group of persons on the solving of management challenges in the time-scale, which are inherent to the collegiums in the public authorities and local self-government, and they are most suited to the functions of obtainment of objective information and accumulation of knowledge about social reality.

By the article author the prevalence of the Crowdsourcing Projects is defined as an abnormal fact in contemporary management practice. It is concluded that it is caused by existing gap in the following knowledge tools: a) Between worldview and theoretical model about social reality and methods of information obtainment and knowledge about it; b) Between applied technology of organization of expert activity and substantiation of role and place of scientific, expert community in the system of strategic management.

Keywords: scientific management by society development, strategic management, information-analytical technologies, communicative technologies, Crowdsourcing, Situation Center, distributed expert activity, management challenges, Sociology of management

Дискуссия о научном управлении развитием Российского общества, о взаимосвязи науки и управления, развернувшаяся на страницах журналов «Социс», «Государственная служба» и «Социология власти», во многом актуализируется острой социально-экономической и социально-политической проблемой ускоренного развития России, а следовательно, потребностью органов власти в разработке научно обоснованных инструментов стратегического планирования и контролируемого вмешательства в процессы социального развития. Когда мы говорим об управлении развитием общества, то на первый план выходит проблема информации и знания о социальной реальности, на основе которых становится возможной выработка мер управленческого воздействия, адекватных существующей объективной реальности.

Исходя из рассуждений Н. Лумана о решениях в информационном обществе, можно выделить ряд моментов, оказывающих влияние на решение задач целенаправленного регулирования процессов общественного развития. Во-первых, «информация всегда является неожиданностью и не может быть внесена в систему из окружающей среды» [1, с. 34]. Она должна быть произведена в самой системе, так как «неожиданность» информации проявляется при наличии внутренних ожиданий [2] общественной системы. Вводится новое представление о взаимодействии: трансформация сигналов из внешней среды в информацию не может рассматриваться лишь как процесс воздействия окружающей среды на социальную систему.

Это означает, что информационно-аналитические системы органов власти, консалтинговые, научные организации, экспертные группы являются не просто инструментом пассивного восприятия и описания изменений в окружающей среде. Селекция знания и производство информации уже содержат волевой момент и задают активную роль информационно-аналитических систем и организаций, экспертных сообществ по отношению к внешней среде. Информация, выработанная ими, всегда определяется тем, «что может начаться с нее». В социологии управления – это проблема программируемости, управляемости

социальных процессов [3]. Отсюда возникает проблема «включенности» специализированных организаций, научного и экспертного сообщества в систему принятия государственных стратегических решений.

Во-вторых, с «будущим» связывается потребность конкретной социальной системы в сохранении выделенности, сохранении самости в пространстве и времени [4, с. 55–69]. Выделенность определяется упорядоченностью взаимодействия элементов системы. Специфическая структура и эмерджентное качество конкретной социальной системы, получаемые как результат взаимодействия внутренних элементов, позволяют отличить ее от простого множества хаотически расположенных других социальных систем. Э. Дюркгейм и вслед за ним Т. Парсонс утверждают, что социальные явления представляют собой системы взаимосвязанных элементов, выполняющих функции, обусловленные целевым аспектом системы и ее структурой. В социологической теории Т. Парсонса структура характеризует отношения между социальными позициями и связанными с ними нормами и ожиданиями [5, с. 100–116].

Таким образом, наличие внутренних ожиданий и приоритетности целей сохранения самости общественной системы делает возможным предположение, что «неожиданность» информации обуславливает процессы самоорганизации как ответ индивидов и социальных групп на вызовы окружающей среды и приведение собственных жизненных планов в соответствие с изменившейся социальной реальностью, в которой они действуют. Следовательно, целенаправленный характер сбора, обработки и предъявления обществу информации в форме стратегий, идеологем, целевых программ и т.п. может выступать в качестве механизма намеренного регулирования спонтанных социальных процессов, целенаправленного формирования качеств общественной системы на социальном уровне. Стратегические документы, нормативные правовые акты, идеологемы и т.п. относятся к механизмам регуляции управленческого типа [3].

Вовлечение научных и консалтинговых организаций, а также населения и НКО в процесс разра-

ботки стратегических документов, текущих решений органов власти, по мнению ряда ученых, закладывает основу для создания сетей политических и экспертных сообществ, которые позволят преодолеть разрыв между научными знаниями и информацией о социальной реальности и проводимой государством политикой. Рациональность становится краеугольным камнем в обеспечении взаимной дополняемости науки и практики. Однако Н. Луман формулирует научный вопрос иначе: специфика государственных решений, ориентированных на долгосрочную перспективу, выдвигает вопрос о возможности и степени их опоры на информацию [1, с. 35].

В практике реформирования системы управления России можно заметить, что начинает превалировать один, информационно-коммуникативный подход, якобы «способный» обеспечить достижение высокой эффективности исполнения органами государственной власти функций регулирования, предоставления населению государственных услуг и т.д. В этом контексте нас интересует вопрос: какими потенциальными возможностями обладают различные информационно-аналитические, коммуникационные технологии по формированию запроса на информацию и знания о социальной реальности, какова их способность организовать распределенную экспертную деятельность применительно к практике управления общественным развитием?

Под распределенной экспертной деятельностью будем понимать принцип организации совместной продуктивной деятельности, позволяющий реализовать режим ситуационной осведомленности всех участников посредством формирования, поддержания и отображения целостной, контекстной информационной среды в режиме удаленного доступа.

Определим для рассмотрения две формы, достаточно активно используемые в государственном управлении: краудсорсинговые проекты и система ситуационных центров (СЦ) органов власти [6].

Краудсорсинг представляет собой процесс накопления данных и знаний с привлечением к генерированию идей и решений больших групп добровольцев, распределенных во времени и пространстве, действующих в условиях удаленного доступа [7]. По мнению авторов термина (Джефф Хоуи – писатель, Марк Робинсон – редактор журнала), существует четыре категории краудсорсинга: «коллективный разум или мудрость толпы», «творчество толпы», «голосование толпы», «краудфандинг» – сбор средств на реализацию нового проекта. Конечно, метафоры, используемые авторами для обозначения определенного социального

явления, более подходят для маркетинга, реализации бизнес-проектов, нежели для научной дискуссии.

Действительно, экономисты, изучающие подобный опыт в коммерческих компаниях, доказывают состоятельность и экономическую эффективность краудсорсинга. Компании, используя доступные большинству населения низкозатратные информационные технологии для вовлечения его в процесс разработки качеств или дизайна продукта, тем самым «уменьшают риск управления товарным производством» [8]. Э. фон Хиппель называет краудсорсинг «инновацией с расчетом на пользователя», который ради осуществления собственных идей готов отдать их компании-производителю даром или за небольшую плату [9].

В России существует опыт использования органами власти краудсорсинга в указанных выше формах – «голосование толпы», «коллективный разум или мудрость толпы» при обсуждении проектов нормативных правовых актов. Например, закон «О полиции», закон «Об образовании в Российской Федерации» (2010 г. и 2011 г.) [10]. Ранее, в 2008 г., Иванов В.Н. высказывал идеи, аналогичные краудсорсингу, предлагая их в качестве социальных технологий государственного и муниципального управления:

- вовлечение активных граждан в процесс разработки решения задачи;
- организация и стимулирование выдвижения идей и предложений;
- селекция лучших предложений самими участниками;
- отбор лучших участников и формирование открытого экспертного сообщества на основе личного вклада каждого в решение общей задачи [11].

В последние годы органы власти активно внедряют новые масштабные краудсорсинговые проекты, например Единый портал раскрытия информации..., Общественная инициатива, Активный гражданин и т.п. [12], как инструмент выявления чувствительных для общества проблем, оценки качества предоставления государственных услуг населению, повышения эффективности принимаемых нормативно-правовых актов. Это то, что в обобщенном виде получило определение «электронные технологии демократии». Как само название, проект «Активный гражданин» относится к системам электронных референдумов. Суть этих проектов состоит в организации систематического опроса населения и организованных (профессиональных) групп по тем или иным проблемам. Но следует констатировать, что получить новый результат при использовании такой формы организации совместной деятельности оказывает-

ся достаточно сложно. Наше исследование практики стратегического планирования в регионах России показывает, что стратегические документы, разработанные с участием широкого круга общественных организаций и населения, имеют более низкое качество, чем подготовленные специализированными или научными организациями [13]. Кроме того, в ходе разработки документов наблюдается процесс постепенного оформления небольшой группы профессионалов, которые и осуществляют основную работу.

Можно с уверенностью говорить, что краудсорсинг обладает мощными организационными возможностями для вовлечения различных социальных групп в публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов [14], артикуляции общественно-значимых проблем, повышения уровня легитимности тех или иных действий органов власти. Использование краудсорсинговых проектов в управлении может служить для поддержания респонсивности властно-управленческой вертикали как способности «отзываться» на внешние воздействия среды, на требования общества.

Применительно же к решению задач ускоренного развития российского общества, выработке управленческих решений, адекватных внешней и внутренней социально-экономической и политической ситуации, краудсорсинг имеет существенные ограничения. На них указывают сами авторы в метафорах: «коллективный разум или мудрость толпы», «творчество толпы», «голосование толпы». Специфика подготовки управленческих решений, на наш взгляд, заключается не столько в опросе мнения большого количества населения по тем или иным вопросам социально-экономического развития определенной территории, сколько в специальных знаниях об объекте, закономерностях его развития и функционирования, что называется экспертным знанием. Такими знаниями основная масса населения (индивидуальный уровень) не обладает. Не говоря уже о «толпе».

Будет уместным в данном случае привести выводы отечественных социологов Девятко И.Ф., Абрамовой Р.Н., Кожановой А.А., сделанные по результатам исследования одной из разновидностей обыденного знания. «Объяснительное знание, которым обладают люди, зачастую имеет схематизированный характер и может быть описано как очень грубая и неточная интерпретация сложной реальности...» [15, с. 3]. Более того, «носителями оптимальных или далеко не столь оптимальных социальных суждений являются группы, а не индивиды» [15, с. 17]. В аргументации феноменологической критики может быть использован и вывод о том, что «индивиды не располагают «знаниями вто-

рого порядка» относительно собственной осведомленности – их самооценки социальной компетенции неточны и отражают, видимо, не столько наличие способности видеть границы области своей экспертизы, сколько достаточно сильную подверженность «иллюзиям осведомленности» [15]. В своей статье авторы приводят сопоставимые выводы западных специалистов, проводивших в 1974 и 1982 гг. исследования повседневного опыта принятия решений, которыми также были установлены «искажения в оценке известной субъекту информации и уязвимость индивидуального мнения», порождаемые повседневным опытом [16].

Серия аналогичных выводов отечественных и зарубежных ученых влечет за собой переосмысление положения о наличии у индивидуального социального субъекта привилегированного эпистемологического доступа к описательному и объяснительному знанию о себе и о социальной реальности, в которой он действует. Это в полной мере относится и к знанию о причинах и следствиях предпринятых управленческих действий, прогнозированию поведения как реакции индивидов и социальных групп на управленческое воздействие.

Укажем также, что имеет место преувеличение исследователями значения Интернета в процессе подготовки управленческих решений. Исходя из результатов социологического интерактивного исследования «Диагностика состояния и перспектив системы управления в России» и «Интернет сегодня» [17], можно четко охарактеризовать интернет-аудиторию, которая готова и участвует в различного рода экспертных опросах. Но эмпирические данные не фиксируют респондентов интернет-опроса в качестве группы, имеющей коллективное знание о предмете исследования, высказывания связаны с профессиональной деятельностью каждого участника.

Кроме того, сопоставление данных мониторинга интернет-среды и результатов социологических исследований общественного мнения показывает, что активность в социальных сетях и блогосфере, хотя и имеет точки пересечения с процессами и изменениями, происходящими в общественном мнении, но не тождественна им» [18, с. 432–440]. Использование такого рода информации для принятия управленческих решений заведомо приводит к ошибкам в управлении. Расходчиков А.Н. указывает на необходимость проведения дополнительных мероприятий, совершенствования методик онлайн-исследований для получения объективной картины соответствия процессов, происходящих в интернет-среде, реальным социальным процессам в обществе.

Вполне вероятно, что принцип вовлечения населения, ученых (собственная инициатива участия) в процесс подготовки управленческих решений, концепций, стратегий и программ стимулирует процесс формирования в России экспертной системы, но используется он вне контекста научного управления общественным развитием.

Возвращаясь к вопросу о способности информационно-аналитических и коммуникационных систем организовать распределенную экспертную деятельность для решения задач долгосрочного развития общества, рассмотрим особенности ее организации в условиях информационной среды ситуационного центра (СЦ).

Ситуационные центры органов власти как управленческая инфраструктура предназначены для обеспечения современными технологиями, программными и техническими средствами обработки и отображения информации коллективных действий группы лиц по решению управленческих проблем, в том числе в режиме удаленного доступа.

Режим реального времени в технологической среде СЦ позволяет: 1) организовывать оперативный сбор материалов в установленный промежуток времени; 2) сосредоточивать внимание пользователей на решении общей задачи, результаты решения которой будут отражены немедленно; 3) сократить время на обсуждение и согласование материалов за счет предоставления одновременного доступа многим пользователям к общему ресурсу; 4) своевременно принимать решения о целесообразности рассмотрения оперативных вопросов и решения задач, требующих быстрого ответа.

Арсенал аналитических технологий СЦ позволяет решать базовый комплекс задач по информаци-

онно-аналитической поддержке управленческих решений (табл. 1) [19].

Уровень развития системы СЦ можно определить как методический, практически ориентированный, что соответствует Концепции информатизации государственного правления, Распоряжению Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной Программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)» и т.д. Собственно это и определяет процесс концептуализации распределенных ситуационных центров в системе принятия государственных решений.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются на сегодняшний день базовым ресурсом модернизации процесса принятия управленческих решений. Краудсорсинг и система СЦ аккумулируют трудовые, экономические, информационные, материально-технические ресурсы, формируя специфический для каждой механизм взаимодействия специалистов различного профиля, доминирующий порядок и содержание основных процедур решения управленческих задач.

Для уточнения существующих принципиальных различий краудсорсинга и ситуационного центра обратим внимание на особенности деятельности экспертов, организацию их работы над решением общей задачи в технологической среде ситуационного центра.

При организации проведения группового ситуационного анализа используется технология **GSS** (Group Support System – Система обеспечения групповой работы). Достоинством указанной технологии является то, что процесс ситуационного анализа представляется в виде циклического механизма, включающего типовые действия. Непосредственно выполнение работ по предписанной технологии осу-

Таблица 1

Типовые задачи информационного обеспечения органов государственной власти

Задача	Область применения
оценка и прогнозирование	показатели развития Российской Федерации, субъектов Федерации, отраслей и секторов экономики, выявление тенденций и закономерностей их динамики
	скрытая и открытая социально-политическая напряженность
	электоральные потенциалы и прогноз исхода выборов
анализ состояния и угроз	национальная безопасность, включая экономические, социально-политические, военные и др. аспекты
	международные, региональные этнополитические конфликты, стратегии их разрешения
	последствия чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера
сценарный анализ	проблемные ситуации в экономике, политике, социальной жизни, экологии и др.
сравнительная оценка	межрегиональное развитие субъектов Федерации
	варианты решений проблемных ситуаций

ществляется на трех уровнях абстракции процессов. Каждый уровень выполнения работ связан друг с другом, что дает возможность ставить задачу в общих чертах, обеспечивать получение информации по изучаемой проблеме, проигрывать варианты решения, а затем конкретизировать отдельные элементы рассматриваемой ситуации и повторять цикл вновь. Таким образом, формируется поле знаний о проблемной ситуации и конкретизируется основное направление решения поставленной задачи, тезаурус понятий.

Исследование, проведенное кафедрой информатизации структур государственной службы РАГС, позволило выявить стратегии поведения пользователя в технологической среде ситуационного центра при коллективном решении задач в режиме реального времени [20, с. 17]. Стратегии поведения характеризуются активностью участников ситуационного анализа на различных этапах групповой работы: проявленная активность с начала работы; следование за лидером; предварительный анализ всех высказываний, на основании которого делается собственное заключение (см. рис. 1).

На рисунке 1 показан фрагмент временной диаграммы работы пользователей над задачей выработки согласованного мнения при обсуждении поставленного вопроса. Участник, изображенный на рисунке под номером 1, демонстрирует стратегию

активного включения в процесс. В группе с количеством участников от 8 до 16 человек подобную стратегию поведения использует около 35% участников, в то время как аналитическую стратегию (участники под номером 2, 3, 4) применяет не более 25% членов группы. Кроме того, специфику поведения участников определяет форма групповой работы. В одних случаях существует потребность упорядочения выступления участников, в других, например «Мозговой штурм», наоборот, от участников требуется максимальная активность.

Эти примеры показывают, что групповая работа по решению управленческих задач в условиях информационной среды ситуационного центра характеризуется высокой интерактивностью, скоростью чередования действий, выполняемых человеком, и программными средствами, вследствие чего повышается уровень требований к участникам, к организации работы группы и конфигурации технологической среды. Еще раз подчеркнем: высокий уровень требований к участникам группового обсуждения обусловлен сложностью решаемых управленческих задач, где требуется не обыденное знание о социальной реальности, а именно экспертное знание.

Сравнительное описание двух технологий – СЦ и краутсорсинга – позволило нам продемонстрировать принципиальные различия в организации и со-

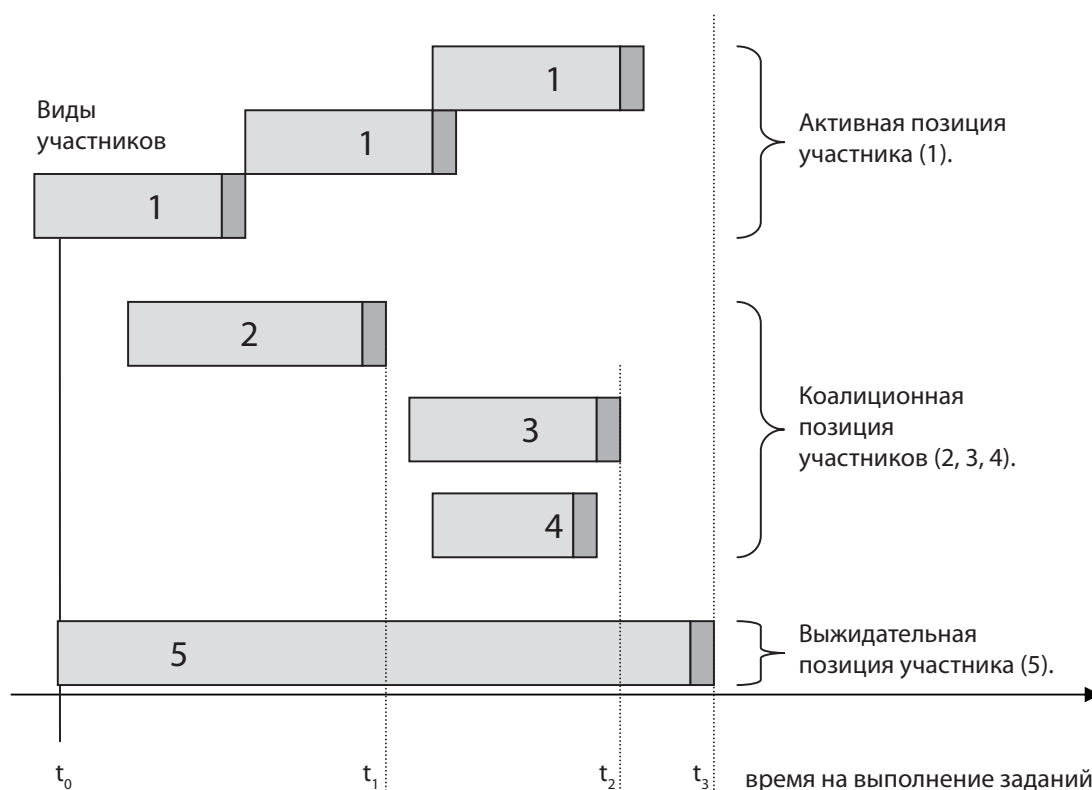

Рис. 1. Отображение стратегий поведения различных видов пользователей

держании процессов «участия» научных, консалтинговых организаций и населения в подготовке и обсуждении управленческих решений.

Применительно к научному управлению развитием общества наиболее адекватным инструментом получения объективной информации и знания о социальной реальности, на наш взгляд, является система ситуационных центров органов власти. Однозначно и то, что на сегодняшний момент технологические возможности СЦ опережают постановку вопросов о методологической организации государственного стратегического планирования с участием экспертных групп.

Парадоксальность ситуации в управлении состоит в том, что в настоящее время в стране параллельно существуют процесс разработки управленческих решений, стратегических документов различного уровня десятками авторских коллективов и самостоятельная управленческая инфраструктура, предназначенная для информационно-аналитического и коммуникационного обеспечения процессов группового принятия управленческих решений. При подготовке нового варианта «Стратегии – 2020» ни одна из экспертных групп или рассмотренных нами специализированных экспертно-аналитических организаций не использовала данный ресурс [21].

Наблюдаемые нами социальные факты дают основания полагать, что в практике стратегического управления произошел разрыв в инструментах знания: а) между мировоззренческим, теоретическим представлением о социальной реальности и метода-

ми получения объективной информации и знания о ней; б) между используемой технологией организации экспертной деятельности и обоснованием роли и места научного, экспертного сообщества в системе стратегического управления.

Восстановление единства теоретико-методологических оснований для получения объективной информации о социальной реальности выливается в проблему выбора между экономической, политологической, социологической науками. Наш выбор в пользу социологии и социологии управления, в частности, вполне закономерен и объясняется способностью социологии представить адекватную социальной реальности целостную модель социальной системы, обеспечить на ее основе сбор и обработку информации.

Реализация потенциала технологий распределенной экспертной деятельности в научном управлении общественным развитием возможна при условии использования единой социологической методологической ориентации для конструирования модели стратегического управления, обоснования алгоритма решения задач долгосрочного развития российского общества и методов организации распределенной экспертной деятельности в условиях информационной среды ситуационного центра. При конструировании модели стратегического управления главное внимание уделяется проблеме отношений научных, консалтинговых организаций (экспертная система) и управленческой инфраструктуры (система распределенных СЦ), складывающейся в процессе государственного стратегического планирования.

[1] Луман Н. Решение в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

[2] См.: *Garr T.P.* Описание структуры ожиданий (экспектаций) // Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005.

[3] Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. Издание 2-е доп. и перераб. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

[4] См.: Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Устойчивое развитие: Научные основы проектирования в системе природа – общество – человек. СПб.; М.: Дубна, 2001.; Паутова Л.А. Проблема типологии стабильности современной социальной системы // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 3 / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

[5] См. подробнее: Абельс Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

[6] Формирование в России новой управленческой инфраструктуры – системы распределенных ситуационных центров (СЦ) органов государственной власти является фактическим результатом начатой в 1996 г. программы по информатизации государственного управления. Введение в эксплуатацию таких центров во всей вертикали государственной власти практически завершено в 2011 г.

Подробнее см.: Ильин Н.И. Ситуационные центры. Опыт, состояние, тенденции развития / Н.И. Ильин, Н.Н. Демидов, Е.В. Новикова. – М.: МедиаПресс, 2011.; Корнилович В.А. Россия: социологическое знание в разработке стратегий государственного развития // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – С. 67–92.

[7] Егоров С.В., Захарова С.А. Краудсорсинг в науке // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – Вып. 14. – С. 175–186.

[8] Потребительские инновации – новая парадигма развития. Реферат статьи Эрика фон Хиппеля, Сусуму Огава и Йерун де Йонг // MIT Sloan Management Review № 19 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vkurse.obs.ru/node/471> (дата обращения: 10.05.2015).

[9] Von Hippel E. The Sources of Innovation by Eric von Hippel. – Oxford, University Press, 1988 // URL: <http://web.mit.edu/evhippel/www/sources.htm> (дата обращения: 10.05.2015).

[10] Сайт проекта. Режим доступа: <http://zakonoproekt2012.ru/> (дата обращения: 19.05.2015).

- [11] *Иванов В.Н.* Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – М.: Изд-во «Экономика», 2008.
- [12] Единый портал для размещения информации федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения // Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 02.02. 2015г.); Российская общественная инициатива // Режим доступа: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 02.02. 2015).
- [13] Более подробно см.: *Корнилович В.А.* Стратегическое управление: социологический подход: монография. – М.: ИС РАН, 2015.
- [14] *Татарникова С.Н., Корнилович В.А., Гайдт А.Ю.* Экспертиза нормативных правовых актов с участием общественности: учебно-методическое пособие. – М.: УИЦ МФП, 2014.
- [15] *Девятко И.Ф., Абрамова Р.Н., Кожанова А.А.* О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социс. – 2010. – № 9.
- [16] См.: *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // Science. – 1974. – № 185. – P. 1124–1131.; *Kahneman D., Slovic P., Tversky A.* (eds.). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge, UK: Cambridge University press. 1982.
- [17] См. результаты исследования Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.surveymonkey.com/s/TZDPXYQ>; Интернет сегодня [Электронный ресурс] Всероссийский Центр изучения общественного мнения «ВЦИОМ». 2012 г. // Режим доступа: http://r-trends.ru/netcat_files/File/DUZhNIKOVA_VTsIOM.pdf
- [18] *Расходчиков А.Н.* Согласование гражданских и градостроительных интересов: мониторинг активности в социальных сетях и блогосфере по проблемам строительства новых инфраструктурных проектов // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 432–440.
- [19] Составлено автором по материалам: *Демидов Н.Н.* Современные тенденции информационного обеспечения ситуационных центров органов государственной власти // Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 107; *Ильин Н.И.* Становление и развитие информационного обеспечения органов государственной власти // Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 14.
- [20] Методы и средства информационно-аналитической поддержки учебного процесса и научных исследований в ситуационном центре РАГС / сост. проф. А.Н. Павлов // Отчет по НИР кафедры информатизации структур государственной службы Российской академии государственной службы при Президенте РФ. – М.: РАГС, 2003 г. С. 17.
- [21] Итоговый доклад был подготовлен в 2012 г. с участием 21 экспертной группы и более 100 зарубежных экспертов.

Список литературы

1. *Абельс Х.* Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
2. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005.
3. *Девятко И.Ф., Абрамова Р.Н., Кожанова А.А.* О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социс. – 2010. – № 9.
4. *Демидов Н.Н.* Современные тенденции информационного обеспечения ситуационных центров органов государственной власти // Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2011.
5. *Егерев С.В., Захарова С.А.* Краудсорсинг в науке // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – Вып. 14. – С. 175–186.
6. *Иванов В.Н.* Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – М.: Изд-во «Экономика», 2008.
7. *Ильин Н.И.* Ситуационные центры. Опыт, состояние, тенденции развития / Н.И. Ильин, Н.Н. Демидов, Е.В. Новикова. – М.: МедиаПресс, 2011.
8. *Ильин Н.И.* Становление и развитие информационного обеспечения органов государственной власти // Ситуационные центры – 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции. РАГС. 27–28 апреля 2010 г. / под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2011.
9. *Корнилович В.А.* Стратегическое управление: социологический подход: монография. – М.: ИС РАН, 2015.
10. *Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е.* Устойчивое развитие: Научные основы проектирования в системе природа – общество – человек. СПб.; Москва; Дубна, 2001.
11. *Луман Н.* Решение в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 3. / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
12. Методы и средства информационно-аналитической поддержки учебного процесса и научных исследований в ситуационном центре РАГС / сост.: д.т.н., проф. А.Н. Павлов // Отчет по НИР кафедры информатизации структур государственной службы Российской академии государственной службы при Президенте РФ. М.: РАГС, 2003 г.
13. Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений / отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ИС РАН, 2014.
14. *Расходчиков А.Н.* Согласование гражданских и градостроительных интересов: мониторинг активности в социальных сетях и блогосфере по проблемам строительства новых инфраструктурных проектов // Социология

управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 432–440.

15. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 67–92.

16. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. Издание 2-е, доп. и перераб. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

17. *E. von Hippel*. The Sources of Innovation by Eric von Hippel. – Oxford, University Press, 1988. Режим доступа: <http://web.mit.edu/evhippel/www/sources.htm> (дата обращения: 10.05.2015).

Reference list

1. *Abels H.* The Challenge of Social Order in Talcott Parsons Sociology // Challenges of Theoretical Sociology: Intercollegiate digest. Number 3. / Executive editor A. Boronoev. SBR.: Publishing by Petersburg University, 2000.

2. *Ted Robert Gurr*. Why Men Rebel. SBR.: Piter, 2005.

3. *Devyatko I., Abramova R., Kozhanova A.* About the extents and nature of ordinary descriptive knowledge about the social world / I. Devyatko, R. Abramova, A. Kozhanova // Sotsis. 2010. № 9.

4. *Demidov N.* Modern trends in information support of the Situation Centers of public authorities / N. Demidov // Situation Centers 2010. Modern information-analytical technologies of support of making solving: Proceedings of scientific-practical conference. RACS. April of 27th–28th, 2010. Under the general editorship of A. Danchula. M.: Publishing by RACS, 2011.

5. *Egerev S., Zakharova S.* The Crowdsourcing in science / S. Egerev, S. Zakharova // Almanac of Russian Research Institute of Economics “Science. Innovations. Education”. 2013. Number 14. P. 175–186.

6. *Ivanov V.* Innovative social technologies of state and municipal management / V. Ivanov. – M.: “Ekonomika” Publishing house, 2008.

7. *Il'in N.* Situation Centers. The experience, status, tendencies of development / N. Il'in, N. Demidov, E. Novikova. M.: Mediapress, 2011.

8. *Il'in N.* The formation and development of information support of public authorities / N. Il'in // Situation Centers 2010. Modern information-analytical technologies of support of making solving: Proceedings of scientific-practical conference. RACS. April of 27th–28th, 2010; Under the general editorship of A. Danchula. M.: Publishing by RACS, 2011.

9. *Kornilovich V.* Strategic management: Sociological approach [Monograph] / V. Kornilovich. M.: IS of RAS, 2015.

10. *Kuznetsov O., Bol'shakov B.* Sustainable development: Scientific principles of design in the system nature-society-human being / O. Kuznetsov, B. Bol'shakov. Saint Petersburg – Moscow – Dubna, 2001.

11. *Luhman N.* The Solving in the “Information Society” // Challenges of Theoretical Sociology: Intercollegiate digest. Number 3. / Executive editor A. Boronoev. SBR.: Publishing by Saint Petersburg University, 2000.

12. Methods and tools for information-analytical support of educational process and scientific research in the Situation Center of RACS / Author: Doctor of Engineering, Professor A. Pavlov / The report of research work of Chair of Informatization of Russian Academy of Civil Service under the President of Russia. M.: RACS, 2003.

13. Modernization of the national system of management: Analysis of tendencies and forecast of development. All - Russian scientific-practical conference and the XII-XIII Dridzevskije readings / The Editorial Board: A. Tikhonov (Executive editor), E. Akimkin, V. Bogdanov, A. Zhavoronkov, A. Merzlyakov, E. Rabinovich, V. Shilova (Scientific secretary), V. Shcherbina. M.: IS of RAS 2014.

14. *Raskhodchikov A.* Harmonization of civil and urban interests: Monitoring on the construction of new infrastructure projects activity in social networks and blogosphere / A. Raskhodchikov // Sociology of management: Fundamental and applied knowledge / Executive editor A. Tikhonov. M.: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”, 2014. P. 432–440.

15. Sociology of management: Basic and applied knowledge / [The Editorial Board: E. Akimkin, A. Tikhonov (Executive editor), A. Merzlyakov, V. Shilova and others]. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 67–92.

16. *E. von Hippel*. The Sources of Innovation by Eric von Hippel. Oxford, University Press, 1988. Access mode. URL: <http://web.mit.edu/evhippel/www/sources.htm> (date of access 10.05.2015).

УДК 371.3

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Бабаева Э.С.,

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета начальных классов Дагестанского государственного педагогического университета (филиал в г. Дербенте)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ

В статье на основе данных контент-анализа, включавшего в себя изучение различных источников, содержащих сведения о состоянии систем формального и неформального образования в России, инвариантных по структуре и сущности содержания, но внешне воспринимающихся как несистематизированный, беспорядочно организованный текстовый материал; количественный и качественный анализ текстов и текстовых массивов, выявляется и обосновывается педагогический потенциал учебных программ, интегрирующих формальное и неформальное образование. Актуализируется потенциал субъектов, участвующих в проектировании и реализации программ. В статье подчеркивается, что сущностными характеристиками учебных программ, создаваемых на основе интеграции формального и неформального образования, являются постоянная незавершенность и способность к взаимообмену со средой, которая обеспечивает динамику развития программ обучения, постоянное стремление к совершенствованию.

Ключевые слова: психолого-педагогический потенциал, интеграция, формальное образование, неформальное образование

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University, Stavropol'

Babaeva E.,

PhD in Philology, Associate Professor, Dean of Faculty of Primary Grades in Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

PSYCHO-PEDAGOGICAL POTENTIAL OF INTEGRATED TRAINING PROGRAMS

In the article there is revealed and substantiated the pedagogical potential of the academic programs, integrated to formal and non-formal education on the basis of data of the content-analysis, involving the study of different sources that contain information about the status of formal and non-formal educational systems in Russia, which are the invariant on their structure and essence of content but they apparently perceived as unsystematic, randomly organized text material, quantitative and qualitative analysis of texts and text arrays. There is actualized the potential of actors, involved in the design and implementation of the programs. The article emphasizes that created through the integration of formal and non-formal education the essential features of academic programs are constant incompleteness and the ability of interchange with the environment which provides the dynamics of the training programs development and a constant striving for improvement.

Keywords: psycho-pedagogical potential, integration, formal education, non-formal education

Программы обучения, интегрирующие формальное и неформальное образование, помимо открытости, отличаются индивидуализированным характером, поскольку образовательные потребности всегда лично окрашены, а следовательно, индивидуальны, неповторимы, динамичны, всегда наполнены новизной, т.е. в программах (как открытых системах), интегрирующих формальное и неформальное образование, заложен инновационный

(творческий) потенциал – это вектор к разнообразию путей и содержания образования.

При проектировании интегрированных программ обучения необходимо учитывать их возможность максимально разнообразить содержание соответственно потребностям обучающихся, и это важнейший потенциал таких программ.

Интеграция должна обеспечить разнообразие не только элементов системы, но и связей (отно-

шений) между ними. Открытость интегрированной системы (и программы как разновидности системы) определяется как способность воспринимать и учитывать актуальные изменения среды и образовательных потребностей в целях собственного развития [1].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что сущностными характеристиками программ обучения, создаваемых на основе интеграции формального и неформального образования, являются постоянная незавершенность и способность к взаимодействию со средой.

Незавершенность обеспечивает динамику развития программ обучения, постоянное стремление к совершенствованию. Возможность и способность к интенсивному взаимодействию со средой обеспечивает, с одной стороны, использование при проектировании и реализации программ внешних ресурсов: информационных, кадровых, материально-технических, с другой – обогащение образовательной среды за счет продуктов и достижений субъектов, участвующих в реализации программ.

Очевидно, что психолого-педагогический потенциал программы обучения формируется и реализуется под влиянием педагогического потенциала (способности и готовности к проектированию интегрированных программ) педагога (тьютера, методиста), который является разработчиком программы. Обратившись к понятию «педагогический потенциал», которое также довольно часто используется в научной литературе, мы выяснили, что авторы, применяя этот термин, вкладывают в него разный смысл. В то же время ряд авторов предлагает понятия, близкие по смыслу к педагогическому потенциалу, и даже используют этот термин, но без трактовки его содержания. Примером может служить работа Э.Н. Гусинского и Ю.И. Турчаниновой [3, 23].

Педагогический потенциал понимается исследователями, во-первых, как нечто само собой разумеющееся, во-вторых, совершенно неоднозначно. К тому же при рассмотрении проблемы педагогического потенциала авторы касаются отдельных ее сторон, проблема в целом не изучается. Исследователи, говоря о потенциале, имеют в виду, прежде всего, свой предмет исследования, зачастую происходит сближение понятия «педагогический потенциал» с понятиями «педагогические способности», «направленность», «субъектность» и т.д. Но ни один из этих элементов не исчерпывает систему.

В частности, этот факт отражен в исследованиях Л.Д. Кудряшовой, которой принадлежит оригинальная психологическая теория способностей.

По мнению автора, инструментальные характеристики педпотенциала – это педагогические способности. Они играют в структуре педпотенциала особую роль, являются его ядром [6].

В разработке и реализации интегрированных программ обучения должны принимать участие обучающий и обучающийся как равноправные субъекты образовательного процесса, поэтому уместно говорить и о потенциале обучающегося [2]. Потенциал в данном случае определяется как совокупность социальных, психолого-педагогических и организационно-педагогических факторов воспитания, позитивной социализации и стимулирования саморазвития личности обучающегося в их взаимосвязи, обеспечивающих в его жизнедеятельности реализацию социальных потребностей личности обучающегося, ее позиции как субъекта познания, практической деятельности, общения, права, творчества, саморазвития. В структуре потенциала обучающегося Т.А. Василькова, Ю.В. Василькова выделяют аксиологический, социально-психологический, педагогический, организационный, личностно-психологический компоненты [4].

Результаты проведенного контент-анализа позволяют высказать предположение и о психолого-педагогическом потенциале интегрированных программ обучения, так как в рамках таких программ:

– обучающемуся принадлежит ведущая роль в процессе своего обучения, обучающийся (тем более взрослый) стремится к самореализации, осознает себя все более самостоятельной, самоуправляемой личностью. С точки зрения такого подхода взрослые обучающиеся (впрочем, как и старшие подростки в определенных ситуациях), испытывающие глубокую потребность в самостоятельности, в экономической независимости, в самоуправлении (хотя в определенных ситуациях они и могут быть временно зависимы от кого-либо), должны играть ведущую, определяющую роль в процессе своего обучения, в определении всех параметров этого процесса.

Задача специалиста (методиста, педагога, психолога и др.) сводится в конечном итоге к тому, чтобы поощрять и поддерживать развитие обучающегося от полной зависимости к возрастающему самоуправлению, оказывать ему помощь в определении параметров обучения и поиске информации. Основной характеристикой процесса обучения становится процесс самостоятельного определения обучающимся параметров обучения и поиска знаний, выработки умений, навыков и качеств. Важно также принимать во внимание такой фактор, как возраст обучающихся, в той степени, в которой он определяет объем

жизненного опыта обучающегося, психологические особенности его личности, ощущение самостоятельности, уровень развития личности. По мнению М. Ноулза [8], необходимо корректное применение принципов (моделей) обучения в зависимости от возраста;

– обучающийся, тем более взрослый, обладает жизненным (бытовым, социальным, профессиональным) опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения как его самого, так и других обучающихся. Для выполнения тех или иных практических действий в рамках, например, профессиональной подготовки или подготовки к родительству обучающийся уже обладает определенным уровнем представлений об этом, пусть и на бытовом уровне. Следовательно, при разработке и реализации программ важно учитывать наличие определенной предварительной подготовки в данной области деятельности. Если же эта сфера деятельности совпадает с областью подготовки, в которой обучающийся приобретает новые знания, умения, навыки, то, следовательно, чем выше уровень его представлений, тем более необходимо использование технологии обучения взрослых. Предварительная подготовка, значимый уровень представлений об изучаемой сфере деятельности также может служить базой для дальнейшего обучения личности и одним из источников обучения менее подготовленных в данной сфере деятельности обучающихся;

– обучающийся приобретает знания для решения важной жизненной проблемы (в наших моделях программ – это обучение профессии и трудоустройство, повышение квалификации, подготовка к родительству и выполнение родительских функций) и достижения конкретной цели. Однако при всей индивидуальности конкретных целей обучения любые из них по своему характеру относятся к одной или нескольким типологическим целям обучения: а) получение новых знаний, новой информации; б) овладение информацией на новом уровне; в) приобретение навыков и умений в использовании информации; г) выработка убеждений; д) выработка новых качеств; е) удовлетворение познавательных интересов; ж) приобретение уверенности в своих действиях, следовательно, программа может быть ориентирована на определенные цели и задачи;

– основная характеристика обучающихся в рамках интегрированных программ – это большой разброс в мотивации обучения, которая у одних обучающихся определяется целеустремленностью, а у других (мы столкнулись с данным фактом при обучении безработных граждан) – отсутствием желания и

интереса, а следовательно, и соответствующим отношением к учебной деятельности. Правда, в конечном итоге эти психологические установки человека все равно определяются его стремлением при помощи обучения достичь конкретной цели: получить желаемую (или востребованную на рынке труда) профессию, достичь определенного социального, экономического и профессионального статуса, достичь успехов в социализации, оказаться на первых ролях в той же учебе и т.п. В этом случае важна определенность, осознанность цели обучения, наличие представления о дальнейшем применении полученных знаний, умений и навыков, трудоустройстве;

– обучающиеся стремятся получить определенную профессиональную подготовку или подготовку к родительству, пройти курс повышения квалификации в возможно краткие сроки путем применения интенсивных форм обучения (методов и технологий, активизирующих учебно-познавательную деятельность). Для обучающихся характерно также стремление к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков на практике, что понуждает людей к выбору именно таких путей обучения. В этом случае при проектировании программ рекомендуется включать и использовать активные и интерактивные технологии обучения и закреплять теоретические знания на практике;

– учебная деятельность обучающихся (особенно взрослых) в значительной степени детерминирована временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами, которые либо ограничивают, либо способствуют процессу обучения. В тех случаях, когда обучающийся проходит курс обучения заочно или вечером, на курсах выходных дней, на краткосрочных интенсивных курсах, наконец, самостоятельно, экстерном, дистанционно и т.п., когда он ограничен во времени и сроках обучения либо проживает далеко от источников обучения, когда бытовые, профессиональные, социальные условия не позволяют ему осуществлять учебную деятельность в обычном (формальном) графике, необходимо использовать потенциал неформального (информального) образования и учитывать данное обстоятельство при проектировании учебных программ;

– психолого-педагогический потенциал программ может быть реализован и достаточно эффективно в той мере, в какой обучающийся, независимо от возраста, уровня мотивации, ответственности, предварительной подготовки, общего развития, наличия жизненного опыта, способен активно участво-

вать в осуществлении всех указанных выше совместных с обучающим действий. При этом обучающийся выполняет следующие функции: а) участника совместной с обучающим учебной деятельности по диагностике, планированию, реализации, оцениванию и коррекции процесса обучения; б) соавтора индивидуализированной программы обучения; в) реализатора индивидуализированной программы обучения.

В той степени, в которой обучающиеся могут выполнять на достаточно удовлетворительном уровне названные функции, они могут обучаться с применением интегрированных программ обучения. Для этого они должны иметь представление об организации процесса обучения, обладать определенными умениями и навыками индивидуальной, совместной и коллективной учебной деятельности.

Вышесказанное позволяет сделать простой вывод о том, что потенциал интегрированных программ обучения может быть реализован в полной мере, если обучающийся владеет в определенной степени навыками самообразования.

Самообразующееся и самоорганизующееся общество, имеющее объективные представления о своем знании и незнании, обречено на постоянное учение как формально, так и неформально. Отсюда также напрашивается умозаключение о том, что обучающиеся в рамках программ, проектируемых на основе интеграции формального и неформального образования, отличаются мотивированностью и обладают необходимыми качествами для непрерывного обучения. Таким образом, интегрированные программы обучения формируют навыки самообучения и расширяют возможности (потенциал) личности для непрерывного образования.

Данный тезис важен, так как в настоящее время практически всеми экономически развитыми странами принята концепция непрерывного образования, которая выдвигает образование взрослых на определяющие позиции социально-экономического развития современного мира, в том числе и в России [5, 322]. Исторический опыт показывает, что переход той или иной страны на новый путь развития всегда сопровождался пересмотром принципов и последующим радикальным изменением государственной политики в области образования.

При этом следует отметить, что в последние два десятилетия решающее значение придавалось изменениям в образовании взрослых. Благодаря своей гибкости, оперативности и сравнительно небольшим издержкам оно всегда остается именно той сферой образовательной практики, которая способна

эффективно содействовать успешному разрешению политических, социально-экономических, технологических и культурных проблем в условиях дефицита времени и кадровых ресурсов.

Актуальность работ по организации непрерывного образования в контексте трансформационных процессов определяется еще одним обстоятельством. Доля взрослого населения, участвующего в самообразовательной деятельности (неформальное и информальное самообразование, досуговое и т.д.), будет неуклонно увеличиваться, и вскоре число обучающихся таким образом взрослых превысит число детей и молодежи, занятых в сфере формального образования. По данным Института образования ЮНЕСКО, в России, если она будет следовать курсом модернизации экономики и постепенного рыночного реформирования, в самое ближайшее время совокупная продолжительность образовательных программ для взрослого населения должна намного превысить продолжительность аналогичных программ детско-юношеского образования.

В процессе исследования потенциала программ обучения, интегрирующих формальное и неформальное образование, мы обратили особое внимание на педагогический потенциал самой интеграции. Так, С.Н. Шушкевич, с мнением которой мы солидарны, отмечает, что интеграция (педагогическая интеграция) является самой высокой ступенью воплощения межпредметных связей [7, 173]. Кроме того, исследователь выделяет функции педагогической интеграции – это способы проявления ее активности при выполнении ею определенной задачи или роли. По мнению исследователя, в современной педагогике отсутствует общепринятый перечень функций интеграции, поэтому целесообразно выделить наиболее общие, инвариантные функции педагогической интеграции, которые имели бы отношение ко всем ее разновидностям. Таковыми могут быть методологическая, развивающая, технологическая функции, каждая из которых способна аккумулировать в себе целый ряд менее масштабных функций.

Мы считаем, что целесообразно говорить о потенциалах, а не о функциях педагогической интеграции, поскольку в массовой образовательной практике интеграция (как, впрочем, и дифференциация) не нашла должного применения, поэтому классификация потенциалов будет выглядеть следующим образом.

Методологический потенциал. Можно выделить три аспекта методологического потенциала педагогической интеграции: эвристический, мировоззренческо-аксиологический, инструментальный:

– эвристический аспект связан со способностью педагогической интеграции служить исходной базой для разработки новых педагогических концепций проектирования программ обучения;

– мировоззренческо-аксиологический аспект проявляется, прежде всего, в том, что идеи педагогической интеграции, заложенные в учебной программе, служат средством интеллектуально-духовного обогащения участников педагогического процесса;

– инструментальный аспект методологического потенциала педагогической интеграции выражает ее способность выступать в роли инструмента проектирования программ обучения.

Развивающий потенциал. Развитие совершается путем дифференциации целого, выделения в нем функций, актов поведения и их новой интеграции, объединения в новое целое. Дифференциация приводит к возникновению новых действий – перцептивных, мнемических, мыслительных и др., к умножению, обогащению и совершенствованию психической деятельности, интеграция – к упорядочению, субординации и иерархизации их результатов. Интеграция служит средством формирования новых психических образований, новой структуры деятельности.

Технологический потенциал. Его содержание включает возможность при проектировании программ сжатия, уплотнения информации и времени; устранения дублирования и установления преемственности в развитии знаний и умений, полученных как в формальном, так и неформальном образовании; растворения и взаимопроникновения знаний и умений одних дисциплин в другие; систематизации понятий, фактов, умений и навыков, отрицания некоторой части усваиваемых знаний, умений в становлении обобщенных интегративных свойств, установления субординации и координации.

Нам представляется, что проектирование программ обучения на основе интеграции формального и неформального образования требует обращения ко всем названным потенциалам интеграции в равной степени, но в определенном порядке: от методологического к технологическому и далее к развивающему.

Для реализации педагогического потенциала интеграции возникает потребность в разработке педагогических условий (информационных, технологических, личностных), обеспечивающих положительное воздействие интеграции на все составляющие педагогического (научно-педагогического) процесса и прежде всего на самого обучающегося – предмета и цели педагогики в целом и педагогической интеграции в частности. Важнейшим среди такого рода

условий может стать отказ от использования в ходе проведения педагогической интеграции критериев, менее значимых по сравнению с критериями, лежащими в основе целостного развития человеческой личности.

Таким образом, подытоживая и интерпретируя все вышеизложенное, мы выделили, пожалуй, главные психолого-педагогические характеристики, опора на которые позволяет реализоваться названным потенциалам в процессах проектирования и реализации программ обучения на основе интеграции формального и неформального образования.

1. Субъектность. Обучение в рамках программ, разработанных на основе интеграции формального и неформального образования, рассматривает всех без исключения участников педагогического процесса в качестве субъектов (в отличие от традиционного подхода, представляющего отношения между обучающим и обучаемым как субъектно-объектные). Процесс обучения в рамках интегрированного образования – субъектное взаимодействие.

2. Личный интерес. Интеграция различных форм образования как подход к организации обучения основывается на личном интересе каждого обучающегося, т.е. любые знания, реализуемые посредством программ, должны быть личностно-ориентированными, вписанными в структуру личности. Главное в таком образовании и таких программах – не общая сумма знаний, а внимание к личностному развитию человека, которое учит его самостоятельно принимать решения, а следовательно, быть активным не только в процессе обучения, но и во всех сферах жизни.

3. Выбор. Это не только важная категория, но и инструмент, заимствованный из неформального образования. Находясь в ситуации выбора (способа взаимодействия с предметом, наиболее интересного аспекта материала, собственного отношения к происходящему), обучающийся как участник проектирования и реализации программы обучения исследует материал, изучает и оценивает его.

4. Исследование. Основной метод образования, реализуемый в рамках интегрированных программ обучения обучающимся, который на всем протяжении процесса обучения ведет многоплановое исследование при помощи определенных инструментов на разных уровнях: интеллектуальном, прикладном, чувственном и т.д.

Таким образом, организованное обучение опирается на непосредственные открытия, происходящие «здесь и сейчас».

Список литературы

1. Бабаева Э.С. Проблемы проектирования учебных программ на основе интеграции различных форм образования // Вестник Академии права и управления. 2014. № 37.
2. Бабаева Э.С. Методологические подходы к оценке эффективности интегрированных учебных программ // Вестник Академии права и управления. 2015. № 38.
3. Василькова Т.А., Василькова Ю.В. Социальная педагогика: курс лекций. М.: Издат. центр «Академия», 2008.
4. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М., 2000. С. 23.
5. Ключарев Г.А. Самообразование и радикальные педагогики: возможен ли компромисс? // Инновации в образовании: сборник материалов конференции. Вып. 29. СПб., 2003.
6. Кудряшова Л.Д. Психология и оценка личности. – СПб., 2007. – 280 с.
7. Шушкевич С.Н. Педагогические условия профессиональной подготовки студентов педагогического вуза как субъектов инновационной деятельности // Вестник МГУ. Культура и искусство. 2010. № 2.
8. Knowles M. Informal learning // Электронная энциклопедия Wikipedia [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Informal_learning (дата обращения: 08.02.2009).

Reference list

1. Babaeva E. Methodological approaches to evaluating the effectiveness of integrated academic programs // Bulletin of Academy of law and management. – 2015. – № 38.
2. Babaeva E. The problem of designing of academic programs based on the integration of various forms of education // Bulletin of Academy of law and management. – 2014. – № 37.
3. Gusinskiy E., Turchaninova Yu. Introduction to the philosophy of education. – M., 2000. P. 23.
4. Klyucharev G. Self-education and radical pedagogies: Is compromise possible? // Innovations in education: The conference proceedings. Number 29. SBR., 2003.
5. Knowles M. Informal learning // the online encyclopedia Wikipedia [electronic resource] // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Informal_learning (reference date: 08.02.2009).
6. Kudryashova L. Psychology and personality assessment. SBR., 2007. P. 280.
7. Shushkevich S. Pedagogical conditions of professional training of students of pedagogical higher education institution as subjects of innovative activity // Bulletin of MGU. Culture and the arts. – 2010. – № 2.
8. Vasil'kova T., Vasil'kova Yu. Social pedagogy: Course of lectures. – M.: Publishing Center "Akademiya", 2008.

УДК 378.13

Лищина Г.Н.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии
Российского государственного социального университета

Глотов О.А.,

кандидат экономических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН, директор Тульского сельскохозяйственного колледжа им. И.С. Ефанова

ЗНАЧИМОСТЬ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье анализируются особенности реализации компетентностного подхода в системе подготовки менеджера социальной сферы как основного организатора работы с молодежью в условиях изменений нормативных требований к профессиональной подготовке востребованных специалистов.

Ключевые слова: система подготовки, менеджер, социальная сфера, организатор, работа с молодежью, знаниевая модель, компетентностная модель, компетенция, компетентность, компетентностный подход

Lishchina G.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Family, Gender Policy and Youth Studies of the Russian State Social University

Glotov O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Fellow of Russian Academy of Natural Sciences,
Director of the Tula Agricultural College named after I. Efanov

THE IMPORTANCE OF THE COMPETENCE APPROACH IN THE SYSTEM OF TRAINING MANAGER OF SOCIAL SERVICES

The article is analyzed the realization peculiarities of the competence approach in the system of training manager of social services as the main organizer of work with young people in the conditions of changes of regulatory requirements for professional training of highly demanded specialists.

Keywords: system of training, manager, social services, organizer, work with young people, knowledge model, competence model, competence, competency, competence approach

В условиях изменений нормативных требований [2], ориентирующих систему образования на новый качественный результат в подготовке кадров, возникает закономерный вопрос о причинах модернизационного обновления и новых моделях системы российского образования. В современной научной психолого-педагогической литературе ведутся терминологические дискуссии дефиниций «компетенция» и «компетентность», обсуждаются проблемы реализации компетентностного подхода (В.И. Байденко, В.А. Болотов, А.А. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, В.С. Леднев, Н.Н. Нечаев, Н.Д. Никандров, В.В. Сериков, В.Д. Шадриков, А.В. Хуторской и др.).

Новые требования обусловили необходимость перехода от «знаниевой модели» (рассматривающей знания в качестве основного результата образования) к «компетентностной модели» (декларирующей

компетенцию как результат образования). Изменились их сущностные характеристики: так, требование «знать» логически трансформировалось в требования «быть», «действовать», «принимать решение» и др. Появились такие базовые термины, как компетентность, компетенция, ключевые и профессиональные компетенции менеджеров, компетентностный подход и др.

В рамках данного исследования нами сделана попытка некоторого уточнения указанных базовых терминов на основе контент-анализа изученных научных психолого-педагогических источников. Прежде всего обратимся к понятиям «компетенция» и «компетентность». По мнению А.В. Хуторского, под компетенцией понимается совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к опреде-

ленному кругу предметов и процессов; а компетентность рассматривается как владение, обладание менеджером социальной сферы соответствующей компетенцией, включая его личностное отношение к компетенции и предмету деятельности [7].

Придерживаясь трактовки И.А. Зимней [5], под компетентностью мы будем понимать интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной деятельности менеджера социальной сферы, основанный на знаниях. Следовательно, основой компетентности как нового интегративного качества для организатора работы с молодежью выступают его знания, умения, навыки, опыт, ценности, склонности к социально-профессиональной деятельности.

Принципиально важным для нас является осмысление понятия «компетенция». Согласно трактовке Э.Ф. Зеера, это способность менеджера социальной сферы действовать самостоятельно и ответственно в рамках своей компетентности, в соответствии с характером решаемых им профессиональных задач. Такое определение, на наш взгляд, учитывает интегральный характер компетенции как неотъемлемого качества менеджера (выступающего в роли субъекта, организатора работы с молодежью), которое означает его общую способность и готовность к самостоятельной успешной деятельности; высокую роль знаний, умений и навыков, опыта, ценностей и склонностей, приобретенных им в процессе обучения. Из этого следует, что компетенция, трактуемая как базовое качество менеджера социальной сферы, включает в себя совокупность взаимосвязанных качеств его личности, необходимых для эффективной деятельности [4].

В современных условиях высшее образование решает целый комплекс сложных задач, направленных на подготовку квалифицированных специалистов. Одной из таких задач априори можно считать формирование личности менеджера социальной сферы как компетентного организатора работы с молодежью, способного на высоком профессиональном уровне осуществлять деятельность в различных сферах. На данном этапе развития обществу нужны специалисты, способные на самостоятельные, творческие решения и действия, готовые взять на себя ответственность в любой профессиональной ситуации, умеющие определять цель деятельности, моделировать оптимальную траекторию ее достижения.

В процессе подготовки менеджера социальной сферы приоритетным, по мнению ряда исследователей, выступает именно компетентностный подход, сосредоточенный на более высоком качестве подготовки, обуславливающий степень соответствия системы

образования целям ее опережающего развития. Этот подход ориентирует систему образования на формирование перечня основных профессиональных образовательных программ, отвечающих требованиям работодателей к кадровому обеспечению (В.И. Байденко, В.А. Болотов, И.А. Зимняя, О.Е. Лебедев, Л.В. Мардахаев, Г.Н. Сериков, В.И. Слободчиков, А.И. Субетто, В.Д. Шадриков и др.). С позиции данного подхода эффективность системы образования определяется сформированными личностными качествами выпускника, его способностью творчески мыслить, находить нестандартные решения производственных задач, что предъявляет новые требования к процессу профессиональной подготовки, преподавательскому составу, инфраструктуре, обуславливает объединение ресурсных возможностей, организацию сетевого взаимодействия, позволяя учреждениям образования оптимально использовать оснащенную ресурсную базу партнеров, лучших специалистов производства для кластерной подготовки кадров.

Анализ научных исследований применения компетентностного подхода в процессе подготовки кадров (А.В. Хуторской, Н.В. Кузьмина, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, В.М. Ростовцева, Н.В. Соловова, С.В. Николаева, О.О. Мартыненко, В.В. Обухова, В.И. Байденко, Г.А. Резник, Ю.С. Пономаренко) позволяет выделить несколько этапов становления системы образования, ориентированной на компетенции («competence-based education»). Так, О.О. Мартыненко выделяет три этапа исследования компетенции и компетентности как научной категории [8, с. 7–9]:

первый этап (1960–1970 гг.) посвящен введению в научный аппарат категории «компетенция», попыткам разграничения понятий «компетенция» и «компетентность»;

второй этап (1970–1990 гг.) предусматривал внедрение категорий «компетенция» и «компетентность» в управление, руководство, менеджмент; разработку содержания понятия «социальные компетенции»;

третий этап (1990 гг.) характеризуется появлением работ А.К. Марковой (1993 г.), Н.В. Кузьминой (1990 г.), в которых компетентностный подход рассматривается применительно к профессиональному образованию;

четвертый этап исследования (2001 г. – по настоящее время) связан с принятием концептуальных нормативных и правовых документов, определяющих стратегию модернизационного обновления российского образования (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, В.М. Ростовцева, Э.Ф. Зеер, В.А. Девясилов).

Так, И.А. Зимняя отмечает, что после утверждения концептуальных документов, определяющих вектор модернизации российского образования, «...происходит резкая переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура» на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся. Соответственно фиксируется компетентностный подход в образовании» [9, с. 33–43]. «Компетенции» выпускника вуза рассматриваются как результат образования. «Компетентностный подход акцентирует практическую ориентированность профессионального образования за счет представления качественных результатов образования, выражаемых интегрировано, в виде компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза. Компетенция с этих позиций представляется как некая программа, сценарий» [8, с. 4] подготовки специалиста (в том числе менеджера социальной сферы) по формированию различных видов компетенций: общих и профессиональных.

Подводя некоторые итоги проведенного анализа терминологических понятий и не ставя целью развитие дискуссии терминологического свойства, сделаем некоторые выводы.

Во-первых, как считают представители научно-академического сообщества, компетенция является предметной областью, в которой менеджер социальной сферы хорошо осведомлен и проявляет готовность к выполнению собственной профессиональной деятельности. Компетентность при этом выступает интегрированной характеристикой качеств личности, своеобразным результатом подготовки менеджера для выполнения собственной профессиональной деятельности в определенных областях. Иными словами, компетенция – это знания, а компетентность – умения (действия). В отличие от термина «квалификация», компетенции включают, помимо сугубо профессиональных знаний и умений, характеризующих квалификацию, такие качества, как инициатива, сотрудничество, умение эффективно работать в группе (команде), коммуникативные способности, умение учиться, оценивать, логически мыслить, отбирать и использовать информацию.

Во-вторых, с точки зрения бизнес-практиков, профессиональные компетенции рассматриваются как способность субъекта профессиональной деятельности выполнять работу в соответствии с должностными требованиями. В современной практике термин «профессиональная компетенция» чаще всего определяет способность сотрудника выполнять задачи в соответствии с заданными стандартами.

По мнению В.И. Байденко, термин «профессиональные компетенции» определяется как «... готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организованно и самостоятельно решать задачи и проблемы, а также самооценивать результаты своей деятельности» [1, с. 228].

В-третьих, в подходах к уточнению сущностных характеристик дефиниции «профессиональные компетенции» можно выделить два основных направления ее терминологической трактовки: 1) способность субъекта действовать в соответствии со стандартами; 2) характеристики личности менеджера, позволяющие ему добиваться результатов в работе. В научной литературе отмечаются несколько подходов к описанию профессиональных компетенций: первый можно условно назвать «функциональным», основанным на описании задач и ожидаемых результатов; второй обозначается как «личностный», отражающий качества менеджера, обеспечивающие ему успех в профессиональной деятельности.

В-четвертых, изменения нормативных требований к процессу подготовки менеджеров социальной сферы значительно расширили список профессиональных компетенций, определенный федеральным государственным образовательным стандартом:

- мобильность и возможность свободного перемещения (частные требования работодателей о наличии водительского удостоверения, загранпаспорта);
- навыки использования современных технологий (компьютерных, сетевых, специализированного программного обеспечения, Интернет-ресурсов);
- сформированность инновационного типа мышления, который проявляется через креативный подход к работе, стремление к совершенству, аналитический склад ума, нестандартное решение производственных задач;
- способность «продуцировать инновации» как априорное понимание необходимости постоянного обновления технологий и позитивное отношение к внедрению инноваций;
- владение иностранными языками, знание традиций, культурных, национальных, законодательных особенностей других стран и международных стандартов;
- умение осуществлять мониторинг, анализировать информацию, поступающую из внешней среды, дозировано осуществлять передачу информации во внешнюю среду;
- преданность корпоративным традициям, социальная ответственность;

– адаптивность (как самостоятельное качество без привязки к отдельным аспектам – готовность меняться самому и менять окружающую действительность под воздействием определенных факторов);

– когнитивность, жажда знаний, интерес к информации;

– постоянное обучение, согласующееся с концепцией непрерывного обучения от профессионального образования и обучения до неформальных форм образования и обучение через практику.

В-пятых, компетентностный подход лежит в основе выбора и конструирования современных методов обучения, является проявлением модернизации образования. Для получения эффективного результата от образования целью государственной политики в данной сфере становится повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. А реализовать данную цель возможно только посредством обновления содержа-

ния и технологий образования. Именно в это время основой всех образовательных стандартов становится формирование компетенций человека. В современных условиях содержание профессионального образования не должно сводиться только к набору сведений, подлежащих заучиванию и воспроизведению, а должно включать комплекс действий по самостоятельному добыванию знаний, умений и навыков. Решить данную задачу возможно при помощи компетентностного подхода. Внедрение компетентностного подхода подразумевает опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых функций, социальных ролей, компетенций. Данный подход выдвигает на первое место не информированность обучающегося, а умение решать проблемы, возникающие в различных ситуациях. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Вербицкого о том, что именно компетентностный подход рассматривается на государственном уровне основополагающим для повышения качества образования и ключевой методологии его модернизации [2, с. 17].

Список литературы

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы). – М., 2005.
2. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М.: ИЦ ПКПС, 2011. – 200 с.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (специальность 040104 «Организация работы с молодежью», квалификация – специалист по работе с молодежью) от 27.12.2005. Министерство образования и науки РФ.
4. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // Образование и наука: известия Уральского отделения РАН. – 2004. – № 3. – С. 52–53.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2001. – 308 с.
6. Компетентностный подход как фактор успеха будущего специалиста на рынке труда / Г.А. Резник, Ю.С. Пономаренко // Альма Матер. – 2011. – № 8. – С. 55.
7. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сборник науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – 327 с.
8. Компетенции в профессиональном образовании как предмет оценивания и контроля: монография / О.О. Мартыненко, Е.В. Садон, О.В. Кононова, Н.А. Олешкевич, И.П. Черная. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 228 с.
9. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика: учебное пособие для студ. высших учеб. завед. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.

Reference list

1. Baydenko V. Competence approach to the design of State Educational Standards of higher professional education (Methodological and methodical issues). M., 2005.
2. Verbitskiy A. Competence approach and the theory of contextual training. M: IC PKPS, 2011. – 200 p.
3. State Educational Standard of higher professional education (specialization 040104 "Organization of work with young people", qualification – specialist in work with young people) from 27.12.2005. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
4. Zeer E. Modernization of professional education: Competence approach // Education and science: Proceedings of the Ural branch of RAE. 2004. № 3. P. 52–53.
5. Zimnyaya I. Pedagogical psychology: Textbook for higher education institutions. 2nd edition, revised and enlarged edition. M.: Logos, 2001. – 308 p.
6. Competence approach as a success factor of an intended specialist in the labour market / G. Reznik and Yu. Ponomarenko // Alma Mater. 2011. № 8. P. 55.

7. Competences in education: Design experience: Collection of scientific papers / Under the editorship of A. Khutorskoy. M.: Scientific-Innovation Enterprise "INEK", 2007. – 327 p.
8. Competence in professional education as an object of evaluation and control: Monograph // O. Martynenko, E. Sadon, O. Kononova, N. Oleshkevich, I. Chernaya. Vladivostok: Publishing by VSUES, 2008. – 228 p.
9. *Khutorskoy A.* Pedagogical innovation: Textbook for students of higher education institutions. M.: "Akademiya" Publishing Center, 2008. – 256 p.

УДК 371

Баширова М.А.,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, теории и методики начального образования Дербентского филиала Дагестанского государственного педагогического университета

Сеидова Р.С.,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, теории и методики начального образования Дербентского филиала Дагестанского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ

Статья посвящена особенностям развития личности одаренного ребенка и его проблемам в социокультурной среде. Авторы полагают, что одаренность детей может быть установлена и изучена только в процессе обучения и воспитания, в ходе выполнения ребенком той или иной содержательной деятельности. Авторы приходят к выводу, что для успешной работы с одаренным ребенком школа обязана найти его сильную сторону и дать ему возможность проявить ее, почувствовать вкус успеха и поверить в свои возможности. Тогда и только тогда у ученика появится интерес, разовьется мотивация, что является необходимым условием успеха. Учитель в работе с одаренными детьми должен стремиться не столько к тому, чтобы передать определенную совокупность знаний, сколько помочь ученикам делать самостоятельные выводы и открытия.

Ключевые слова: социокультурная среда, личность, одаренные дети, интеллектуальное развитие, эволюция одаренности, самооценка.

Bashirova M.,

Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of Dagestan State Pedagogical University

Seidova R.,

PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of Dagestan State Pedagogical University

SOCIALIZATION PROBLEMS OF THE GIFTED CHILDREN

The present article is considered with peculiarities of individual development of the gifted child and its problems in socio-cultural environment. The article authors believe that the giftedness of children can be determined and studied in the process of training and education only, as well as during the performance one or another meaningful activity by the child. The contributors come to the point that for successful work with the gifted child the school is obliged to find its strengths and give the opportunity to the child to show it, to get a taste of success and believe in its own capabilities. Then and only then, the pupil can get interest and the motivation will develop, and that is a requirement for success. In working with the gifted children a teacher should not so much strive to transmit specific body of knowledge, as to help pupils to reach their own conclusions and discoveries.

Keywords: socio-cultural environment, individual, gifted children, intelligence, evolution of giftedness, self-esteem

Личность – сложное образование, которое приобретает человек в социокультурной среде в процессе взаимодействия с другими людьми, в ходе совместной деятельности и общения. Степень сформированности различных личностных образований, их развитие во многом определяет жизненный путь индивида. Вместе с тем личностное становление определяется комплексом различных факторов: биологических, социальных, когнитивных и других. Развитие характеризуется количественными и качественными изменениями, порождаемыми

внешними и внутренними условиями. Так, известный психолог Б.Г. Ананьев пишет: «Человеческое развитие обусловлено взаимодействием многих факторов: наследственности, среды (социальной, биогенной, абигенной), воспитания (вернее, многих видов направленного воздействия общества на формирование личности), собственной практической деятельности человека. Эти факторы действуют не порознь, а вместе на сложную структуру развития».

От уровня развития и сформированности личности зависит эволюция одаренности. Известный в

психологии факт утраты ярких способностей к моменту взросления ученые связывают и с особенностями личностного развития. Важно не упустить тот момент, когда педагогические воздействия на индивида будут наиболее благоприятными. Многие авторы подчеркивают, что для становления одаренной и талантливой личности необходимо одобрительное отношение к ней со стороны социума.

Одаренные дети находятся в состоянии большого риска социальной изоляции и отвержения со стороны ровесников. Реальный уровень способностей одаренных детей не понимается окружающими, и нормальный для такого ребенка процесс развития рассматривается как аномальная неприспособленность к жизни в обществе. У таких детей возникают трудности в нахождении близких по духу друзей, появляются проблемы участия в играх сверстников, которые им не интересны.

Одаренные дети опережают других в количестве и силе восприятия окружающих событий и явлений: они больше улавливают и понимают, больше видят, слышат и чувствуют, чем другие в тех же условиях. Они могут следить одновременно за несколькими событиями. Из поля их восприятия не выпадают интонации, жесты, позы и модели поведения окружающих. Одаренного ребенка нередко сравнивают с губкой, впитывающей самую разнообразную информацию и ощущения. Но такая способность к восприятию идет бок о бок с уязвимостью, рождаемой повышенной чувствительностью. Их нормальный эгоцентризм приводит к тому, что они относят все происходящее на свой счет.

Одаренность детей может быть установлена и изучена только в процессе обучения и воспитания, в ходе выполнения ребенком той или иной содержательной деятельности. Проявления умственной одаренности у ребенка связаны с чрезвычайными возможностями детских лет жизни. Нужно иметь в виду, что в ранние дошкольные годы стремительное умственное развитие происходит у всех детей, делая решающий вклад детских лет в становление интеллекта [4].

Основная трудность выявления признаков одаренности в пору детства состоит в том, что в них непросто выделить собственно индивидуальное, относительно не зависимое от возрастного. Так, наблюдаемая у ребенка высокая умственная активность, особая готовность к напряжению – это внутреннее условие умственного роста. И неизвестно, окажется ли оно устойчивой особенностью и на последующих возрастных этапах. Творческие устремления ребенка, продуцирование им новых ходов мысли также могут быть отнесены к предвестникам одаренности, но это

еще не факт, что они получают дальнейшее развитие. При этом ранние проявления одаренности еще не определяют будущих возможностей человека: чрезвычайно трудно предвидеть ход дальнейшего становления одаренности.

Одаренные дети, демонстрирующие выдающиеся способности в какой-то одной области, иногда ничем не отличаются от своих сверстников во всех прочих отношениях. Однако, как правило, одаренность охватывает широкий спектр индивидуально-психологических особенностей. Большинству одаренных детей присущи особые черты, отличающие их от большинства сверстников.

Одаренных детей, как правило, отличает высокая любознательность и исследовательская активность. Психофизиологические исследования показали, что у таких детей повышена биохимическая и электрическая активность мозга.

Недостаток информации, которую можно усвоить и переработать, одаренные дети воспринимают болезненно. Поэтому ограничение их активности чревато негативными реакциями невротического характера. Одаренных детей в раннем возрасте отличает способность проследивать причинно-следственные связи и делать соответствующие выводы; они особенно увлекаются построением альтернативных моделей и систем. Для них характерна более быстрая передача нейронной информации, их внутримозговая система является более разветвленной, с большим числом нервных связей. Они обычно обладают отличной памятью, которая основана на раннем овладении речью и абстрактным мышлением. Их отличает способность классифицировать и категоризировать информацию и опыт, умение широко пользоваться накопленными знаниями.

Чаще всего внимание к одаренным детям привлекает их большой словарный запас, сопровождающийся сложными синтаксическими конструкциями, а также умение ставить вопросы.

Одаренных детей также отличает повышенная концентрация внимания на чем-либо, упорство в достижении результата в той сфере, которая им интересна. Однако свойственное многим из них разнообразие интересов иногда приводит к тому, что они начинают несколько дел одновременно, а также берутся за слишком сложные задачи. У них также есть расположенность к четким схемам и классификациям. Например, они могут быть захвачены составлением каких-нибудь таблиц исторических фактов, дат, выписыванием в разной последовательности привлекавших их внимание сведений.

Очень важно своевременно уловить, не упустить черты относительного постоянства индивидуальности у детей, опережающих в умственном отношении свой возраст. Одаренность ребенка – это достаточно устойчивые особенности именно индивидуальных проявлений незаурядного, растущего с возрастом интеллекта.

Важнейшим аспектом, определяющим развитие одаренности, психологи считают Я-концепцию ребенка. Самовосприятие личности формируется на основе субъективных и объективных оценок окружающих нас людей. Р. Бернс считает, что Я-концепция играет тройную роль. Она способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет интерпретацию опыта и является источником ожиданий [1].

К. Тэкэкс обращает внимание на то, что роль родителей в обретении ребенком положительного Я, основы личного сознания бытия, незаменима, а позаботиться о физическом развитии, интеллектуальном росте или о совершенствовании его особого таланта могут и другие люди.

Школа оказывает существенное влияние на формирование Я-концепции ученика. В современной школе ценится умение соответствовать нормам и правилам, заведенным в образовательном учреждении, верные ответы, хорошая успеваемость. Одаренный ребенок часто с первого момента обучения в школе начинает испытывать давление со стороны. Понимание своей непохожести выводит способного ученика из равновесия. Он начинает понимать, что окружающие оценивают его не так, как всех, и это чувство заставляет думать о себе как о «странном». Возникает чувство отчуждения, к которому так восприимчивы одаренные дети. Ученик с высоким уровнем способностей зачастую в подобных ситуациях начинает скрывать свои возможности.

Р. Бернс считает, что школа, прежде всего, главной ценностью считает проявления вербального интеллекта, на другие способности практически не обращают внимания, и ничего не делается для их развития. Такого рода таланты остаются невостребованными в школе, и если ученик не обладает интеллектуальным даром, то он ощущает себя неспособным ни к какой деятельности, что практически обрекает его на неудачу и неуспех. Многие учителя до сих пор требуют четкого, правильного ответа, отрицая в ответах оригинальность, гибкость. В результате у одаренных детей тормозится развитие творческого мышления, самостоятельности, что ведет к снижению уровня самовосприятия [1].

Если ребенок будет ощущать, что окружающие верят в его способности, признают его ценность как развивающейся личности, то это будет стимулировать его позитивное самовосприятие, саморазвитие. Учащийся будет реально оценивать свои возможности, будет видеть конечную цель своей деятельности. В противном случае ребенок не осознает возможности для внутреннего роста, что приведет к утрате многих резервов развития [2].

В становлении личности существенную роль играет самооценка. Самооценка находит свое выражение как в деятельностной стороне жизни человека, так и в процессе формирования личности.

Отмечено, что уровень самооценки коррелирует с характером творческой деятельности ребенка. Были изучены стили рисунков детей. У детей с высокой самооценкой рисунки оказались оригинальными, с юмором, в них проявлялся творческий подход. Дети со средним уровнем самооценки в своих работах были более скованны, менее выразительны. Школьники с низкой самооценкой рисовали маленькие фигурки, в рисунках ощущалась их неуверенность, закомплексованность, были выявлены отчетливые различия в восприятии себя и окружающих.

Процесс обучения для детей становится процессом постоянного сравнения себя с другими, оценивания себя. Важной задачей на данном этапе является развитие у ребенка дифференцированных, глубоких и точных знаний о себе, умения использовать разнообразные характеристики при оценке себя, адекватно отзываться на оценку личностных качеств.

Отмечено, что для формирования у ребенка оптимального способа самооценивания эффективно сотрудничество взрослых и детей. Данный фактор ведет к результативной деятельности, создает благоприятную почву для развития личностных особенностей, позволяющих и в будущем действовать эффективно и успешно.

М.Э. Боцманова и А.В. Захарова [3] подчеркивают, что недостаточные знания ребенка о себе, их неполнота, несоответствие действительности ведет к тому, что ребенок становится уязвимым перед внешними отрицательными оценками, что может блокировать его активность, формировать негативное отношение к себе.

Психологи особо подчеркивают факт влияния мнения окружающих на процесс становления самооценки ребенка. Под воздействием оценочных суждений родителей, педагогов, ровесников ребенок начинает определенным образом относиться к достижениям в деятельности (в первую очередь учебной), к самому себе как личности [5–8].

Психологи отмечают, что дети с разным уровнем самооценки обладают различными личностными качествами.

Так, младшему школьнику и подростку с адекватной самооценкой свойственны активность, бодрость, жизнерадостность, чувство юмора, коммуникабельность. Они умеют видеть достоинства и недостатки собственной личности. Терпимы к критике.

Заниженная самооценка ведет к пессимистическому восприятию окружающего мира и самого себя, дети пассивны, очень чувствительны, мнительны и ранимы, замкнуты. Критика со стороны может привести к угнетенному состоянию. Склонны к преувеличению своих недостатков. Не уверены в своих способностях.

Для детей с завышенной самооценкой часто характерны высокомерие, снобизм, стремление любой ценой завоевать аудиторию, бестактность. Они болезненно воспринимают критику в свой адрес, считая, что лучшая защита – это нападение. Любят критиковать одноклассников. Часто преувеличивают собственные возможности.

Самооценка и характер ее изменений существенно влияют на психическое развитие ребенка. Ряд авторов считают, что одаренные дети нередко обладают заниженной самооценкой и социальной неуверенностью. Самооценка одаренного ребенка имеет тенденцию к резким изменениям в ответ на малейшие неудачи. Повышенная требовательность к себе, стремление доводить все до совершенства, желание не подводить неудачами родителей могут становиться причинами самобичевания и самоунижения.

Многие думают, что ребенок, опережающий сверстников по уровню интеллекта, блестящий умственными способностями, не будет встречать трудностей в учебных заведениях – ему, очевидно, уготовано более счастливое, чем у других, детство. В действительности же детей с ранним умственным развитием могут ожидать немалые сложности и дома, и в школе.

Прежде всего важно, как поведут себя родители и другие старшие члены семьи, когда обнаружится необычность ребенка. Часто наряду с радостью и гордостью такой ребенок вызывает и озабоченность, даже тревогу. Иногда его родителей беспокоит то, о чем другие, казалось бы, могут лишь мечтать: ребенок прочитывает все книги в доме; он поглощен решением задач; его не оторвать от монтирования каких-нибудь устройств. Такой степени пристрастие к умственной работе производит впечатление чрезмерности. Нередко родители опасливо присматриваются к такой увлеченности, к занятиям не по возрасту.

И больше всего боятся, не болезнь ли все это – необычная яркость способностей, неутомимая умственная активность, разнообразие интересов...

В других семьях одаренность ребенка принимается как готовый дар, которым спешат пользоваться, наслаждаться, который сулит большое будущее. Здесь восхищаются успехами ребенка, необычностью его возможностей и охотно демонстрируют знакомым и незнакомым. Так подогревается детское тщеславие; а на основе самомнения и тщеславия не так-то легко найти общий язык со сверстниками... В дальнейшем это может обернуться немалыми огорчениями, а то и горестями для растущего человека.

Дети с ранним умственным развитием нередко особенно чувствительны к ожиданиям окружающих, их одобрению или порицанию. В семье могут ввести запрет на разговоры о талантливости ребенка, но не всегда он достаточен, кто-нибудь из членов семьи иногда забудется, выразит свой восторг. А ребенок, естественно, не пропустит, уловит восхищение своим умом, своими успехами. Если же старшие, напротив, нисколько не ценят проявления необычных способностей, смотрят на них как на странность, которая со временем пройдет, то и такое отношение тоже будет «принято к сведению», оно не минует детского сознания.

В семье детям с признаками одаренности труднее, чем обычным. Труднее независимо от того, восхищаются ли ими без меры или считают странными. Взрослые могут ошибаться в своих оценках, когда встречают у ребенка то, чего они не ожидали.

В вопросе воспитания одаренных детей большая ответственность лежит на специалистах: учителях, детских психологах. Они должны вовремя подсказать, направить родительское воспитание.

Но ребенок с высоким уровнем интеллекта встречает трудности непонимания далеко не только дома, в кругу семьи, но и в школе, где всех учат одинаково и учение начинается зачастую с того, что ему уже неинтересно.

Именно им, наиболее любознательным, часто становится скучно в классе после первых же уроков. Конечно, очень многое зависит от того, как ведется преподавание. Некоторые педагоги учат не просто навыкам, например, чтения или письма, но одновременно уделяют внимание анализу соотношения звуков и букв, а также истории слов, то есть в какой-то мере вводят учеников в теорию языка. Такое развивающее обучение несет в себе нечто новое и для самых сильных учеников (для них оно может быть особенно привлекательно), но беда наших школ в том, что даже самый лучший учитель, имея дело с целым классом,

лишен возможности ориентироваться на тех, кто идет впереди...

Большинству учителей просто некогда заниматься одаренными детьми; а некоторым из них даже мешают ученики с поражающими познаниями, с не всегда понятной умственной активностью. Бывает и так: педагог поначалу собирается давать явно выдающемуся ученику более трудные задания, уделять ему специальное внимание. Но потом такие намерения (а иногда и обещания родителям) забываются – нет для этого у учителя ни времени, ни сил... К тому же в ученике незаурядном, с необычно высоким умственным уровнем педагог нередко видит прежде всего лишь восприимчивого к учению, не замечая, что такой ребенок нуждается в особом подходе.

Трудности могут начаться с того, что ребенок, опережающий сверстников, склонен постоянно привлекать к себе внимание. Стремительное выполнение заданий, готовность правильно ответить на вопрос учителя – для него желанная умственная игра, состязание. И он, радостный, торопливее других тянет руку, предвкушая одобрение. И при этом все время жаждет новой умственной пищи... Но это через какое-то время надоедает учителю, другим ученикам и ему самому. Такой ученик постепенно становится всем в классе в тягость.

Часто в начальных классах наиболее развитого ученика почти перестают спрашивать: учитель ведь уверен, что он и так знает. Если он все же настойчиво пытается что-нибудь сказать или спросить, то может нарваться и на упрек в том, что он «выскочка». А когда он видит, что его активность учителю не нужна, и переключается на что-нибудь постороннее – не миновать недовольства, а то и раздражения педагога: почему отвлекается и не интересуется занятиями? Уж не слишком ли он о себе возомнил?

Так, поначалу энтузиаст учебных занятий, ребенок становится лишним в школе, а она ему – ненужной. Он предпочитает болеть, лишь бы не посещать уроки. В результате уже в первые школьные годы и тем более в подростковые многие выдающиеся дети оказываются в конфликте с учителями. А те иногда и сами не знают, чем такой ребенок их раздражает: с одной стороны, все-таки вундеркинд, а с другой – «какой-то ненормальный»...

Причина такого конфликта в том, что наиболее способные ученики нуждаются в нагрузке, которая была бы под стать их умственным силам; а наша средняя школа, кроме средней программы, ничего им предложить не может.

У ребенка с ранним умственным развитием нередко трудности и во взаимоотношениях со свер-

стниками. Известно, что конфликты, возникающие в процессе общения детей друг с другом, неизбежны. В отношении одаренных детей ситуация осложняется тем, что трудности, которые испытывают дети в установлении и поддержании хороших отношений со своими сверстниками, усиливаются из-за их высокого умственного и речевого развития. Иными словами, способности одаренных детей являются своеобразным барьером, отделяющим их от «средних» сверстников. Нередки случаи, когда общая масса школьников не воспринимает неординарных сверстников, изгоняет их из своих рядов, навешивая обидные ярлыки, начинает активно отторгать от себя такого ученика, старается поставить его в неловкое положение. А тот, чтобы не оказаться отверженным, стремится быть «как все»: избегает обнаруживать себя самым знающим или, тем более, самым старательным, уходит в себя, замыкается.

Очень часто источником своих проблем являются сами одаренные дети. Ни для кого не секрет, как бывают сложны отношения между одаренными детьми и их сверстниками. Правда, в большинстве источников они описываются в основном в одной плоскости: успехи одаренных детей – предмет зависти их сверстников и долговременное основание для высокомерного отношения и зазнайства со стороны этих детей. Считается, что отсюда и начинаются конфликты и проблемы. Немало дополнительных переживаний достается на долю одаренного ребенка, если ему почему-то не даются занятия физкультурой или трудом. И другие ученики здесь могут быть не лучше, но они не привлекают к себе такого пристального внимания. А физическая неумелость, робость у ученика, далеко опережающего других в умственном отношении, непременно становятся поводом для насмешек. Трения с товарищами бывают вызваны и тем, во что играют дети: юные интеллектуалы тянутся к различным словесным играм, к шахматам в те годы, когда их сверстники – по преимуществу к подвижным и более веселым играм.

Уровень интеллектуального развития позволяет одаренным детям анализировать собственное поведение, но в силу нормального возрастного эгоцентризма они нуждаются в помощи взрослых. Для одаренных детей характерна довольно стандартная совместимость поведенческих моделей, поэтому им трудно находить общий язык со сверстниками. В этой связи учителя одаренных детей часто отмечают их стремление прерывать собеседника, поправлять его, демонстрировать собственные знания и превращать окружающих в предмет насмешек [9].

Причина стремления таких детей прервать собеседника кроется в том, что они уже в курсе того, о чем говорится, и готовы завершить мысль собеседника за него, предлагая свой ответ, хотя собеседник еще не готов его воспринять.

Такие дети схватывают мысль на лету, даже если им сообщается что-то новое, и стремятся продемонстрировать свое понимание. Такой «перебивающий», преждевременный ответ является отражением стандартной скорости восприятия собеседников.

В каждом подобном случае ребенок, очевидно, полагает, что и все другие слушатели, участвующие в данной беседе, воспринимают и обрабатывают информацию с такой же скоростью. Здесь ребенку не хватает терпения, которое имеет место не только в общении со сверстниками, но и на уроках в школе, в общении со взрослыми.

Еще один негативный эпитет, который присваивается одаренным детям, – это «всезнайка». Сверстникам кажется, что этот «умник» непременно хочет выделиться на их фоне, поэтому его оригинальные или остроумные замечания игнорируются. Здесь вырисовывается весьма четкая причинно-следственная связь. Всем детям присуща сильная потребность в признании, общности с коллективом. Услышав чей-нибудь взволнованный и интересный рассказ, одаренный ребенок в своем стремлении быть вместе со всеми часто хочет поделиться чем-то похожим из собственного опыта. И что получается? Его рассказ оказывается интереснее, живее, ярче, так как он обладает лучшей памятью, более живым воображением, богатым словарным запасом и острым чувством юмора. Первый рассказчик уходит как бы в тень, считая, что второй имел единственную цель – продемонстрировать свое превосходство.

В результате одаренный ребенок наталкивается на отчуждение. Он не понимает негативной реакции на свой поступок, который, по его мнению, должен был показать общность, а отнюдь не превосходство. Такой ребенок гораздо больше преуспел в речевом развитии, нежели в искусстве общения.

Также причиной отсутствия взаимопонимания служит высмеивание окружающих.

Помочь ребенку обрести нормальное самовосприятие и изменить ту или иную нежелательную модель поведения должны родители.

Одним из способов решения этих проблем может быть *обогащение и ускорение*.

В условиях обычной школы ускорение принимает форму более раннего поступления ребенка в первый класс и последующего «перепрыгивания» через классы.

Ускорение имеет как положительные, так и отрицательные черты. С одной стороны, одаренный ребенок получает адекватную своим способностям нагрузку и избавляется от утомительной скуки медленного продвижения по материалу, необходимого его менее развитым сверстникам. С другой стороны, большие нагрузки и не соответствующая возрасту социальная ситуация иногда оказываются слишком трудными для рано развившегося ребенка.

Другой метод поддержки обучения одаренных детей – обогащение – чаще всего в нашей стране принимает форму дополнительных занятий в разнообразных кружках (по математике, физике, моделированию и т.д.), секциях, школах специальных дисциплин (музыки, изобразительного искусства и т.д.). В этих кружках обычно есть возможность индивидуального подхода к ребенку и работы на достаточно сложном уровне, не позволяющем скучать. Таким образом, создается мотивация и хорошие условия для прогресса одаренного ребенка. Проблема здесь заключается в том, что ребенок, посещающий кружок (или кружки), продолжает заниматься по общеобразовательным предметам по той схеме, которая не соответствует особенностям его интеллекта.

Для успешной работы с одаренным ребенком школа обязана найти его сильную сторону и дать ему возможность проявить ее, почувствовать вкус успеха и поверить в свои возможности. Тогда и только тогда у ученика появится интерес, разовьется мотивация, что является необходимым условием успеха.

Учитель в работе с одаренными детьми должен стремиться не столько к тому, чтобы передать определенную совокупность знаний, сколько помочь ученикам делать самостоятельные выводы и открытия.

Список литературы

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986. – 420с.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997. – 96 с.
3. Захарова А.В., Боцманова М.Э. Как формировать самооценку школьника // Начальная школа. – 1992. – № 3. – С. 58–65.
4. Клименко В.В. Психологические тесты таланта. – Харьков: Фолио; СПб.: Кристалл, 1996. – 414 с.
5. Кулагина И.Ю. Личность школьника от задержки психологического развития до одаренности: учеб. пособие для студентов и преподавателей. – М.: ТЦ «Сфера», 1999. – 192 с.

6. *Лейтес Н.С.* Возрастная одаренность школьников: учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 320 с.
7. *Панов В.И.* Если одаренность – явление, то одаренные дети – это проблема // Начальная школа: плюс – минус. – 2000. – № 3. – С. 3–11.
8. Психология одаренности детей и подростков / под ред. Н.С. Лейтеса. – М.: Изд. Центр «Академия», 1996. – 416 с.
9. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы возрастной и педагогической психологии. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 368 с.

Reference list

1. *Burns R.* Development of self-concept and education. M.: Progress, 1986. – 420 p.
2. *Vygotskiy L.* Imagination and creativity in childhood. SBR.: SOYUZ, 1997. – 96 p.
3. *Zakharova A., Botsmanova M.* How to build the self-esteem of a schoolchild // Elementary school. 1992. № 3. P. 58–65.
4. *Klimenko V.* Psychological tests of a talent. Kharkov: Folio: SBR.: Kristall, 1996. – 414 p.
5. *Kulagina I.* The identity of a schoolchild from the delay of psychological development to giftedness: Textbook for students and lecturers. M.: TTS "Sfera", 1999. – 192 p.
6. *Leytes N.* Age giftedness of schoolchildren: Textbook for students of higher pedagogical education institutions. M.: "Akademiya" Publishing Center, 2000. – 320 p.
7. *Panov V.* If the giftedness is a phenomenon, then the gifted children are a problem // Basic school: plus – minus. 2000. № 3. P. 3–11.
8. The giftedness psychology of children and adolescents / Under the editorship of N. Leytes. M.: "Akademiya" Publishing Center, 1996. – 416 p.
9. *Feldstein D.* Issues of developmental psychology and pedagogical psychology. M: International Pedagogical Academy, 1995. – 368 p.

УДК 159.9.072

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского института государственного управления и права

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВИСИМЫХ МУЖЧИН В ЗРЕЛОСТИ

В статье приводятся результаты исследования наркозависимых мужчин среднего возраста. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что наркозависимые мужчины среднего возраста испытывают эмоциональный дискомфорт, низкий уровень коммуникативной компетентности, неспособность выстраивать устойчивые взаимоотношения с окружающими, а также контролировать свою жизнь. Данные исследования можно использовать при построении программ реабилитации наркозависимых.

Ключевые слова: психоактивные вещества, наркозависимость, зависимость, зависимые мужчины, реабилитация

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Researcher of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF DEPENDENT MEN IN MATURITY

The article is presented the results of a study of drug-dependent middle-aged men. Analysis of the obtained data allows concluding that drug-dependent middle-aged men are experienced emotional discomfort, a low level of communicative competence; they are not able to build sustainable relationships with others and take control over their lives. These studies can be used when building programs for the rehabilitation of drug-dependent persons.

Keywords: psychoactive substances, drug dependence, dependence, dependent men, rehabilitation

Распространение наркомании среди самых разных слоев населения и употребление психоактивных веществ во всем мире неуклонно растет, несмотря на проводимые полицейскими органами меры профилактики и системы наказаний. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения и Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, в 2014 г. 5% взрослого населения в мире не менее одного раза употребляли какой-либо запрещенный наркотик. Около 16 млн человек регулярно употребляют инъекционные наркотики; по меньшей мере 15,3 млн человек страдают расстройствами, связанными с употреблением психоактивных средств [20]. Ежегодно наркотики становятся причиной смерти около 0,2 млн человек, разрушая семьи и принося горе тысячам других людей,

вынужденным общаться с теми, кто употребляет психоактивные вещества [6]. Подавляющее большинство потребителей запрещенных наркотиков употребляют каннабис, второй наиболее часто употребляемой группой веществ являются стимуляторы амфетаминового ряда, на третьем месте находятся кокаин и опиаты [3].

Наркологи, психологи, социологи подчеркивают мировой масштаб распространения наркомании. Так, регионом с крупнейшим в мире рынком запрещенных наркотиков является Северная Америка. Что касается производства наркотиков, то производство каннабиса сосредоточено в основном в Африке, Северной и Южной Америке, опиатов – в Азии, кокаина – в Южной Америке, а синтетических наркотиков – в Европе, Азии и Северной Америке. Наиболее

высокий уровень потребления кокаина наблюдается в Северной и Южной Америке, Западной Европе, а в последние годы – в Океании. Относительно высокий уровень потребления опиатов традиционно регистрируется преимущественно на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, Европе и Северной Америке, а высокий уровень потребления веществ амфетаминового ряда – в Океании, Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Америке и Европе [5].

Ежегодно в странах Азии и Европы растет потребление и оборот кокаина, опия. В настоящее время во многих странах отмечается стабильность производства или рост масштаба потребления наркотиков, расширяется ассортимент психоактивных веществ, все чаще используются и выявляются новые, созданные химическими методами психотропные вещества, призванные оставаться вне зоны международного контроля [16].

Употребление наркотиков оказывает пагубное воздействие как на биологические, социальные и психические аспекты развития личности, так и на все общество в целом.

У употребляющих наркотики значительно повышается риск преждевременной смерти, отмечаются соматические болезни (сердечно-сосудистые нарушения, заболевания легких, нарушение функций почек, печени и дисфункции эндокринной системы) [7]. Рост наркомании обостряет проблему СПИДа, способствуя более активному его распространению; отмечается прямая связь роста наркомании с увеличением распространения различных видов гепатита, в том числе В и С – самых тяжелых форм этой болезни. Социальная деградация, тяжелые формы инвалидности – неизбежные последствия злоупотребления наркотическими веществами [1].

Отрицательное воздействие наркотиков на общество проявляется в следующем. Во-первых, наркопотребление накладывает на общество тяжелое финансовое бремя, выражающееся в большом объеме денежных расходов, связанных с лечением наркомании. Во-вторых, еще значительно выражается воздействие незаконного потребления наркотиков на общественную производительность труда (в среднем потери производительности в странах в результате употребления и распространения наркотиков составляют 0,3–0,4% ВВП). В-третьих, наркотики способствуют росту преступности. Большое количество преступлений, включая мошенничество, кражи со взломом, грабежи, воровство в магазинах, угоны автомобилей, а также тяжкие преступления, в том числе убийства, совершаются наркоманами. В семьях наркоманов ре-

гулярно фиксируется высокий уровень бытового насилия, отсутствуют условия для нормальной жизни остальных членов семьи [4].

Таким образом, наркомания представляет значительную угрозу для общества в целом, а также для каждого его члена.

Поскольку зафиксировано, что мужчины употребляют наркотики чаще, чем женщины [19], автору данной статьи представляется актуальным изучение личностных особенностей мужчин с наркотической зависимостью путем работы с пациентами, проходящими лечение от данного заболевания и сравнение их с контрольной группой мужчин такого же возраста, но без наркотической зависимости.

Методика

Исследование проводилось на базе: 17-ой наркологической больницы Департамента здравоохранения г. Москвы и Психиатрической клинической больницы № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения г. Москвы.

Экспериментальная группа: 20 наркозависимых мужчин среднего возраста (28–45 лет), проходящих лечение в 17-ой наркологической больнице и в Психиатрической клинической больнице № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения г. Москвы.

Контрольная группа: 20 мужчин зрелого возраста (30–45 лет) без химической зависимости.

В ходе исследования использовались следующие методики.

1. Тест «Смысловые ориентации» (Дж. Крамбо, Л. Махолик) в адаптации Д.А. Леонтьева [12].
2. Шкала одиночества (М. Фергюсон, Д. Рассел) в адаптации Н.Е. Водопьяновой [2].
3. Тест «Шкала депрессии» (Зунге) в адаптации Т.И. Балашовой.

Результаты

С помощью методики СЖО Д.А. Леонтьева были получены данные о наличии жизненных целей, содержательности процесса жизни, результативности жизни, локусе контроля «я», локусе контроля «жизнь», а также общий показатель осмысленности жизни у испытуемых экспериментальной группы (наркозависимые мужчины) и контрольной группы (мужчины того же возраста без химической зависимости).

В таблице 1 отражены средние значения и значимость различий между двумя группами по каждой из шкал СЖО и «общему показателю осмысленности жизни».

Таблица 1

Средние значения параметров смысложизненных ориентаций и значимость различий между экспериментальной и контрольной группами

	Цели	Прогресс	Результат	Локус контроля «я»	Локус контроля «жизнь»	Общий показатель ОЖ
Экспериментальная группа (среднее значение)	24,5	22,8	20,7	16,1	23,1	94,2
Контрольная группа (среднее значение)	33,4	32,8	26,9	21,6	32,3	108,9
Статистика U Манна-Уитни (Значение Uэмп)	56	53,5	65,5	60,5	40	101,5
Статистика W Уилкоксона	161	158,5	170,5	165,5	145	206,5
Z	-2,948	-3,031	-2,614	-2,795	-3,508	-1,348
Ассимпт. знч. (двухсторонняя)	0,003	0,002	0,009	0,005	0,000	0,178

Как видно из таблицы 1, испытуемые экспериментальной группы имеют низкие показатели по всем шкалам теста СЖО и низкий «общий показатель осмысленности жизни». Все эти показатели существенно выше в контрольной группе.

Значение $U_{эмп} < U_{кр}$ для показателей «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля – я», «Локус контроля – жизнь». Выявлены значимые достоверные различия между экспериментальной и контрольной группой по показателям «Цели» ($p \leq 0,01$), «Прогресс» ($p \leq 0,01$), «Результат» ($p \leq 0,01$), «Локус контроля Я» ($p \leq 0,01$), «Локус контроля Жизнь» ($p \leq 0,001$) теста СЖО Д.А. Леонтьева.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что наркозависимые мужчины среднего возраста, в отличие от своих сверстников без химической зависимости, живут сегодняшним или завтрашним днем, имеют мало жизненных целей; не строят долгосрочных планов на жизнь; воспринимают процесс своей жизни как эмоционально ненасыщенный, ощущают непродуктивность прожитой части своей жизни, значительно менее удовлетворены своим современным состоянием.

Также наркозависимые мужчины среднего возраста часто являются слабыми личностями: не верят в свои силы, в свою способность контролировать события собственной жизни; считают, что жизнь человека не подвластна сознательному контролю.

Общепринято мнение, что наркомания – это болезнь, которая полностью изменяет личность человека, его ценности и взгляды. Приобщившись к наркотику, человек неизбежно теряет работу, друзей, семью, и он не знает, сможет ли в дальнейшем все это вернуть или восстановить [9]. Анализируя настоящее и свою прожитую жизнь, наркоман окунается в море

негативных переживаний, остро ощущает свою опустошенность, свою слабость и несостоятельность, обижается на окружающих, которые настороженно и с недоверием относятся к нему. Все эти факторы способствуют появлению «экзистенциального вакуума» (В. Франкл) [21], значительному снижению энергетического потенциала, разрушению мотивационной структуры личности наркомана. Репродуктивная мотивация, мотивация, направленная как на сохранение себя, так и на сохранение членов общества, мотивация к самоактуализации, познавательная мотивация резко снижаются и перестают играть важную роль в жизни наркомана, делая его функционально неполноценным как на биологическом, так и на социальном уровне. Мотивационный потенциал, являющийся необходимым условием для начала какой-либо новой деятельности, у наркомана слаб или отсутствует [18, 6]. Следовательно, переход к новому эмоциональному состоянию, возможность регуляции своей деятельности, вовлечение себя в новую деятельность у человека с наркотической зависимостью в зрелом возрасте, когда пройдена большая часть жизненного пути, является проблематичным или невозможным [14, 15, 17].

На основании обработки результатов теста «Шкала одиночества» в адаптации Н.Е. Водопьяновой [2] был получен общий индекс одиночества для испытуемых экспериментальной и контрольной групп. В таблице 2 представлены средние значения показателя одиночества у мужчин среднего возраста, имеющих и не имеющих химическую зависимость, а также средние значения и значимость различий между двумя группами по шкале одиночества.

Как видно из таблицы 2, наркозависимые мужчины в зрелости имеют средний уровень показателя «чувство одиночества», в то время как мужчины того

Таблица 2

Средние значения показателя чувства одиночества и значимость различий между экспериментальной и контрольной группами

	Одиночество
Экспериментальная группа (среднее значение)	30,1
Контрольная группа (среднее значение)	13,5
Статистика U Манна-Уитни (Значение Uэмп)	22,5
Статистика W Уилкоксона	232,5
Z	-4,122
Ассимпт. знч. (двухсторонняя)	0,000

же возраста без наркотической зависимости имеют низкий уровень этого показателя.

Этот показатель существенно выше в экспериментальной группе. Полученное значение Uэмп = 22,5 находится в зоне статистической значимости, что позволяет сделать вывод о значимом различии по уровню субъективно ощущаемого одиночества между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп с доверительной вероятностью 0,95.

Чувство одиночества, как правило, является результатом коммуникативной некомпетентности, нарушений в межличностных интеракциях, которые выявляются в подростковом и юношеском возрасте и которые служат одной из важных психологических детерминант формирования зависимости от психоактивных веществ [5]. Когда зависимость от наркотических веществ становится устойчивой, референтной группой является общество таких же зависимых личностей. Поводы, темы и содержание общения у членов референтной группы становятся одинаковыми: проблема добывания наркотика, поиск безопасного места для его употребления, проблемы переживания абстинентного синдрома. Безусловно, такое общение не может удовлетворять человека ни с интеллектуальной, ни с эмоциональной стороны и усугубляет уровень субъективного ощущения одиночества [5, 8].

Можно предположить, что чувство одиночества оказывается выраженным еще в подростковом возрасте, когда, как правило, и появляется химическая зависимость. Для получения наркотика подростку необходимо иметь весомую сумму денег, поэтому большинство наркоманов происходят из благополучных, материально обеспеченных семей, в которых родители имеют свой собственный бизнес, высокие доходы и вынуждены проводить чуть ли не все время на работе. В результате подросток воспитывается по типу гипопеки и становится предоставленным самому себе. Недостаток внимания со стороны родителей, редукция межличностных взаимосвязей с ними – все эти факторы способствуют увеличению субъективного ощущения одиночества [4, 5]. Чувство одиночества усиливается в среднем возрасте [11].

К субъективному ощущению одиночества близки депрессивные состояния [13].

В таблице 3 показаны средние значения уровня депрессии, установленные с помощью «шкалы депрессии» в адаптации Т.И. Балашовой у испытуемых экспериментальной и контрольной групп.

Полученные данные о депрессивных состояниях как аспектах эмоциональной сферы наркозависимых мужчин среднего возраста и мужчин среднего возраста без химической зависимости представлены также в таблице 3.

Таблица 3

Средние значения показателя депрессивности и значимость различий между экспериментальной и контрольной группами

	Депрессия
Экспериментальная группа (среднее значение)	36,8
Контрольная группа (среднее значение)	31,9
Статистика U Манна-Уитни (Значение Uэмп)	66,5
Статистика W Уилкоксона	276,5
Z	-2,348
Ассимпт. знч. (двухсторонняя)	0,018

В таблице 3 отражена значимость различий между двумя группами по параметру «депрессия». Хотя показатели уровня депрессии в экспериментальной и контрольной группах не превышают нормативных значений, показатель уровня депрессии в экспериментальной группе значительно выше, чем у испытуемых контрольной группы.

Рассчитанное значение $U_{\text{эмп}} = 66,5$ находится в зоне статистической значимости, что свидетельствует о повышенной вероятности возникновения депрессивных состояний у наркозависимых мужчин зрелого возраста с доверительной вероятностью 0,95, т.е. выявлено значимое достоверное различие между экспериментальной и контрольной группой по третьему, используемому в нашем эмпирическом исследовании параметру – депрессивности.

Как было определено многочисленными исследователями данного вопроса, основными причинами депрессивных состояний у лиц с наркотической зависимостью являются: внутренние конфликты, неустойчивость самооценки, прорывающееся местами осознание катастрофических последствий саморазрушающего поведения (страдания близких, разрушение здоровья, потеря жизненной перспективы, тяжелые заболевания и инфекции, утрата доверительных связей и близких друзей) [4, 6, 8, 10, 11].

В нашем исследовании из 20 обследованных мужчин зрелого возраста с наркотической зависимостью у 8 были диагностированы гепатит В и гепатит С, а у 5 – ВИЧ-инфекция. Подобные заболевания являются серьезными трудностями в плане выстраивания интимно-личностных отношений, создания и сохранения семьи. Видимо, эти факторы обуславливают перманентно сниженный фон настроения и тенденции к возникновению депрессивных состояний в среднем возрасте [4, 10].

На заключительном этапе исследования проведен корреляционный анализ полученных данных.

В экспериментальной группе выявляются значимые положительные корреляции (доверительная вероятность 0,99) между параметрами «Прогресс» и «Локус контроля – я» (с ростом значения одного показателя увеличивается значение другого показателя). Таким образом, у наркозависимых мужчин среднего возраста с увеличением восприятия своей жизни как интересной и эмоционально насыщенной увеличивается представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами и представлениями.

Одновременно в экспериментальной группе выявляются значимые положительные корреляции

между параметрами «Результат» и «Локус контроля – жизнь», что позволяет сделать вывод об увеличении удовлетворенности жизнью при увеличении убеждения в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, а также свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

В экспериментальной группе выявляются значимые отрицательные корреляции между параметрами «Депрессия» и «Общий показатель осмысленности жизни» (с увеличением одного показателя уменьшается значение другого).

Таким образом, у наркозависимых мужчин среднего возраста с увеличением депрессии уменьшается осмысленность жизни.

Одновременно в экспериментальной группе выявляются значимые положительные корреляции (доверительная вероятность 0,95) между группами параметров «Прогресс» и «Цели», «Общий показатель осмысленности жизни» и «Прогресс», «Общий показатель осмысленности жизни» и «Результат», что позволяет сделать вывод об уменьшении осмысленности жизни наркозависимых мужчин в зрелости, если их жизнь становится неинтересной, эмоционально ненасыщенной, нерезультативной. Одновременно можно утверждать, что у наркозависимых мужчин среднего возраста отсутствие в жизни каких-либо целей снижает эмоциональную насыщенность их жизни.

В экспериментальной группе выявляются значимые отрицательные корреляции (доверительная вероятность 0,95) между группами параметров «Одиночество» и «Цели», «Депрессия» и «Результат», что позволяет сделать вывод об увеличении уровня субъективного переживания одиночества при отсутствии в жизни наркозависимых мужчин среднего возраста каких-либо целей, а также о вероятности возникновения депрессии при нерезультативно прожитой жизни.

В контрольной группе выявляются значимые положительные корреляции между параметрами «Цели», «Процесс», «Результат», «Локус контроля – я», «Локус контроля – жизнь», «Общий показатель осмысленности жизни». Тем самым у мужчин среднего возраста без наркотической зависимости при постановке жизненных целей повышается осмысленность жизни, жизнь становится эмоционально насыщенной и интересной, появляется ощущение продуктивности прожитой части жизни, человек становится хозяином своей жизни и верит в свои возможности контролировать ее.

В контрольной группе выявляются значимые отрицательные корреляции между параметрами «Одиночество» и «Цели», «Результат», «Локус контро-

ля – я», «Локус контроля – жизнь», «Общий показатель осмысленности жизни».

Также в контрольной группе выявляются значимые отрицательные корреляции между параметрами «Депрессия» и «Локус контроля – жизнь».

Таким образом, одиночество мужчин среднего возраста без наркотической зависимости уменьшает осмысленность жизни, снижает количество поставленных целей, вызывает ощущение неудовлетворенности жизнью и восприятие себя как слабого человека, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что, в свою очередь, приводит к депрессии.

В контрольной группе выявляются значимые положительные корреляции (доверительная вероятность 0,95) между параметрами «Депрессия» и «Одиночество», что позволяет сделать вывод об увеличении уровня субъективного переживания одиночества при возникновении депрессии у мужчин среднего возраста без наркотической зависимости.

Вместе с тем в контрольной группе выявляются значимые отрицательные корреляции (доверительная вероятность 0,95) между параметрами «Одиночество» и «Общий показатель осмысленности жизни», «Депрессия» и «Цели», «Депрессия» и «Результат», «Депрессия» и «Локус контроля – я», «Депрессия» и «Общий показатель осмысленности жизни», что позволяет сделать вывод о снижении осмысленности жизни, количества поставленных и достигаемых целей, появлении ощущения нерезультативности прожитой жизни и восприятия себя как слабого человека при увеличении уровня депрессии у мужчин в зрелости без наркотической зависимости. Одновременно при увеличении ощущения своего одиночества у мужчин среднего возраста без наркотической зависимости уменьшается осмысленность жизни.

Заключение

Для мужчин среднего возраста с наркотической зависимостью характерна низкая осмысленность жизни.

Выявлены значимые достоверные различия между экспериментальной и контрольной группой по частным показателям «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля – я», «Локус контроля – жизнь». Среднегрупповые показатели существенно ниже у наркозависимых мужчин. Это свидетельствует о том, что наркозависимые мужчины среднего возраста живут сегодняшним днем, не имея осознанных дальних целей в жизни, не удовлет-

ворены как настоящей, так и прожитой частью своей жизни. Их жизнь не является эмоционально насыщенной. Они не верят в способность контролировать события своей жизни и считают, что жизнь человека не подвластна сознательному контролю.

Мужчинам среднего возраста с наркотической зависимостью присуще выраженное чувство одиночества.

Выявлено достоверное на высоком уровне значимости различие между выборками по параметру «Одиночество». Среднегрупповые показатели существенно выше у наркозависимых мужчин, что свидетельствует о переживаемом ими эмоциональном дискомфорте, низком уровне коммуникативной компетентности, неспособности выстраивать глубокие и устойчивые взаимоотношения с другими людьми.

Мужчинам среднего возраста с наркотической зависимостью свойственна депрессивность.

Выявлено значимое достоверное различие между экспериментальной и контрольной группой по показателю «Уровень депрессии». Этот показатель существенно выше у наркозависимых мужчин, что свидетельствует о имеющихся у них внутренних конфликтах, неустойчивости самооценки, периодическом осознании таких тяжелых последствий саморазрушающего поведения, как причинение страданий своим близким, разрушение здоровья, утрата жизненной перспективы.

Личность мужчин среднего возраста с наркотической зависимостью отличают взаимосвязи между отдельными личностными особенностями.

Отмечается прямая зависимость между группами параметров: «Процесс» и «Локус контроля – я», «Результат» и «Локус контроля – жизнь».

Выявлены значимые положительные корреляции между параметрами «Прогресс» и «Цели», «Общий показатель осмысленности жизни» и «Прогресс», «Общий показатель осмысленности жизни» и «Результат», что свидетельствует об уменьшении осмысленности жизни наркозависимых мужчин среднего возраста, если их жизнь становится неинтересной, эмоционально ненасыщенной, нерезультативной, и о снижении эмоциональной насыщенности жизни при отсутствии в ней значимых целей.

Выявлены значимые отрицательные корреляции между параметрами «Депрессия» и «Общий показатель осмысленности жизни», между параметрами «Одиночество» и «Цели», «Депрессия» и «Результат», что свидетельствует об увеличении уровня субъективного переживания одиночества при отсутствии в жизни каких-либо целей, а также о вероятности возникновения депрессивных состояний при нерезультативно прожитой жизни.

Список литературы

1. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости. – СПб.: Речь, 2002. С. 120.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. С. 336.
3. Гавенко В.Л., Самардакова Г.А., Кожина А.М., Коростий В.И., Демина О.О. Наркология: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 288.
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2004. С. 520.
5. Горбатенко Л.С. Родителям и педагогам: все о наркомании: эффективные программы профилактики, сценарии и материалы для классных занятий. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 320.
6. Гофман А.Г. Клиническая наркология. – М.: МИКЛОШ, 2003. С. 214.
7. Иванец Н.Н., Анохина И.П., Винникова М.А. Наркология. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 720.
8. Козьяков Р.В. Опыт профилактики и лечения наркозависимости в Израиле // Молодежь и общество. – 2012. – № 4. – С. 46.
9. Козьяков Р.В., Кутянова И.П., Заварзина О.О., Щекатурова О.М. Факторы устойчивости ремиссии лиц, имеющих химические зависимости // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2014. – № 4 (126). С. 113–120.
10. Кольцова О.В. Психология работы с наркозависимыми. – СПб.: Речь, 2007. С. 160.
11. Корытин С.А. Животные – наркотики – человек: тигр под наркозом. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. С. 248.
12. Лисецкий К.С. Психология и профилактика наркотической зависимости / К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2008. С. 224.
13. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология негативных зависимостей. – Самара: Издательство «Универс групп», 2006. С. 251.
14. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО). – М.: Смысл, 1992.
15. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: учебное пособие. 6-ое изд. – М.: Издательство «МЕДпресс», 2005.
16. Пелипас В.Е., Соломонова И.О., Цетлин М.Г. Принудительное и обязательное лечение больных наркологического профиля. Опыт и перспективы: пособие для врачей. – М., 2005.
17. Пятницкая И.Н. Общая и частная наркология: руководство для врачей. – М.: Медицина, 2008.
18. Свищева Т.Я. Наркомания стучится в каждый дом: профилактика и лечение: как избавиться от пагубных привычек. – М.; СПб.: Дия, 2007.
19. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
20. Цыганков Б.Д., Овсянников С.А. Психиатрия: руководство для врачей. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011.
21. Энтин Г.М. Алкогольная и наркотическая зависимость: практическое руководство для врачей. – М.: Мед-практика, 2002.
22. ЮНОДК (Управление ООН по наркотикам и преступности). Всемирный доклад о наркотиках. 2012.
23. Яковлев В.А., Заварзина О.О., Козьяков Р.В., Дубровинская Е.И. Современные технологии психологической профилактики наркозависимости в подростковой среде // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2015. – Т. 14. – № 1 (128). – С. 20–29.
24. Koz'yakov R., Kutyanova I., Shekaturova O. Factors of stable remission for people with chemical addictions // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8. – С. 80–85.
25. Frankl V.E. Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy. Beacon Press, Boston, MA, 2006.

Reference list

1. Ayvazova A. Psychological aspects of dependence. SBR.: Rech', 2002. P. 120.
2. Entin G. Alcohol and drug dependence. Practical guide for physicians. M.: Mediapraktika, 2002.
3. Frankl V.E. Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy. Beacon Press, Boston, MA, 2006.
4. Gavenko V., Samardakova G., Kozhina A., Korostiy V., Demina O. Narcology: Textbook. Rostov-on-Don: Feniks, 2003. P. 288.
5. Gilinskiy Ya. Deviatology: Sociology of crime, narcotism, prostitution, suicides and other "deviations". SBR.: Yuridicheskij Centr-Press, 2004. P. 520.
6. Gofman A. Clinical Narcology. M.: MIKLOSH, 2003. P. 214.
7. Gorbatenko L. To parents and educators: All about drug dependency: Effective prevention programs, scripts and the classrooms materials. Rostov-on-Don: Feniks, 2003. P. 320.
8. Ivanets N., Anokhina I., Vinnikova M. Narcology. M.: GEOTAR-Media, 2008. P. 720.
9. Kol'tsova O. Psychology of work with drug-dependent persons. SBR.: Rech', 2007. P. 160.
10. Korytin S. Animals-Drugs-People: Tiger under anesthesia. 3rd publishing. M.: Publishing by LKI, 2014. P. 248.
11. Koz'yakov R. Experience in prevention and treatment of drug dependence in Israel // Youth and Society. – 2012. – № 4. – P. 46.

12. Koz'yakov R., Kutyanova I., Shekaturova O. Factors of stable remission for people with chemical addictions // Bulletin of Moscow Institute of Public Administration and Law. – 2014. – № 8. – P. 80–85.
13. Koz'yakov R., Kutyanova I., Zavarzina O., Shchekaturova O. The factors of stability of remission of persons with chemical dependencies // Scientific notes of the Russian State Social University. – 2014. – № 4 (126). – P. 113–120.
14. Leont'yev D. Test of life-meaningful orientations (LMO). M.: Smysl, 1992.
15. Lisetskiy K. Psychology and the prevention of drug dependence / K. Lisetskiy, E. Lityagina. Samara: Publishing House "Bakhrakh-M", 2008. P. 224.
16. Lisetskiy K., Lityagina E. The psychology of negative dependence. Samara: Publishing by "Univers Group", 2006. P. 251.
17. Mendelevich V. Clinical Medical Psychology: Textbook. Sixth publishing. M.: Publishing by "Medpress", 2005.
18. Pelipas V., Solomonidina I., Tsetlin M. Compulsory and mandatory treatment of patients with substance abuse profile. Experience and prospects: Manual for physicians. M., 2005.
19. Pyatnitskaya I. General and Special Narcology. Guide for physicians. M.: Medicine, 2008.
20. Sukharev A. Ethnofunctional paradigm in Psychology. M.: Publishing by "Institute of Psychology of RAS", 2008.
21. Svishcheva T. Drug dependency is knocking at every house: Prevention and treatment: How to get rid of addictions. M.; SBR.: Dilya, 2007.
22. Tsygankov B., Ovsyannikov S. Psychiatry: Guide for physicians. M.: GEOTAR-Media, 2011.
23. UNODC (The UN office on drugs and crime). The World Drug Report. 2012.
24. Vodop'yanova N. Psychodiagnostics of stress. SBR.: Piter, 2003. P. 336.
25. Yakovlev V., Zavarzina O., Koz'yakov R., Dubrovinskaya E. Modern technologies of psychological prevention of drug dependence among adolescents // Scientific notes of the Russian State Social University. – 2015. – Vol.14. – № 1 (128). – P. 20–29.

Алиева Ф.Р.,

кандидат педагогических наук, и.о. заведующей кафедрой, доцент кафедры государственного муниципального управления и политологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема реализации идей поликультурного образования на примере вузов Северо-Кавказского региона. Поликультурное образование рассматривается как направленность педагогического процесса на формирование у студентов готовности к осознанному выбору нравственных ценностей и продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества. Автор приходит к выводу, что поликультурное образование является важным механизмом приобщения молодежи к родной, российской и мировой культурам, а также использование ее потенциала для личностного развития и развития своего региона.

Ключевые слова: поликультурная среда, поликультурное образование, межнациональный диалог, толерантность, воспитание

Alieva F.,

PhD in Pedagogy, Acting Head of Chair, Associate Professor of Chair of Public Municipal Administration and Political Science of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES TO THE EDUCATION ORGANIZATION OF STUDENT YOUTH IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL EDUCATION IDEAS

The article is considered the issue of realization of multicultural education ideas through the example of the North Caucasus region. Multicultural education is regarded as the orientation of pedagogical process on the formation at student's readiness to the conscious choice of moral values and efficient professional activity under the conditions of cultural diversity society. The article author concludes that multicultural education is an important mechanism of young people enculturation in native, Russian and world cultures, as well as the use of its potential for personality development and development of their region.

Keywords: multicultural environment, multicultural education, interethnic dialogue, tolerance, education

Подготовка современных молодых людей к жизни в многокультурном мире названа в числе приоритетных в документах Совета Европы, ЮНЕСКО, ООН. Так, в Докладе Международной комиссии ЮНЕСКО о глобальных стратегиях развития образования в XXI в. подчеркивается, что одна из важнейших функций системы образования – научить людей жить вместе, помочь им преобразовать существующую взаимозависимость государств и этносов в сознательную солидарность [1].

Стратегические задачи социально-экономического развития Российской Федерации на ближайшее десятилетие потребовали пересмотра идеологии реализации молодежной политики – от идеи поддержки молодежи к идее создания условий для повышения степени интеграции молодых граждан страны в со-

циально-экономические, общественно-политические и социокультурные отношения. Тем самым одним из приоритетных направлений концепции государственной политики Российской Федерации является задача национального развития и регулирования межнациональных отношений среди молодежи.

Культурное наследие выступает в качестве некой интернациональной территории одного из наиболее универсальных и надежных средств общения между людьми разных национальностей, возрастов и разного уровня образования. Поиск путей, ведущих к межнациональному, межгосударственному и межличностному согласию, является насущной потребностью современного общественного и экономического развития, определенным гарантом выживания человечества и каждого человека в отдельности [9].

В этой связи становится ясно, что воспитание современной молодежи необходимо осуществлять в русле идей поликультурного образования.

Поликультурное образование – образование нового типа, которое отвечает потребностям развития и самореализации молодежи в новой социокультурной ситуации их жизнедеятельности.

Поликультурное образование исследователи [6] рассматривают как направленность содержания образования и педагогического процесса на формирование у студентов готовности к осознанному выбору нравственных ценностей и продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества.

Реализация идей поликультурного образования в содержании учебных курсов и педагогическом процессе вузов, особенно расположенных в поликультурных регионах, позволяет более полно удовлетворять образовательные потребности различных культурных и национальных групп, но при этом предоставляет студентам возможность ознакомиться с важнейшими закономерностями развития культуры, овладеть способами межкультурного общения на основе определенных концептуальных идей.

На основе анализа работ [2–7] выделим основные цели и задачи поликультурного образования.

Целью поликультурного образования в вузе является формирование личности студента – будущего специалиста в различных областях народного хозяйства – как образованного человека, воспитанного на культурных ценностях, способного к успешному самоопределению и продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества, обладающего гуманистическим мировоззрением, умением жить в мире и согласии с носителями различных культур.

Ведущие задачи поликультурного образования:

- воспитание уважительного отношения к родной культуре, развитие интереса к другим культурам;
- овладение студентами знаниями о культурном многообразии мира; формирование представлений о культурных различиях как источнике общественного прогресса и самосовершенствования;
- развитие умений и навыков межкультурного общения и взаимодействия.

Выделим также основные принципы организации воспитательной деятельности студентов в полиэтническом регионе (рис. 1).

При этом, в идеале, с учетом большого количества народов, населяющих Россию, и многоконфессиональности нашего общества вся отечественная система образования должна реализовываться в контексте идей поликультурного образования. Если на факультетах гуманитарного направления поликультурное образование реализуется как в обучении, через содержание дисциплин, так и в воспитании, то на факультетах естественно-научного и технического профиля большой потенциал в реализации поликультурного образования имеет воспитательная работа. Однако наибольший воспитательный эффект возможен при использовании идей поликультурного образования в различных видах и формах работы со студентами, в том числе при организации научно-исследовательской работы.

Рассмотрим это на конкретных примерах опыта реализации идей поликультурного образования в различных вузах Северо-Кавказского региона.

Каждую осень на базе недавно образованного самого крупного вуза на Северном Кавказе – Северо-Кавказского федерального университета – для молодежи всего юга России организуется Фестиваль культур народов Северного Кавказа «СКФО: Дом дружбы».

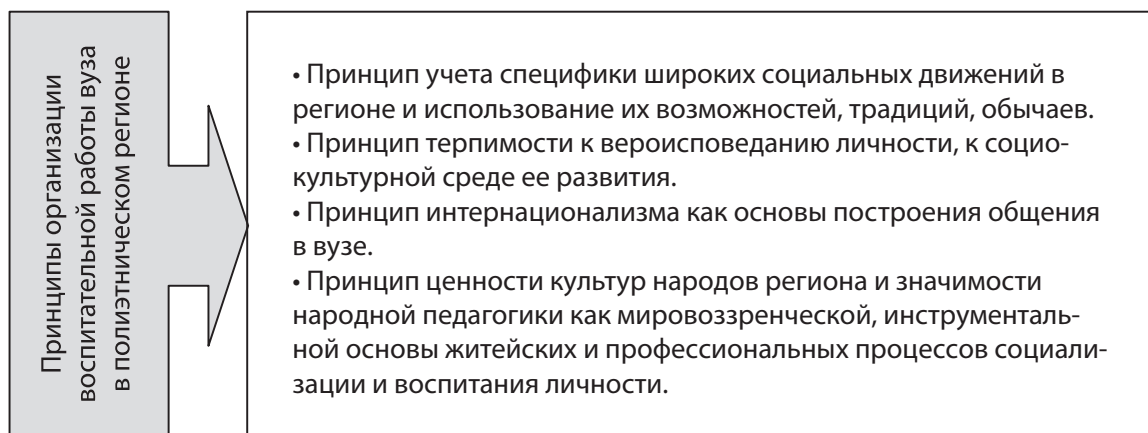

Рис. 1. Принципы организации воспитательной деятельности студентов в полиэтническом регионе

В рамках фестиваля предусмотрен ряд мероприятий, направленный на знакомство с культурой народов Северного Кавказа. Например, ярмарка ремесел, на которой представлены самодельные игрушки, украшения, посуда, картины и другие изделия, отражающие быт и культуру различных народов. Во время ярмарки студенты также имеют возможность посоревноваться в знании поговорок и пословиц народов Северного Кавказа.

На фестивале «СКФО: Дом дружбы» традиционно проводится парад национальных подворий и «Карнавал национальной кухни». На карнавале студенты различных национальностей представляют национальные блюда народов, проживающих на территории Ставропольского края и республик Северного Кавказа, а также Украины, Азербайджана, Грузии, Ливии, Ирана, Сирии, Таджикистана, Узбекистана, Армении и Анголы. При этом студенты не только представляют блюда, но и делают презентации, в рамках которых исполняют национальные танцы и песни, рассказывают об обычаях своего народа.

Всегда вызывает интерес концерт фольклорного ансамбля «Хоровод дружбы», где студенты имеют возможность представить культуру своего народа через костюмы, пластику и художественное творчество. Во время концерта номера сливаются в единый многонациональный хоровод, в котором каждый особенно остро чувствует себя гражданином многонациональной России.

На турнире «Богатырская сила» участники пробуют свои силы в традиционных спортивных забавах народов Кавказа.

Для интеллектуалов и краеведов предусмотрен брейн-ринг «Мой Кавказ». В турнире принимают участие команды из различных учебных учреждений СКФО. Студенты во время брейн-ринга отвечают на вопросы не только на общую эрудицию, но и на знание культуры и традиций народов Северного Кавказа.

Центральным мероприятием фестиваля культур народов Северного Кавказа «СКФО: Дом дружбы» является Межрегиональный форум «Традиционные духовно-нравственные и культурные ценности народов Северного Кавказа как цивилизационная основа для укрепления единства российской гражданской нации». В центре внимания его участников – представителей вузов всех республик, входящих в СКФО, – укрепление национального единства страны. В 2015 г. на форуме были представлены две секции – «Укрепление единства Российской гражданской нации как приоритет государственной молодежной политики на Северном Кавказе» и «Роль традиционных

духовно-нравственных и культурных ценностей народов Северного Кавказа в воспитании студентов как граждан единой многонациональной России». В процессе выступления на секциях студенты имеют возможность высказать свои соображения по заявленным темам. Форум проходит в форме дискуссионного клуба, на котором студенты откровенно рассказывают о проблемах, но главное заключается в том, что на площадке форума студенты могут прислушаться к различным точкам зрения и сделать какие-то выводы, которые помогут выработать толерантное отношение к представителям других народов и культур, понять их и увидеть, что скрывается за теми или иными традициями, уловить их многовековую суть.

Интересные подходы реализации поликультурного образования апробируются на базе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева (КЧГУ). Так, в октябре 2015 г. на базе КЧГУ была организована молодежная конференция «Эколого-географическая и этнокультурная комфортность родного края» в рамках грантового проекта Российского географического общества «Карачаево-Черкесская экогеографическая молодежная экспедиция».

На различных этапах данного проекта школьники и студенческая молодежь Карачаево-Черкесии совершали научно-исследовательские экспедиции к памятникам природы и культурно-историческим объектам Карачаево-Черкесии, где проводили различные исследования с целью дальнейшего развития туристического кластера и привлечения потока туристов.

На основе полученных в экспедициях результатов и выводов по повышению эффективности туристического кластера студенты подготовили доклады, которые прозвучали в рамках молодежной конференции.

Большой воспитательный потенциал имеет также культурный обмен студентами между вузами различных стран в рамках академической мобильности. Осенью 2015 г. на базе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева (КЧГУ) проходила международная студенческая конференция «Культура и быт народов Северного Кавказа». В ней принимали участие студенты-стажеры из Западно-Чешского университета (г. Пльзень) и студенты факультета экономики и управления КЧГУ.

На конференции студенты выступили с докладами о культуре, традициях, обычаях народов Северного Кавказа. При этом подготовленные доклады иллюстрировались слайдами и видеороликами, разработанными на базе КЧГУ. Студенты-чехи также выступили с докладами об истории и культуре своей страны.

В ходе конференции активно проходил обмен знаниями в области культурных обычаев и традиций различных народов Кавказа. Особую ценность данному мероприятию придавал ее международный характер, когда молодежь, демонстрируя культурные ценности своего народа, испытывала чувство гордости за достижения своих предков и училась ценить достижения других народов.

Как отмечает С.А. Моисеева [4], чтобы воспитать современную молодежь в духе межнационального согласия, научить понимать и ценить культуру, традиции и обычаи своего народа, уважать культуру других этносов и религий, необходимо кардинально изменить содержание учебно-воспитательного процесса. Решение этой задачи в рамках образовательных учреждений лежит в контексте изменения учебных программ, включающих совмещение объема необходимых общих знаний с глубокими знаниями народной культуры, формированием потребности и способности ориентироваться в самой разнообразной информации о культуре других народов и конфессий, а также использование потенциала научно-исследовательской, собственно воспитательной работы со студентами. Только в этом случае можно говорить о практической, а не декларативной реализации идей поликультурного образования.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что поликультурное образование является важным механизмом приобщения молодежи к родной, российской и мировой культурам. В ходе овладения гуманистическими ценностями разных народов создаются благоприятные условия для становления культурного, образованного человека, т.е. человека свободно мыслящего, открытого, являющегося толерантной личностью, способной к осознанному нравственному выбору в мире многообразных культурных ценностей, духовно-нравственному самосовершенствованию и творческому саморазвитию. В контексте поликультурного образования человек, воспитанный на культурных ценностях, является носителем, хранителем и транслятором лучших образцов родной, российской и мировой культуры.

Тем самым поликультурное образование является необходимым условием для того, чтобы у человечества появилась возможность продвигаться вперед к идеалам мира, свободы и социальной справедливости. Говоря на разных языках, но при этом понимая друг друга, относясь к другой культуре как к неотъемлемой части собственной культуры, все вместе мы способны обеспечить благодатную жизнь в гармонии с миром. И поликультурному образованию в этом процессе отведена ведущая роль.

Список литературы

1. Барышников Д.Н. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: конфликты и перспективы примирения // Вестник ПГЛУ. – 1998. – № 2. – С. 17–21.
2. Говердовская Е.В. Направления обновления высшего профессионального образования в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2008. – № 1 (35).
3. Говердовская Е.В. Развитие высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. – 2008. – № 12. – С. 44–48.
4. Моисеева С.А. Воспитание межнациональной толерантности подрастающих поколений с учетом опыта горских народов Северного Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им К.Л. Хетагурова. – 2011. – № 1. – С. 57–61.
5. Моисеева С.А. Развитие и поддержание межнациональной толерантности подрастающих поколений с учетом опыта горских народов Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – Вып. 15. – Ростов н/Д, 2006. – С. 168–173.
6. Прозорова С.А. Управление поликультурным образованием в вузах Северного Кавказа // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2014. – № 14. – С. 165–169.
7. Ромаева Н.Б., Роткина И.М. Формирование конфессиональной толерантности будущих учителей в поликультурной среде педагогического вуза // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 4. – С. 62–68.
8. Ромаева Н.Б., Ромаев А.П. Гуманистическая педагогика России: типология и периодизация // Педагогическое образование и наука. – 2006. – № 5.
9. Тахохов Б.А. Развитие толерантности учащихся // Теория и практика обучения и воспитания. Вып. V. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. С. 198–202.

Reference list

1. Baryshnikov D. Interethnic relations in the North Caucasus region: Conflicts and reconciliation prospects // Bulletin of PSLU. – 1998. № 2. P. 17–21.
2. Goverdovskaya E. The directions of changes in higher professional education in the multicultural space of the North Caucasus region // Proceedings of University named after P. Lesgaft. 2008. № 1 (35).

3. *Goverdovskaya E.* The development of higher professional education in a multicultural region // Professional education. 2008. № 12. P. 44 – 48.
4. *Moiseeva S.* Development and maintenance of ethnic tolerance of younger generations based on the experience of mountain peoples of the Northern Caucasus region // Bulletin of North Ossetia State University named after K. Khetagurov. 2011. № 1. P. 57– 61.
5. *Moiseeva S.* Development and maintenance of ethnic tolerance of younger generations based on the experience of mountain peoples of the Northern Caucasus region // Caucasus scientific thought. Vol. 15. Rostov-on-Don, 2006. P. 168–173.
6. *Prozorova S.* The management of multicultural education in the higher education institutions of the North Caucasus region // Public and municipal administration in the XXI century: Theory, methodology, practice. 2014. № 14. P. 165–169.
7. *Romaeva N., Rotkina I.* The formation of confessional tolerance of intended lecturers in the multicultural environment of a pedagogical higher education institution // Economic and humanitarian research of regions. 2012. № 4. P. 62–68.
8. *Romaeva N., Romaev A.* The humanistic pedagogic of Russia: Typology and periodization // Pedagogical education and science. 2006. № 5.
9. *Takhokhov B.* The development of tolerance of students // Theory and practice of training and education. Vol. V. Vladikavkaz: Publishing by NOSU, 2005. P. 198–202.

УДК 378

Ажиев А.В.,

кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и дошкольной психологии, проректор Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный

Гадаборшева З.И.,

старший преподаватель кафедры педагогики и дошкольной психологии Чеченского государственного педагогического университета

СУБЪЕКТ-СРЕДОВАЯ ПАРАДИГМА ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ВУЗЕ

Работа посвящена изучению процесса развития личности в условиях субъект-средовой парадигмы построения психологической практики в вузе. Авторы приходят к выводу, что формирование психологической устойчивости личности в рамках субъект-средовой парадигмы является комплексной задачей. Для ее решения в условиях вуза должны быть использованы различные психотехники, направленные на формирование отдельных свойств и качеств личности, что способствует созданию развивающего образовательного пространства вуза. Это позволяет апробировать всевозможные способы вовлечения студенческой молодежи в различные виды социальной и личностно значимой деятельности, межличностного взаимодействия и познания.

Ключевые слова: субъект, средовая парадигма, развитие личности, субъективная активность студентов, тренинг, принципы субъекта

Azhiev A.,

PhD in Pedagogy, Professor, Head of Chair of Pedagogy and Preschool Psychology, Pro-rector of the Chechen State Pedagogical University, Grozny city

Gadaborsheva Z.,

Senior Lecturer of Chair of Pedagogy and Preschool Psychology of the Chechen State Pedagogical University

SUBJECT-ENVIRONMENTAL PARADIGM OF BUILDING PSYCHOLOGICAL PRACTICE IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This contribution is devoted to the studying process of personality development under the conditions of subject-environmental paradigm of building psychological practice in a higher education institution. The article authors come to the conclusion that the formation of psychological stability of personality is a complex task within the framework of subject-environmental paradigm. For its solution in the conditions of a higher education institution various psycho-techniques aimed at the formation of separate features and capacities of personality have to be used and that contributes to the creation of developing educational space in a higher education institution. It allows approbating various ways of involving student youth in different kinds of social and personal-meaningful activity, interpersonal interaction and cognition.

Keywords: subject, environmental paradigm, personality development, subjective activity of students, training, principles of subject

Построение психологической практики на принципах субъект-средовой парадигмы способствует удовлетворению базовых потребностей человека: потребности в безопасности, признании, в саморазвитии, формирует систему ценностных ориентаций, где главными являются ценности познания, личностного роста, самоактуализации. В этой связи субъект-средовая парадигма, позволяющая реализовывать целостное представление о человеке, является наиболее подходящей для инновационного обра-

зования, для которого характерны универсальность, комплексность, обеспечивающие основу системного изменения педагогической практики [6].

Развитие личности – это не только внутреннее совершенствование человека, но и изменение условий, расширение пространства его существования. В мотивах и целях деятельности предвосхищены как возможные внешние (предметные) результаты, так и изменения самого субъекта, а тем самым и выход его за пределы определенной ситуации. Иными словами,

принятие предвосхищаемой будущей ситуации как желательной и стремление к реализации открывающихся в ней возможностей выступает значимым фактором саморазвития личности. Не менее важным фактором является и ориентация на образ самого себя в будущем.

Мы считаем, что субъектная активность студентов преобразует содержание учебной развивающей среды в личностное, смысловое пространство. Оно становится таковым в силу того, что субъект свободно самоопределяется относительно обстоятельств своего существования. В личностно освоенном пространстве субъект проявляет себя на уровне целостного Я, оказывается способным делать сознательный выбор не только в поле внешне заданных условий, но и в плане реализации собственного потенциала саморегуляции как внутренней динамики движения мотивов, целей и смыслов.

Реализация работы по формированию и развитию устойчивости в условиях развивающей образовательной среды возможна лишь при наличии комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных мер, которые осуществляются всеми участниками целостного психолого-педагогического процесса. Все направления работы психологической службы имеют целью становление выпускника вуза как самостоятельного субъекта собственной жизнедеятельности, с личностной и социальной значимостью, с разносторонним развитием и гуманитарной культурой; обеспечение его необходимым комплексом знаний, умений и навыков в различных сферах жизни, что способствовало бы благополучной адаптации в постоянно меняющемся мире. Формирование гуманитарной позиции, субъектности студентов обеспечивает более полную реализацию их личностного потенциала, позволяет гармонично сочетать интеллектуальное и личностное развитие студентов.

Учет ориентации человека на будущее как существенной основы развития требует обращать внимание и поддерживать перспективные личностные характеристики. В различных возрастных периодах это разные формы и уровни таких личностных качеств, как самостоятельность, ответственность, инициативность, рефлексивность, ценностное самоотношение, стремление к автономизации и самоопределению.

Мы считаем, что активность студентов преобразует содержание учебной развивающей среды, вносит в нее личностные, смысловые аспекты. Это становится возможным, если человек вырабатывает личностное отношение к обстоятельствам своего существования. В личностно освоенном пространстве субъект проявляет себя на уровне целостного Я, ока-

зывается способным делать сознательный выбор не только в поле внешне заданных условий, но и в плане реализации собственного потенциала, динамики выбора мотивов, целей и смыслов.

Существование в личностно освоенном пространстве требует от человека не только отношения к самому себе как активному субъекту выполняемой деятельности, но и одновременно отношения к ситуации выполнения деятельности как к ситуации личностно значимой, личностно определяемой и выбираемой. Именно поэтому познавательные интересы, сложившиеся в рамках учебной деятельности, распространяются далеко за ее пределы. Создание условий, ситуаций и обстоятельств, позволяющих человеку пройти путь самопознания и самопонимания, постоянно реализуя в деятельности и общении свой внутренний потенциал, – это и есть способ создания субъектно-развивающей среды. Следовательно, все методы, направленные на личностный рост студента, должны обеспечить самопринятие человеком себя как личности в учебном процессе, способствовать росту самоуважения за реальные достижения, имеющие действительную ценность.

Тем самым мы предполагаем, что различные личностные психологические феномены могут быть подвержены деструктивному влиянию внешних или внутренних факторов и для своего развития нуждаются в специально созданных условиях: преподавателю необходимо повышать сложность заданий, поддерживая уверенность студентов в том, что они могут справиться с ними; часто и сразу же после выполнения задания давать положительную обратную связь, поощрять и хвалить; делать замечание максимально корректно и осторожно, демонстрируя при этом уверенность в том, что студент после определенных упражнений сможет выполнить задание; поощрять студентов задавать вопросы, уточнять то, что они не поняли; вести диалог и т.д. [1–3].

Развитие психологической устойчивости не может быть рассмотрено только с позиции создания психологически безопасных условий или развития внутреннего потенциала. Психологическое сопровождение развития устойчивости в специально созданной среде позволяет обеспечить позитивное всестороннее развитие личности в процессе педагогического взаимодействия.

В.И. Слободчиков рассматривает образовательную среду как пространство, в котором происходит взаимодействие субъектов образования [5]. В.А. Ясвин указывает на то, что для субъектов образовательного процесса в образовательной среде при-

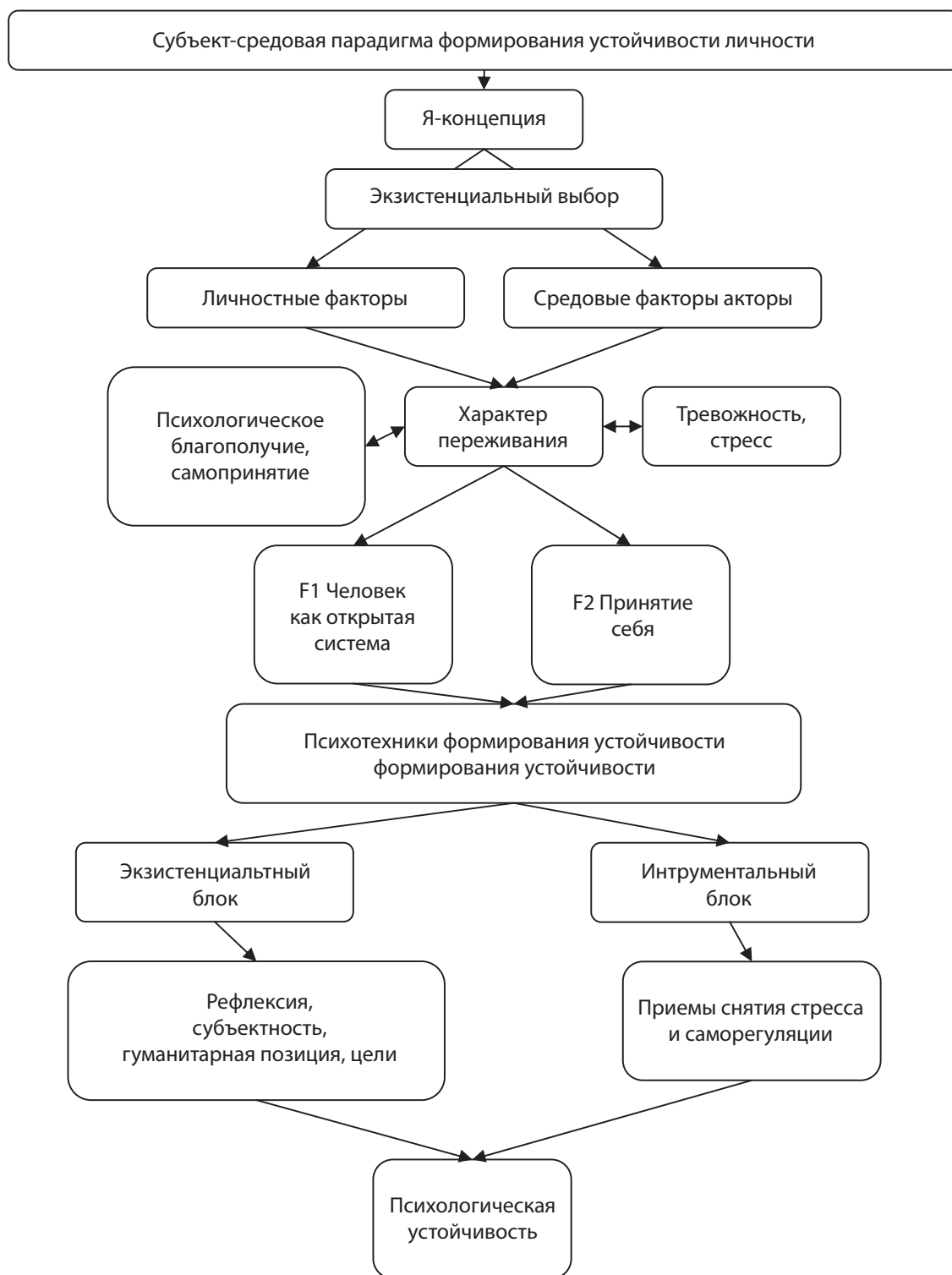

Рис 1. Формирование психологической устойчивости личности

существуют как ресурсы, так и препятствия, т.е. совокупность психологических, социальных и физических возможностей и барьеров по отношению к целям деятельности субъекта [7, с. 105]. Обобщая вышесказанное, можно представить формирование психологической устойчивости в виде схемы (рис. 1).

В юношеском возрасте нередко возникают условия, когда внутренние ресурсы психологической

защиты и приспособления личности к требованиям среды оказываются недостаточными. Вот почему данный возраст богат ситуациями, при которых личностные характерологические дисгармонии становятся препятствием на пути к реализации конкретных личностных целей.

Невозможность реализовать себя в сложившихся условиях порождает для юношей психотрав-

мирующую ситуацию, что неизбежно приводит к нарушениям поведения, снижению позитивной активности, изменению эмоционального состояния, а в итоге – к возникновению различных трудностей в общении и реализации своего личностного потенциала.

Групповая тренинговая работа со студентами позволяет снять напряженность и тревожность; развить качества, лежащие в основе формирования психологической устойчивости студентов в ситуациях экзистенциального выбора через осознание ими собственных проблем, восстановление доверия к себе и окружающим, предоставление эмоциональной поддержки. Большое значение придается мотивированию студентов, обращению их к своему внутреннему «Я», обучению их некоторым приемам общения и бесконфликтного поведения.

В целом же отмечается, что групповая тренинговая деятельность со студентами способствует личностному росту, что проявляется в развитии умения анализировать собственные поступки и вырабатывать конструктивные способы поведения в сложных ситуациях. Формируются такие личностные качества, как рассудительность, целеустремленность, собранность, толерантность, и поэтому тренинговые программы являются важным средством работы психолога высшей школы по организации психолого-педагогической поддержки студентов [6].

Развитие личности, равно как и ее творческий рост, зависит от деятельностно-опосредованного типа взаимоотношений, которые складываются у человека с наиболее референтной группой или группами в этот период. Поэтому все большую популярность в современной психологической практике приобретают групповые методы обучения.

Использование активных методов для стимулирования творческого роста диктуется возрастанием социальной роли личности, ее зрелости, необходимостью обогащения содержания ее творчества, все большим сознанием причастности к результатам своей деятельности, что помогает студенту всесторонне и полно раскрыть свои возможности [8].

Отличительной особенностью всей группы активных методов является то, что, во-первых, обучение проводится в ситуациях, максимально приближенных к реальным, позволяя ввести в цель деятельности материал, подлежащий усвоению; во-вторых, осуществляется не только сообщение знаний, но и обучение умениям практического использования, что, в свою очередь, требует формирования определенных психологических качеств специалистов; в-третьих, организуется формирование новой, качественно иной

установки на обучение в эмоционально насыщенном процессе коллективного творческого труда.

При активных способах обучения общение в группе – основная форма взаимодействия, создающая человеку оптимальные условия для того, чтобы он мог развить и выразить свое собственное мнение, обосновать свою точку зрения, а это, в свою очередь, является необходимым условием для интериоризации знаний и взглядов, т.е. превращения их в достояние личности, в убеждения.

Согласно экзистенциально-гуманистическому подходу в психологии человек – существо активное, свободное, способное к избирательности при отражении внешних воздействий. С этой точки зрения природа психологического исследования выглядит следующим образом: исследуемый свободен познавать исследователя так же, как и исследователь познает его. Таким образом, позиции исследователя и исследуемого симметричны.

Ведущая роль в разработке практики психологического воздействия на принципах гуманистической психологии принадлежит К. Роджерсу, определившему в качестве методов психологического воздействия различные формы интенсивного группового общения.

Понятие «Я в процессе развития» является фундаментальным в концепции К. Роджерса, давшей рождение групповым формам общения (группы встреч), используемым как средство психологической помощи в решении различных проблем и, прежде всего, в достижении человеком самоактуализации. Основными характеристиками групп встреч являлись: их направленность на общение «здесь и теперь», т.е. анализ непосредственно происходящего в группе без апелляции к прошлому участников, избегание запланированных процедур и упражнений, использование физических движений и невербального контакта и т.д. [4].

Тем самым субъект-средовая парадигма – это совокупность основных принципов, лежащих в основе создания технологий развития личности через субъект-субъектное взаимодействие в специально созданной развивающей среде.

Ученые [5–7] выделяют следующие основные принципы субъект-средовой парадигмы выстраивания развивающей образовательной среды:

- эмпатийности;
- персонализации;
- диалогичности;
- развития и саморазвития;
- рефлексивности;

- гуманитарной направленности образовательного пространства;
- приоритета субъектной активности;
- психолого-педагогической поддержки развития субъектности;
- конструктивного взаимодействия с окружающей средой;
- интерактивного взаимодействия и обратной связи;
- принципы системности, научности и целостности в образовательном процессе.

Планирование и проведение научных, воспитательных мероприятий в Чеченском государственном педагогическом университете осуществляется в контексте реализуемой в вузе субъект-средовой парадигмы. В качестве наиболее яркого примера приведем содержание мероприятий, проводимых со студентами в рамках «Фестиваля науки», который превратил Чеченский государственный педагогический университет в научную и творческую площадку, где обсуждался широкий круг вопросов, волновавших студентов, аспирантов и ученых вуза.

Так, в рамках «Фестиваля науки – 2015», проводимом в соответствии с Программой развития деятельности студенческих объединений ЧГПУ, на факультете педагогики и психологии прошел тренинг «Социализация личности в обществе». Тема была выбрана не случайно, так как процесс социализации человека продолжается всю его жизнь, но особенно интенсивно он протекает в молодые годы. Именно тогда создается фундамент духовного развития личности, что повышает значимость качества воспитания.

Целью тренинга послужило развитие творческого мышления, высокой социальной активности, стремление к новому и способность находить оптимальное решение жизненных проблем в нестандартных ситуациях. В тренинге приняли участие студенты

факультета педагогики и психологии, естествознания, а также физико-математического факультета.

Очередное мероприятие в рамках «Фестиваля науки» состоялось на технолого-экономическом факультете ЧГПУ. Круглый стол на тему «Формула успеха» прошел в острых дискуссиях по проблемам бизнес-климата и перспектив его развития в республике. За круглым столом собрались ведущие предприниматели республики, студенты и преподаватели вуза. Объектом рассмотрения стали вопросы практической организации и реализации бизнеса в Чеченской республике в современных условиях.

В перспективе планируется организовать на базе Чеченского государственного педагогического университета бизнес-центр «Формула успеха», на базе которого совместными усилиями психологи, бизнес-тренеры, предприниматели помогут студентам спланировать карьеру, которую уже со студенческой скамьи они начнут выстраивать на основе интеграции психолого-педагогических и экономических знаний. Тем самым подобные объединения, основанные на ведущих принципах реализации субъект-средовой парадигмы, способствуют эффективной социализации молодежи. Это особенно важно в современных условиях противоречивого развития нашей страны.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что формирование психологической устойчивости личности в рамках субъект-средовой парадигмы является комплексной задачей. Для ее решения должны быть использованы психотехники, направленные на формирование отдельных свойств и качеств личности, что создает развивающее образовательное пространство вуза, которое позволяет апробировать всевозможные способы вовлечения студенческой молодежи в различные виды социальной и лично-стно значимой деятельности, межличностного взаимодействия и познания.

Список литературы

1. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Когито-Центр, 2009. – 140 с.
2. *Лепский В.Е.* Философские основания становления средовой парадигмы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6728/6732#t18>
3. Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2011. – 240 с.
4. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию: становление человека. – М., 1994. – 480 с.
5. *Слободчиков В.И.* Образовательная среда. Реализация целей образования в пространстве культуры. – М., 1997.
6. *Швалева Н.М.* Среда развития личности как психолого-педагогический феномен // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 13. – С. 188–197.
7. *Ясвин В.А.* Образовательная среда. От моделирования к проектированию. – М., 2001. – 180 с.
8. *Kimberly S.* Psychological Safety. URL: aedtheory.blogspot.com/2010/10/psychological-safety-key-component.html.

Reference list

1. *Lepskiy V.* Subject-oriented approach to innovative development. M.: Kogito– Tsentr, 2009. – 140 p.
2. *Lepskiy V.* Philosophical foundations of the formation of the environmental paradigm [Electronic resource] – Access mode: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6728/6732#t18>
3. Interdisciplinary issues of environmental approach to innovation / Under the editorship of V. Lepskiy. M.: Kogito–Tsentr, 2011. – 240 p.
4. *Rogers C.R.* Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. M., 1994. – 480 p.
5. *Slobodchikov V.* Educational environment. The implementation of the objectives of education in the cultural space. M., 1997.
6. *Shvaleva N.* Environment of personality development as psycho-pedagogical phenomenon // Scientific thought of Caucasus. 2005. № 13. P. 188–197.
7. *Yasvin V.* Educational environment. From modeling to designing. M., 2001. – 180 p.
8. *Kimberly S.* Psychological Safety.
URL: aedtheory.blogspot.com/2010/10/psychological-safety-key-component.html.

УДК 378.095

Костина Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, декан факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме академической мобильности в высшей школе России. Автор обосновывается идея необходимости разработки концепции организации студенческой академической мобильности в педагогических вузах Российской Федерации на основе кросс-культурного подхода. Анализ изучения интернет-сайтов ряда государственных педагогических высших учебных заведений, расположенных в мегаполисах различных регионов нашей страны, на предмет наличия в этих учреждениях кросс-культурной образовательной среды позволяет исследователю сделать вывод об отсутствии системной культурно-образовательной деятельности, которая позволила бы осуществить качественную организацию академической мобильности будущих педагогов с целью формирования у них кросс-культурной профессиональной компетенции.

Ключевые слова: кросс-культурная образовательная среда, академическая мобильность, кросс-культурная компетенция

Kostina E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of the English Language, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University

CROSS-CULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT PEDAGOGICAL HIGH EDUCATION INSTITUTIONS OF RUSSIA: NECESSITY AND REALITY

The article is devoted the today's topical issue of academic mobility at the high school of Russia. The author makes the idea of necessity of the concept formation of the student academic mobility at pedagogical high education institutions of the Russian Federation on the basis of cross-cultural approach. The comparative analysis of the Internet sites of a number of state pedagogical high education institutions located in the metropolitan cities, representing different regions of our country for cross-cultural educational environment at these establishments it allows the researcher to draw a conclusion about the absence of system culture-educational activity which would permit to realize high-quality organization of academic mobility of intending educators with the aim to build their cross-cultural professional competence.

Keywords: cross-cultural educational environment, academic mobility, cross-cultural competence

Сегодняшние требования государства к форме высшей школы России объясняются необходимостью интеграции российского профессионального образования в мировое экономическое и культурное пространство. Немаловажная роль на этом пути глобализации отводится педагогическим вузам, так как именно педагог в большей степени отвечает за сформированность кросс-культурной компетенции обучаемых, включающую в себя в том числе толерантность к представителям иной культуры. Одним из инструментов формирования и развития кросс-культурной компетенции является академическая мобильность студентов – будущих педагогов.

На сегодняшний день в РФ существует 29 педагогических вузов. Для анализа на предмет организации

академической мобильности студентов нами были отобраны следующие государственные вузы, расположенные в крупных городах различных регионов России:

1. Московский педагогический государственный университет;
2. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
3. Благовещенский государственный педагогический университет;
4. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы;
5. Волгоградский государственный педагогический университет;
6. Воронежский государственный педагогический университет;

7. Дагестанский государственный педагогический университет;

8. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;

9. Новосибирский государственный педагогический университет;

10. Уральский государственный педагогический университет.

Кратко охарактеризуем положение дел с организацией студенческой академической мобильности в каждом из вышеперечисленных вузов, исходя из анализа интернет-сайтов данных учебных заведений. Особый интерес у нас вызывает наличие кросс-культурной образовательной среды в основе системы академической мобильности или, как минимум, установка в официальных вузовских документах на создание в данном конкретном учебном заведении такой среды для организации академической мобильности студентов.

Большинство высших учебных заведений имеют в своей структуре управления, отвечающие за международную деятельность; цели, задачи и функционал сотрудников такого структурного подразделения схожи в разных вузах и представлены в Положениях, разработанных отделами менеджмента качества. Ниже мы на примере Московского педагогического государственного университета и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена приводим структуру и функционал международного управления университета.

В Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) функционирует управление международных связей, в состав которого входят четыре отдела:

1) отдел международного сотрудничества, основными задачами которого являются:

- осуществление перспективного планирования международного сотрудничества вуза;
- мониторинг выполнения международных обязательств вуза;
- развитие отношений сотрудничества на взаимовыгодной основе с отделами образования и культуры зарубежных посольств.

2) отдел инновационных образовательных программ, решающий следующие задачи:

- обеспечение участия вуза в международных образовательных и научных программах и проектах, в том числе с привлечением грантового финансирования;
- взаимодействие с международными организациями и фондами, действующими в области развития образования и науки;

– разработка и реализация международных образовательных программ с возможностью получения двух дипломов (бакалавриат и магистратура).

3) паспортно-визовый отдел со следующими задачами:

- осуществление всего комплекса мероприятий, связанных с приглашением, регистрацией и пребыванием иностранных граждан, приезжающих на обучение и работу в МПГУ;
- взаимодействие с федеральными органами, отвечающими за пребывание иностранных граждан на территории РФ.

4) отдел по работе с иностранными учащимися, выполняющий задачи:

- формирование контингента иностранных учащихся МПГУ на основе индивидуальных договоров, межправительственных соглашений и договоров о межвузовском сотрудничестве;
- организация обучения и стажировок студентов, аспирантов, докторантов и сотрудников МПГУ в зарубежных вузах по государственной линии и на основе межвузовских договоров [1].

На сайте управления международных связей размещены:

- список зарубежных вузов-партнеров;
- условия стажировки за рубежом;
- условия стажировки в МПГУ;
- информация для иностранных учащихся о стоимости обучения и порядке поступления в МПГУ;
- полезные ссылки на фонды грантовой поддержки высшего образования [2].

В Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) управление международного сотрудничества состоит из организационного отдела и отдела международных обменов, выполняющих следующие функции:

- 1) организационный отдел:
 - осуществляет разработку договоров и соглашений, регламентирующих юридические и финансовые аспекты международной деятельности университета;
 - поддерживает регулярные контакты и связи с традиционными партнерами вуза;
 - осуществляет подготовку договоров и программ международного межвузовского сотрудничества;
 - организует культурно-образовательные программы для иностранных учащихся;
 - ведет работу с зарубежными партнерами по заграничному командированию российских участников обменных программ;

- осуществляет регулярное информирование учебных подразделений университета о существующих программах международного обмена;

- организует помощь факультетам вуза в проведении крупных мероприятий, направленных на реализацию программ международного обмена;

- осуществляет информационное обеспечение зарубежных поездок российских участников международной деятельности.

2) отдел международных обменов:

- осуществляет общее руководство и контроль над формированием контингента иностранных студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей, прибывающих в вуз по договорам и государственной линии;

- *организует и проводит культурно-образовательные программы;*

- осуществляет подготовку документов иностранных граждан для получения виз;

- организует встречи и проводы представителей зарубежных партнеров университета и граждан, приезжающих на учебу;

- осуществляет координацию учебного процесса иностранных студентов;

- *организует культурные программы в период каникул и во время учебного года;*

- оказывает помощь иностранным студентам в оформлении различного рода документов, необходимых для образовательного процесса в университете [3].

Как видим, в РГПУ им. А.И. Герцена в функции управления международного сотрудничества входит организация культурно-образовательных программ для иностранных студентов.

Далее обзорно представим информацию с сайтов государственных педагогических университетов с целью анализа использования кросс-культурного подхода к организации академической мобильности студентов в каждом вузе.

В Благовещенском государственном педагогическом университете управление международного образования и сотрудничества представлено пятью подразделениями, а именно:

1) отделом академической мобильности и проектов;

2) отделом по работе с иностранными гражданами;

3) ресурсным центром французского языка;

4) центром немецкого языка;

5) институтом Конфуция [4].

В Башкирском государственном педагогиче-

ском университете им. М. Акмуллы (г. Уфа) международная деятельность осуществляется по следующим направлениям:

- сотрудничество в научной, образовательной и культурной областях с ведущими университетами мира;

- развитие академических связей с различными международными организациями, научными и образовательными центрами;

- популяризация русского языка и литературы за рубежом;

- внедрение инновационных методов обучения и научных исследований;

- участие в программах по обмену студентами, магистрантами, докторантами;

- обеспечение участия студентов в международных семинарах, конференциях и летних школах;

- создание благоприятных условий для пребывания и обучения студентов из иностранных государств;

- *организация выставок и дней культуры с целью распространения культурного наследия, фольклора и традиций различных народов* [5].

В Волгоградском государственном педагогическом университете управление международного сотрудничества создано с целью разработки стратегии международного сотрудничества университета, обеспечения более тесной его интеграции в международное образовательное пространство, получения университетом дополнительных возможностей развития и улучшения имиджа на мировом рынке научно-образовательных услуг за счет использования инновационного потенциала [6].

В Воронежском государственном педагогическом университете международная деятельность находится в ведении центра международного сотрудничества, целью которого является, прежде всего, обеспечение образовательной и научно-исследовательской деятельности университета на международном уровне. Ежегодно Центр при поддержке зарубежных фондов проводит международные конференции, посвященные актуальным проблемам современности, и различные культурные мероприятия, такие как Франкофония, Дни Германии, фестивали восточных культур и многие другие [7].

В Дагестанском государственном педагогическом университете (г. Махачкала) развитием международной деятельности занимается отдел международных связей. Основные направления международной деятельности вуза:

- привлечение иностранных граждан для обучения по основным специальностям университета;

- реклама образовательных и научных услуг университета по России и за рубежом;
- установление творческих связей с государственными и международными организациями, работающими в области высшего образования;
- выполнение совместных учебных и научно-исследовательских проектов;
- участие преподавателей и студентов в различных международных научных конгрессах, конференциях, семинарах и т.д.;
- обмен студентами и преподавателями в рамках международных образовательных проектов [8].

В Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева действует управление международной академической мобильности, включающее в свою структуру:

- отдел по приему и набору иностранных студентов;
- отдел по организационной поддержке международного сотрудничества.

Среди информирующих функций Управления есть функция *предоставления обучающимся и преподавателям, заинтересованным в академической мобильности, информации о странах, с которыми налажено интенсивное сотрудничество* [9].

В Новосибирском государственном педагогическом университете действует управление международной деятельности и академической мобильности. Задачи управления международной деятельности и академической мобильности сводятся к следующим:

- установление партнерства и развитие договорных отношений с российскими и зарубежными вузами с целью осуществления совместных научно-исследовательских, образовательных и культурных проектов;
- обеспечение академической мобильности и программ обмена с российскими и зарубежными вузами;
- привлечение в НГПУ ведущих отечественных и зарубежных ученых и специалистов;
- разработка и реализация внутренних нормативных документов в области международного сотрудничества и внутренней академической мобильности;

- организационная поддержка подразделений НГПУ по осуществлению международной деятельности и академической мобильности;

- проведение работ, связанных с оформлением документов, обучением и проживанием иностранных граждан [10].

В Уральском государственном педагогическом университете (г. Екатеринбург) вузовский центр по работе с иностранными гражданами занимается проведением:

- комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам российского законодательства;
- тестирования по русскому языку иностранных граждан и лиц без гражданства для получения гражданства РФ;
- экзаменов на получение сертификата по русскому языку как иностранному в соответствии с российской государственной системой тестирования по русскому языку как иностранному (TOREL-TPKI);
- курсов по подготовке иностранных граждан к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ [11].

Анализ представленной на интернет-сайтах информации и нормативной документации по организации и реализации студенческой академической мобильности позволяет сделать следующие выводы:

- 1) задачу создания кросс-культурной образовательной среды не ставит ни один вышеобозначенный вуз;
- 2) системная культурно-образовательная деятельность при организации академической мобильности студентов в вузах не ведется;
- 3) только в четырех вузах из десяти (РГПУ им. А.И. Герцена, БГПУ им. М. Акмуллы, ВГПУ и КГПУ им. В.П. Астафьева) представлены некоторые направления работы по формированию кросс-культурной грамотности студентов исходящей и входящей мобильности.

Таким образом, разработка концепции организации академической мобильности студентов в педагогических высших учебных заведениях Российской Федерации на основе кросс-культурного подхода является одной из актуальных задач модернизации российского образования.

Список литературы

1. Приказ ректора МПГУ от 18.12.2012 № 679 «Об утверждении и введении в действие Положения об Управлении международных связей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://мпгу.рф/ob-mpgu/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rukovodyashhie-strukturyi/> (дата обращения: 29.07.2015).
2. Управление международных связей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://мпгу.рф/ob-mpgu/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rukovodyashhie-strukturyi/> (дата обращения: 29.07.2015).
3. Управление международного сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.herzen.spb.ru/main/structure/others/ums/> (дата обращения: 29.07.2015).
4. Положение об Управлении международного образования и сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bgpu.ru/departaments/umois/poloumois.pdf> (дата обращения: 30.07.2015).
5. Международная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bspu.ru/node/45649> (дата обращения: 30.07.2015).
6. Управление международного сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vgpu.org/mo> (дата обращения: 30.07.2015).
7. Центр международного сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vspu.ac.ru/univer/cms.html> (дата обращения: 30.07.2015).
8. Отдел международных связей ДГПУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.dgpu.net/ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 30.07.2015).
9. Положение об Управлении международной академической мобильности ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2013/12/28/ce33cdf994923f1ba503b89521250a03/729p.pdf> (дата обращения: 31.07.2015).
10. Управление международной деятельности и академической мобильности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nspu.ru/mezd_deyat/sms/index.php (дата обращения: 31.07.2015).
11. Центр по работе с иностранными гражданами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uspu.ru/crsig.html> (дата обращения: 31.07.2015).

Reference list

1. The order of the Rector of Moscow State Pedagogical University from 18.12.2012 № 679 "On approval and enforcement of the regulations on the Administration of International Relations" [Electronic resource]. – Access mode: <http://mpgu.ru/ob-mpgu/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rukovodyashhie-strukturyi/> (date of access: 29.07.2015).
2. The Administration of International Relations [Electronic resource]. – Access mode: <http://mpgu.ru/ob-mpgu/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rukovodyashhie-strukturyi/> (date of access: 29.07.2015).
3. The Administration of International Cooperation [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.herzen.spb.ru/main/structure/others/ums/> (date of access: 29.07.2015).
4. Regulation on the Administration of International Education and Cooperation [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.bgpu.ru/departaments/umois/poloumois.pdf> (date of access: 30.07.2015).
5. International activity [Electronic resource]. – Access mode: <http://bspu.ru/node/45649> (date of access: 30.07.2015).
6. The Administration of International Cooperation [Electronic resource]. – Access mode: <http://vgpu.org/mo> (date of access: 30.07.2015).
7. Center for International Cooperation [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.vspu.ac.ru/univer/cms.html> (date of access: 30.07.2015).
8. The DSPU Department of International Relations [Electronic resource]. – Access mode: <http://ru.dgpu.net/ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (date of access: 30.07.2015).
9. Regulations on the Administration of International Academic Mobility at FSBEI HPE "Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. Astaf'ev" [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2013/12/28/ce33cdf994923f1ba503b89521250a03/729p.pdf> (date of access: 31.07.2015).
10. The Administration of International Activity and Academic Mobility [Electronic resource]. – Access mode: http://www.nspu.ru/mezd_deyat/sms/index.php (date of access: 31.07.2015).
11. The Center for Work with Foreign Citizens [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.uspu.ru/crsig.html> (date of access: 31.07.2015).

УДК 378

Захарова О.А.,

кандидат педагогических наук, доцент Донского государственного технического университета,
начальник управления дистанционного обучения и повышения квалификации

СИСТЕМА НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ В СЕТЕВОМ ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы организации сетевого повышения квалификации специалистов с использованием информационно-образовательной среды и дистанционных технологий обучения. Анализируется технология оценки знаний специалистов посредством тестового контроля как эффективная педагогическая технология педагогического контроля, который выполняет оценочную, стимулирующую, развивающую, обучающую, диагностическую, воспитательную функции. Кроме того, технология обладает рядом преимуществ: небольшие временные затраты на получение объективных итогов контроля; возможность быстрой подготовки тестовых заданий; использование различных видов наглядности при подготовке тестовых заданий; равные возможности для обучающихся при контроле знаний и т.д.

Ключевые слова: сетевое повышение квалификации, корпоративное обучение, информационно-образовательная среда, педагогическое тестирование

Zakharova O.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Don State Technical University, Head of Department of Distance Education and Professional Development

THE SYSTEM OF INDEPENDENT ASSESSMENT OF KNOWLEDGE IN NETWORKING PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TECHNICIANS

The article reviews topical issues of organization of networking professional development of specialists with the use of information – educational environment and distance educational technologies. There is analyzed a technology of knowledge assessment of specialists through test control and it is an effective pedagogical technology of the control that performs evaluative, supportive, developmental, educational, diagnostic and pedagogic functions. Besides, the technology has the following number of advantages: the small time expenditures to obtain objective results of the control; the possibility of rapid preparation of test tasks; the use of various kinds of presentation in the preparation of test tasks; equal times for trainees by assessment of knowledge, etc.

Keywords: networking professional development, corporate training, information-educational environment, pedagogical testing

В настоящее время в условиях видоизменяющейся образовательной среды особую значимость приобретают направления подготовки компетентных специалистов для наукоемкого производства, способных не только решать производственные задачи, но и разрабатывать новейшие технологические проекты, концепции, прогнозы развития производства на ближайшую и отдаленную перспективы. Современный этап становления экономики характеризуется масштабной модернизацией производства, обусловленной новыми научными разработками, что достаточно ярко отражено в развитии такой отрасли, как машиностроение. Для успешного развития машиностроения требуется привлечение в

отрасль квалифицированных специалистов, от профессионального уровня которых во многом зависит успех производства. Однако уровень подготовки выпускников технических вузов не удовлетворяет требованиям работодателей, молодые инженеры не владеют компетенциями, необходимыми для работы на современном производстве в условиях непрерывной модернизации технологических процессов. Это происходит вследствие того, что классическая подготовка в университете, характеризующаяся преобладанием теории над практикой, не позволяет подготовить выпускников к работе с новым оборудованием и технологиями. Педагогические идеи, концепции и подходы, ориентированные на модернизацию систе-

мы высшего профессионального образования, не в полной мере обеспечивают подготовку специалистов для наукоемкого производства, характеризующегося информатизацией, интеллектуализацией и быстро развивающимися технологиями. Вследствие этого более половины объема профессиональных знаний выпускники учебных заведений профессионального образования вынуждены получать в системе корпоративного обучения, однако организация повышения квалификации специалистов технического профиля является для предприятий трудоемкой задачей из-за недостаточного уровня сформированности необходимых педагогических условий.

В то же время проблема подготовки преподавателей технических дисциплин для вузов, обладающих теоретическими знаниями и компетенциями в области производственных технологий, стоит столь же остро [1]. Материально-техническая база вузов на сегодняшний день не соответствует уровню современного производства, что усугубляет проблему качественной подготовки инженеров и переподготовки специалистов машиностроительной отрасли. Ключевая проблема подготовки кадров заключается в том, что университеты и высокотехнологичные отрасли развиваются раздельно, сами по себе, вне связи друг с другом, и эти два процесса идут параллельно. Для решения данной проблемы необходимо взаимодействие между предприятиями машиностроительной отрасли и образовательными организациями не только в плане доступа преподавателей к современному оборудованию, но и в их подготовке в области новых технологий.

В корпоративном секторе обучения отсутствует методология формирования профессиональных компетенций для реализации учебного процесса с учетом инноваций, преподавателям учебных центров не хватает теоретической базы, поэтому требуется разработка новых подходов к повышению квалификации, технологии формирования готовности к преподавательской деятельности как для сотрудников корпоративных учебных центров, так и для преподавателей технических вузов [2].

Задача создания системы повышения квалификации специалистов технического профиля, под которыми будем понимать преподавателей вузов технических специальностей и инженерно-технический персонал промышленных предприятий машиностроительной отрасли, носит комплексный характер. Для ее решения необходимо учитывать как интересы вузов, так и интересы специалистов промышленных предприятий. В новом подходе к созданию системы

повышения квалификации должна находиться взаимосвязанная, согласованная и целенаправленная деятельность высокотехнологичного предприятия-работодателя и вуза, осуществляющего для него подготовку квалифицированных специалистов. Такая целостная система подготовки специалистов должна строиться на партнерстве вузов с профильными предприятиями.

Наиболее эффективной формой взаимодействия между вузами и предприятиями в организации повышения квалификации специалистов технического профиля является сетевая форма, обеспечивающая использование информационно-образовательной среды вуза, материально-технологической базы предприятия и технологий корпоративного обучения.

Существует несколько подходов к трактовке сетевого взаимодействия:

- с одной стороны, сетевая форма поддержки повышения квалификации аккумулирует компоненты всех образовательных технологий с применением информационных и коммуникационных технологий (ИКТ): электронное обучение (e-Learning), дистанционное обучение, smart-обучение и др. [7 – 10];

- с другой стороны – представляет собой целенаправленное информационное взаимодействие отдельных образовательных, производственных и коммерческих предприятий, имеющих общую регламентированную цель, поддерживаемую нормативно-законодательными актами и договорами, что создает условия для создания информационно-образовательной корпоративной среды (ИОКС) [3].

Понятие «информационно-образовательная корпоративная среда» будем использовать для обозначения условий релевантного взаимодействия в рамках системы повышения квалификации, происходящего с использованием разных подсистем, набор которых может расширяться с появлением новых задач и условий, согласованное функционирование которых нацелено на формирование квалифицированных кадров для машиностроительной отрасли [4].

Под повышением квалификации специалистов технического профиля с использованием дистанционных технологий на основе ИОКС понимается способ реализации профессионального обучения в информационной системе доступных источников актуальной для обучающегося информации с возможностью ее моделирования, использованием различных способов и средств ее усвоения, созданием условий информационного сетевого взаимодействия субъектов корпоративного обучения [5].

Под *корпоративным обучением* будем понимать непрерывный процесс совершенствования профессиональных знаний, умений и опыта специалистов предприятия, превращения его в достояние предприятия с помощью специальных методов и разнообразных форм организации учебного процесса в условиях системы повышения квалификации нового типа, обладающей эмергентными свойствами и непрерывностью.

Особенностью повышения квалификации специалистов технического профиля машиностроительного производства является то, что, помимо своей профессиональной деятельности, специалисты должны: знать основы производства на предприятии, обладать навыками технологической деятельности; уметь обучать рабочих новым технологиям в условиях постоянно обновляющегося производства, т.е. обладать навыками педагогической деятельности. В то же время преподаватели технических дисциплин должны владеть знаниями новейших производственных технологий. Организация совместного повышения квалификации как преподавателей, так и специалистов позволяет достичь синергетического эффекта взаимообогащения знаниями, опытом, умениями обучающихся в общей группе.

Для контроля знаний обучающихся в ЕЦКО используется система независимой оценки знаний, представляющая собой педагогическую систему, регламентирующую проведение электронного тестирования обучающихся (рис. 1). Внедрение системы ЭМик

в деятельность ЕЦКО может проходить в несколько этапов. Первый, подготовительный этап, состоит в определении содержания тестирования и включает в себя разработку структур банков тестовых заданий по учебным модулям и наполнение банков заданиями. Формирование структур осуществляется с учетом программ повышения квалификации для разных специалистов. Система взаимосвязанных тестовых заданий, отобранных из банка заданий в соответствии с целью тестирования, составляет тест. От количества и качества тестовых заданий зависит объективность получаемой оценки. Разработка структуры банка заданий и наполнение банка заданиями является трудоемким и важным процессом. Для успешной реализации требуется специальная целенаправленная подготовка педагогического коллектива. Фонд оценочных средств ЕЦКО содержит набор тестов и проектных заданий для разных видов контроля: входного, организуемого перед изучением каждого модуля; текущего, проводимого после изучения обязательных, специализированных модулей; и выходного, аттестационного, оценивающего уровень освоения программы повышения квалификации специалистов в целом. Второй этап состоит в отработке процедуры проведения тестирования, в ходе которого формируется технология тестирования – способ организации и выполнения тестирования с регламентированными результатами, моделью их обработки и анализа.

Основными компонентами реализации технологии тестирования в ЕЦКО являются: дидактическая

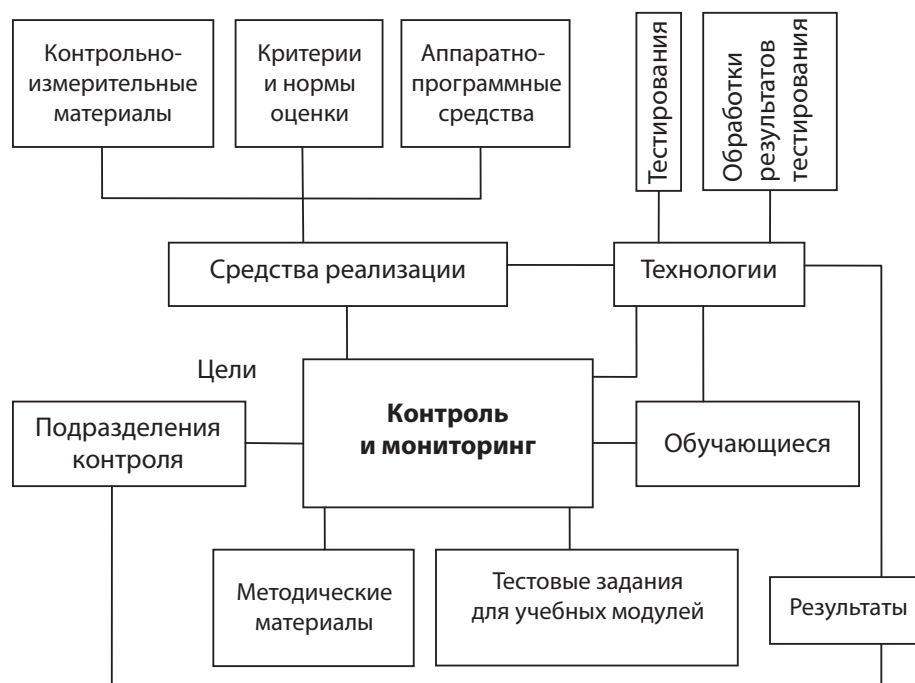

Рис. 1. Компоненты педагогической системы контроля

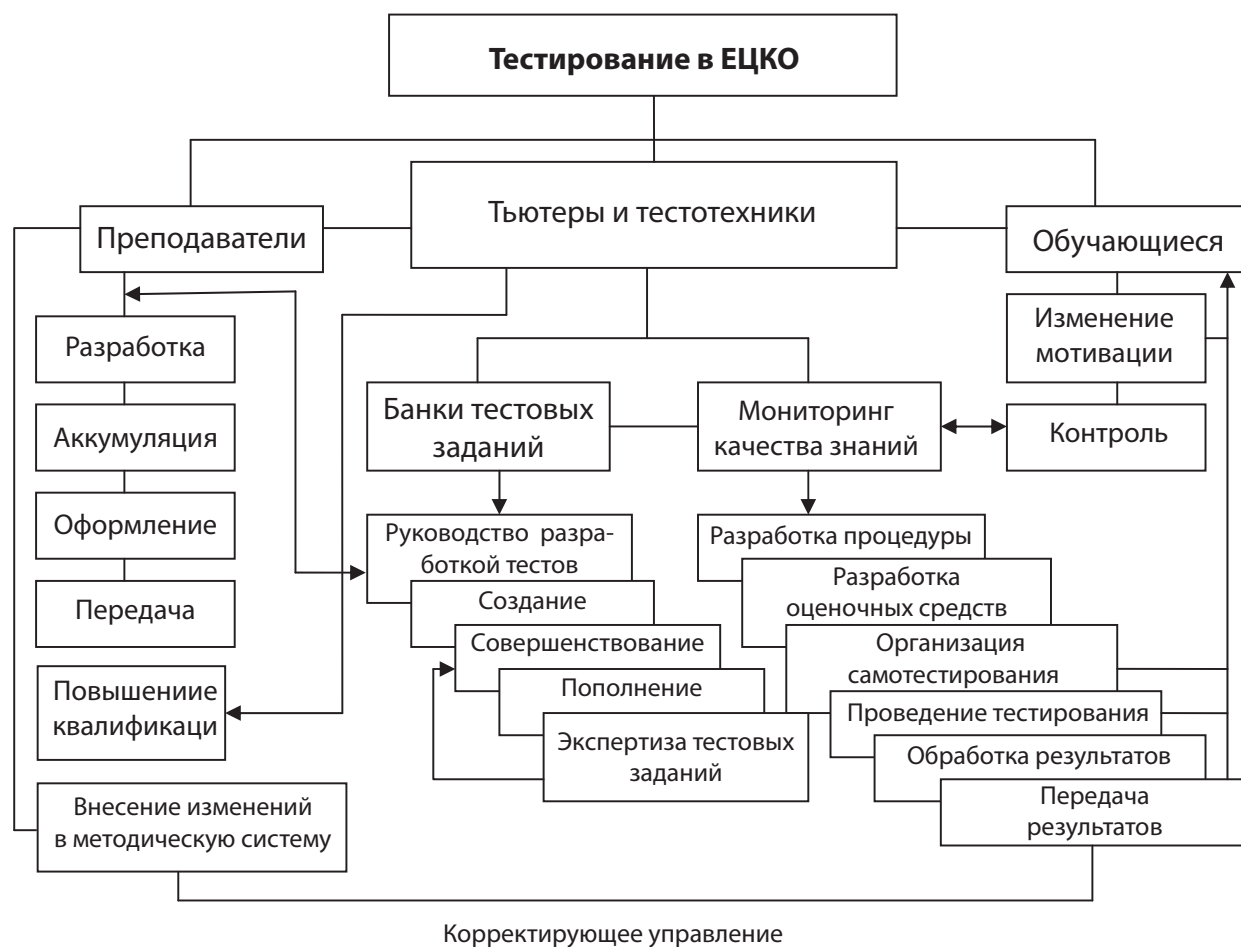

Рис. 2. Структурно-функциональная модель технологии тестирования в ЕЦКО

теория тестирования, аппаратно-программные средства тестирования, определяющие процедуру тестирования, и статистическая теория, используемая для обработки и анализа результатов (рис. 2). Определяющими для технологии являются следующие характеристики: количество заданий теста, время выполнения, шкала оценивания, режим и вид тестирования, зависящие от цели тестирования. При компьютерном тестировании различают автоматический, полуавтоматический и автоматизированные тесты. В нашем случае для проведения тестирования в автоматическом режиме используется портал «СКИФ», разработанный для использования в ЕЦКО.

Портал позволяет формировать структуру хранилища тестовых заданий, наполнять хранилище заданиями, проводить тестирование на основе определенного набора заданий, сохранять и обрабатывать результаты тестирования с предоставлением отчетов. Таким образом, для компьютерного тестирования необходим Интернет и компьютерные классы, позволяющие выполнить тестовые задания на портале «СКИФ».

В процессе проведения педагогического эксперимента было организовано входное тестиро-

вание специалистов с использованием процедуры мобильного тестирования, которая состояла в применении мобильных и портативных ИТ-устройств, таких как карманные компьютеры PDA (Personal Digital Assistants), мобильные телефоны, ноутбуки и планшетные ПК. В этом случае электронные устройства обучающихся использовались для тестирования посредством их подключения к portalу «СКИФ» через Wi-Fi. Преимущество использования мобильного тестирования обусловлено следующими особенностями современного общества:

- использование сети Интернет в качестве образовательного инструмента;
- использование мобильных устройств в качестве средств оперативного доступа к глобальной сети;
- наличие и широкое использование мобильных устройств ввиду их ценовой доступности;
- наличие мотивации и опыта использования мобильных устройств молодыми специалистами;
- быстрое развитие и внедрение мобильных технологий.

Из опыта проведения тестирования в ЕЦКО можно сделать вывод об эффективности сочетания

компьютерных и мобильных технологий для контроля знаний обучающихся в системе подготовки и повышения квалификации специалистов технического профиля.

Необходимость использования технологии компьютерного тестирования в качестве инструмента измерения знаний в ЕЦКО требует оценки методики составления тестов, которая должна осуществляться на основе анализа экспериментальных данных тестирования. Исследовались надежность, трудность, валидность тестов. Анализ тестов позволил считать результаты тестирования объективными в рамках предложенной технологии и определять процедуру формирования тестов, основой которой является апробация тестов. Для того чтобы тест мог служить поставленной цели измерения, необходимо проводить апробацию тестов и анализировать ее результаты. Это позволит настроить тест на необходимые с точки зрения цели тестирования и уровня знаний тестируемых параметры. К параметрам теста отнесем: нормальность распределения баллов тестирования; надежность; содержательную, диагностическую и прогностическую валидность – возможность достоверно проверить знания содержания учебных модулей, правильно их оценить и сделать точный прогноз. Таким образом была определена процедура формирования тестов (рис. 3).

В процессе разработки и внедрения системы мониторинга знаний в ЕЦКО проводились следующие типы тестирования: демо-тестирование, тестирование остаточных знаний, входное, текущее или рубежное, итоговое, аттестационное. Результаты тестирования позволили сравнить уровень подготовки отдельных обучающихся по различным программам повышения квалификации; оценить наиболее трудные и легкие вопросы, а значит, выявить проблемные разделы содержания учебных модулей.

Это помогает преподавателям и тьютерам скорректировать процесс обучения. Анализ тестов и тестовых заданий позволяет наметить направления дальнейшей работы с фондом оценочных средств: экспертиза тестовых заданий, классификация заданий банка по уровню сложности, подготовка к адаптивному тестированию [6].

Таким образом, электронное тестирование в ЕЦКО представляет собой эффективную технологию педагогического контроля специалистов, которая выполняет оценочную, стимулирующую, развивающую, обучающую, диагностическую, воспитательную функции. Кроме того, обладает рядом преимуществ: небольшие временные затраты на получение объективных итогов контроля; возможность быстрой подготовки тестовых заданий; использование различных видов наглядности при подготовке тестовых заданий;

Рис. 3. Процедура формирования тестов

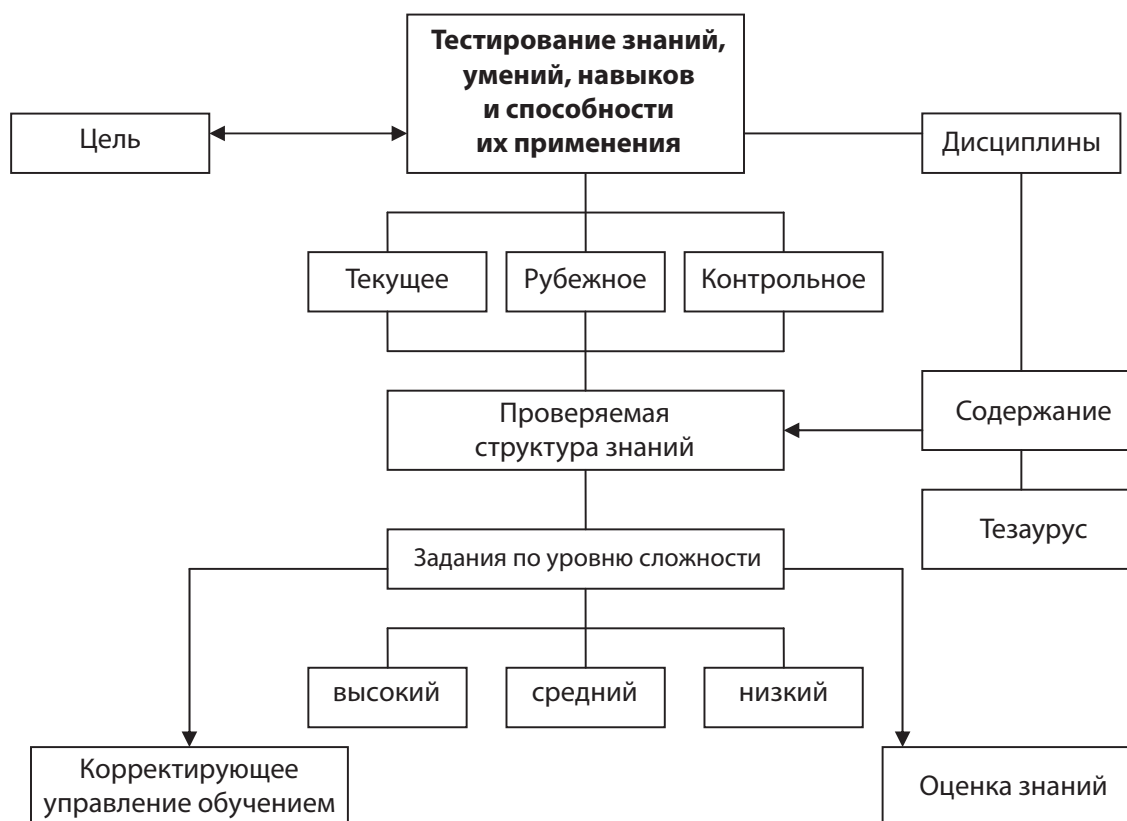

Рис. 4. Схема тестового адаптивного контроля знаний

равные возможности для обучающихся специалистов при контроле знаний и др. Разработка и реализация системы независимой оценки знаний в ЕЦКО означает внедрение в педагогическую систему подготовки и повышения квалификации специалистов технического профиля перспективной развивающейся образовательной технологии, какой является компьютерное тестирование. Приоритеты современного общества требуют повышения качества подготовки специалистов высокой квалификации. Для этого важны открытость и доступность информации в соответствии с уровнем учебных достижений обучающихся, в обе-

спечении которых способна помочь система независимой и объективной оценки знаний. В основу такой системы может быть положено тестирование как один из подходов измерения структуры и качества знаний, используемый в системе повышения квалификации [6]. Современный уровень развития компьютерных технологий обуславливает возможность электронной поддержки тестирования и позволяет создать на его основе систему эффективного контроля и мониторинга (ЭМик) для оценки знаний обучающихся, реализуемую в рамках инновационной технологии подготовки специалистов.

Список литературы

1. Ахметжанова Г.В. Инновационные подходы формирования готовности личности к педагогической деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 227–230.
2. Ахметжанова Г.В. Функционально-личностная технология развития педагогической функции в системе непрерывного образования // Педагогическая деятельность как социокультурный феномен. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2011. – С. 6–30.
3. Захарова О.А. Организация сетевой формы повышения квалификации специалистов технического профиля в соответствии с принципом профессиональной целесообразности // Образовательные технологии и общество. – 2014. – Т. 17. – № 2. – С. 502–518.
4. Захарова О.А., Везиров Т.Г., Ядровская М.В. Дистанционные технологии и электронное обучение в профессиональном образовании. – Ростов н/Д., 2015.
5. Захарова О.А., Черкесова Л.В., Акишин Б.А., Манаенкова О.Н., Никишина Т.Г. Методологические и теоретические основы создания педагогических тестов по информатике (часть 1) // Известия Южного федерального университета. Серия: Педагогические науки. – 2015. – № 3. – С. 31–46.

6. Захарова О.А., Черкесова Л.В., Акишин Б.А., Манаenkova О.Н., Никишина Т.Г. Методологические и теоретические основы создания педагогических тестов по информатике (часть 2) // Известия Южного федерального университета. Серия: Педагогические науки. – 2015. – № 3. – С. 31–46.
7. Зенкина С.В. Компьютерные обучающие системы: дидактические особенности создания и применения в высшем профессиональном образовании. – Ставрополь, 2007.
8. Зенкина С.В., Герасимова Е.К. Использование сетевых сервисов в подготовке современных электронных учебных материалов // Информатика и образование. – 2014. – № 6 (255). – С. 49–52.
9. Кузнецов А.А., Зенкина С.В. Учебник в составе новой информационно-коммуникационной образовательной среды: методическое пособие. – М., 2010.
10. Кузнецов А.А., Зенкина С.В. Учебник в составе новой информационно-коммуникационной образовательной среды // Информатика и образование. – 2009. – № 6. – С. 3–11.

Reference list

1. Akhmetzhanova G. Innovative approaches of formation of preparedness of personality to pedagogical activity // Vektor Nauki of Togliatti State University. 2012. № 1. P. 227–230.
2. Akhmetzhanova G. Functional-personal technology of pedagogical function development in the system of continuing education // Pedagogical activity as a socio-cultural phenomenon. Togliatti: TSU publishing office, 2011. P. 6–30.
3. Zakharova O. Networking form organization of technicians' training in accordance with the principle of professional advisability // Educational technology and society. 2014. V. 17. № 2. P. 502–518.
4. Zakharova O., Vezirov T., Yatrovskaya M. Distance technologies and e-training in professional education. Rostov-on-Don, 2015.
5. Zakharova O., Cherkesova L., Akishin B., Manaenkova O., Nikishina T. Methodological and theoretical basis for the creation of pedagogical tests on computer science (part 1) // News – bulletin of Southern Federal University. Series: Pedagogical sciences. 2015. № 3. P. 31–46.
6. Zakharova O., Cherkesova L., Akishin B., Manaenkova O., Nikishina T. Methodological and theoretical basis for the creation of pedagogical tests on computer science (part 2) // News – bulletin of Southern Federal University. Series: Pedagogical sciences. 2015. № 3. P. 31–46.
7. Zenkina S. Computer-based training systems: Didactic features for the creation and application in higher professional education. Stavropol', 2007.
8. Zenkina S., Gerasimova E. The use of networking services in the preparation of modern e-training materials // Informatics and Education. 2014. № 6 (255). P. 49–52.
9. Kuznetsov A., Zenkina S. Textbook as a part of new information-communication educational environment: Methodological manual. M., 2010.
10. Kuznetsov A., Zenkina S. Textbook as a part of new information-communication educational environment // Informatics and Education. 2009. № 6. P. 3–11.

УДК 378

Агарагимова В.К.,

кандидат педагогических наук, доцент факультета социальной педагогики и психологии Дагестанского государственного педагогического университета

Гасанова С.С.-Г.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета специального (дефектологического) образования Дагестанского государственного педагогического университета

Кабардиева Ф.А.,

кандидат педагогических наук, ассистент факультета социальной педагогики и психологии Дагестанского государственного педагогического университета

САМООБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье авторы формулируют точку зрения, основанную на убеждении, что самообразование должно непрерывно формироваться на всех этапах обучения в вузе. Самообразование рассматривается как один из показателей уровня профессиональной культуры, компетентности. Раскрываются каналы, средства, источники получения студентами информации, взаимосвязь между уровнем информированности и профессионализмом. Особое внимание уделяется компетенциям, необходимым для становления конкурентноспособного педагога-специалиста. Авторы приходят к выводу, что роль самообразования в росте профессиональной компетентности многопланова. Она тесно связана с содержанием профессиональной деятельности, с мировоззрением, нравственностью, интеллектом и др. Сочетание внешних и внутренних факторов, благоприятствующих реализации самообразования, – залог постоянного роста профессиональной компетентности будущего специалиста, его профессиональной значимости.

Ключевые слова: мотивированность, самосовершенствование, профессиональная компетентность, рефлексия.

Agaragimova V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology of the Dagestan State Pedagogical University

Gasanova S.,

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Faculty of Special Defectology Education of the Dagestan State Pedagogical University

Kabardieva F.,

PhD in Pedagogy, Assistant Lecturer of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology of the Dagestan State Pedagogical University

SELF-EDUCATION AS A MEANS OF IMPROVING PROFESSIONAL COMPETENCE OF INTENDED EDUCATORS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING

In the article the authors formulate a point of view which is based on the belief that self-education should continuously be formed at all stages of training at higher education institution. Self-education is considered as one of the indicators of the level of professional culture and competence. There are represented the channels, means, sources of obtaining information by students and the interrelation between level of awareness and professionalism. Special attention is paid to the competencies which are required for competitive educator-specialist. Article authors conclude that the role of self-education in updating of professional competence is multifaceted. It is closely associated with content of professional activity, outlook, morality, intelligence and etc. The conjunction of external and internal factors is to be conducive to the realization of self-education – the key of updating of professional competence of intended specialist and its professional importance.

Keywords: motivation, self-improvement, professional competence, reflection

История развития общественных формаций может служить убедительным подтверждением того тезиса, что темпы социально-экономических перемен неуклонно растут. В этой тенденции проявляется закономерный результат научно-технического прогресса как следствие целенаправленной интеллектуальной деятельности. Создаваемые образцы новой техники, проектные разработки передовых технологий, другие новации ждут своего внедрения практически во все сферы социальной деятельности. Многое зависит от профессиональной квалификации специалистов. Современное общество оказалось в такой ситуации, в которой уровень квалификации значительной части специалистов не в полной мере удовлетворяет общественные потребности [5; 6].

В системе образования также становятся заметны кризисные явления, выражающиеся, в частности, в снижении у обучающихся уровня знаний, нравственных и культурных качеств. Поэтому основным направлением реформирования системы образования является внедрение в практику образовательных учреждений компетентностного подхода, предполагающего целенаправленное формирование у студентов «ключевых» компетенций – совокупности навыков оптимального решения профессиональных проблем. Таким образом, подчеркивают исследователи, особенно важной становится подготовка специалиста, обладающего востребованными на рынке труда компетенциями, личностными качествами, позволяющими ему постоянно и целенаправленно работать над повышением уровня своей профессиональной компетентности [7].

Прогресс в социальном развитии общества видится прежде всего в том, чтобы удовлетворить разносторонние (не только материальные, но и духовные, культурные и др.) потребности людей. Важно создавать такие условия, в которых рост профессиональной квалификации кадров был бы естественной потребностью людей, которую они стремились бы реализовать постоянно и неуклонно. Тогда самообразование каждого специалиста может стать одним из способов реализации его потребности в самосовершенствовании и как личности, и как профессионала. Используя самообразование, специалист может заниматься целенаправленным поиском источников информации (монографии, журнальные статьи, диссертационные работы, материалы различных профессионально ориентированных интернет-ресурсов и пр.), конференции, форумы, симпозиумы и т.д., т.е. он должен уметь ориентироваться в них и находить нужную информацию. В ходе самообразования спе-

циалист может усваивать новые знания, трансформировать освоенное для своей профессиональной работы, готовить новые проекты, принимать конструктивные решения. Поэтому самообразование рассматривается как важный аспект профессиональной деятельности специалиста, реализуемый с целью улучшения своих личностных качеств и способности осуществлять профессиональную деятельность на более высоком уровне [1; 2].

Проявление самообразования в росте профессиональной компетентности характеризуется определенными действиями. Чтобы реализовать самообразовательный процесс, необходимо самостоятельно ориентироваться в научно-практической информации, отбирать нужный материал, осваивать его и применять к предмету профессиональной деятельности. Здесь важно подчеркнуть зависимость результатов профессиональной деятельности от соответствующей способности личности к самообразованию. Речь идет о ее потребностях в новых знаниях, о базовой подготовке, об умении работать с информацией и организации условий для работы, а также самомобилизации всех личностных резервов на скорейшее усвоение знаний. Если студент в достаточной мере овладеет способностью к самообразованию, то его профессиональная деятельность по овладению новыми методиками, по внесению принципиально новых предложений, направленных на их совершенствование, будет значительно эффективнее, с более ценными результатами. Следовательно, переплетаясь между собой, способности будущего специалиста к освоению новых технологий, к творческой работе по их совершенствованию и самообразованию в специально-предметной сфере деятельности дают новое качество, которое характеризует его компетентность в соответствующей профессиональной деятельности. Такого рода качествами должны обладать все представители образовательной сферы [4; 7].

На рост профессиональной компетентности каждого специалиста существенно влияют его личностные качества. Преданность профессии в значительной мере обуславливает потребность заниматься всем тем, что с нею связано. Эмоционально-волевая сфера, инициативность, предприимчивость предполагают осуществление задуманного. Большое значение придается общению, сотрудничеству, обмену опытом, сплочению коллектива, в котором создаются все условия для раскрытия потенциальных возможностей и роста компетентности всех его членов. При этом необходимо уделить должное внимание самовоспитанию личности, которое связано с прояв-

лением ею соответствующих качеств, совершенствованию поступков, мобилизацией всех внутренних ресурсов на осуществление конкретных действий. Чтобы научиться рациональному самовоспитанию, необходимо осваивать соответствующий социальный опыт. Важным способом освоения социального опыта по самовоспитанию служит самообразование. Рассматривая самообразование как часть будущей профессиональной деятельности, следует особо отметить, что самовоспитание готовности к самообразованию, забота о постоянном росте его уровня – важная сторона самосовершенствования, которая в значительной мере определяет скорость роста профессиональной компетентности. Это как раз соответствует стратегии всестороннего развития личности.

Каждый человек, живя в обществе, выступает носителем его морали независимо от субъективного отношения к ее содержанию. В то же время общество заинтересовано в том, чтобы внутреннее отношение его членов к социальным ценностям было бы по меньшей мере терпимым и не наносило бы ущерб окружающим. Общепринятую социальную ценность несут идеи гуманизма, сотрудничества, партнерства и др. Жизнеспособное общество глубоко заинтересовано в определенных нравственных качествах своих членов. В первую очередь в таких, которые проявляются в профессиональной деятельности, так как именно этой деятельностью специалист вносит свой вклад в развитие общества. Поэтому в профессиональной компетентности необходимо вычленять ее нравственную характеристику. Роль самообразования в развитии нравственной характеристики будущих специалистов должна быть весьма значимой, так как их внутренняя убежденность в необходимости развития своих духовных и душевных качеств, воспитание в себе культуры поведения является весомой предпосылкой реализации самообразования в сфере мировоззренческих знаний. Для специалиста особую социальную ценность имеют мировоззренческие аспекты, относящиеся непосредственно к профессиональной деятельности. Соблюдение заповеди «Не навреди» возможно лишь тогда, когда специалист является высоконравственной личностью, глубоко понимающей последствия тех или иных профессиональных действий и стремящейся осуществлять лишь то, что может приносить пользу окружающему миру [3; 4]. Поэтому на основании вышеизложенного можно рассматривать самообразование как систему, в которой выделяются мотивационные, организаторские, рефлексивные составляющие, каждая из которых имеет определенные особенности. Мотивационная

составляющая предполагает умение активизировать собственный позитивный интенциональный опыт (предпочтения, убеждения, настроение), определять смысл в выполняемых действиях и поддерживать оптимальный уровень мотивации в самообразовании, стимулировании собственного интеллектуального развития.

Организаторская составляющая подразумевает определение этапов работы над текущей задачей, организацию рабочего пространства, определение объема информации с привлечением дополнительных источников для выполнения, а также умение ориентироваться в потоке информации с использованием высокой скорости чтения, умения составлять тезисы, делать «информационную выжимку».

Рефлексивная составляющая включает в себя определенные способности к анализу, синтезу, обобщению, абстракции; умение критично и объективно относиться к результатам, выбирать адекватные формы оценки; способность управлять собой.

Данная классификация позволила определить необходимые психолого-педагогические условия самообразования и роста профессиональной компетентности студентов. В первую очередь это повышение уровня мотивации к учебно-профессиональной деятельности с опорой на самовоспитание и самосовершенствование. Во-вторых, необходимо формировать базовые понятия изучаемых дисциплин с учетом современных требований к уровню подготовки в вузе. В-третьих, обучать приемам планирования собственной деятельности и работы с различной информацией, способам ее переработки и хранения.

Проведенный анализ роли самообразования в повышении профессиональной компетентности будущих педагогов позволяет сделать следующие выводы.

1. Самообразование – это часть профессиональной деятельности, а готовность к самообразованию является важной способностью специалиста, что позволяет ему ориентироваться в стремительном потоке социальной, психолого-педагогической, мировоззренческой и другой информации.
2. Рост профессиональной компетенции существенно зависит от способности к самообразованию. Многоплановый характер педагогической деятельности вызывает необходимость разнообразия самообразовательных сфер.
3. Важное условие роста профессиональной компетенции – непрерывность самообразования. Постоянно работая над собой, заботясь о собственном уровне готовности к самообразованию, о компетент-

ности в различных направлениях профессиональной деятельности, каждый студент повышает уровень своей квалификации.

4. Необходимы четкие рекомендации по совершенствованию самоорганизации и самообразования.

Анализ практического решения данной проблемы показывает, что роль самообразования в повышении профессиональной компетентности мно-

гопланова. Она существенно связана с содержанием профессиональной деятельности, с мировоззрением, нравственностью, интеллектом и т.д. Сочетание внешних и внутренних факторов, благоприятствующих реализации самообразования, – залог постоянного роста профессиональной компетентности будущего специалиста, его профессиональной значимости.

Список литературы

1. Агарагимова В.К. Формирование коммуникативной культуры студентов в системе профессионального образования // Известия Южного федерального университета. – 2009. – № 3. – С. 101–107.
2. Агарагимова В.К. Социально-педагогическая проблема воспитания дагестанской молодежи // Известия ДГПУ. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 2 (25). – С. 20–25.
3. Винокурова Н.В. Инновационная модель практической подготовки будущего педагога // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2. – С. 46–48.
4. Ефремова О.Н. О методах организации самостоятельной работы студентов // Высшее образование в России. – 2011. – № 2. – С. 149–153.
5. Насиновская Е.Е. Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода // Психология в вузе. – 2003. – № 1–2. – С. 34–37.
6. Шкерина Л.В. Обновление системы качества подготовки будущего учителя в педагогическом вузе. Красноярск, 2005. – 274 с.
7. Шукшина Т.И., Татьяна Т.В. Развитие профессиональной педагогической компетентности педагога высшей школы с использованием гуманитарных технологий // Российский научный журнал. – 2010. – № 17. – С. 79–84.

Reference list

1. Agaragimova V. Formation of communicative culture of students in professional education system // Bulletin of Southern Federal University. – 2009. – № 3. – P. 101–107.
2. Agaragimova V. Socio-pedagogical issue of education of Dagestan youth // Bulletin of DSPU. Series: Psychopedagogical sciences. – 2015. – № 2 (25). – P. 20–25.
3. Vinokurova N. Innovative model of practical training of intended educator // Humanities and Education. – 2012. – № 2. – P. 46–48.
4. Efremova O. On the methods of organization of students' independent work // Higher education in Russia. – 2011. – № 2. – P. 149–153.
5. Nasinovskaya E. The issues of the personality's motivation from the position of the effective approach // Psychology in higher education institution. – 2003. – № 1–2. – P. 34–37.
6. Shkerina L. Updating the system of quality of intended educator's training at pedagogical higher education institution. Krasnoyarsk, 2005.
7. Shukshina T., Tat'yanina T. The development of professional pedagogical competence of educator of higher school with use of humanitarian technologies // Russian Scientific Journal. – 2010. – № 17. – P. 79–84.

УДК 159.9.072

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий Российского государственного социального университета

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ ПРИ ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

В статье представлены данные об отношении к смерти респондентов с разными вариантами жизненного пути: лиц с нормативным поведением, алкогользависимых, наркозависимых респондентов и суицидентов юношеского, молодого и зрелого возрастов. Здоровым респондентам, больным хроническим алкоголизмом и лицам с суицидальным поведением свойственно амбивалентное (противоречивое) отношение к смерти, лицам с наркотической зависимостью – пессимистичное. Выраженные возрастные различия в отношении к смерти обнаружены в группах наркоманов и суицидентов: негативное отношение к смерти свойственно наркозависимым и лицам юношеского возраста с суицидальным поведением.

Ключевые слова: отношение к смерти, юность, молодость, зрелость, нормативное поведение, девиантное поведение, возрастные различия

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student of Chair of Developmental Psychology of Faculty of Psychology Education of the Moscow City University of Psychology and Pedagogy, Associate Professor of Chair of Labour Psychology and Service Activity of Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptive-Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University

CORRELATION TO DEATH WITH DEVIANT BEHAVIOR AT VARIOUS AGE STAGES

This article presents the following data about the correlation to the death of respondents with various variants of life path: individuals with normative behavior, alcohol-dependents, drug-dependent respondents and suicides of juvenile, young and mature ages. The ambivalent (contradictory) correlation to death is to provide for healthy respondents, patients with chronic alcoholism and those with suicidal behavior; individuals with drug dependence have a pessimistic. The following pronounced age differences in correlation to death have been discovered in groups of drug-dependents and suicides: a negative correlation to death is to provide for drug-dependents and individuals of juvenile age with suicidal behavior.

Keywords: correlation to death, juvenility, youth, maturity, normative behavior, deviant behavior, age differences

Проблема смерти является одной из важнейших экзистенциальных проблем человека. Она находится в перекрестье различных мифологических, религиозных, философских, медицинских и психологических систем. Еще в Месопотамии, в IV тысячелетии до нашей эры шумеры задавались вопросами посмертного существования души и устройства загробного мира [1].

В древнеегипетской «Книге мертвых» описывается, как во втором тысячелетии до нашей эры представители одной из древнейших и самых загадочных цивилизаций относились к проблеме ответственно-

сти человека за свои поступки в течение жизни, имеющие значение для его посмертной судьбы: загробный суд Осириса определяет, вел умерший праведную жизнь или тяжко грешил, отправится он в рай, или его пожрут чудовища [4].

В античных мифологических, религиозных и философских концепциях доминирует однозначно негативное отношение к смерти и страх перед безрадостным и призрачным загробным существованием, ожидающим каждого усопшего, независимо от того, был он добродетельным или грешником, храбрецом или трусом. Кроме того, смерть внезапна – ни один

смертный не знает, когда судьба – мойра – перережет нить его жизни и лишит земных радостей [6].

В буддизме отношение к жизни и смерти значительно отличается от прочих культурфилософских концепций. Жизнь и смерть – это неразделимое целое, две стороны одной медали. Принятие смерти, позитивное отношение к смерти – неперемное условие осмысленности жизни, достойного существования, которое поможет человеку вырваться из колеса сансары (бесконечной цепи перерождений) и достичь нирваны – абсолютного блаженства. Главная причина человеческих страданий и главное препятствие к достижению нирваны – привязанность к жизни, страх перед осознанием своей смертности и конечности [9].

В христианстве смерть рассматривается прежде всего в духовно-нравственном аспекте. Телесная смерть всегда мучительна, но, если человек вел жизнь истинного христианина, он может достойно подготовиться к смерти и обрести бессмертие души. Страх перед смертью трансформируется в страх перед тем, куда – в ад или в рай – отправится душа после кончины человека [4].

В.Ш. Сабилов выделяет четыре парадигмы в отношении к смерти:

- трактовка смерти и конечности человеческого существования (онтология смерти);
- оценка (аксиология) смерти;
- представления о бессмертии (метафизика смерти);
- моральные императивы (нормативная этика) смерти [7].

Современная психология смерти (танатопсихология) развивается в основном в следующих направлениях: изучение влияния отношения к смерти и осознания факта собственной смертности на развитие личности; создание адекватных и эффективных моделей психологического сопровождения безнадежных больных в терминальных состояниях, пожилых людей и их родственников; анализ переживаний и воспоминаний людей, находившихся в состоянии клинической смерти [3; 8; 9; 10]. Начавшаяся с прошлого века тенденция западного массового сознания к вытеснению мыслей о смерти привела к тому, что люди стараются не задумываться над феноменом конечности своего существования, отрицают факт приближающейся смерти, не желают и не могут подготовиться к ней [2]. Наблюдается дефицит исследований, посвященных изучению отношения к смерти как к экзистенциальному феномену, особенно среди молодежи и юношества.

Организация и методика исследования

Исследование особенностей отношения к смерти у респондентов разных возрастных групп и с разными вариантами жизненного пути проводилось в период с 2012 по 2014 гг. на базе психиатрических и наркологических клинических больниц, НИИ наркологии Департамента здравоохранения г. Москвы, НИИ психиатрии Министерства здравоохранения РФ, одного из московских центров психологической помощи, а также на базе факультетов дополнительного профессионального образования ряда московских вузов. Было обследовано 1595 испытуемых, находящихся на трех этапах онтогенетического развития: юности (17–23 лет), молодости (24–35 лет), зрелости (36–60 лет). Наибольшее число респондентов включала в себя выборка условно здоровых испытуемых, без признаков личностных расстройств и поведенческих девиаций: 1190 обследованных юношеского, молодого и зрелого возрастов. В выборку № 2 вошли 126 лиц, страдающих алкоголизмом, тех же возрастных категорий. Выборку № 3 составили 167 наркозависимых испытуемых, находящихся на тех же возрастных этапах. Наконец, последняя, четвертая выборка, включила в себя 130 суицидентов юношеского, молодого и зрелого возрастов. Выборки были уравниены по половому и образовательному критериям.

В данном исследовании решались следующие задачи:

- определить тип отношения к смерти испытуемых с нормативным и отклоняющимся поведением;
- сравнить особенности отношения к смерти условно здоровых респондентов, испытуемых, страдающих наркоманией и алкоголизмом, и лиц с суицидальным поведением в юности, молодости и зрелости.

Для решения данных задач была использована методика «Отношение к смерти» И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич, включающая в себя 10 закрытых вопросов, посвященных проблемам жизни и смерти. В результате проведенного количественного анализа полученных данных отношение к смерти может быть расценено как оптимистичное (показатель превышает (+3) балла), амбивалентное (показатель в диапазоне от 0 до (+3) балла) или пессимистичное (показатель находится в отрицательном диапазоне, т.е. <0) [5].

Результаты проведенного исследования

При апробации методики «Отношение к смерти» на выборках респондентов с нормативным поведением из разных стран мира (2011–2012 гг.) группа

россиян составила сравнительно небольшое количество испытуемых – 133 респондента юношеского и зрелого возрастов, все – либо с незаконченным высшим (студенты вузов), либо с высшим образованием (магистры, аспиранты, преподаватели вузов). Полученный среднегрупповой показатель отношения к смерти равнялся 2,92 балла – отношение амбивалентное, но близкое к оптимистичному [5]. При увеличении выборки почти в девять раз среднегрупповой показатель отношения к смерти условно здоровых россиян юношеского, молодого и зрелого (самых продуктивных) возрастов существенно (в 1,8 раза) снизился и достиг уровня 1,61 балла, оставаясь при этом амбивалентным, т.е. противоречивым (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1 и на гистограмме 1, среднегрупповой показатель отношения к смерти лиц с суицидальным поведением практически не отличается от этого значения в группе нормы (1,57 и 1,61 балла соответственно) и также свидетельствует о противоречивом отношении к смерти респондентов выборки № 4.

Незначимо отличается от показателя группы нормы среднегрупповой показатель по этой методике выборки № 2 – алкогользависимых испытуемых (1,16 балла).

Как видно из таблицы 2, не выявлено статистически значимых различий в показателях отношения к смерти ни между группой нормы и группой алкогользависимых, ни между группой нормы и группой суицидентов. Также незначимы различия между больными алкоголизмом и респондентами с суицидальным поведением.

Достоверные, на высоком уровне значимости, различия в отношении к смерти выявлены только между здоровыми и наркозависимыми респондентами ($p < 0,000$). Также различия в показателях методики статистически достоверны между нарко- и алкогользависимыми, наркозависимыми и суицидентами: самый низкий показатель, к тому же относящийся к отрицательному диапазону и, соответственно, свидетельствующий о пессимистичном отношении к смерти, зафиксирован в группе наркоманов. Это хорошо видно на рис. 1.

Таблица 1.

Среднегрупповые показатели отношения к смерти респондентов с нормативным и отклоняющимся поведением

Группа испытуемых	Среднегрупповое значение	Стандартное отклонение
Норма	1,61	2,973
Алкоголики	1,16	3,162
Наркоманы	-0,18	3,660
Суициденты	1,57	3,455
Всего	1,39	3,152

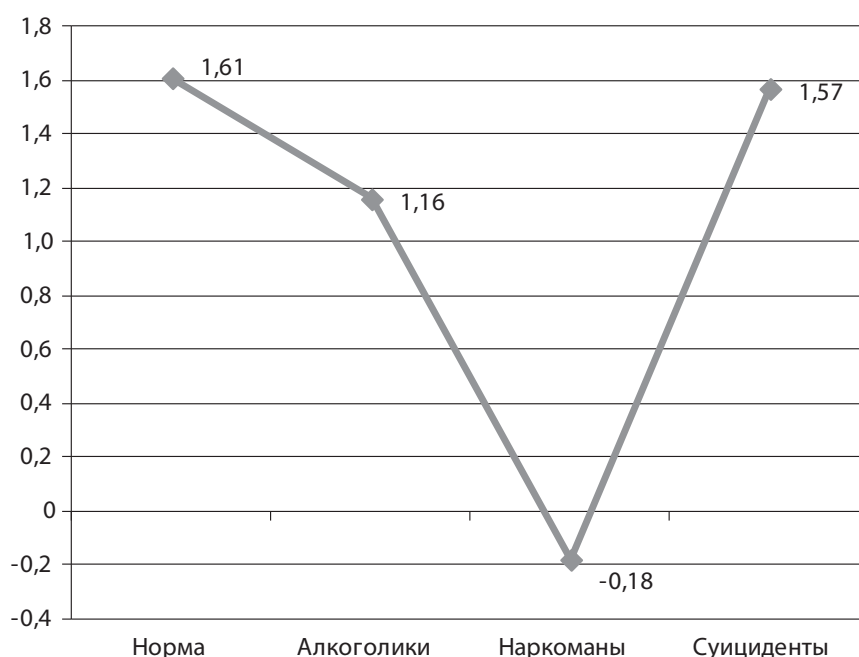

Рис. 1. Отношение к смерти респондентов с нормативным и девиантным поведением

Таблица 2.

Групповые различия в показателях отношения к смерти

Множественные сравнения						
Зависимая переменная: отношение к смерти, общий балл						
НЗР						
(I) Группа испытуемых	(J) Группа испытуемых	Средняя разность (I-J)	Стандарт. ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Норма	Алкоголики	0,46	0,319	0,154	-0,17	1,08
	Наркоманы	1,79*	0,254	0,000	1,29	2,28
	Суициденты	0,04	0,287	0,886	-0,52	0,60
Алкоголики	Норма	-0,46	0,319	0,154	-1,08	0,17
	Наркоманы	1,33*	0,387	0,001	0,57	2,09
	Суициденты	-0,41	0,410	0,313	-1,22	0,39
Наркоманы	Норма	-1,79*	0,254	0,000	-2,28	-1,29
	Алкоголики	-1,33*	0,387	0,001	-2,09	-0,57
	Суициденты	-1,74*	0,361	0,000	-2,45	-1,04
Суициденты	Норма	-0,04	0,287	0,886	-0,60	0,52
	Алкоголики	0,41	0,410	0,313	-0,39	1,22
	Наркоманы	1,74*	0,361	0,000	1,04	2,45
Основаны на наблюдаемых средних. Погрешность – Средний квадрат (Ошибка) = 9,650.						
* Средняя разность значима на уровне ,05						

Таблица 3.

Среднегрупповые показатели отношения к смерти респондентов с нормативным и отклоняющимся поведением в юности, молодости и зрелости

Возрастная группа	Среднее значение			
	Норма	Алкоголики	Наркоманы	Суициденты
1 (юность)	1,730	0,778	-1,193	0,317
2 (молодость)	1,768	1,881	0,352	2,558
3 (зрелость)	1,371	0,635	0,302	2,154

Если испытуемые с суицидальным поведением и алкогольной зависимостью дают пессимистические ответы в основном на вопросы, касающиеся актуальной жизненной ситуации (например, представляют свою жизнь цепью неприятностей, страданий, потерь, характеризуют ее как никчемную и не имеющую смысла), то у наркозависимых личностей, особенно ВИЧ-инфицированных, доминируют неприятие смерти, гнев, обида, агрессивность и завистливость по отношению к окружающим, страх и чувство безнадежности перед надвигающейся смертью.

Теперь рассмотрим возрастные различия в показателях отношения к смерти во всех четырех выборках. Полученные данные представлены в табл. 3 и на рис. 2.

Достоверных возрастных различий в показателях отношения к смерти у здоровых респондентов не

обнаружено. Выявлены возрастные различия на уровне тенденции в группе алкогользависимых испытуемых: показатель отношения к смерти у больных алкоголизмом зрелого возраста ниже, чем у лиц молодого возраста, злоупотребляющих алкоголем (см. табл. 4).

В наибольшей степени возрастные различия выражены в группах наркозависимых и суицидальных респондентов, причем профили графиков этих выборок сходны, что хорошо видно на рис. 2: самые низкие показатели отношения к смерти зафиксированы в юношеских подгруппах наркоманов и суицидентов, у респондентов молодого возраста с наркозависимым и суицидальным поведением эти значения резко повышаются и незначительно снижаются у испытуемых зрелого возраста.

Итак, как видно из табл. 4, в группах наркозависимых респондентов и суицидентов выявлены до-

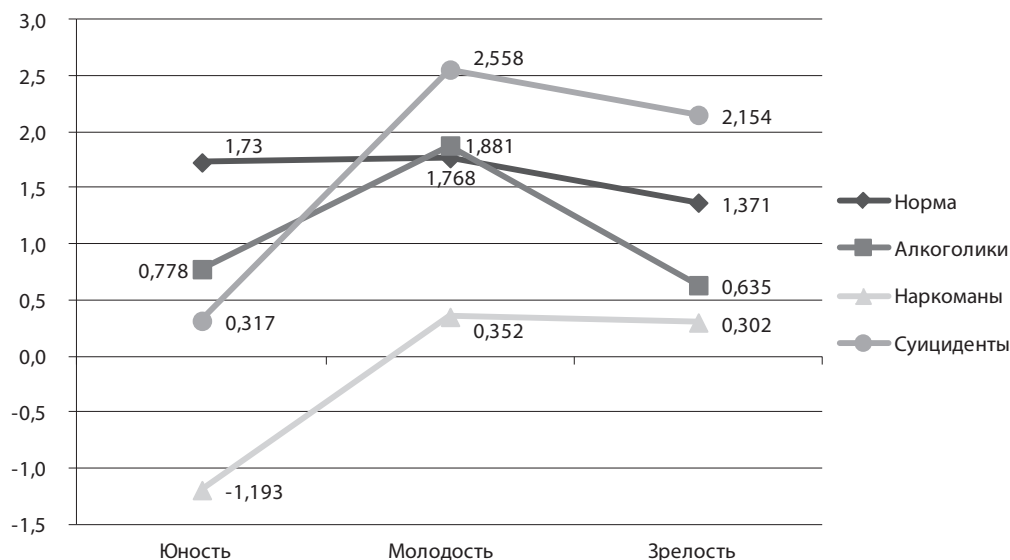

Рис. 2. Возрастные различия в отношении к смерти испытуемых с нормативным и отклоняющимся поведением

Таблица 4.

Значимость возрастных различий в отношении к смерти испытуемых с нормативным и отклоняющимся поведением

Группа нормы						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандартная ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1	2	-0,04	0,266	0,886	-0,56	0,48
	3	0,36	0,237	0,129	-0,11	0,82
2	1	0,04	0,266	0,886	-0,48	0,56
	3	0,40	0,232	0,086	-0,06	0,85
3	1	-0,36	0,237	0,129	-0,82	0,11
	2	-0,40	0,232	0,086	-0,85	0,06
Группа алкогользависимых респондентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандартная ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1	2	-1,10	1,151	0,340	-3,39	1,18
	3	0,14	1,131	0,900	-2,10	2,39
2	1	1,10	1,151	0,340	-1,18	3,39
	3	1,25	0,650	0,058	-0,04	2,54
3	1	-0,14	1,131	0,900	-2,39	2,10
	2	-1,25	0,650	0,058	-2,54	0,04
Группа наркозависимых респондентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандартная ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1	2	-1,55	0,642	0,017	-2,81	-0,28
	3	-1,50	0,729	0,042	-2,93	-,06
2	1	1,55	0,642	0,017	0,28	2,81
	3	0,05	0,697	0,943	-1,33	1,43
3	1	1,50	0,729	0,042	0,06	2,93
	2	-0,05	0,697	0,943	-1,43	1,33

Группа суицидентов						
(I) Возрастная группа	(J) Возрастная группа	Средняя разность (I-J)	Стандартная Ошибка	Значимость различий	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
1	2	-2,24	0,726	0,002	-3,68	-0,81
	3	-1,84	0,744	0,015	-3,31	-0,37
2	1	2,24	0,726	0,002	0,81	3,68
	3	0,40	0,735	0,583	-1,05	1,86
3	1	1,84	0,744	0,015	0,37	3,31
	2	-0,40	0,735	0,583	-1,86	1,05

стоверные, на пятипроцентном уровне значимости, возрастные различия между испытуемыми юношеского и молодого, юношеского и зрелого возрастов, причем самые низкие показатели отношения к смерти обнаружены у юношей и девушек, употребляющих наркотики и склонных к суицидальному поведению.

Выводы

1. При решении проблемы профилактики и коррекции девиаций важно учитывать не только отношение к жизни, настоящему, прошлому и будущему, свойственное разным категориям лиц с девиантным поведением, но и их отношение к смерти, окончанию жизни, вероятные сроки которого оказываются более близкими к настоящему при соответствующем жизненном пути. Рассматривая отношение к смерти трех категорий лиц с девиантным поведением, мы выявили как наиболее уязвимую в этом отношении группу наркозависимых и как критический возрастной период – период юности.

2. Лица с алкогольной зависимостью и суицидальным поведением в целом сохраняют то амбивалентное отношение к смерти, которое свойственно их сверстникам с нормативным поведением. У лиц из

группы нормы отношение к смерти противоречиво, что может быть обусловлено, с одной стороны, отсутствием глубокой религиозности, с другой – пониманием различных позитивных и негативных сторон конечности бытия человека.

3. Наиболее сложно экзистенциальная проблема смерти воспринимается лицами с наркозависимостью. Их отношение к смерти негативно, сопровождается повышенной тревогой, что, видимо, обусловлено большим количеством ранних смертей от передозировки препаратов и тяжелых инфекционных заболеваний, передающихся через инъекции в среде наркоманов.

4. Выраженные возрастные различия обнаружены только в двух выборках – наркозависимых и лиц, имевших в анамнезе жизни одну или несколько суицидальных попыток. Пессимистичное или близкое к нему отношение к смерти, непринятие окончания жизни, сопровождающееся гневом, страхом и агрессией, характерно для больных наркоманией и суицидентов юношеского возраста, где наблюдается много летальных исходов и в той, и в другой категории испытуемых. Если человек с девиантным поведением такого типа переживает юность и переходит на следующий возрастной этап, его отношение к смерти становится более приближенным к нормативному.

Список литературы

1. *Афанасьева В.* Представления о смерти и мифологема смерти у шумеров // Тема смерти в духовном опыте человечества. Альманах «Фигуры Танатоса». Выпуск 3-ий: материалы первой международной конференции. Санкт-Петербург, 2–4 ноября 1993 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 30–34.
2. *Баканова А.А.* Отношение к жизни и смерти в критической жизненной ситуации: дис... канд. психол. наук. СПб., 2000. – 203 с.
3. *Гроф С, Хэлифакс Дж.* Человек перед лицом смерти. – М: Изд-во «АСТ», 2002. – 239 с.
4. *Клемен К.Х.* Жизнь мертвых в религиях человечества. – М.: Intrada, 2002. – 224 с.
5. *Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В.* Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 4. – С. 58–64.
6. *Мордовцева Т.В.* Идея смерти в культурно-философской ретроспективе: монография. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2001. – 120 с.
7. *Сабиров В.Ш.* Жизнь. Смерть. Бессмертие (Обзор основных религиозно-философских парадигм) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tanat.info/zhizn-smert-bessmertie-26-10-2013.html>
8. *Сенкевич Л.В., Шагидаева А.Б.* Отношение к смерти пожилых людей, живущих в разных условиях // Ученые записки российского государственного социального университета. – 2014. – № 2 (124). – С. 67–72.

9. Шутова Л.В. Смыслжизненные и ценностные ориентации в отношении к жизни и смерти у лиц юношеского возраста: дис. ... канд. психол. наук. – Таганрог, 2005. – 195 с.
10. Ялом И. Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти. – М.: Эксмо, 2012. – 352 с.

Reference list

1. Afanas'eva V. The understanding of death and mythologema of death from the Sumerians // Theme of death in the spiritual experience of mankind. Almanac "The Figures of Thanatos": The third special issue / Proceedings of the First International Conference. Saint Petersburg, 2nd–4th of November, 1993. SBR.: Publishing by Saint Petersburg State University, 1993. P. 30–34.
2. Bakanova A. Correlation to life and death in critical reality situation. Thesis of PhD in Psychology: SBR., 2000. – 203 p.
3. Grof S., Halifax J. The Human Encounter with Death. M.: AST Publishing House, 2002. – 239 p.
4. Clemen K. Life after Death in the Faith of Humanity. M.: Intrada, 2002. – 224 p.
5. Kulagina I., Senkevich L. Correlation to death: Age, regional and gender differences // Cultural-Historical Psychology. 2013. № 4. P. 58–64.
6. Mordovtseva T. The idea of death in the cultural and philosophical retrospect: Monograph. Taganrog: Publishing by TIME, 2001. – 120 p.
7. Sabirov V. Life. Death. Immortality (Overview of major religious and philosophical paradigms) [Electronic resource]. URL: <http://tanat.info/zhizn-smert-bessmertie-26-10-2013.html>
8. Senkevich L., Shagidaeva A. Correlation to death of elderly people living in different conditions // Scientific notes of Russian State Social University. 2014. № 2 (124). P. 67–72.
9. Shutova L. Meaning of life and value orientation in correlation to the life and death from juvenile age individuals: Thesis of PhD in Psychology. Taganrog, 2005. – 195 p.
10. Yalom I. Starting at the Sun: Overcoming the Terror of Death. M.: Eksmo, 2012. – 352 p.

Борисова Е.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковой коммуникации Российской академии музыки имени Гнесиных

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЫКАНТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Статья посвящена актуальной в современном музыкальном образовании теме развития коммуникативной составляющей будущего музыканта-педагога в условиях расширяющихся международных контактов в области образования, науки и искусства. Автор анализирует психолого-педагогические особенности профессиональной деятельности музыкантов, вопросы развития коммуникативной направленности студентов музыкальных вузов, обосновывает необходимость активизации коммуникативного компонента педагогической деятельности музыкантов в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: музыкант-педагог, коммуникация, особенности профессиональной деятельности музыканта, вуз

Borisova E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Language Communication of the Gnesins Russian Academy of Music

PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPONENT OF THE TEACHING MUSICIAN IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING

The article is devoted to topical subject of developing the communicative component of intended musician-educator in the context of extending international contacts in field of education, science and art in the contemporary music education. The contributor analyzes the psycho-pedagogical aspects of professional activity of musicians as well as the development issues of communicative orientation of students in music higher education institutions; the article author substantiates the necessity of intensifying the communicative component of the teaching musicians in the process of professional training.

Keywords: musician-educator, communication, aspects of professional activity of musician, music higher education institution

В современном профессиональном музыкальном образовании существует немало проблем, которые поднимают исследователи и педагоги. В основном они касаются вопросов исполнительской, интерпретационной, технической и др. деятельности музыканта-исполнителя, оставляя «за бортом» коммуникативную составляющую будущего музыканта. Однако именно с коммуникативной деятельности музыканта начинается языковой процесс функционирования музыки в социуме и формирование личности специалиста музыкального профиля (далее – музыкант). И нередко в практической деятельности музыкант оказывается беспомощным, поскольку не приобретает коммуникативных умений, позволяющих ему стать проводником в мир вербализированного музыкального искусства. Автором исследовались различные

аспекты проблемы развития коммуникативной компетенции будущих специалистов музыкального профиля [1, 2, 3, 4, 5]. В данной статье речь идет об области их преподавательской деятельности.

Сегодня в России интенсивно расширяются контакты, в том числе международные, в области образования, науки и искусства. Развитие образовательными учреждениями связей в форме конференций, мастер-классов, конкурсов, научных стажировок по обмену преподавателями и студентами, музыкально-ведческих лекций с показами, лекций-концертов и т.д. охватывает все сферы музыкального искусства, а также различные направления и профили музыкальных специальностей. Успешность действий студентов в различных коммуникативных ситуациях смещает фокус внимания в системе профессионального музы-

кального образования на овладение студентом коммуникативным компонентом как условием успешного вхождения его личности в социокультурное пространство.

Аудитория, для которых музыкальная деятельность является профессией, достаточно широка: исполнители (инструменталисты, вокалисты), композиторы, дирижеры, музыковеды, специалисты по аранжировке, музыкальные педагоги, художественные руководители, режиссеры музыкального театра, звукорежиссеры, музыкальные журналисты, лекторы, продюсеры, менеджеры и т.д. Специализация современного музыканта охватывает широкий социально-культурный диапазон: преподаватель в профессиональном учебном заведении, учитель музыки в общеобразовательной школе, музыкальный руководитель / учитель дошкольного учреждения, руководитель музыкального учебного заведения, руководитель любительского музыкального коллектива, продюсер-антрепренер, гувернер (домашний учитель) и т.д.

Согласно системно-ролевой теории формирования личности современный музыкант – это актер, режиссер, драматург, организатор музыкальных мероприятий, наставник, информатор, просветитель и т.д. [11]. Наши исследования показывают, что современный специалист музыкального профиля должен также иметь представление о роли переводчика и журналиста [7]. Роли могут варьироваться в зависимости от решаемых задач по степени значимости, однако всех их объединяет общая функция – коммуникативная, которая реализует передачу и получение определенной информации о мире, о других людях, о себе. Однако восприятие музыки требует от будущего музыканта не только наличия достаточного музыкально-языкового тезауруса, умения им оперировать и умения вербализировать музыкальные процессы и явления. Речь идет и о его общей культуре, духовности, эмоционально-ценностном отношении к миру.

Большие мастера исполнительства и педагоги едины в том, что интерпретация музыки суть «нерасторжимый союз чувства и рассудка, переживания и понимания» [8; с. 164]. В своей работе «Искусство как феномен» исследователь Ю.В. Осокин пишет о том, что ментальный «инструментарий» человека позволяет ему использовать для ориентации в среде обитания и регуляции своего поведения два принципиально разных механизма – свое мышление и свои эмоции, представляющие собой два типа культурного опыта [9; с. 240]. В результате процесса преобразования эмоциями интеллектуальных процессов развивается эмоционально-образное мышление, эмоцио-

нальное воображение, столь необходимое музыкантам [10; с. 53]. Один из крупнейших отечественных музыкантов, педагогов, М.Ф. Гнесин утверждал, что «музыка – область эмоционализированного мышления» [11]. Эффективное обучение студентов-музыкантов опирается на такую способность, как воображение, и одно из его проявлений – импровизационность.

Выдающийся отечественный психолог Б.М. Теплов считал, что «эмоциональная глубина восприятия зависит от широты ... общекультурного контекста, в котором переживается музыка» [12; с. 165–166]. Для того чтобы понять музыкальное произведение, музыкант должен иметь представление о времени, в котором жил композитор, о его взглядах на жизнь, отношении к людям, к искусству. В арсенале настоящего музыканта должен быть не только нотный текст, но и «все, что может помочь составить полную картину о произведении: музыкально-критическое и мемуарное наследие, воспоминания современников, звукозапись и т.д.». И тогда любое музыкальное произведение, говоря словами великого русского композитора А.Н. Скрябина, «многообразно, оно само живет и дышит, оно сегодня одно, а завтра другое, как море» [10; с. 224, 256]. Высокий уровень общей культуры музыканта делает музыкальное произведение предметом его философских размышлений, «вызывая стимулы для воображения, новых мыслей, уводящих от данного произведения и музыкального сознания в другие плоскости сознания» [13; с. 499]. Примером может служить немецкий композитор Р. Вагнер, который, ознакомившись с философией Шопенгауэра, иначе стал воспринимать написанные им ранее музыкальные драмы.

Источником повышения профессиональной и общей культуры для музыканта, помимо обучения, должно являться личностно-профессиональное саморазвитие. Русский педагог-пианист А.Б. Гольденвейзер рассказывал своим ученикам о необходимости расширять свой кругозор и не верил в то, что можно быть малокультурным, политически неграмотным человеком и одновременно создавать проникновенные произведения: «Работать надо не только над ноктюрном Шопена, но и над самим собой» [14; с. 59]. Г.Г. Нейгауз писал: «Если бы меня спросили, что нужно делать, чтобы лучше понять и почувствовать музыку, я не побоялся бы ответить парадоксом: изучайте литературу, ... живопись, скульптуру, глубже относитесь к самой жизни. Попробуйте идти от того вида искусства, который вам духовно ближе, и вы непременно услышите в музыке ассоциации с любимыми образами, сюжетами, поэтическими приемами» [15; с. 343]. В механизм саморазвития встроена рефлексия – спо-

способность, позволяющая будущим музыкантам пропустить материал через свой внутренний мир.

Важной психолого-педагогической особенностью профессионального образования будущих музыкантов является необходимость учета их творческой доминанты. Суть творчества заключается «не в накоплении знаний и мастерства ..., а в умении человека ... открывать новые идеи, новые пути развития мысли, делать оригинальные выводы» [16; с. 74]. Согласно исследованиям Л.Л. Бочкарева, В.И. Петрушина, Е.В. Прониной, Н.В. Рождественской, А. Маслоу (Maslow), Ревенс (Revens), Равен (Raven) и др., а также исследованиям в области культуры и искусства автора данной работы, важными чертами творческой личности являются: самостоятельность суждений; беглость мышления; стремление идти своей дорогой, умение использовать различные идеи, творчески преобразовывать ситуации; подходить к проблеме с разных точек зрения; любознательность, эмоциональная гибкость, способность к интерпретации; воображение; интуиция; способность к импровизации; рефлексивность; критическое мышление; способность принимать жизнь «здесь и сейчас» при способности связывать в единое целое прошлое, настоящее и будущее; эмпатия; толерантность; саморазвитие; диалогичность мышления.

Для развития творческой личности будущего музыканта необходимо постоянное расширение системы ценностей. Ценностный стержень музыканта, наряду с его личностными и профессиональными качествами, опытом, а также пониманием культурно-исторического контекста, влияют на творческое толкование музыкального явления, так как актуализируют его способность к творческой интерпретации. Музыкант – это всегда интерпретатор: посредник между композитором, произведением и слушателем. На направленность интерпретации влияет множество факторов, которые включают в себя, например, природные условия человеческой жизни, сказываются на социальном укладе, на культурных традициях и оказывают серьезное воздействие на эмоциональный строй и колорит музыкальных произведений. Так, примером влияния географических условий на развитие данного качества может служить произведение композитора Ф. Шопена, исполненное С.В. Рахманиновым, в описании Б.В. Асафьева: «... изысканно-чувствительный шопеновский мелос в его пальцах... становится более северо-восточно-равнинным» [17; с. 48, 207].

В условиях поликультурного мира современный музыкант должен обладать способностями к эмпатии и толерантности. Эмпатия позволяет музы-

кантам глубоко погружаться в содержание произведения и его интерпретацию; перевоплощаться в разные образы; приобщаться к чувствам других людей; ставить себя в позицию другого. Толерантность – чувство уважительного отношения к культуре и мнению других людей. Данные качества позволяют музыканту понять причинно-следственные связи многих культурных явлений, идей, убеждений, интересов, поступков людей, связанных с музыкальной сферой, – на основе изучения других культур.

Таким образом, особенности профессиональной деятельности музыкантов, являющихся в современном мире «ретранслятором международных трансформаций и тенденций» [7; с. 228], делают необходимым в образовательной среде развитие коммуникативной направленности студентов музыкальных специальностей.

Основными целевыми установками в реализации ФГОС высшего образования являются компетенции, полученные учащимися в ходе обучения. Одним из обязательных элементов компетенций в любых классификациях являются коммуникативные знания, умения и способности. При этом под «коммуникацией» понимается: 1) процесс передачи информации, ее кодирование, дешифровка, особенности восприятия и понимания; 2) обмен информацией любого вида; 3) акт общения между людьми посредством знаковых систем, смысловых аспектов, социального взаимодействия [19; с. 180].

Для эффективного общения характерны: 1) понимание коммуникативных ситуаций и предметов общения; 2) умение передавать и получать сообщения (в том числе умение выбирать наиболее релевантные ситуации средства общения, кодировать, декодировать и интерпретировать сообщения, распознавать барьеры); 3) понимание намерений партнера; 4) умение распознавать и нейтрализовать негативные эффекты социальной перцепции; 5) учет собственных коммуникативных намерений и действий и адекватное самопредъявление; 6) налаживание взаимодействия с партнером; 7) избегание противоречий в содержании сообщений, передаваемых в процессе общения по разным каналам посредством различных «языков» и др. [20; с. 275].

Благодаря коммуникации реализуется передача, получение, интерпретация определенной информации о мире. Сегодня для эффективного общения, быстрой адаптации и гибкой реакции на изменения в социуме профессиональная компетентность музыканта должна включать в себя такой компонент, как коммуникативная компетенция; его востребован-

ность в существенной степени зависит от грамотности устной и письменной речи, умения использовать языковые средства общения, приемы речевого воздействия и т.д.

Структура музыкального образования не просто отражает состояние культуры, но и влияет на нее, ориентируя будущих музыкантов на определенные художественные ценности и проектируя тем самым их будущую профессиональную и творческую деятельность. Задачами преподающего музыканта (музыканта-педагога) [23], наряду с передачей от поколения к поколению музыкального опыта, развитием музыкальных способностей, являются формирование у музыкантов понимания функций искусства, его места в общественной жизни, в культуре; воспитание в будущем музыканте уважительного отношения к своим коллегам и себе как к деятелю музыкальной культуры; формирование ценностных ориентаций, эстетического чувства; воображения; художественного вкуса и мышления, включающего в себя духовное и нравственное начала [18; с. 5–11]. Являясь центральной фигурой в системе профессионального музыкального образования, музыкант-педагог оказывает решающее влияние на реализацию целей и задач музыкального обучения и воспитания, направленных на культурное, духовно-нравственное развитие человека и всего общества. Музыкант-педагог является инструктором (Б.Г. Асафьев), оператором (М.И. Ройтерштейн), начинателем (Ю.М. Лотман) языкового процесса, проводником в мир вербализованного музыкального искусства. И если, к примеру, педагог-музыкант будет апеллировать к студентам одними семантически малоинформативными штампами, то их отношение к музыкальным процессам, в том числе эмоционально-ценностное, формироваться не будет.

Сегодня важнейшие аспекты профессиональной деятельности музыкантов – педагогический, исполнительский, творческий, организаторский, просветительский, информационный – формируются поликультурной коммуникативной средой. Мероприятия, в том числе международные, охватывают все сферы музыкального искусства, а также различные направления и профили музыкальных специальностей и ставят своей целью интеграцию современного студента в международное музыкальное сообщество. Возрастающие с каждым годом объемы проектов требуют повышения эффективности организации и проведения данных мероприятий, а также вовлечения все большего количества участников, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов музыкальных вузов.

Однако нередко в практической деятельности преподающий музыкант оказывается беспомощным в силу недостаточности коммуникативных навыков. Руководители педагогических практик многих российских высших музыкальных учебных заведений отмечают наиболее часто встречающиеся коммуникативные сложности студентов-практикантов: недостаточное владение устной речью; невысокий уровень эрудиции; неумение / нежелание реализовать свою индивидуальность в педагогической деятельности, редкое использование на занятиях различных (помимо исполнения и слушания) видов деятельности; отсутствие интеграции музыкально-исполнительского и педагогического творчества и т.д. У студентов наблюдаются различные психологические трудности при общении, такие как страх сказать «не то, что надо», не суметь поддержать разговор в силу недостаточно широкого общекультурного кругозора, а также неумение / нежелание строить социальное взаимодействие в целом. В процессе опросов к компонентам, необходимым, с их точки зрения, для осуществления эффективной коммуникации, студенты относят, среди прочего, умение творчески преобразовывать ситуацию, рефлексия, критическое мышление, саморазвитие [7; с. 4, 65, 87].

Сегодня качество коммуникации во многом влияет на степень участия музыканта в динамичной поликультурной социальной среде, которая стоит за растущими формами музыкальной активности. Данный процесс в современной культуре обусловлен трансформациями культурных связей, непрерывно расширяющимися техническими возможностями обращения человека к национальным и инонациональным музыкальным ценностям: музыке различных жанров, эпох (музыка барокко; этническая, богослужбная музыка; джаз-рок; симфоническая музыка; балет, мюзикл и т.д.). В связи с этим важной задачей музыканта-педагога на данном этапе является привлечение разнообразных информативно-коммуникативных ресурсов для развития способностей студента (использование технических средств при работе в виртуальном коммуникативном пространстве и т.д.).

В современной России преобладающим типом музыканта-педагога остается «педагог эмоционально-романтического типа, формирующий у учащихся развитое эмоциональное чутье, тонкие эмоциональные реакции...» [13; с. 15], способный научить различать эмоции в музыке – «эмоции-волнения, эмоции-идеи, эмоции-образы» [17; с. 145]. Существует и другой педагогический подход, распространенный в мировом музыкальном образовании в рамках «техно-

логического» мышления. В этом случае музыкально-педагогическому процессу присущи иные психологические качества. Основным критерием становятся внешняя «деланность» произведения. Но именно первый подход, присущий традиционной русской музыкально-педагогической школе, привлекает сегодня многих (в том числе иностранных) музыкантов в российском музыкальном образовании. При данном подходе профессиональная компетентность музыканта расширяется за счет жизненных воздействий, в ней иначе соотносятся эмоциональные и рациональные элементы, и именно этот подход требует от обучающихся и обучаемых отточенности коммуникативных навыков.

Таким образом, коммуникативная направленность будущих музыкантов является сегодня одним из обязательных элементов их профессиональной компетентности, в частности педагогической деятельности, и требует усиления как значимого резерва повышения эффективности учебного процесса.

Создание условий для успешной профессиональной интеграции специалистов музыкального профиля требует сегодня от обучающего их музыканта-педагога умения нелинейно исследовать и транслировать процессы социокультурного и музыкального взаимодействия различных стилей, времен, этносов, личностей, что выдвигает на передний план учебного процесса его коммуникативную составляющую.

Согласно ФГОС ВПО область педагогической деятельности студентов музыкальных специальностей включает в себя преподавание в образовательных учреждениях РФ; планирование учебного процесса, развитие у обучающихся творческих способностей, изучение их образовательного потенциала, уровня их художественно-эстетического и творческого развития; выполнение методической работы, осуществление профессионального и личностного роста; разработку новых педагогических технологий и т.д. [21].

Коммуникативный компонент педагогической деятельности целесообразно реализовывать с опорой на общекультурные и профессиональные компетенции с учетом особенностей профессиональной деятельности специалистов музыкального профиля, а также психолого-педагогических условий их профессиональной подготовки (см. рис. 1).

Требования, предъявляемые сегодня к профессиональной музыканта-педагога [22], делают для него необходимым знание общей и мировой музыкальной культуры, развитие способности коммуникации в социокультурном пространстве, а также овладение деятельностью просветителя, переводчика, журналиста.

Данные условия эффективно осуществляются в процессе деятельности междисциплинарной и профессионально-прикладной направленности на занятиях со студентами, а также на внеаудиторных мероприятиях (концертная, просветительская, переводческая, литературная деятельность, метод творческих проектов и т.д.).

Актуализация коммуникативной составляющей осуществляется в реальном и виртуальном пространстве, в вербальной и невербальной форме – в устной и письменной речи – и подразумевает:

- умение своевременно реализовывать адекватную передачу и получение достоверной информации о мире;
- готовность развивать эмоционально-ценностное отношение к миру;
- опору на такие качества, как диалогичность мышления, поликультурность, эмпатия, толерантность, рефлексия, саморазвитие;
- опору на такие черты творческой личности, как воображение, импровизация, интерпретация, интуиция.

Интенсификация коммуникативной деятельности студента основывается на развитии:

- творческих форм социальной активности (творческое преобразование материалов на основе интерпретации, диалогичности мышления, воображения; критическое мышление);
- способности к социальной деятельности (рефлексивность, социальная адаптация; межкультурное взаимодействие);
- ценностного потенциала (духовные ценности; аксиологически значимое восприятие объектов реальной действительности – человека, познания и т.д.);
- способности применения коммуникативной компетенции в социальной практике (участие в различных культурных мероприятиях).

Психолого-педагогические условия развития коммуникативного компонента педагогической деятельности музыканта включают в себя: учет особенностей профессиональной деятельности; учет профилирования содержания, форм, методов и средств обучения; учет особенностей творческой личности; учет национально-культурных особенностей коммуникации; взаимодействие педагога и студента. При этом результатом активизации данного компонента становится синтез речевой деятельности, социокультурных знаний и умений, а также личностных качеств, позволяющих студентам музыкальных специальностей осуществлять эффективную педагогическую

Рис. 1. Активизация коммуникативного компонента педагогической деятельности будущих музыкантов

деятельность в поликультурном социомузыкальном пространстве.

В процессе коммуникации в сознании студента происходит расширение концептуальной картины мира на фоне переосмысления своего опыта; возрастает степень внутренней свободы; повышается творческая активность, развивается способность осмысливать позицию других людей. Данные процессы приводят к самоактуализации будущих музыкантов, способствуют формированию многомерной личности

педагога, который может работать с знаниями, с разными типами мышления, делают их активными коммуникаторами между музыкальной культурой и поликультурной аудиторией, транслирующими мировые музыкальные трансформации и тенденции [7; с. 41].

В контексте современных процессов укрепления культурного, научного и образовательного присутствия России в мире проблема коммуникации, в том числе для специалистов музыкального профиля, является особо актуальной. Вектор современного

музыкального образования предполагает связь профессионального с общекультурным; умение пользоваться знаниями и информацией; профессионально-личностное саморазвитие; развитие готовности к социальной коммуникации с целью поддержания взаимодействия мирового музыкального искусства и человека в поликультурном пространстве. Языковые знания и коммуникативные умения совместно со знаниями о культурной картине мира катализируют процесс деятельности музыканта в качестве посредника между музыкальным искусством и аудиторией. В связи с этим актуализируется преподавательская

деятельность современных музыкантов, что делает целесообразной необходимость развивать у них коммуникативную компетенцию, которую мы рассматриваем как синтез речевой деятельности, социокультурных знаний и умений, а также личностных качеств, позволяющих им осуществлять эффективную профессиональную, в частности педагогическую деятельность, в поликультурной среде.

[23] В данной работе речь не идет о профиле «Музыкальная педагогика» направления «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство». Имеется в виду тот факт, что педагогическая деятельность музыканта, согласно ООП ВО, является одной из областей его профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Борисова Е.Н. Формирование музыканта-просветителя // Искусство и образование. – 2009. – №4. – С. 134–138.
2. Борисова Е.Н. Формирование культуры личности через сотворчество педагога и студента // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 11. – С. 14–17.
3. Борисова Е.Н. Совершенствование компетентностного подхода в профессиональном музыкально-педагогическом образовании (на примере формирования иноязычной коммуникативной компетенции) // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 1 (20). – С. 216–219.
4. Борисова Е.Н. Психолого-педагогические особенности формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих педагогов-музыкантов в профессиональном образовании // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4 (23). – С. 135–139.
5. Борисова Е.Н. Историко-педагогический анализ формирования компетенций студентов вузов (на опыте иноязычной подготовки) // Вестник московского института государственного управления и права. – 2015. – № 10. – С. 261–273.
6. Максимов, В.Г. Системно-ролевая теория формирования личности педагога / В.Г. Максимов, О.Г. Максимова, Н.Ю. Савчук, О.В. Чернова, С.П. Руссков, С.В. Иванова, Н.Ю. Павлова, В.Ю. Арестова. – М.: Academia, 2007.
7. Борисова Е.Н. Педагогическое обеспечение формирования профессионально ориентированных иноязычных компетенций студентов вузов: на опыте музыкальных специальностей: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2014.
8. Цыпин Г.М. Обучение игре на фортепиано: учебное пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1984. – 176 с.
9. Осокин Ю.В. Искусство как феномен культуры // Системные исследования культуры – 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова. – СПб.: Алетейя, 2009.
10. Бочкарев Л.Л. Психология музыкальной деятельности. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2008.
11. Юсфин А. Музыка для гармоничного мира [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=37 (дата обращения 05.10.2015).
12. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1941.
13. Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. Изд 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
14. Уроки Гольденвейзера. – М.: Издательский дом «Классика XXI», 2009.
15. Нейгауз Г.Г. Размышления. Автобиографические заметки. Дневники. Избранные статьи. – М.: Дека-ВС, 2008.
16. Петрушин В.И. Музыкальная психология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: Академический Проект; Трикта, 2008.
17. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства: учебное пособие. – СПб.: Издательство «Лань», 2000.
18. Бычков Ю.Н. Социокультурные аспекты музыкальной педагогики: лекция. – М.: РАМ им. Гнесиных, 1999.
19. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: Проспект, 2010.
20. Большой психологический словарь. – 4-е изд.; расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2009.
21. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gnesin-academy.ru/node/10509> (дата обращения: 10.10.2015).
22. Грибкова О.В. Теория и практика формирования профессиональной культуры педагога-музыканта: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2010.

Reference list

1. Borisova E. The formation of the musician-enlightener / E. Borisova // Art and education: Journal of techniques, theory and practice of art education and aesthetic education. 2009. № 4. P. 134–138.

2. *Borisova E.* The formation of cultural identity through co-creation of educator and students / E. Borisova // Pedagogical science and education: Scientific-Methodological Journal. 2009. № 11. P. 14–17.
3. *Borisova E.* Improvement of the competence approach in professional musical-pedagogical education (through the example of formation of foreign language communicative competence) / E. Borisova // World of Science, Culture, Education. 2010. № 1 (20). P. 216–219.
4. *Borisova E.* Psycho-pedagogical aspects of formation of foreign language communicative competence of intended educators-musicians in professional education / E. Borisova // World of Science, Culture, Education. 2010. № 4 (23). P. 135–139.
5. *Borisova E.* Historical and pedagogical analysis of formation of competences of students in higher education institutions (through the experience of foreign language training). / E. Borisova // Bulletin of Moscow Institute of Public Administration and Law. 2015. № 10. P. 261–273.
6. *Maksimov V.* System-role theory of identity formation of an educator / V. Maksimov, O. Maksimova, N. Savchuk, O. Chernova, S. Russkov, S. Ivanova, N. Pavlova, V. Arestova; Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Chuvash State Pedagogical University named after I.Yakovlev. M.: Akademiya, 2007.
7. *Borisova E.* Pedagogical support of formation of professionally– oriented foreign language competence of students in higher education institutions: Through the experience of the music specializations: Thesis of PhD in Pedagogy: 13.00.08 / Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow, 2014.
8. *Tsylin G.* Tuition to play piano: Textbook for students of pedagogical institutes on № 21119 specialization “Music and singing”. M.: Education, 1984. – 176 p.
9. *Osokin Yu.* Art as a phenomenon of culture//System research of culture. 2008 / Under the editorship of G. Ivanchenko, V. Zhidkov. SBR.: Aleteiya, 2009.
10. *Bochkarev L.* Psychology of music activity. M.: “Klassika-XXI” Publishing House, 2008.
11. *Yusfin A.* Music for a harmonious world [Electronic resource] // URL: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=37 (date of accessed 05.10.2015).
12. *Teplov B.* Psychology of music abilities: Thesis of Doctor of Pedagogy. Moscow, 1941.
13. *Kolomiets G.* The value of music: Philosophical aspect. 3rd edition. M.: “LIBROKOM” Book House, 2009.
14. *Gol'denveizer's lessons.* M.: “Klassika XXI” Publishing House, 2009.
15. *Neuhaus H.* Reflections. Autobiographical notes. Diaries. Featured articles. M.: Deko-VS, 2008.
16. *Petrushin V.* Music psychology: Textbook for higher education institutions. 2nd edition. M.: Akademicheskii Proekt; Triksa, 2008.
17. *Kholopova V.* Music as an art form: Textbook. SBR.: Publishing by “Lan”, 2000.
18. *Bychkov Yu.* Socio-cultural aspects of music pedagogy: Lecture / the Gnesins Russian Academy of Music. M., 1999.
19. *Enikeev M.* Psychological Encyclopedic Dictionary. M.: Prospekt, 2010.
20. Big Psychological Dictionary. 4th edition; extended / Authors and general editorship: B. Meshcheryakov, V. Zinchenko; M.: AST: AST Moskva; SBR.: Praym – EVROZNAK, 2009.
21. Federal State Educational Standards of higher professional education of the third generation. [Electronic resource] // URL: <http://www.gnesin-academy.ru/node/10509> (date of access 10.10.2015).
22. *Gribkova O.* Theory and practice of formation of professional culture of the educator-musician: Synopsis of a thesis of Doctor of Pedagogy: 13.00.02 / Moscow City Pedagogical University. Moscow, 2010.

Прилепских О.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ставропольского государственного педагогического института

Торикова Е.Ф.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ставропольского государственного педагогического института

Францева Е.Н.,

кандидат психологических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института

Чернова М.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ставропольского государственного педагогического института

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА «ГРУППЫ РИСКА»

Статья посвящена проблеме диагностики детей раннего возраста «группы риска», анализу социальных и биологических факторов, способствующих ухудшению состояния здоровья детей раннего возраста. Рассматриваются основные направления сотрудничества специалистов разных профилей в рамках психодиагностической и коррекционной работы. В статье обобщен опыт как зарубежных, так и отечественных исследований в области психологической диагностики детей раннего возраста. Авторами описаны методики, направленные на комплексную диагностику психофизиологического, эмоционального развития детей раннего возраста.

Ключевые слова: дети «группы риска», ранний возраст, психологическая диагностика, методики диагностики

Prilepskikh O.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Torikova E.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Frantseva E.,

PhD in Psychology, Associate Professor of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Chernova M.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

TOPICAL ISSUES OF DIAGNOSIS OF THE YOUNG CHILDREN AT "RISK GROUP"

The article is devoted to the issue of diagnosis of the young children at "risk group", analysis of social and biological factors which is contributing to ill health of the young children. There are considered basic directions of cooperation of specialists of different profiles within the psycho-diagnosis and correctional work. The article summarizes the experience both foreign and national research in the field of psychological diagnosis of the young children. The article authors have described techniques which are focusing on comprehensive diagnosis of the psycho-physiological, emotional development of the young children.

Keywords: children of «risk group», early age, psychological diagnosis, techniques of diagnosis

Сегодня одной из важных сфер жизни, в которой тесно переплетаются интересы родителей, медицинских работников, педагогов, психологов, различных социальных институтов, всего общества в целом является здоровье подрастающего поколения.

Вопросы, связанные с развитием здорового человека, становлением здоровой во всех отношениях личности, в современном мире являются наиболее

значимыми. А сама проблема из узко медицинской переросла в общенациональную. Это позволяет говорить не только об отдельных технологиях оздоровления, но и о единой «политике здоровья», включающей предупреждение факторов риска для здоровья, раннее выявление детей, имеющих ограничения в здоровье, формирование навыков здорового образа жизни населения, подготовку специалистов в обла-

сти воспитания и обучения детей «группы риска». По определению Г.Ф. Кумариной, «дети риска» – это дети, которые имеют некоторые парциальные недостатки развития по причине биологического или социального характера, которые вызывают трудности обучения и воспитания в обычных обстоятельствах [3].

Значимость заявленной проблемы, необходимость работы с детьми «группы риска» и, как следствие этого, создание концепции раннего выявления таких детей определяется следующими факторами:

- специфика демографической ситуации (снижение рождаемости, уменьшение доли рождения здоровых, физиологически зрелых детей, повышение показателей осложненных родов и отклонений в развитии врожденного или / и перинатального генеза, рост количества врожденных и наследственных патологий);
- особенности социально-экономического развития общества (ухудшение условий жизни, которые губительно начинают действовать уже в период развития плода; ухудшение условий труда женщин; отсутствие необходимых бытовых условий для жизни детей; недоступность здравоохранения, образования, культуры, бытового обслуживания и т.д.);
- социально-психологические особенности общественного развития (экзистенциальные проблемы отдельного человека, информационная перегруженность, одиночество, стрессы, эмоциональная холодность, социальный инфантилизм и т.д.);
- ухудшение экологической обстановки (рост различных заболеваний, обусловленных состоянием окружающей природной среды) и пр.

По данным Росстата (данные Минздрава России) на 2014 г., из 1721000 новорожденных родились больными или заболели 623000, из них 110000 – недоношенные; процент новорожденных с заболеваниями (врожденные аномалии, отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде) составил 48% [11]. Статистические данные подтверждают интенсивный рост биологических и социальных факторов риска, среди которых выделяются: ухудшение состояния экологии; рост числа заболеваний детей и ослабление их здоровья; рост патологий в период беременности; повышение процента травматизации в период родов; социальные проблемы. Данный факт подтверждает важность организации работы специалистов по предотвращению нарушений у детей раннего возраста «группы риска».

Ранний возраст является уникальным и определяющим для всего последующего умственного, физического, речевого и эмоционального развития ребенка. Это период становления функциональных

систем, формирования высших корковых функций в результате взаимодействия ребенка с окружающей средой, что особенно интенсивно происходит в первые три года жизни [6].

Самое раннее вмешательство с целью выявления и преодоления отклонений в развитии детей раннего возраста и предупреждения их последствий является сегодня актуальным и побуждает к разработке и систематизации диагностических методик и дидактических материалов для работы с детьми раннего возраста в условиях дошкольной организации, психолого-медико-педагогической комиссии и семьи.

Раннее вмешательство специалистов и активное участие родителей может предупредить или исключить необходимость компенсирующего обучения в старшем дошкольном возрасте. Поэтому одна из важных практических задач сегодняшнего дня – раннее выявление детей с нарушениями психического развития, или дизонтогенеза, их дифференциальная диагностика.

Достаточно большие потенциальные возможности для коррекционной помощи детям раннего возраста определяются способностью пластичности мозга, сенситивностью для развития эмоций, интеллекта, речи и личности. Своевременная комплексная помощь способствует компенсации отклонений в психическом развитии ребенка раннего возраста «группы риска», что влечет за собой сокращение доли детей, нуждающихся в специальном образовании в условиях специализированных учреждений по достижении школьного возраста. Исследования Е.А. Стребелевой, Г.А. Мишиной, Ю.А. Разенковой подтверждают положительный эффект ранней диагностико-коррекционной работы и достижение показателей нормы у 30% детей раннего возраста «группы риска», возникновение стойкого положительного эффекта у 90% детей. Именно поэтому раннее осуществление диагностики и коррекции способствует сглаживанию и даже устранению имеющихся недостатков и проблем в развитии, обеспечивая полноценное развитие ребенка [7].

Анализ последних лет показывает, что если раньше дети раннего возраста воспитывались больше дома, то теперь в ДОУ в большом количестве поступают дети, которых можно отнести к «группе риска». Определяя уровень психического развития и оценивая поведение детей, мы всегда обращаемся к анамнезу ребенка, так как опираемся на систему комплексной оценки состояния здоровья ребенка, включающего как биологический, так и социальный анамнез. Анализ влияния биологического анамнеза на

психическое развитие и поведение ребенка выявил следующее [4]:

- число детей, имеющих благоприятный анамнез, с годами постепенно уменьшается;
- дети, имеющие неблагоприятный анамнез, имеют больший процент отклонений в развитии и поведении;
- развитие такого социального показателя, как речь, также имеет связь с биологическим анамнезом.

Исследования Н.М. Аксариной, С.М. Кривинной, М.Ю. Кистяковской, Н.Ф. Ладыгиной, К.Л. Печеры, Г.В. Пантюхиной, Н.М. Щелованова, Н.Л. Фигурина, Э.Л. Фрухт подтверждают значимость выявления и комплексной коррекции отклонений в развитии детей с самого момента рождения. Ранняя диагностико-коррекционная работа способствует предупреждению отклонений в развитии вторичной и третичной природы, корректировке уже существующих трудностей, снижению степени социальной неполноценности детей-инвалидов и детей с отклонениями в развитии, достижению предельно возможного уровня развития и степени интеграции в общество.

Современная организация практической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья усиливает потребность консолидации сил и взаимодействия всех специалистов в области ранней диагностической и коррекционной работы с детьми группы риска. Необходимо отметить, что осуществление взаимодействия специалистов разных профилей с целью диагностико-коррекционной работы способствует реализации комплексного подхода в процессе помощи детям «группы риска» и их семьям. Среди основных задач медико-психолого-педагогических служб стоит задача глубокого исследования особенностей психофизиологического развития каждого ребенка раннего возраста с целью определения конкретных для данного индивида коррекционных и лечебно-профилактических мероприятий [1].

Стратегическая линия диагностирования заключается в осуществлении контроля за ходом, содержанием и условиями психического развития ребенка и оказании помощи по организации оптимальных форм его деятельности и общения. В этой связи актуальной является разработка и апробация валидных диагностических методик, а также аккумуляция (оценка и систематизация) уже имеющихся. Методики диагностики психического и психофизического развития детей младенческого и раннего возраста характеризуются определенной спецификой. В основу диагностических методик для детей в возрасте от рождения до трех лет положено наблюдение за проявлением пси-

хических функций в процессе выполнения заданий, которые отражают критерии и показатели нормального развития. Нормативы соотносятся с возрастом обнаружения данной способности у нормально развивающихся детей в выборке стандартизации. Сопоставляя определяемый таким образом «психический» и хронологический (паспортный, биологический) возраст, рассчитывают качественные и количественные показатели уровня психического развития.

За рубежом распространена тактика тестирования, которая включает в себя задания на выполнение элементарных действий или устных инструкций. В незначительном количестве заданий требуется выполнить простые действия с бумагой и карандашом. Большинство тестов, предназначенных для младенцев, направлено на оценку сенсомоторного развития (способность держать голову, осуществлять следящие движения глазами, поворачиваться, манипулировать с предметами, сидеть и т.д.) (А. Анастаси, 1982). Создание нормативных шкал за рубежом оказалось возможным благодаря результатам наблюдения за психическим развитием детей младенческого и раннего возраста такими исследователями, как Ш. Бюлер, Э. Клапаред, В. Штерн и др., а также в связи с разработкой психометрических шкал оценки интеллекта. К последним можно отнести «Таблицы развития» А. Гезелла (1925), эти же таблицы в последующей редакции А. Гезелла, К. Аматавуда (1947); тесты нервно-психического развития детей первых лет жизни Ш. Бюлер и Г. Гетцера (1932); шкалу психомоторного развития в младенчестве и раннем детстве, предложенную О. Брюне и И. Лезин (1951); шкалы психического и психомоторного развития Н. Бейли (1969). Как отмечает А. Анастаси (1982), шкалы Бейли позволяют эффективно решать задачу раннего выявления неврологических и сенсорных нарушений, отклонений в эмоциональной сфере, негативных средовых влияний на развитие ребенка [2].

Отечественные психодиагностические методики, предназначенные для оценки раннего развития детей, появились в начале прошлого века. Был разработан и применялся следующий психодиагностический инструментарий: «Методика исследования ребенка раннего возраста» (К. Корнилов, 1921; модификация А.П. Нечаева, 1925), «Измерительная шкала ума для детей дошкольного возраста» (А.А. Люблинская и А.И. Макарова, 1926), «Показатели нервно-психического развития детей в первый год их жизни» (Н.М. Щелованов, 1939; модификация Н.М. Аксариной, 1969), «Показатели нервно-психического развития детей 2-го и 3-го года жизни» (Р.В. Тонкова-

Ямпольская, Г.В. Пантюхина, К.Л. Печора, 1984). Современная система ранней диагностики и психолого-педагогической помощи детям раннего возраста в России включает в себя разработки Е.А. Стребелевой, Т.В. Волосовец, Л.И. Аксеновой, Ю.А. Разенковой, К.Л. Печора, Э.Л. Фрухт.

В отечественной психолого-педагогической диагностике традиционным является структурно-функциональный подход, предполагающий изучение и оценку отдельных психических функций ребенка (познавательных, эмоциональных, двигательных, речевых). Такой подход позволяет получить дифференцированную информацию об уровне развития отдельных психических процессов и свойств детской психики, выявить несоответствия между индивидуальным и нормативным психическим развитием по отдельным показателям. В то же время получаемый эмпирический материал не позволяет в достаточной мере оценить динамический аспект развития.

В последние десятилетия в психодиагностике осуществляется разработка подхода, нацеленного на изучение «целостных форм психической активности ребенка», в которых происходит проявление и становление детской личности [9]. В русле данного подхода Е.О. Смирновой, Л.Н. Галигузовой, Т.В. Ермоловой, С.Ю. Мещеряковой разработан комплекс методик для диагностики детей первого и второго полугодия первого года жизни, а также второго и третьего годов. Предметом диагностики выступили уровень развития общения и ведущей деятельности ребенка. В качестве теоретической основы для разработки данных методик послужили культурно-историческая концепция психического развития Л.С. Выготского, теория ведущего вида деятельности А.Н. Леонтьева, периодизация психического развития Д.Б. Эльконина, концепция генезиса общения ребенка со взрослыми М.И. Лисиной. Авторами методик определены следующие критерии оценки развития деятельности ребенка: операциональная сторона (манипулятивные и собственно предметные действия); потребностно-мотивационная сторона; включенность предметных действий в общение со взрослым. Критериями оценки уровня развития общения ребенка со взрослым выступили: уровень инициативности в общении; уровень чувствительности к воздействиям взрослого как партнера по общению; уровень владения средствами общения. Такой диагностический инструментарий позволяет получить комплексную оценку целостного психического развития ребенка на конкретном возрастном этапе, а также отследить его динамику на протяжении трех лет. Выявление отставания или отклонения от нор-

мального развития позволяет разработать и реализовать коррекционные мероприятия, оптимизировать социальную ситуацию развития ребенка. Кроме того, авторы методики констатируют информативность получаемого с ее помощью диагностического материала для сопровождения адаптации ребенка к условиям образовательного учреждения [9].

Необходимо также упомянуть методику «Ранняя диагностика умственного развития» Е.А. Стребелевой (1994), которая в полной мере соответствует закономерностям психического развития детей раннего возраста [7]. Теоретическую основу данной методики составили положения культурно-исторической концепции психического развития Л.С. Выготского, категория ведущей деятельности А.Н. Леонтьева, возрастная периодизация психического развития Д.Б. Эльконина. Методика направлена на выявление нормального умственного развития детей раннего возраста или отставания от него, если таковое имеется. В качестве критериев оценки умственного развития определены: принятие задания, способы выполнения задания, обучаемость в процессе обследования, отношение ребенка к результату своей деятельности. Невербальный характер диагностических проб в структуре методики Е.А. Стребелевой позволяет использовать их в работе с детьми, имеющими различный уровень развития речи.

Тем не менее, признавая достижения в разработке и апробации диагностических методик для детей раннего возраста, приходится констатировать дефицит валидного психодиагностического инструментария, востребованного в современных условиях. Как отмечают М.М. Семаго, Н.Я. Семаго, сегодня происходит резкое усложнение самой структуры отклонений в развитии, рост количества сочетанных дизонтогенезов, появление новых форм психического дизонтогенеза. В этой связи наблюдается рост числа диагностических ошибок, что влечет за собой неэффективную, неадекватную, а иногда и вредную коррекционную работу [8].

Научным дискуссиям подвергается вопрос возможности и необходимости определения статистической нормы психического развития современных детей. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.М. Семаго, Н.Я. Семаго указывают на значительную сложность применения статистического подхода к анализу психического развития в нашей стране. Результаты обследования предлагается сопоставлять с данными для текущего времени, культуры, географического положения, с социально-психологическим нормативом, который дифференцируется в образовательно-возрастных границах [8].

Современные специалисты в области коррекционной педагогики (Е.А. Стребелева, Г.А. Мишина, Ю.А. Разенкова) указывают на отсутствие единой системы ранней диагностики детей предполагаемой группы социального или биологического риска. Именно создание такой системы может стать ведущей задачей на современном этапе диагностико-коррекционной помощи детям раннего возраста. По мнению Е.А. Стребелевой, работникам дошкольных образовательных учреждений и специалистам медико-психолого-педагогических центров необходима ориентация в вопросах ранней дифференциальной диагностики различного рода отклонений развития ребенка, знание современных методов психолого-педагогической коррекции, в том числе владение приемами и методами выявления возникающих проблем в развитии у ребенка уже с первого года жизни [7].

Комплексное диагностико-коррекционное воздействие на ребенка раннего возраста «группы риска» основано на следующих методологических принципах: системности, последовательности в работе, дифференцированного и индивидуального подхода к ребенку, принципа доступности, онтогенетического принципа [10].

К основным базовым блокам ранней комплексной диагностики детей группы риска относятся: скрининговое обследование всех новорожденных в родильных домах с указанием фактора риска в карте развития ребенка; расширение в поликлиниках функционала кабинетов здорового ребенка с учетом специфики детского контингента и запросов родителей; планомерное и целенаправленное наблюдение педиатром темпа психофизического развития ребенка группы риска; работа команды специалистов с целью выявления характера отклонений и оказания своевременной медико-психолого-педагогической помощи; создание «центров детства» с целью ранней диагностики и ранней коррекции отклоняющегося развития; организация целенаправленной подготовки и переподготовки специалистов разных профилей для систематической коррекционной работы с детьми раннего возраста группы риска [10].

Таким образом, исследуя проблему ранней диагностики развития детей группы риска, можно выделить следующие характеристики:

- необходимость своевременной работы по предупреждению нарушений у детей раннего возраста группы риска связана с ростом биологических и социальных факторов риска;
- объединение ресурсов всех специалистов, занимающихся ранней диагностикой и ранней коррекцией отклоняющегося развития у детей: педиатров, психологов, логопедов, неонатологов с целью эффективной реализации диагностико-коррекционной помощи детям раннего возраста группы риска;
- ранняя комплексная диагностика отклонений в развитии детей с первых дней жизни способствует предупреждению развития отклонений вторичной и третичной природы, коррекции уже имеющихся нарушений и снижению трудностей социальной адаптации, повышению социальной интеграции в общество;
- создание в России единой системы раннего выявления детей с подозрениями на те или иные отклонения в развитии;
- принципиальным условием эффективной диагностической работы будет определение четких, значимых критериев оценки степени их общего развития в обследовании детей раннего возраста с целью избегания гипердиагностики и в то же время определения явных отклонений от нормы.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что знание о наиболее существенных причинах, по которым возникают проблемы в развитии ребенка, позволяет в полной мере оказывать психолого-педагогическую помощь детям «группы риска», дает возможность определить основное направление и содержание коррекционной работы с такими категориями детей и с их семьями [5]. В связи с этим необходимо научное понимание возрастной диагностики психического развития, разработки принципов отбора методик для психолого-педагогического обследования ребенка, а также параметров оценки психического развития, разностороннее изучение особенностей развития детей раннего возраста, основных типов нормального и аномального развития в их многообразии.

Список литературы

1. Верещагина Н.В. Создание и апробация методики экспресс-диагностики интеллектуальной недостаточности у «безречевых» детей раннего возраста // Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения (к 100-летию С.Я. Рубинштейн). – М., 2011. С. 51–54.
2. Детская психодиагностика и профориентация / ред.-сост. Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д: «Феникс», 1999. – 384 с.

3. Коррекционная педагогика в начальном образовании / под ред. Г.Ф. Кумариной. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
4. Печора К.Л., Пантюхина Г.В., Голубева Л.Г. Дети раннего возраста в дошкольных учреждениях: пособие для педагогов дошкол. учреждений. – М.: ВЛАДОС, 2004.
5. Прилепских О.С., Францева Е.Н. Антропологическое сопровождение раннего развития ребенка в семье и дошкольных образовательных учреждениях // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 305–307.
6. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего дошкольного возраста: учебно-методическое пособие / под научной редакцией Л.А. Федорович. – Кременчуг: Христианская Заря, 2008. – 217 с.
7. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: метод. пособие с прил. альбома «Нагляд. материал для обследования детей» / под ред. Е.А. Стребелевой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 2004. – 164 с.
8. Семаго М.М., Семаго Н.Я. Типология отклоняющегося развития: Модель анализа и ее использование в практической деятельности. – М.: Генезис, 2011. – 400 с.
9. Смирнова Е.О., Галигузова Л.Н., Ермолова Т.В., Мещерякова С.Ю. Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. С. 4.
10. Стребелева Е.А. Комплексный подход к раннему выявлению и ранней коррекции отклоняющегося развития у детей // Проблемы младенчества: нейро-психолого-педагогическая оценка развития и ранняя коррекция отклонений: материалы научно-практической конференции. – М: Полиграф сервис, 1999. С. 132–133.
11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.09.2015).

Reference list

1. Vereshchagina N. The creation and testing of a technique for express-diagnosis of mental deficiency of the young children with autism // Experimental techniques of pathopsychology and experience of their application (To the 100th anniversary of S. Rubinstein). М., 2011. P. 51–54.
2. Children psycho-diagnostics and professional orientation / Editor-author L. Stolyarenko. Rostov-on-Don. "Feniks", 1999. – 384 p.
3. Correctional pedagogy in basic education / Under the editorship of G. Kumarina. М.: Akademiya, 2001. – 320 p.
4. Pechora K., Pantyukhina G., Golubeva L. The young children in preschool establishment: Textbook for educators of preschool institutions. М.: VLADOS, 2004.
5. Prilepskikh O., Frantseva E. Anthropological support for early child development in the family and preschool educational institutions // World of Science, Culture, Education. 2015. № 2 (51). P. 305–307.
6. Psycho-pedagogical diagnosis of development of the early and preschool age children: Educational-methodical manual / Under scientific editorship of L. Fedorovich. Kremenchug: Khristianskaya Zarya, 2008. – 217 p.
7. Psycho-pedagogical diagnosis of development of the early and preschool age children: Educational-methodical manual with the album app. "Illustrative material for examination of children" / Under the editorship of S. Strebelova. 2nd edition, revised and enlarged edition. М.: Prosveshchenie, 2004. – 164 p.
8. Semago M., Semago N. Typology of deviant development: Model of analysis and its use in practice. М.: Genesis, 2011. – 400 p.
9. Smirnova E., Galiguzova L., Ermolova T., Meshcheryakova S. Diagnosis of mental development of children from birth to 3 years. М.: АНО "PEB", 2007. P. 4.
10. Strebeleva E. A comprehensive approach to early detection and early correction of abnormal development in children // Problems of infancy: A neuro-psycho-pedagogical evaluation of the development and early correction of deviations: Proceedings of scientific-practical conference. М: Polygraph Service, 1999. P. 132–133.
11. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gks.ru> (date of access: 20.09.2015).

УДК 378

Абдулкадырова З.А.,

аспирант кафедры педагогики и технологий профессионального образования Дагестанского государственного педагогического университета

МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА

В статье представлена модель процесса формирования рефлексивной позиции будущего педагога-психолога в процессе обучения в вузе, состоящая из: требований ФГОС к профессиональной подготовке педагогов-психологов, цели, этапов реализации модели (познавательный, операционный, практико-ориентированный), комплекса организационных и психолого-педагогических условий, основных блоков модели (организационно-управленческий, ориентационно-целевой, содержательно-технологический, критериально-оценочный) и итогового-результативного блока.

Ключевые слова: модель, моделирование, рефлексивная позиция, будущий педагог-психолог

Abdulkadyrova Z.,

Postgraduate student of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of the Dagestan State Pedagogical University

MODEL OF THE FORMATION PROCESS OF A REFLEXIVE POSITION OF INTENDED EDUCATOR-PSYCHOLOGIST

This article reports the model of the formation process of a reflexive position of intended educator-psychologist in the process of training in higher education institution. It consists of the following: the requirements of State Federal Educational Standard for the professional training of educators-psychologists, objectives, the stages of implementing the model (cognitive, operational, practice-oriented), the complex of organizational and psycho-pedagogical conditions as well as the main blocks of the model (organizational-administrative, orientation-directed, meaningfully-technological, criteria-evaluative) and overall-resultant block.

Keywords: model, modeling, reflexive position, intended educator-psychologist

Моделирование различных проблем, объектов педагогической и психологической теории и практики является одним из основных методов современного исследования, которое позволяет разъяснить важнейшие характеристики новых объектов педагогической действительности и которое может быть дополнено методами проектирования. В процессе изучения проблемы рефлексивной позиции нами была разработана модель ее формирования у будущего педагога-психолога (рис. 1). Модель процесса формирования рефлексивной позиции будущего педагога-психолога в процессе обучения в вузе представляется как последовательное отражение траектории достижения конечного результата, а именно формирование эффективной оценки проводимых психологических мероприятий, владение методами статистики, самоанализа, самокоррекции.

Разработанная нами модель состоит из следующих блоков.

1. Требования работодателей к уровню подготовки педагогов-психологов.

Современные требования со стороны работодателя (директора школы) основываются на том, что педагог-психолог для решения собственных профессиональных задач должен обладать не только фундаментальными, многоаспектными знаниями, но и уметь самостоятельно приобретать их, переносить в различные ситуации при решении практических профессиональных задач. От школьного педагога-психолога администрация школы ждет, что он должен уметь работать не только как индивидуальный субъект, но и как коллективный субъект деятельности, для чего ему необходимо постоянно совершенствовать школьную корпоративную культуру, защищая и отстаивая не только свой имидж как професси-

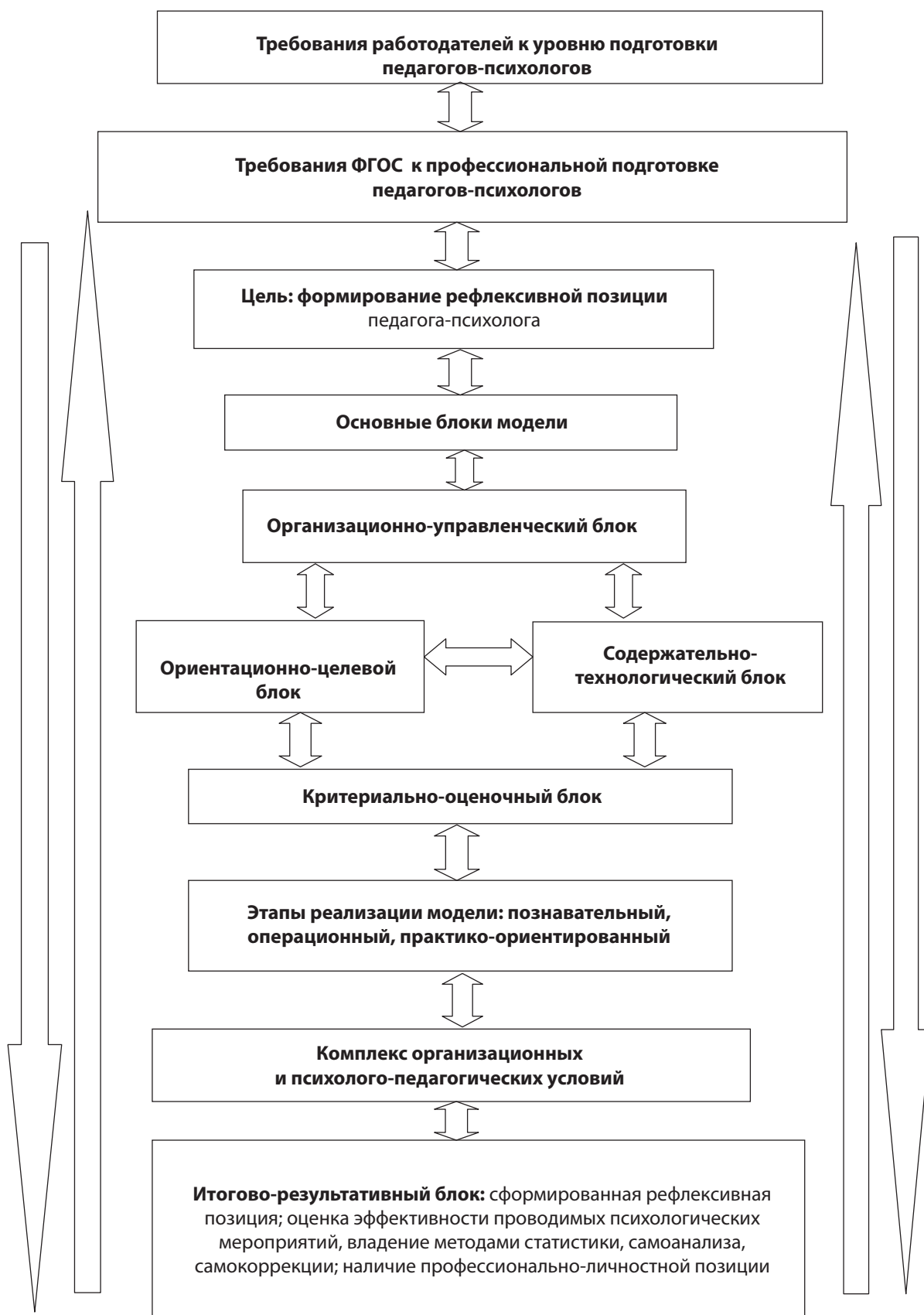

Рис. 1. Модель процесса формирования рефлексивной позиции будущего педагога-психолога

онала, но и как равноправного субъекта школьного коллектива.

Кроме того, современный педагог-психолог должен быстро, активно, мобильно осваивать новые технологии.

Специалист, работающий с детьми, должен «оттачивать» навыки самообразования, отвечающие требованиям профессиональной подготовки и работодателя, как естественную реакцию субъекта самостоятельных действий, демонстрируя санкционированную активность, мобильность и ответственность. Ему нужно уметь осуществлять поиск профессиональной информации, извлекать важное и направлять на эффективное решение тех или иных практических профессиональных задач. Наряду с этим современный педагог-психолог должен воспитывать в себе способность к исследовательской деятельности в жизненных ситуациях, проявлять креативность как основу творчества; он должен уметь осуществлять инновационные модели профессиональной психолого-педагогической деятельности, технологии их использования.

2. Требования ФГОС к профессиональной подготовке педагогов-психологов.

Согласно ФГОС 3-его поколения, требованиям, которые выдвигаются новым стандартом, деятельность педагога-психолога должна включать в себя ряд составляющих: развивающая, диагностическая, терапевтическая, коррекционная, консультативная. Вместе с тем работа педагога-психолога включает также аспекты, которые можно причислить к контрольно-оценочным, аналитическим компонентам его профессиональной деятельности. Эффективный результат деятельности педагога-психолога во многом зависит от уровня его профессионализма, а профессионализм предполагает нормативные требования профессии к личности человека, выбравшего данную профессию.

Цель работы психолога образовательного учреждения: создать условия гармоничного психического развития ребенка на протяжении всего школьного периода в условиях освоения и реализации ФГОС НОО.

Задачи деятельности:

- реализовать экспертизу эффективности внедрения и мониторинговое психолого-педагогическое сопровождение экспериментальной программы с точки зрения индивидуальных и возрастных задач развития детей;

- создать условия для реализации возрастных и индивидуально-личностных возможностей и способностей учащихся школы;

- оптимизировать условия взаимодействия всех субъектов учебно-воспитательного процесса в рамках деятельности; создать условия для оказания психологической помощи всем участникам образовательной среды в реализации задач эксперимента (консультативная и информационная поддержка);

- исследовать теоретические и практические аспекты психолого-педагогического мониторинга, а также условия формирования надпредметных умений и деятельностных способностей детей.

Одним из важнейших подходов к реализации организационно-структурной модели формирования рефлексивной позиции педагога-психолога является *компетентностный подход*. «Сегодня в мире признана возрастающая роль профессионального образования не только для отдельной личности, но и для всего общества в целом. Одним из факторов конкурентоспособности становится проявление умений накапливать знания и творчески их применять при решении профессиональных задач. Поэтому качество профессионального образования определяется не только объемом, но и степенью творческого использования субъектом деятельности приобретенных знаний, сформированных умений и привычек. В процессе профессиональной деятельности знания и умения в совокупности с потребностями и мотивами, возможностями и способностями начинают определять стратегию становления и развития компетентного и конкурентоспособного специалиста как субъекта профессионального опыта и жизненного пути» [3].

3. Организационно-управленческий блок. Главное содержание этого блока состоит прежде всего в анализе проблемы формирования у будущего педагога-психолога рефлексивной позиции; в обобщении данных анализа и представления собственных выводов.

Управление процессом формирования у будущего педагога-психолога рефлексивной позиции основывается на принципах, которые учитываются при реализации модели, при этом должны учитываться интересы всех субъектов: администрации, преподавателей и студентов, сосуществующие в едином пространстве и времени, имеющие общие цели, потребности, мотивации и социальные практики.

4. Ориентационно-целевой блок модели процесса формирования у студентов рефлексивной позиции включает следующие составляющие: а) осознание будущим педагогом-психологом сущности и содержания рефлексивной позиции; б) установка и ориентация студента на формирование у себя рефлексивной позиции; в) цель – результат сформированности рефлексивной позиции.

Осознание будущим педагогом-психологом сущности и содержания рефлексивной позиции приближает его к цели – обладание данным качеством, психологической способностью. Студент должен усвоить, что рефлексивная позиция – это профессиональное качество личности, позволяющее наиболее эффективно и адекватно осуществлять рефлексивные процессы, что обеспечит процесс развития и саморазвития, творческий подход к профессиональной деятельности психолога, достижению ее максимальной эффективности и результативности.

Сформированные компоненты рефлексной позиции личности обеспечат выполнение важных профессионально значимых функций, сформированность которых позволит также сознательно планировать, регулировать и контролировать свое мышление; оценивать правильность мыслей, их логическую направленность, а в итоге – эффективно и профессионально подходить к решению насущных задач.

В качестве главной ориентации в формировании у студента рефлексивной позиции выступают: а) социальный заказ на выпускника с высоким уровнем сформированности рефлексивной позиции, во многом определяющей его конкурентоспособность на образовательном рынке труда; б) индивидуальные потребности студентов к профессиональной рефлексивной деятельности, интересы и склонности к рефлексивности.

5. *Содержательно-технологический блок* представлен внедренными элективными курсами и технологиями, способствующими эффективному формированию рефлексивной позиции. К ним можно отнести российский опыт рефлексивного обучения А.А. Деркача и В.Г. Зазыкина, по мнению которых студенты должны: делать анализ и вычисления собственных ошибок, знать и владеть духовными ценностями и нравственными нормами общества, иметь собственные примеры, иллюстрирующие учебный материал, осознавать, что рефлексивная позиция позволяет думать самостоятельно, мыслить критически, учиться планировать собственную деятельность, развивать критическое отношение к обществу.

6. *Критериально-оценочный блок* предполагает разработку критериев, показателей и уровней сформированности рефлексивной позиции будущих педагогов-психологов; диагностические методики и методы математической статистики обработки результатов исследования.

Среди разработанных критериев нами выделены следующие: *потребностно-мотивационный*, выражающий эмоционально-чувственное, заинтере-

сованное отношение педагога-психолога к профессиональной деятельности, к жизни, направленная познавательная активность; *коммуникативно-отношенческий* предполагает эффективную коммуникацию, эффективность межличностных отношений; *эмоционально-деятельностный* критерий, предполагающий использование в психолого-педагогической деятельности различных форм и способов деятельности, эмоциональный пересмотр данной деятельности; *профессионально-исследовательский*, отвечающий за формирование педагогического профессионализма и зрелости будущего педагога-психолога; *когнитивно-аналитический* критерий, предполагающий рациональное познание личности, его память, восприятие, мышление, способность к принятию решений, компетентность, умения и навыки, направленность педагогического процесса на результат; *смыслотворческий* критерий как осознание или прогнозирование будущим педагогом-психологом того, как его воспринимают и оценивают ученики, это его способность концентрироваться на сути и содержании своих мыслей, на решении проблем.

Основываясь на теории уровневого подхода, нами были выделены уровни сформированности рефлексивной позиции будущего педагога-психолога: *низкий уровень* определяет первоначальные умения, представляющие собой осознание цели действия и поиск способов ее достижения при ярко выраженном методе проб и ошибок, предполагает возможность дальнейшего самосовершенствования студентов; *средний уровень* – частичные умения, которые характеризуются овладением навыками выполнения отдельных приемов, операций, обогащением необходимой системы знаний, сформированностью специфических для данных действий навыков, появлением творческих элементов деятельности, характеризует нормативный компонент коммуникативной компетенции студентов; *высокий уровень* – профессиональная деятельность как творческое использование знаний и навыков с осознанием не только цели, но и мотивов выбора способов и средств ее достижения, творческое использование различных умений (технологий).

7. *Итогово-результативный блок* детерминирует предполагаемый результат сформированности рефлексивной позиции будущего педагога-психолога. Это более высокий уровень сформированности рефлексивной позиции в части потребностно-мотивационного критерия, который выражает высокое эмоционально-чувственное, заинтересованное отношение студента к профессиональной деятельно-

сти, где он проявляет высокую, осмысленную активность и положительные эмоции, заинтересованность в познании других людей; студент с высоким уровнем сформированности рефлексивной позиции всегда проявляет педагогическое сомнение как постоянный и руководящий фактор рефлексии; в части коммуникативно-отношенческого критерия студент всегда открыт к общению, демонстрирует высокий уровень коммуникации, слаженные межличностные отношения, стремится к взаимопониманию в отношениях с окружающими людьми, учениками, старается понять

мысли и чувства другого человека. В эмоционально-деятельностном аспекте студент глубоко «переживает» собственные достоинства и недостатки, всегда использует активные рассуждения, понятия, толкования, умозаключения. На высоком уровне строит гипотезы. В рамках профессионально-исследовательского критерия студент открыт к профессиональным инновациям, а когнитивно-аналитический критерий предполагает наличие у студента высокой профессиональной направленности педагогического процесса на результат.

Список литературы

1. *Алиева Р.Р.* Модель формирования организационной культуры будущего учителя в процессе профессиональной подготовки // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). С. 117–119.
2. *Алипханова Ф.Н., Гамзаева М.В.* Модель процесса формирования способности у будущих учителей к педагогическому самоменеджменту // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2011. – № 2. С. 21–27.
3. *Мухаметзянова Ф.Г., Богданова А.Х., Мухаметзянов Ф.А.* Подготовка будущих педагогов-психологов на основе компетентного подхода как конкурентноспособных специалистов. – М., 2011. – 230 с.

Reference list

1. *Alieva R.* The model of formation of organizational culture of intended teacher in the process of professional training // World of Science, Culture, Education. – 2013. – № 4 (41). – P. 117–119.
2. *Alipkhanova F., Gamzaeva M.* Model of the formation process of abilities of intended teachers to pedagogical self-management // Bulletin of the North-Ossetia State University. – 2011. – № 2. – P. 21–27.
3. *Mukhametzyanova F., Bogdanova A., Mukhmetzyanov F.* Training of intended educators-psychologists as competitive specialists on the basis of competence approach. – M., 2011. – 230 p.

Contents

Абгаров С.С.,

соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: abgarov@yandex.ru

Abgarov S.,

Degree-seeking student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Абдулкадырова З.А.,

аспирант кафедры педагогики и технологий профессионального образования
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: Abba62@yandex.ru

Abdulkadyrova Z.,

Postgraduate student of Chair of Pedagogy and Professional Education Technologies of the Dagestan State Pedagogical University

Агарагимова В.К.,

кандидат педагогических наук, доцент факультета социальной педагогики и психологии
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: Vera1957@mail.ru

Agaragimova V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology of the Dagestan State Pedagogical University

Ажиев А.В.,

кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и дошкольной психологии, проректор Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный
e-mail: halun@yandex.ru

Azhiev A.,

PhD in Pedagogy, Professor, Head of Chair of Pedagogy and Preschool Psychology, Pro-rector of the Chechen State Pedagogical University, Grozny city

Алиева Ф.Р.,

кандидат педагогических наук, и.о. заведующей кафедрой, доцент кафедры государственного муниципального управления и политологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева
e-mail: zzuleiha@mail.ru

Alieva F.,

PhD in Pedagogy, Acting Head of Chair, Associate Professor of Chair of Public Municipal Administration and Political Science of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

Бабаева Э.С.,

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета начальных классов
Дагестанского государственного педагогического университета (филиал в г. Дербенте)
e-mail: was44@mail.ru

Babaeva E.,

PhD in Philology, Associate Professor, Dean of Faculty of Primary Grades in Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики
НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств
e-mail: svb-1956@mail.ru

Bazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of Department of Prosecutorial Supervision Issues and Consolidation of Legality in the Economic Sphere of Research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice, Academician of the Peter's Academy of Arts and Sciences

Баширова М.А.,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, теории и методики начального образования Дербентского филиала Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: bashirova.maida@mail.ru

Bashirova M.,

Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of Dagestan State Pedagogical University

Борисова Е.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковой коммуникации Российской академии музыки имени Гнесиных
e-mail: t202@mail.ru

Borisova E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Language Communication of the Gnesins Russian Academy of Music

Габрилович М.А.,

адвокат адвокатского бюро г. Москвы «Ошеров, Онисковец и Партнеры»
e-mail: asya162@yandex.ru

Gabrilovich M.,

Advocate of Moscow Lawyer Bureau "Osherov, Oniskovets & Partners"

Гадаборшева З.И.,

старший преподаватель кафедры педагогики и дошкольной психологии
Чеченского государственного педагогического университета
e-mail: halun@yandex.ru

Gadaborsheva Z.,

Senior Lecturer of Chair of Pedagogy and Preschool Psychology of the Chechen State Pedagogical University

Гасанова С.С.-Г.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета специального (дефектологического) образования Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: Vera1957@mail.ru

Gasanova S.,

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Faculty of Special Defectology Education of the Dagestan State Pedagogical University

Глотов О.А.,

кандидат экономических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН,
директор Тульского сельскохозяйственного колледжа им. И.С. Ефанова
конт.: rio@migup.ru

Glotov O.,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Fellow of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Tula Agricultural College named after I. Efanov

Гриб В.В.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского общества Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ,
президент Российской ассоциации общественного контроля
e-mail: ispolkom@lawinfo.ru

Grib V.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Civil Society of the Moscow State Institute of International Relations (University) belongs to the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the President of the Russian Association of Public Integrity

Ефремова И.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: efremova05@ya.ru

Efremova I.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Захарова О.А.,

кандидат педагогических наук, доцент Донского государственного технического университета, начальник управления дистанционного обучения и повышения квалификации
e-mail: oz64@mail.ru

Zakharova O.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Don State Technical University, Head of Department of Distance Education and Professional Development

Кабардиева Ф.А.,

кандидат педагогических наук, ассистент факультета социальной педагогики и психологии Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: Vera1957@mail.ru

Kabardieva F.,

PhD in Pedagogy, Assistant Lecturer of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology of the Dagestan State Pedagogical University

Казаков В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского областного гуманитарного института
e-mail: dp-70@mail.ru

Kazakov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Moscow Regional Institute for the Humanities

Кикнадзе В.Г.,

доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, начальник научно-исследовательского управления НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ
e-mail: kiknadzeVG@mail.ru

Kiknadze V.,

Doctor of History, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Director of Scientific Research Department of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета
e-mail: kozyakovpoman@yandex.ru

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Кондратьева Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Счетной палаты Российской Федерации
конт.: rio@migup.ru

Kondrat'eva E.,

PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation

Корнилович В.А.,

кандидат социологических наук, докторант Института социологии РАН
e-mail: kornilovich69@mail.ru

Kornilovich V.,

PhD in Sociology, Doctoral student of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Костина Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, декан факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета
e-mail: ea_kostina@mail.ru

Kostina E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of the English Language, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University

Кудрин А.С.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Философия и право» Пермского национального исследовательского политехнического университета
e-mail: dp-70@mail.ru

Kudrin A.,

PhD in Law, Associate Professor of "Philosophy and Law" Chair of the Perm National Research Polytechnic University

Кудрин С.М.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права (филиал в Пермском крае)
e-mail: dp-70@mail.ru

Kudrin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Civil and Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law (Branch in Perm kray)

Лищина Г.Н.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета
конт.: rio@migup.ru

Lishchina G.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Family, Gender Policy and Youth Studies of the Russian State Social University

Мирохина А.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов ЧОУ ВО «Ставропольский университет»
e-mail: mijrala@yandex.ru

Mirokhina A.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair of Economics and Finances of the Stavropol' University

Михалёв А.В.,

старший преподаватель Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
конт.: rio@migup.ru

Mikhalev A.,

Senior Lecturer of Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории» Белорусского национального технического университета
e-mail: olhovik-irina@mail.ru

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian National Technical University

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета
e-mail: dp-70@mail.ru

Pashentsev D.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

Прилепских О.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Ставропольского государственного педагогического института
конт.: rio@migup.ru

Prilepskih O.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники РФ,
заместитель руководителя научно-экспертного центра Государственного научно-исследовательского
института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: julra@list.ru

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation,
Deputy Head of the Scientific-Expert Centre of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber
of the Russian Federation

Сеидова Р.С.,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, теории и методики начального
образования Дербентского филиала Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: sejad-55@mail.ru

Seidova R.,

PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent
Branch of Dagestan State Pedagogical University

Сенкевич Л.В.,

кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной психологии
факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета,
доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии,
социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий
Российского государственного социального университета
конт.: rio@migup.ru

Senkevich L.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral student
of Chair of Developmental Psychology of Faculty of Psychology Education
of the Moscow City University of Psychology and Pedagogy, Associate Professor
of Chair of Labour Psychology and Service Activity of Faculty of Psychology,
Social Medicine and Adaptive-Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University

Скребнева Н.А.,

аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель кафедры судебной
медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета
им. А.И. Евдокимова
e-mail: rio@migup.ru

Skrebneva N.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Lecturer of Chair
of Legal Medicine and Medical Law of the Moscow State Medical-Dental University named after A. Evdokimov

Торикова Е.Ф.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ставропольского государственного
педагогического института
конт.: rio@migup.ru

Torikova E.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Урмина И.А.,

доктор культурологии, заведующая кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Московского института государственного управления и права
e-mail: urminkaia@gmail.com

Urmina I.,

Doctor of Cultural Studies, Head of Chair of the Humanities and Natural Science Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Францева Е.Н.,

кандидат психологических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института
конт.: rio@migup.ru

Frantseva E.,

PhD in Psychology, Associate Professor of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь
e-mail: was44@mail.ru

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University, Stavropol'

Чернова М.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Ставропольского государственного педагогического института
конт.: rio@migup.ru

Chernova M.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Чистова Л.Е.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя
e-mail: Tchistova-lubov@yandex.ru

Chistova L.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminalistics of the Moscow University of Ministry of Internal Affairs named after V. Kikotya

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: v.shamarov10@mail.ru

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шамаров П.В.,

докторант Национального института имени Екатерины Великой
e-mail: v.shamarov10@mail.ru

Shamarov P.,

Doctoral student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского института государственного управления и права
e-mail: nshkurko@mail.ru

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Researcher of the Moscow Institute of Public Administration and Law

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

- несоблюдения автором правил оформления рукописи;
- несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

- Юридические науки
- Экономические науки
- Психологические науки
- Педагогические науки
- Социологические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

- Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается приставным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, - , /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) . Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 4 (41)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2015. – 202 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 27.11.2015
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 23,5

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064 приложение № 15